Джек Венс • Последний замок

Джек
Венс

Последний замок

ГЕРАКЛЕС

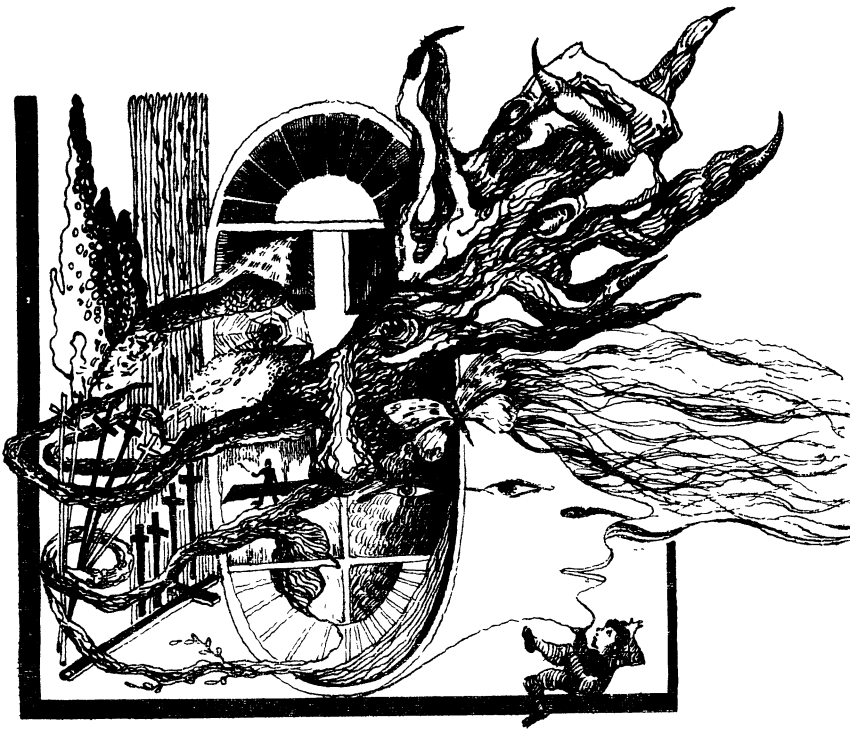
Ростов-на-Дону

1993

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Джек Вэнс

ПОСЛЕДНИЙ ЗАМОК
ДОМА ИСЗМА
СЫН ДРЕВА
УМИРАЮЩАЯ ЗЕМЛЯ



Джек

Венс

ПОСЛЕДНИЙ ЗАМОК

ББК 84. 7США-4
В 97

Серия основана в 1991 г.

Составитель *А.Г.Бобита*

Иллюстрации *А.Е.Ткач*

Литературный перевод.
Д.Е.Громов, О.С.Ладыженский.

Художественное оформление.
А.О.Джаникян, И.Ф.Криворучко.

ДЖЕК ВЕНС

ПОСЛЕДНИЙ ЗАМОК

В 97 Последний замок. Дома Исзма. Сын дерева. Умирающая земля.: Романы. - Т.6. - Ростов н/Д.: Гермес, 1993. - 464 с., ил.

В шестой том серии "Библиотека фантастики" вошли четыре романа американского писателя Джека Венса - яркого представителя жанра "фэнтэзи".

Для широкого круга читателей.

ББК 84. 7США-4

В $\frac{4703040100\text{-}016}{У36(03)\text{-}93}$ **Без объявл.**

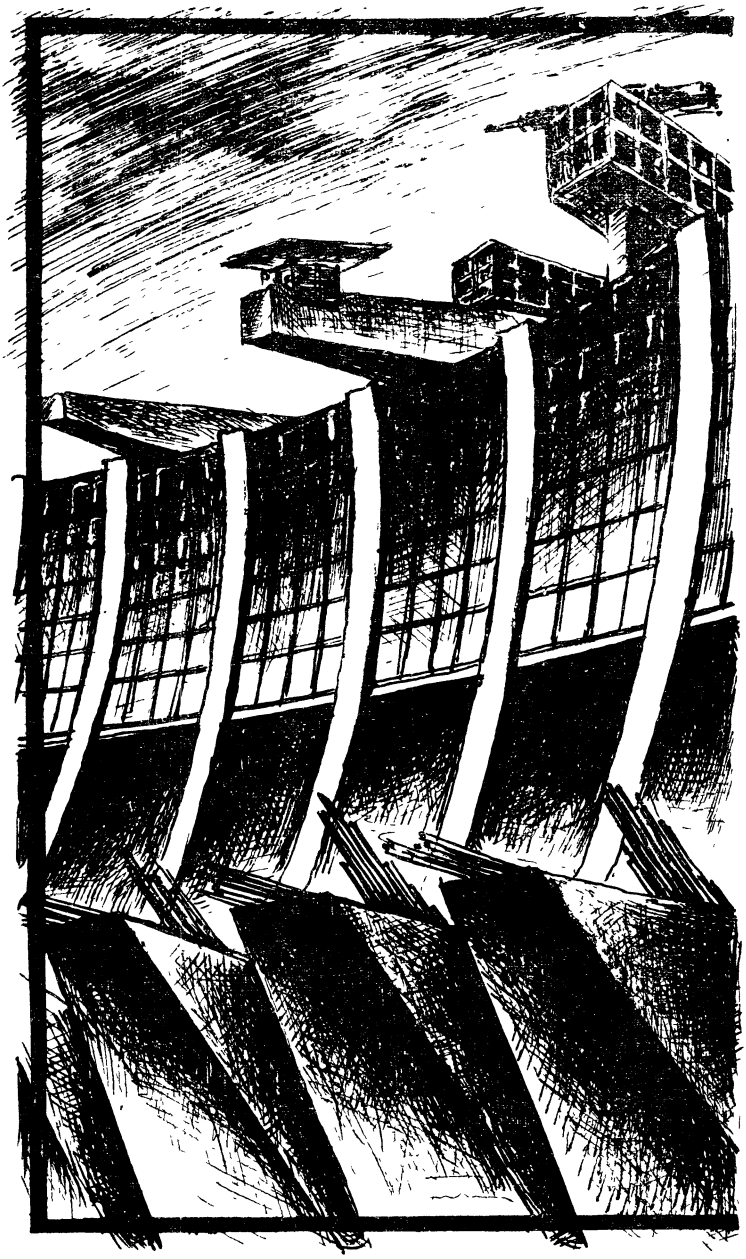
ISBN 5-87022-041-6

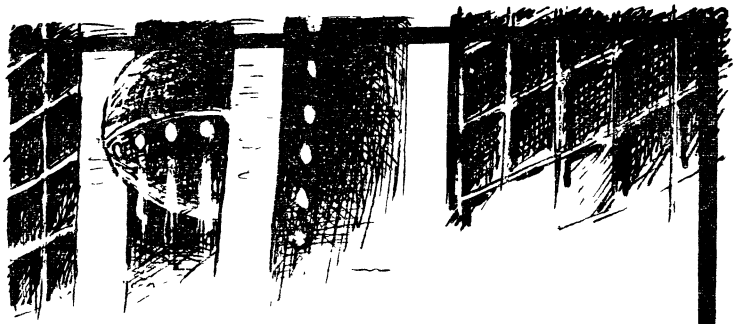
©Составление, оформление.
Издательство "Гермес", 1993

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

В 1993 году серия «Библиотека фантастики» предоставит Вам возможность познакомиться с новыми произведениями и именами.

ПОСЛЕДНИЙ ЗАТЮК



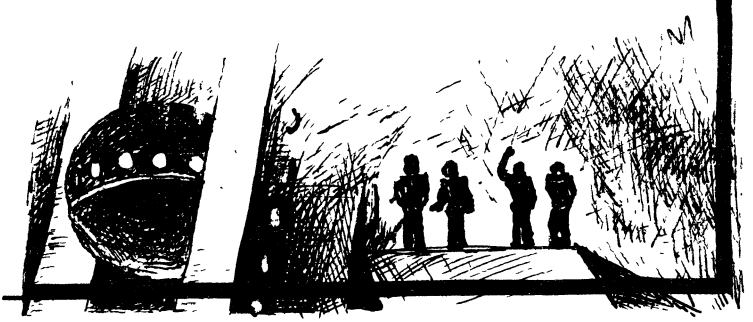


1

К концу громового летнего полудня, когда солнце наконец-то прорвалось сквозь лохматые черные дождевые тучи, замок Джейнил был захвачен, а его население — уничтожено.

До последнего мгновения фракции замковых кланов ссорились по поводу того, как следует надлежащим образом встретить судьбу. Наиболее солидные и уважаемые Джентльмены выбрали полное игнорирование сих недостойных обстоятельств и занимались своими обычными делами с обычной педантичностью. Немногочисленные Кадеты, отчаявшиеся, на грани истерики, разобрали оружие и приготовились дать последний бой. Остальные же,— наверное, больше четверти общего населения,— пассивно ждали, готовые чуть ли не с радостью искупить грехи человеческой расы.

В конечном итоге, смерть пришла одинаково ко всем, и все получили ровно столько удов-



летворения от своей смерти, сколько мог позволить этот в сущности непривлекательный процесс. Одни сидели гордые, переворачивая страницы своих прекрасных книг, или обсуждая качества эссенции вековой давности, или лаская любимую фану. Они погибли, не соизволив удостоить вниманием этот факт. Горячие головы устремились вверх по грязному склону, который оскорблял всю нормальную рациональность, возвышаясь над парапетом Джейнила. Большинство было погребено под осыпающимся щебнем, но некоторые добрались до гребня, чтобы стрелять, рубить, колоть — пока сами не были застрелены, раздавлены полуживыми энергофургонами, зарублены, заколоты.

Кающиеся ждали в классической позе искупления, на коленях, склонив голову, и погибли они, как считали, от процессов, в которых Мехи были лишь символом, а человеческий грех — единственной реальностью.

В конце концов погибли все — Джентльмены, Леди, Фаны в павильонах, Крестьяне в стойлах. Были убиты все, кто обитал в Джейниле. Уцелели только Птицы, создания неуклюжие, неловкие и грубые, забывшие гордость и веру, больше озабоченные целостностью свой шкуры, чем достоинством замка.

Когда Мехи ринулись через парапеты, Птицы покинули свои загоны и, визгливо вскрикивая от оскорбления, захлопали крыльями, набирая высоту,— и полетели на восток, к Хэйджорну, теперь последнему замку на Земле...

Четыре месяца назад Мехи появились в парке перед Джейнилом, только-только после резни в Си-Айленде. Поднимаясь на башни и балконы, прогуливаясь по Солнечной Променад, из окон залов и с парапетов Леди и Джентльмены Джейнила — около двух тысяч человек — смотрели на коричнево-золотистых воинов. Настроение было сложным: веселое безразличие, легкомысленное презрение под слоем сомнений и дурных предчувствий. Все эти настроения проистекали из трех основных обстоятельств: из собственной изысканно-тонкой цивилизации; из от-

носительной безопасности, обеспечиваемой стенами Джейнила, и из того факта, что они никак не могли изменить создавшуюся ситуацию.

Джейнилские Мехи давно уже ушли из замка и присоединились к бунту. Для создания того, что было бы пародией на карательные войска, остались только Фаны, Крестьяне и Птицы.

Пока всем казалось, что в таких войсках нет нужды. Джейнил считался неприступным. Стены в двести футов высотой были выстроены из черного расплавленного камня, удерживаемого сеткой из серебристо-голубой стали. Солнечные ячейки обеспечивали все потребности замка в энергии, а в случае крайней нужды можно было синтезировать пищу, равно как и сироп для Фан, Крестьян и Птиц, из двуокиси углерода и водяных паров.

Такой нужды не предвиделось: Джейнил был самообеспечивающимся и безопасным домом, хотя и могли возникнуть неудобства, если поломается машинерия, а Мехов для починки не окажется. Таким образом, ситуация была тревожной, но едва ли отчаянной.

Днем Джентльмены, склоненные к такого рода занятиям, принесли энергоружья и спортивные винтовки и перестреляли столько Мехов, сколько позволило крайне далекое расстояние.

После наступления темноты Мехи выдвинули вперед энергофургоны и землеройки и начали воздвигать вокруг Джейнила насыпь.

Народ замка следил за ними, ничего не понимая, пока насыпь не достигла высоты пятидесяти футов и к стенам не начала скатываться грязь.

Тогда странное намерение Мехов стало ясным и беззаботность уступила место нехорошим предчувствиям.

Все Джентльмены Джейнила были эрудитами, по крайней мере в одной области знаний. Одни были математиками-теоретиками, другие глубоко изучили физические науки. Некоторые из них, с отрядом Крестьян для выполнения грубой физической работы, пытались привести в действие энергопушку. К несчастью, пушку не хранили должным образом. Некото-

рые детали были повреждены. Надо думать, эти детали можно было бы и заменить из мастерских Мехов на втором подуровне, но никто из группы не имел ни малейшего понятия о механической номенклатуре или складской системе.

Уоррик Мейденси Арбан (что значит: Арбан из семейства Мейденси, клана Уоррик) предложил, чтобы группа крестьян обыскала склад, но, ввиду ограниченных умственных способностей Крестьян, ничего сделано не было, и весь план восстановления энергопушки ни к чему не привел.

Благородные Леди Джейнила завороженно следили, как грязь все выше и выше наваливается вокруг них и круглый курган, похожий на кратер, все увеличивается и увеличивается. Лето приближалось к концу, и в один грозовой день грязь и щебень поднялись над парапетами и начали осыпаться во дворы и на площади. Скоро Джейнил окажется погребенным и все в нем задохнутся!

Вот тогда-то группа молодых Кадетов, у которых было больше страха, чем достоинства, разобрала оружие и бросилась вверх по склону.

Мехи сваливали на них грязь и щебень, но горстка Кадетов все же добралась до гребня, где они принялись сражаться, словно в трансе.

Пятнадцать минут бушевал бой, и земля пропиталась дождем и кровью. На один славный миг Кадеты расчистили гребень. Не будь большинство их товарищей погребены под щебнем и грязью, могло бы произойти все что угодно. Но Мехи перегруппировались и снова двинулись вперед. Осталось десять бойцов, потом шесть, потом четыре, потом один, потом — никого. Мехи хлынули вниз по склону, перехлестнули через парапет и с мрачной методичностью перебили всех, кто был в замке. Джейнил, семьсот лет бывший местом процветания галантных Джентльменов и грациозных Леди, стал безжизненным местом...

Мех, стоявший словно экспонат в музейной витрине, был человекообразным существом, обитавшим в своем первоначальном виде на планете Этамин-10. Его жесткая бронзово-ржавая шкура жирно побле-

скивала, будто смазанная маслом. Торчавшие из головы и шеи колечки сверкали, словно золото,— на самом деле они были покрыты бледно-розовой хромовой пленкой. Органы чувств были собраны на месте человеческих ушей. Его лицо — оно часто вызывало шок у гулявших по нижним коридорам, если они вдруг натыкались на Меха,— было сморщенным мускулом, схожим по виду с обнаженным человеческим мозгом. Его «рот» — вертикальная неровная щель в основании «лица» — был органом устаревшим — из-за вживленного под кожу у основания шеи, скромного мешочка для питательного сиропа, в результате органы пищеварения, первоначально использовавшиеся для переваривания питательных веществ из разложившихся болотных растений, атрофировались.

Обычно Мех не носил никакого одеяния, может быть, за исключением рабочего фартука или пояса с инструментами, и на солнце его бронзово-ржавая шкура имела красивый вид. Это был Мех-одиночка, существо, по сути дела столь же умелое, как и человек. Наверное, благодаря превосходному мозгу, который функционировал, как передатчик. Работая в массе, которая насчитывала тысячи особей, он казался менее ловким, менее компетентным, гибридом солнечного человека и таракана.

Соответствующие ученые мужи, а именно: Моршинглайтский Д. Р. Джардайн и Силонсон из Туанга, считали Меха мягким и флегматичным, но глубоко мыслящий Клагхорн из замка Хэйджорн проанализировал его поведение иначе. Эмоции Меха, говорил Клагхорн, отличаются от человеческих эмоций и лишь едва поддаются пониманию человека. После тщательных исследований Клагхорн выделил дюжину мехских эмоций.

Несмотря на такие исследования, бунт Мехов оказался полным сюрпризом для Клагхорна, Д. Р. Джардайна и Силонсона — и ничуть не меньшим, чем для всех остальных.

— Почему?— спрашивали все.— Как могли столь долго бывшие послушными Мехи затеять смертоносный заговор?!

Самое разумное предположение было также и самым простым: Мех отвергал рабство и ненавидел землян, которые удалили его из естественной среды обитания. Те, кто спорил против этой теории, утверждали, что сна проецирует человеческие эмоции и категории на нечеловеческую психику, что Мехи имели все причины испытывать благодарность к Джентльменам, освободившим их от тяжелых условий Этамина-10.

На это первая группа отвечала вопросом:

«А кто теперь проецирует человеческие эмоции?»

И их противники чаще всего огрызались:

«Поскольку наверняка этого никто не знает, то одна проекция не более абсурдна, чем другая».

2

Замок Хэйджорн стоял на гребне черной диоритовой скалы, возвышавшейся над широкой долиной на юге. Больший по размерам и более величественный, чем Джейнил, Хэйджорн был защищен стенами в милю окружностью и триста футов высотой. Парапеты возвышались над долиной на полные девятьсот футов, с башнями, башенками и наблюдательными вышками, поднимающимися еще выше. Две стороны скалы, на востоке и на западе, круто обрывались в долину. Северный и южный склоны, чуть менее крутые, были превращены в террасы и засажены виноградом, грушами и гранатами. Напротив стояла большая ротонда, с высокими домами двадцати восьми семейств по обе стороны.

Первоначально замок, построенный сразу после возвращения людей на Землю, стоял на месте, занимаемом теперь площадью. Хэйджорн Десятый собрал огромное количество Крестьян и Мехов, чтобы построить новый замок, после чего был разрушен старый. Двадцать восемь семейств вели свое происхождение с того времени, пятьсот лет назад.

Под площадью находилось три служебных уровня: стойла и гаражи — на дне, выше — мастерские и жилые помещения Мехов; затем разные склады и спецмастерские: пекарня, пивоварня, гранильная

мастерская, арсенал и тому подобное.

Нынешний Хэйджорн, Двадцать Шестой, был Клагхорн из Овервилей. Избрание О. К. Шарля вызвало всеобщее удивление, поскольку он был Джентльменом без всяких примечательных качеств. Его элегантность, чутье и эрудиция были лишь ординарными, он никогда не был замечен в сколь-нибудь оригинальных мыслях.

Его физический облик был хорош. Квадратное лицо с коротким костистым прямым носом, благородный лоб, серые узкие глаза. Обычно выражение его лица было несколько неопределенным, хотя критики употребляли слово «пустое». Но едва опускались веки и уходили вниз жесткие белые брови, как оно сразу становилось упрямым и угрюмым — факт, которого О. К. Шарль, или Хэйджорн, не осознавал.

Пост его, хотя и давал мало, а то и вообще не давал никакой формальной власти, тем не менее обеспечивал всепроникающее влияние, и стиль Джентльмена, бывшего Хэйджорном, воздействовал на всех. По этой причине выборы Хэйджорна были делом немаловажным, предметом для долгих размышлений, и мало у кого из кандидатов не обсуждалась со смущающей прямотой какая-нибудь старая оплошность или неловкость; так что, хотя кандидат никогда не мог открыто обижаться, дружба неизменно распадалась, вражда усиливалась, репутация разрушалась. Избрание О. К. Шарля представляло собой компромисс между двумя фракциями среди Овервилей, на каковой клан выпала привилегия выбора.

Оба Джентльмена, компромисс между которыми являл собой О. К. Шарль, были высокоуважаемыми, но отличались, в основном, полярным отношением к существованию. Первым был талантливый Гарр из семейства Цейнбельд, являвший собой пример традиционных доблестей замка Хэйджорн: замечательный знаток эссенций, человек абсолютного вкуса, без единой складки на одежде, даже характерная розетка Овервилей всегда сидела на нем идеально прямо. Он соединял в себе беззаботность и чувство собственного достоинства. Его остроумные ответы сверкали блестящими аллюзиями и поворотами фраз. При всем без-

удержном остроумии, его фразы были крайне едкими. Он мог цитировать все значительные литературные труды, профессионально играл на девятиструнной лютне и посему был незаменим на Обозрении Старинных Камзолов. Он не имел себе равных по эрудиции среди знатоков древностей, знал местоположение всех крупных городов Старой Земли и мог часами беседовать об истории Древних Времен. Его военное искусство было непревзойденным в Хэйджорне, и вызов ему могли бросить только Д. К. Магдах из замка Делора и, вероятно, Бруман из Туанга.

Недостатки? Изъяны? Назвать их можно было немного: сверхпедантичность, которую можно было истолковать как раздражительность, и неустрашимое упрямство, которое могло быть сочтено безжалостностью.

О. Ц. Гарра никак нельзя было отбросить как скучного или нерешительного, а его личная смелость была бесспорной. Два года назад заблудившаяся банда кочевников забрела в Люцерновую долину, перебила Крестьян, гнала скот и зашла столь далеко, что пустила стрелу в грудь иссетскому Кадету.

О. Ц. Гарр немедля собрал карательный отряд Мехов, погрузил их на борт дюжины энергофургонов и бросился в погоню за кочевниками, нагнав их неподалеку от реки Дрея, у развилки близ Берстерского собора. Кочевники оказались неожиданно умелыми и не были склонны поджимать хвост и бежать. Во время боя О. Ц. Гарр показал свое умение и образцовое поведение, управляя атакой с сиденья энергофургона, с помощью пары Мехов, стоящих рядом со щитами, чтобы отражать стрелы.

Конфликт кончился полным разгромом кочевников. От них остались разбросанные по полям двадцать семь тощих трупов в черных плащах, в то время как Мехов погибло лишь двадцать.

Соперником О. Ц. Гарра был Клагхорн, старейший из семейства Клагхорн. Как и О. Ц. Гарр, изысканные признаки Хэйджорнского общества привились Клагхорну так же легко, как рыбе — умение плавать.

Он был меньшим эрудитом, чем О. Ц. Гарр, и едва ли столь многосторонним, так как его главной

специализацией были Мехи — их физиология, лингвистические формы и социальные системы. Речи Клагхорна были более глубокими, но менее увлекательными и не столь резкими, как у О. Ц. Гарра. Он редко употреблял экстравагантные сравнения и аллюзии, характерные для речи Гарра, предпочитая почти начисто лишенный словесных украшений стиль. Клагхорн не держал Фан. Четверка О. Ц. Гарра, состязавшаяся на парадах Элегантности в Газе, была встречена восторженно, а на Обозрении Старинных Камзолов выступление Гарра редко кто затмевал. Яркий контраст между двумя Джентльменами существовал и в области их философских взглядов. О. Ц. Гарр был традиционалист, преданный сторонник своего общества, безоговорочно подписывающийся под всеми его принципами. Его не мучали ни сомнения, ни чувство вины, он не испытывал ни малейшего желания изменять условия, позволяющие жить весьма богато не более чем двум тысячам Леди и Джентльменов.

Клагхорн, хотя и ни в коем случае не был искупленцем, был известен тем, что испытывал неудовлетворенность общим укладом жизни в замке Хэйджорн и спорил столь аргументированно, что многие отказывались его слушать, поскольку им становилось неуютно; но не поддающееся определению недомогание старого Джентльмена зашло глубоко, овладело умами, и у Клагхорна появилось немало мстительных сторонников.

Когда наконец пришло время подсчитывать голоса, ни О. Ц. Гарр, ни Клагхорн не сумели набрать достаточного их количества. В конечном итоге этот пост был предоставлен Джентльмену, который никак не ожидал его получить, даже при самых оптимистических прогнозах: Джентльмен с достоинством, но без большой глубины; без легкомыслия, но равным образом и без живости; приветливый, но не склонный навязывать свое суждение по какому-либо вопросу. Это был О. К. Шарль, новый Хэйджорн.

Шесть месяцев спустя, в темные предрассветные часы, Хэйджорнские Мехи покинули свои квартиры и отбыли, прихватив с собой энергофургоны, инструменты, оружие и электрическое снаряжение. Это бы-

ла акция, явно запланированная давно, потому что таким же образом отбыли Мехи и из остальных восьми замков...

Первоначальной реакцией в замке Хэйджорн, как и повсюду, было неверие, затем — бурный гнев; потом, когда был осознан смысл и значение этой акции,— ожидание несчастий и бед.

Новый Хэйджорн, вожди кланов и другие соответствующие Нотабли, назначенные Хэйджорном, собрались обсудить вопрос в формальной палате совещаний.

Они сидели вокруг большого стола, покрытого красным бархатом: Хэйджорн во главе, Ксантен и Иссет слева от него, Оверэльф, Ор и Бодри справа, потом — другие О. Ц. Гарра, И. К. Линус, О. Г. Берналь, математик-теоретик больших способностей, В. Ф. Вайнса — сметливый антиквар, распознавший местоположение многих древних городов (Пальмиры, Любека, Занесвилля, Бертонана, Тренте, Массилии). Совет заполнили соответствующие старейшины семейств: Марук и Модук из клана Ор; Квей, Розет и Иделсия — из клана Квантан. Вегус — из клана Иссет. Клах Горн из клана Овервиль.

В течение десяти минут все сидели молча, приводя в порядок свои мысли и совершая молчаливый акт психической настройки, известный как «интрессия».

Наконец Хэйджорн заговорил:

— Замок неожиданно лишился всех своих Мехов. Нет нужды говорить, что это неудобное обстоятельство должно быть урегулировано как можно быстрее. Тут, я надеюсь, не может быть иного мнения.

Он оглядел сидящих за столом. Все толкнули вперед таблички из слоновой кости, означавшие согласие,— все, кроме Клагхорна, который, однако, не поставил свою табличку стоймя для выражения несогласия.

Иссет, строгий седой джентльмен, величественный и красивый, несмотря на свои восемьдесят лет, произнес мрачным голосом:

— Я не вижу смысла в обдумывании или проволочках — ясно, что мы должны сделать. Признаю, что Крестьяне — плохой материал для рекрутирования и превращения в вооруженных солдат, и тем не

менее мы должны собрать их, снабдить сандалиями, плащами, оружием, дабы они не дискредитировали нас, и отдать их под хорошее руководство О. Ц. Гарра или Ксантена. Птицы могут отыскать этих бродяг и, когда мы их выследим, то прикажем Крестьянам задать им хорошую трепку и чтобы они пригнали их сюда рысью.

Ксантен, тридцатипятилетний, чрезвычайно молодой для вождя клана, отъявленный смутьян, покачал головой:

— Эта идея привлекательна, но непрактична. Крестьяне просто не смогут тягаться с Мехами, как их ни тренируй.

Заявление было абсолютно точным. Крестьяне, мелкие шестидюймовые человекообразные, происходившие со Спики 10, были не столь робкими, сколь неприспособленными совершать акты насилия.

За столом воцарилось мрачное молчание.

Заговорил О. Ц. Гарр:

— Эти псы украли наши энергофургоны, а меня так и подмывает поехать и пригнать этих наглецов обратно хорошим кнутом.*

— Затруднительный вопрос,— заметил Хэйд-

---

* *Это только приблизительный перевод, который никак не передает остроты языка. Некоторые слова не имеют никаких современных эквивалентов.*
Например, «скирлинг», как выражение «послать скирлинг», означает лихорадочное бегство сломя голову во всех направлениях, сопровождаемое вибрацией, или вращением, или дергающимися движениями. «Волит» — это значит праздно играть с делом; подразумевается, что действующее лицо наделено такой Юпитерской потенцией, что все трудности уменьшаются до достойной презрения тривиальности. «Родельбоги» — полуразумные существа с Этамин-4, которые были привезены на Землю, сперва обучены на садовников, затем на строительных рабочих, а потом с позором были отправлены домой из-за соответствующих привычек, которые они отказывались забыть, несмотря на то, что они являлись отвратительными.
Заявление О. Ц. Гарра, таким образом, звучало приблизительно так:
— Были б под рукой энергофургоны, я б волит поехать с кнутом послать этих родельбогов скирлинг домой...
(Здесь и далее — примечания автора)

жорн,— это сироп. Естественно, они унесли с собой все, что смогли. Когда он иссякнет — что тогда? Они умрут с голоду? Для них уже невозможно вернуться к первоначальному питанию — что там у них было?.. Болотная грязь? Э-э, Клагхорн, я не эксперт в таких делах. Могут ли Мехи вернуться к диете из грязи?

— Нет,— ответил Клагхорн.— Соответствующие органы у взрослых особей атрофировались. Если же детеныш начнет с этой пищи, то, вероятно, он выживет.

— Именно это я и предполагал.— Хэйджорн многозначительно нахмурился, уставившись на собственные стиснутые руки, чтобы скрыть полное отсутствие у него какой-нибудь конструктивной программы.

Джентльмен в темно-синем одеянии, Бодри, появился в дверях. Он остановился, высоко подняв правую руку, и поклонился собранию.

Хэйджорн поднялся на ноги:

— Подождите. Б. Ф. Роберт, какие у вас новости?

Поклон новоприбывшего означал важные вести.

— Новость-послание, переданное из Хальциона. Напали Мехи. Они подожгли строения и всех перебили. Радио смолкло пять минут назад.

Все круто обернулись, некоторые вскочили на ноги.

— Перебили?!— прохрипел Клагхорн.

— Я уверен, что ныне Хальциона больше нет.

Клагхорн сел, уставившись в пространство, смотря невидящим взглядом. Другие обсуждали страшную новость осипшими от потрясения голосами.

Хэйджорн, опомнившись, призвал совет к порядку:

— Это крайняя ситуация — и тягчайшая. Наверное, за всю нашу историю. Я честно заявляю, что не могу предложить никаких серьезных контрмер.

— Что насчет других замков?— спросил Оверриль.— Они в безопасности?

Хэйджорн повернулся к Б. Ф. Роберту:

— Не будете ли вы настолько любезны, чтобы установить общий радиоконтакт со всеми другими

замками и спросить, каково их положение?

— Другие столь же уязвимы, как и Хальцион,— ответил вместо него Ксантен.— В особенности Снайдион и Делора, да и Маравиль, пожалуй, тоже.

— По-моему,— вышел из своей прострации Клагхорн,— Джентльменам и Леди этих мест следует подумать об укрытии в Джейниле или здесь, пока не будет подавлено восстание.

Другие вокруг стола удивленно и озадаченно посмотрели на него. О. Ц. Гарр осведомился самым что ни на есть шелковым голосом:

— Вы можете себе представить благородных людей этих замков, удирающих, чтобы укрыться от обнаглевших и невесть что возомнивших о себе существ низшего порядка?

— Безусловно, могу, если они пожелают уцелеть,— вежливо ответил Клагхорн. Джентльмен весьма солидного возраста, Клагхорн был человеком коренастым и сильным, с черно-седыми волосами, манерой, предполагавшей строго контролируемые эмоции и большую внутреннюю силу.— Бегство определенно влечет за собой соответствующее уменьшение достоинства,— продолжал он.— Но если О. Ц. Гарр может предложить более элегантную манеру «взять ноги в руки», я буду рад узнать о ней, и всем прочим следует также поинтересоваться этим вопросом, потому что в грядущие дни эта способность может оказаться полезной для всех.

— Давайте не отклоняться от темы,— вмешался Хэйджорн, прежде чем О. Ц. Гарр успел ответить.— Признаться, я не вижу этому конца. Мехи показали себя убийцами. Как мы можем взять их обратно на службу? Но если мы не можем этого сделать, то, мягко говоря, условия будут нелегкими, пока мы не сможем отыскать и обучить новых техников!

— Космические корабли!— воскликнул Ксантен.— Мы сейчас же должны осмотреть их!

— Это что еще?— осведомился Бодри, Джентльмен с твердым, как скала, лицом.— Что вы имеете в виду под словом «осмотреть»?

— Их нужно защитить от повреждений! Что же еще? Они — наша связь с Родными планетами. Ме-

хи-ремонтники, вероятно, не бросили ангары, поскольку если они собираются уничтожить нас, то они захотят лишить нас космических кораблей.

— Наверное, вы хотите отправиться в поход с ополчением Крестьян и взять ангары под твердый контроль?— несколько высокомерным тоном предположил О. Ц. Гарр. Между ним и Ксантеном существовала давняя вражда.

— Это, может быть, наша единственная надежда,— ответил Ксантен.— И все же, как можно сражаться с ополчением из Крестьян? Лучше я слетаю к ангарам и разведаю. В то время как вы и другие, с военным опытом, возьмите на себя, в свои руки, набор и обучение ополчения Крестьян.

— Относительно этого,— заявил О. Ц. Гарр,— я подожду исхода нашего текущего обсуждения. Если окажется, что это и есть оптимальный курс, я, естественно, в полной мере применю свою компетентность. Если ваши способности лучше всего подходят для слежки за деятельностью Мехов, я надеюсь, вы будете великодушны сделать то же самое.

Два Джентльмена обожгли друг друга взглядами.

Годом раньше их вражда чуть не кончилась дуэлью. Ксантен, высокий, стройный, нервно-деятельный Джентльмен, был одарен большим природным чутьем, но равным образом выказывал характер, слишком легкий для абсолютно элегантного Джентльмена. Традиционалисты считали его «атроссом», указывая на его манеру, затемненную изъянами почти невоспринимаемой небрежности, и отсутствие педантичности,— не самый лучший выбор из всех возможных для вождя клана.

Ответ Ксантена О. Ц. Гарру был мягко-вежливым:

— Я буду рад взять эту задачу на себя. Поскольку время не ждет, то я рискну подвергнуться обвинению в нелепости и отбываю сейчас же. Надеюсь, что завтра вернусь с докладом.

Он поднялся, отдал церемониальный поклон Хэйджорну, другой полупоклон совету — и вышел...

3

Он пришел к дому Элсдюн, где имел квартиру на тринадцатом уровне: четыре комнаты, меблированных в стиле, известном как стиль Пятой Династии, в честь исторической эпохи Родных Планет Альтаира, с которых человечество вернулось на Землю.

Его последняя супруга, Араманта, Леди из семейства Оннейн, отсутствовала по своим делам, что вполне устраивало Ксантена. Доняв его вопросами, она дискредитировала бы его после простого объяснения, предпочитая подозревать свидание в его загородном доме. По правде говоря, Араманта ему порядком наскучила, и он имел причины считать, что она испытывает сходные чувства; или, наверное, его повысившийся ранг давал ей куда меньше возможностей покрасоваться, председательствуя в блестящих светских раутах, чем она ожидала. Дочь Араманты, от предыдущей связи, была отнесена на ее счет. Ее второго ребенка пришлось бы уже отнести на счет Ксантена, не давая ему зачать еще одного.*

Ксантен снял свое желтое парадное облачение. С помощью юного Крестьянина он одел темно-желтые охотничьи бриджи с черной строчкой, черную куртку, черные сапоги. Нахлобучил на голову шапку из мягкой черной кожи, перекинул через плечо сумку, в которую положил оружие: спираленож и энергопистолет.

Покинув квартиру, он вызвал лифт и опустился на первый уровень, в оружейную, где в нормальных условиях его обслужил бы дежурный Мех.

Теперь Ксантен, к своему огромному отвращению, был вынужден сам пройти за стойку и порыться там. Мехи забрали большую часть спортивных винтовок, все шарометры и тяжелые энергоружья.

---

* *Население замка Хэйджорн было фиксированным: каждому Джентльмену и каждой Леди было разрешено иметь только одного ребенка. Если случайно рождался еще один, то нужно было найти кого-нибудь, еще не зачавшего, чтобы сделать его крестным родителем, либо удалить ребенка.. Обычно такого ребенка отдавали под опеку Искупленцам.*

«Зловещее обстоятельство...»,— подумал Ксантен.

Наконец он нашел стальной бичекнут, запасные энергозаряды для своего пистолета, связку зажигательных гранат и медную стереотрубу.

Он вернулся в лифт, поднялся на верхний уровень, уныло обдумывая восхождение, когда в конечном итоге механизм поломается и не будет под рукой Мехов, чтобы произвести ремонт. Он подумал об апоплексической ярости жестоких традиционалистов, таких, как Бодри, и засмеялся. Впереди их ждали дни, полные событий!

Остановившись на верхнем уровне, он прошел к парапету и направился дальше, в радиорубку. Обычно три Меха-специалиста, соединенные аппаратом, прикрепленным к их колечкам проводами, сидели, печатая прибывающие послания. Теперь перед механизмом стоял Б. Ф. Роберт, неуверенно крутя ручки, скривив рот от недовольства и отвращения к этой работе.

— Есть какие-нибудь новости?— спросил Ксантен.

Б. Ф. Роберт кисло улыбнулся ему:

— Люди на другом конце знают об этой путанице не больше, чем я. Я слышу случайные голоса. По-моему, Мехи атакуют замок Делора.

За Ксантеном в рубку вошел Клагхорн:

— Я не ослышался, замок Делора пал?

— Еще не пал, Клагхорн. Но можно сказать, что он пропал. Стены Делора немного лучше живописных развалин.

— Тошнотворная ситуация!— пробурчал Ксантен.— Как можно разумным существам совершить такое зло? После всех этих веков выяснилось, сколь мало мы по-настоящему знаем о них!

Говоря это, он вдруг понял всю бестактность своего замечания: ведь Клагхорн посвятил так много времени изучению Мехов.

— Сам по себе этот факт не поразителен,— кратко ответил Клагхорн.— Он тысячу раз происходил в человеческой истории.

Слегка удивленный тем, что Клагхорн ссылается

на человеческую историю, при случае, связанном с субординированием, Ксантен спросил:

— Неужели специалисты никогда не обнаруживали этого злобного аспекта в природе Мехов?

— Нет, никогда. В самом деле, никогда!

«Клагхорн, оказывается, неподобающе чувствителен»,— подумал Ксантен.

В общем-то, это было вполне понятно. Основная доктрина Клагхорна, выдвинутая во время выборов Хэйджорна, ни в коем случае не была простой, и Ксантен не понимал ее, но и не одобрял полностью того, что, по его представлению, было ее целью. Но было ясно, что бунт Мехов выбил почву из-под ног Клагхорна. Вероятно, к несколько горькой радости О. Ц. Гарра, который, должно быть, чувствовал себя реабилитированным в своих традиционалистических доктринах.

— Жизнь, которую мы вели, не могла длиться вечно,— сжато резюмировал Клагхорн.— Удивительно, что она длилась так долго.

— Наверное, так...— утешающим тоном произнес Ксантен.— Ну, неважно все меняется. Кто знает, быть может, Крестьяне планируют отравить нашу пищу?.. Я должен идти,— он поклонился Клагхорну, который ответил ему твердым кивком, затем — Б. Ф. Роберту и покинул комнату.

Он взобрался по винтовой лестнице, почти отвесно уходящей вверх, в загон, где в невообразимом беспорядке жили Птицы, занимаясь игрой в ссоры, в свою версию шахмат, с правилами, непонятными для Джентльменов, пытавшихся в ней разобраться.

Замок Хэйджорн имел сотню Птиц, которых обслуживала группа измучившихся Крестьян; к последним Птицы относились с крайним неуважением. Это были крикливые создания, пигментированные красно-желтым и синим, с длинными шеями, дергающимися любопытными головами и наследственной непочтительностью, которую не смогли преодолеть никакие воспитатели. Завидев Ксантена, они разразились хором грубых насмешек:

— Кто-то хочет прокатиться! Тяжелая штука!

— Почему бы этим самопомазанникам двуногим

самим не отрастить себе крылья?

— Друг мой, никогда не доверяй Птице! Мы поднимем тебя в небо, а потом швырнем вниз, на камни!

— Тихо!— крикнул Ксантен.— Мне нужно шесть быстрых и молчаливых Птиц, для важного дела. Пригоден ли кто-нибудь из вас для такой задачи?

— Он спрашивает, есть ли кто-нибудь, способный на такое! Когда никто из нас уже давно не летал!

Молчание.

— Мы дадим тебе молчание... Гробовое!

— Тогда ступайте: ты; ты; ты, с мудрыми глазами. Ты, с вздернутой головой и плечами. Вот ты и ты, с зеленым хохолком. К корзине.

Отобранные Птицы, ворча, глумясь и ругая Крестьян, позволили заполнить их сиропные мешочки, а затем зашлепали к плетеной корзине, где их ждал Ксантен.

— К космопорту в Ринсене,— велел он им.— Летите высоко и молча. Враг рядом. Мы должны узнать, какой вред был причинен космическим кораблям, если он вообще был причинен.

— Тогда к порту!

Каждая из птиц схватила длинную веревку, привязанную к раме наверху. Кресло дернулось вверх рывком, с расчетом на то, чтобы Ксантен клацнул зубами,— и они взлетели, смеясь и ругая друг друга по поводу того, кто из них несет больший вес,— но в конечном итоге приспосабливаясь к задаче и летя скоординированным хлопаньем тридцати шести пар крыльев. К облегчению Ксантена, их болтливость уменьшилась, и они молча летели на юг со скоростью пятьдесят-шестьдесят миль в час.

Перевалило за полдень. Древняя сельская местность, сцена стольких приходов и уходов, стольких побед и поражений, пересекалась длинными черными тенями. Глядя вниз, Ксантен размышлял что, хотя человеческая порода и происходила с этой почвы и что хотя его непосредственные предки семьсот лет назад имели здесь свои владения, Земля все еще казалась людям чужой планетой.

Причина, конечно, ни в коем случае не была таинственной и не коренилась в парадоксе. После Ше-

стизвездной войны Земля пребывала под паром три тысячи лет, не населенная, за исключением кучки настрадавшихся бродяг, которые как-то пережили этот катаклизм и стали полуварварскими кочевниками.

Затем, семьсот лет назад, некоторые богатые лорды Альтаира, поступок которых мотивировался до некоторой степени политическим недовольством, но и в не меньшей степени своими прихотями, решили вернуться на Землю. Таково было происхождение Девяти великих твердынь, местожительства благородных людей и штата специализированных человекообразных.

Ксантен пролетел над районом, где один антиквар руководил раскопками, открыв вымощенную белым камнем площадь сломанный обелиск, сваленную статую.

Это зрелище стимулировало в голове Ксантена поразительное видение, столь простое и все же столь величественное, что он поглядел вокруг, во всех направлениях, новыми глазами.

В данный момент эти образы были притянуты, и Ксантен, наблюдая за проплывающими внизу мягкими тротуарами старой Земли, размышлял о бунте Мехов, с такой поразительностью внезапно изменившем его жизнь.

Клагхорн давно утверждал, что еще никакие условия человеческого существования не пребывали вовеки,— с выводом, что, чем сложнее условия, тем больше их чувствительность к изменениям.

В данном случае семисотлетняя жизнь в замке Хэйджорн, столь искусственная, экстравагантная и запутанная, какой только могла быть человеческая жизнь, стала сама по себе поразительным обстоятельством. Клагхорн проводил свой тезис и дальше. Поскольку перемена была неизбежна, он утверждал, что благородным людям следовало бы смягчить удар, предвидя и контролируя изменения,— доктрина, на которую некогда нападали с большой энергией.

Традиционалисты называли все идеи Клагхорна очевидными заблуждениями и ссылались на саму стабильность замка как на доказательство жизнеспо-

собности старой системы. Ксантен склонялся сперва к одной стороне, потом к другой, не связанный эмоционально ни с какой партией. Если что-нибудь и подталкивало его к взглядам Клагхорна, так это только сам факт традиционализма О. Ц. Гарра.

Теперь, казалось, события словно реабилитировали Клагхорна. Перемены пришли с ударом максимальной резкости и силы.

Конечно, нужно было еще ответить на некоторые вопросы — почему Мехи выбрали для бунта именно данное время? Условия пятьсот лет ощутимо не менялись, а Мехи прежде никогда не открывали своих чувств, хотя как-то никто и не трудился их исследовать, кроме Клагхорна...

Птицы свернули на восток, чтобы избежать Баллордских гор, к западу от которых лежали развалины большого города, так никогда и не исследованного до конца. Ниже лежала Люцерновая долина, одно время — плодородная фермерская земля. Если смотреть с большой сосредоточенностью, то иногда можно было различить контуры различных владений. Впереди были видны ангары космических кораблей, где техники-Мехи ремонтировали четыре звездолета, являвшихся совместной собственностью Хэйджорна, Джейнила, Туанга, Норинглайта и Маравала, хотя по разным причинам кораблями никогда не пользовались.

Солнце садилось. Оранжевый свет мерцал и переливался на металлических стенах.

Ксантен крикнул Птицам:

— Снижайтесь, делая круг! Приземляйтесь за той линией деревьев — но лететь низко, чтобы никто не увидел.

Снижение на жестких крыльях согнуло Птиц, шесть нескладных шей вытянулись к земле. Ксантен был готов к толчку. Казалось, Птицам не была свойственна ловкость и они не могли и не способны были приземляться легко, когда они несли Джентльмена. Однако когда груз был чем-то, лично их заботящим, то толчок не потревожил бы их одуванчика.

Ксантен привычно сохранил равновесие, вместо того чтобы вывалиться, покатившись по земле на

предпочитаемый Птицами манер.

— Вот вам сироп,— сказал он.— Отдыхайте и не шумите, не ссорьтесь. Если меня не будет здесь к завтрашнему закату, то возвращайтесь в замок Хэйджорн и скажите, что Ксантен убит.

— Не бойся!— крикнула одна из Птиц.— Мы будем ждать вечно!

— Но во всяком случае до завтрашнего заката!

— Если тебе будет угрожать опасность, если тебя прижмут — а рос, рос, рос! Позови Птиц!

— А рос! Мы свирепы, когда возбуждены!

— Желал бы я, чтобы все это было правдой,— усмехнулся Ксантен.— Птицы — завзятые трусы, это всем известно. И все же я ценю ваши чувства. Помните мои инструкции,— продолжал он,— и прежде всего ведите себя тихо! Я не желаю подвергнуться нападению и быть заколотым из-за вашего шума!

Птицы издали звуки оскорбленного достоинства.

— Несправедливо, несправедливо! Мы тихи, как мыши!

— Хорошо,— Ксантен поспешно удалился, чтобы они не проорали ему вслед новые советы и уверения...

4

Пройдя через лес, он вышел к открытому лугу, на противоположном краю которого, наверное, в ста ярдах, была задняя стена первого ангара. Он остановился подумать. Заслуживали внимания несколько факторов. Во-первых, Мехи ремонтировали корабли, огражденные металлическими стенами от радиоконтакта, и поэтому могли еще не знать о бунте.

«Едва ли это вероятно,— решил он,— ввиду тщательного планирования во всем прочем».

Во-вторых, Мехи со своими товарищами действовали в постоянной связи, как коллективный механизм. Агрегат функционировал совершенней, чем его части, и инвалид был не склонен к инициативе.

Следовательно, вряд ли бдительность была такой уж сильной.

В-третьих, если они ожидают, что кто-то попытается осторожно приблизиться, то они обязательно

будут внимательно следить прежде всего за тем направлением, которое он скорее всего изберет.

Ксантен решил подождать в тени еще минут десять, пока заходящее солнце, эффективно и прицельно ослепит тех, кто мог стоять на страже. Прошло десять минут. Ангары, отполированные меркнущим светом солнца, стояли длинные, высокие и совершенно тихие. На промежуточном лугу колыхалась высокая золотистая трава, подергиваясь рябью под прохладным ветерком.

Ксантен глубоко вздохнул, повесил на плечо сумку, поправил оружие и сделал широкий шаг вперед. Ему и в голову не пришло ползти по траве.

Он беспрепятственно достиг задней части ближайшего ангара. Прижавшись ухом к металлу, ничего не услышал. Тогда он подошел к углу и выглянул из-за него: никаких признаков жизни. Ксантен пожал плечами: что ж, тем лучше — и двинулся к двери.

Ксантен пошел вдоль ангара. Заходящее солнце отбрасывало впереди него длинную черную тень.

Он подошел к двери, ведущей в административный отдел ангара. Поскольку терпением Ксантен не отличался и пока своим осторожным наблюдением ничего не добился, то он попросту толчком распахнул дверь и вошел.

Кабинеты были пусты. Столы, где раньше веками сидели служащие, подсчитывая закладные и счета, были голыми, отполированные и седые от пыли. Компьютеры и блоки информации, черная эмаль и стекло, белые и красные выключатели выглядели так, словно они были оставлены только вчера.

Ксантен перешел к застекленному окну, выходящему к ангару, затемненному громадой корабля.

Он не увидел Мехов. Но на полу ангара были аккуратными рядами разложены отдельные элементы и собранные части механизма управления кораблем. Пустые проемы широко зияли в корпусе, показывая, откуда были извлечены панели с этими устройствами.

Ксантен спустился из кабинета в ангар.

Космический корабль был выведен из строя, он

стал непригодным для полетов. Ксантен взглянул вверх, вдоль аккуратных рядов извлеченных частей.

Соответствующие ученые из разных замков были экспертами по теории пространственно-временного перехода. С. К. Розенхокс из Мараваля даже вывел ряд уравнений, которые, если их перевести в машинерию, уничтожали беспокоящий эффект Хомуса. Но ни один из Джентльменов, даже если бы он забыл о личной жизни и взял в руки инструменты, не знал бы, как соединить и настроить разложенные на полу ангара механизмы.

Когда была проделана эта злобная работа? Сказать было невозможно.

Ксантен перешел в следующий ангар: снова никаких Мехов, снова из космического корабля выпотрошены механизмы управления. Ксантен прошествовал к третьему ангару, где было то же самое.

В четвертом ангаре он различил слабые звуки деятельности. Шагнув в кабинет, он посмотрел сквозь стеклянную стену в ангар и обнаружил Мехов, работающих со своей привычной экономией движений, и, что было жутко, почти беззвучно.

Ксантен, и так уже чувствующий себя нервно от того, что крался через лес, пришел в ярость при виде этого хладнокровного разрушения человеческого имущества. Он стремительно шагнул в ангар. Хлопая себя по бедру, чтобы привлечь внимание, он окликнул резким голосом:

— Вернуть компоненты на место! Как вы смеете так себя вести!?

Мехи обернулись с пустыми выражениями на лицах и изучали его через черно-бусенные скопления линз на лице по обеим сторонам их голов.

— Что это?— проревел Ксантен.— Вы колеблетесь?

Он выставил напоказ свой стальной кнут, обычно скорее символическое приложение, чем инструмент наказания, и щелкнул им оземь.

— Повинуйтесь! Этому нелепому бунту конец!

Мехи все еще колебались — и также события заколебались на весах судьбы. Никто не издал ни звука, хотя среди них передавались послания, оценка

обстоятельств, установление единогласия.

Ксантен не мог позволить им такого досуга. Он промаршировал вперед с кнутом в руке, ударяя по единственному месту Мехов, которое испытывало боль,— по чувствительному лицу.

— Выполняйте свои обязанности!— прорычал он.— Хороша же из вас ремонтная бригада! Скорее похожа на бригаду разрушителей!

Мехи издавали свои тихие звуки, выдувания, которые могли означать все что угодно.

Они отступили, и теперь Ксантен заметил одного, стоящего на трапе корабля: Мех был намного больше, чем любой виденный им раньше, и отличался от остальных еще одним — он целился из пистолета в голову Ксантена. Неторопливо размахнувшись, Ксантен отогнал кнутом Меха, прыгнувшего на него с ножом, и, дважды выстрелив, уничтожил Меха, который оставался стоять на трапе, даже когда первая пуля пролетела у самой его головы. Тем не менее другие Мехи решили атаковать. Все бросились вперед. Презрительно прислонившись к корпусу, Ксантен расстреливал приближавшихся, убрав в сторону один раз голову, чтобы избежать куска металла, и один раз шагнув вперед, чтобы поймать метательный нож и швырнуть его в лицо тому, кто его бросил.

Мехи отпрянули, и Ксантен догадался, что они решили применить новую тактику: либо отступить за оружием, либо заточить его в ангаре. В любом случае здесь больше делать было нечего. Он поиграл кнутом и расчистил себе дорогу к кабинету. Покуда инструменты, стальные прутья и самодельные ножи колотили позади него по небьющемуся стеклу, он неторопливо прошествовал через кабинет и вышел в ночь. Он не оглядывался.

Взошла луна, огромный желтый диск, испускающий дымчато-шафрановое сияние, словно древняя лампа. Глаза Мехов были плохо приспособлены к ночному видению, и Ксантен спокойно рубил высовывающиеся из дверей ангара головы.

Мехи отпрянули обратно в ангар. Вытирая лезвие, Ксантен зашагал тем же путем, каким и пришел, не глядя по сторонам. И резко остановился.

Что-то беспокоило его ум: воспоминание о Мехе, выстрелившем из пистолета. Он был крупнее, чем обычно; возможно, более темно-бронзовый; но что значительнее — это то, что он демонстративно принял неподдающуюся определению осанку, почти как авторитет, хотя, когда это слово употреблялось в связи с Мехами, оно было аномалией. С другой стороны, кто-то же должен был спланировать бунт или по крайней мере предложить хотя бы концепцию бунта.

Вполне возможно, что разведпоиск следовало расширить, пусть даже главные сведения были уже добыты.

Ксантен повернул назад и прошел через место посадки к баракам и гаражам. Снова, хмурясь от неловкости, он почувствовал, что нужна осмотрительность. Что за времена настали, когда Джентльмен должен прятаться и красться, чтобы избежать встречи с какими-то Мехами! Он пробрался в гараж, где находилась дюжина энергофургонов.*

Ксантен осмотрел их. Все были одного типа: металлическая рама, с четырьмя колесами и бивнями спереди. Неподалеку должны быть запасы сиропа.

Вскоре Ксантен нашел бункер, содержащий множество контейнеров. Он погрузил дюжину на ближайший фургон и разрезал остальные так, чтобы весь сироп вытек на землю.

Мехи употребляли несколько иной состав, и их сироп должен был складироваться в другом месте, скорее всего в бараках.

Ксантен взобрался на энергофургон, проверил ключ «движение» и вдавил кнопку «пошел», потянул на себя рычаг, дающий колесам задний ход. Энергофургон попятился назад.

Ксантен остановился и развернул его так, чтобы он встал носом к баракам. То же самое он сделал и с тремя другими, затем одного за другим привел в их действие.

---

* *Энергофургоны — подобно Мехам, первоначально были болотными тварями с Этамин-9. Они представляли собой прямоугольные плиты из мускулов, пристегнутые к прямоугольной же раме и защищенные от солнца, насекомых и грызунов синтетической шкурой.*

Они покатились вперед. Бивни вспороли металлические стены бараков, крыша обвалилась. Энергофургоны продолжали крушить все на своем пути, продвигаясь, проталкиваясь внутрь развалин.

С глубоким удовлетворением Ксантен кивнул и вернулся к энергофургону, который он зарезервировал для себя. Забравшись в седло, он ждал. Никаких Мехов из бараков не вылезло. Явно, они были покинуты, ведь вся бригада была занята в ангарах. Все же он надеялся, что запасы сиропа были уничтожены и многие мехи могли теперь погибнуть от голода.

Из-за угла появился единственный Мех, несомненно привлеченный звуками разрушения. Ксантен притаился и, когда тот прошел мимо, обвил кнутом его массивный шейный узел. Он потянул кнут на себя. Мех завертелся и упал наземь.

Ксантен прыгнул вперед и выхватил у него пистолет. Это был один из более рослых Мехов, и теперь Ксантен увидел, что он был без сиропного мешка. Мех в первозданном виде! Поразительно! Как же выжило это создание?! Понадобится задать много новых вопросов, и будем надеяться, что на некоторые из них найдутся ответы. Наступив на голову создания, Ксантен отсек длинные антенны-колючки, выступавшие с задней стороны черепа Меха. Теперь тот был изолирован, один-одинешенек — при всех собственных ресурсах, ситуация, гарантированно доводившая до полной апатии самого стойкого Меха.

— Лезь!— приказал Ксантен.— На корму энергофургона!— И он подчеркнуто щелкнул кнутом.

Сперва Мех, казалось, был склонен игнорировать его приказ, но после одного-двух ударов кнутом подчинился. Ксантен влез в седло, запустил свой энергофургон и направил его на север.

Птицы будут неспособны перевезти и его самого и Меха, или, во всяком случае, будут столь грубо кричать и жаловаться, что уж лучше будет им поверить с самого начала. Они могут дождаться или не дождаться назначенного часа завтра вечером. Столь же вероятно, что они могли провести ночь на дереве, проснуться и в угрюмом настроении сразу же вернуться в замок Хэйджорн.

Всю ночь напролет фургон катился вперед, с Ксантеном на сидении и его пленником, съежившимся на корме...

5

Благородные Лорды, при всей своей уверенности, не любили бродить ночами по сельской местности, по причине, высмеиваемой некоторыми как суеверный страх. Другие ссылались на путешественников, проведших ночь рядом с древними руинами, и их галлюцинации: жуткую музыку, или... или звуки далеких призрачных рогов. Другие видели бледно-лиловые или зеленые огоньки призраков, бежавших широким шагом через лес в Ходдское аббатство — ныне старые развалины, славившиеся своей Белой Ведьмой, которая взимала с окрестностей большую дань.

Было известно более ста таких случаев; поэтому, хотя твердолобые и посмеивались, никто без нужды не путешествовал ночью по сельской местности. В самом деле, если призраки и впрямь посещали места трагедий и разбитых сердец, то тогда ландшафт старушки Земли должен быть родным домом для неисчислимого множества приведений и духов, особенно тот регион, где продвигался на энергофургоне Ксантен, где каждая скала, каждый луг, каждая долина и болото — были покрыты плотной коркой человеческих испытаний.

Взошла луна. Фургон катился на север по древней дороге, по отсвечивавшим при луне бетонным плитам. Дважды Ксантен видел мерцавшие и гаснущие сбоку оранжевые огоньки, и однажды, когда он находился в тени кипариса, ему показалось, что он увидел высокую спокойную фигуру, молча следующую за фургоном.

Пленный Мех сидел, замышляя какое-то зло, и Ксантен это прекрасно знал. Без своих колючек он, должно быть, чувствовал себя деперсонифицированным, в замешательстве, но Ксантен сказал себе, что расслабляться не следует.

Дорога вела через городишко, в котором еще кое-

где стояли уцелевшие строения. Даже кочевники не укрывались в этих древних городах, стараясь держаться от них подальше, страшась скверны и запаха горя.

Луна достигла зенита. Ландшафт раскинулся по сторонам сотней оттенков: серебряного, черного и серого. Оглядываясь вокруг, Ксантен подумал, что, при всех значительных удовольствиях цивилизованной жизни, можно было бы много сказать и в пользу просторов и простоты Страны Кочевников...

Мех сделал крадущееся движение. Ксантен и головы не повернул. В воздухе щелкнул кнут. Мех затих...

Всю ночь энергофургон катил по древней дороге, при свете сияющей на западе луны. Восточный горизонт пылал зеленым и лимонно-желтым, и вскоре, когда бледная луна исчезла за отдаленной цепью гор, взошло Солнце. В этот момент Ксантен заметил справа струю дыма.

Он остановил фургон. Встав на сиденье и вытянув шею, он наблюдал за станом кочевников с расстояния примерно в четыре мили. Он смог разглядеть три-четыре дюжины шатров разных размеров, дюжину ветхих энергофургонов. На высоком шатре Гетмана, как ему думалось, он разглядел черную идеограмму, которую он, кажется, узнал. Если это так, то это, должно быть, то самое племя, что не так давно нарушило границы владения Хэйджорна и которому дал отпор О. Ц. Гарр.

Ксантен поудобнее устроился на сиденьи, поправил одежду, привел в движение энергофургон и направил его к лагерю.

Сотни людей в черных плащах, высоких и тощих, как хорьки, наблюдали за его приближением. Дюжина из них прыгнула вперед, ставя стрелы на тетиву луков, нацеленных ему в сердце. С высокомерным вопросом во взоре, Ксантен подогнал фургон к шатру Гетмана и крикнул, поднявшись во весь рост:

— Гетман!-- окликнул он.— Ты проснулся?

Гетман отодвинул полог, закрывающий вход в шатер, выглянул и после мгновенной задержки вы-

шел. Подобно другим, на нем было одеяние из мягкой черной ткани, одинаково закрывающее голову и тело.

Через квадратное отверстие вырисовывалось его лицо: узкие голубые глаза, гротескно длинный нос, ассиметрично длинный и острый подбородок.

Ксантен кратко кивнул ему:

— Обратите внимание на это!— он ткнул большим пальцем в сторону Меха на корме фургона.

Гетман метнул в сторону Меха взгляд, изучил его за одну десятую секунды и вернулся к пристально рассматривающему его Ксантену.

— Его порода взбунтовалась против Джентльменов,— сообщил Ксантен.— Фактически, они вырезают всех людей Земли, поэтому мы, из замка Хэйджорн, делаем кочевникам следующее предложение: приходите в замок Хейджорн. Мы вас оденем и вооружим. Мы обучим вас дисциплине и искусству формальной войны. Мы обеспечим вас самым опытным руководством, которое имеется в нашем распоряжении. Потом мы уничтожим Мехов, вычеркнем их из земных видов. После кампании мы обучим вас техническим профессиям, и вы сможете сделать выгодную и интересную карьеру на службе замку.

Какой-то миг Гетман не подавал никакого ответа. Затем его обветренное лицо расколола свирепая улыбка и он заговорил голосом, который Ксантен нашел хорошо отмодулированным:

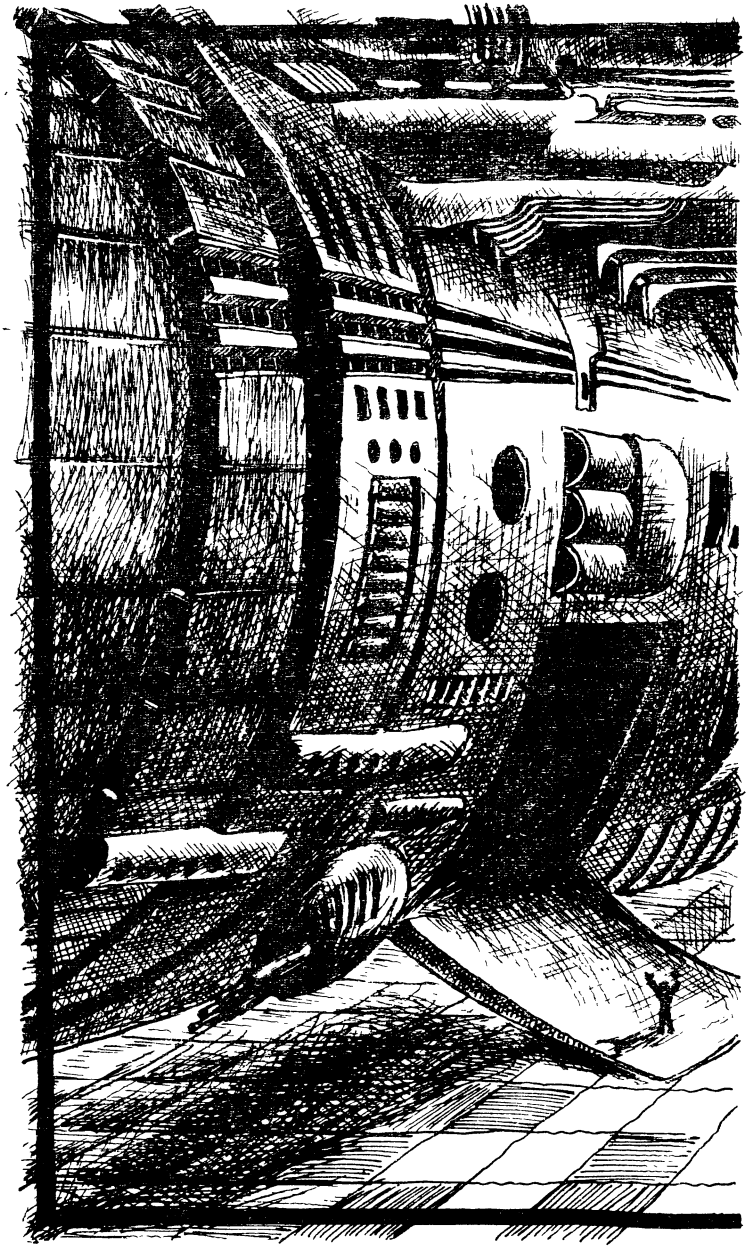
— Так значит, ваши звери наконец-то поднялись, чтобы растерзать вас! Жалко, что они так долго терпели! Ну, для вас-то это все равно. И вы и они — чужой народ, и, раньше или позже, ваши кости забелеют вместе.

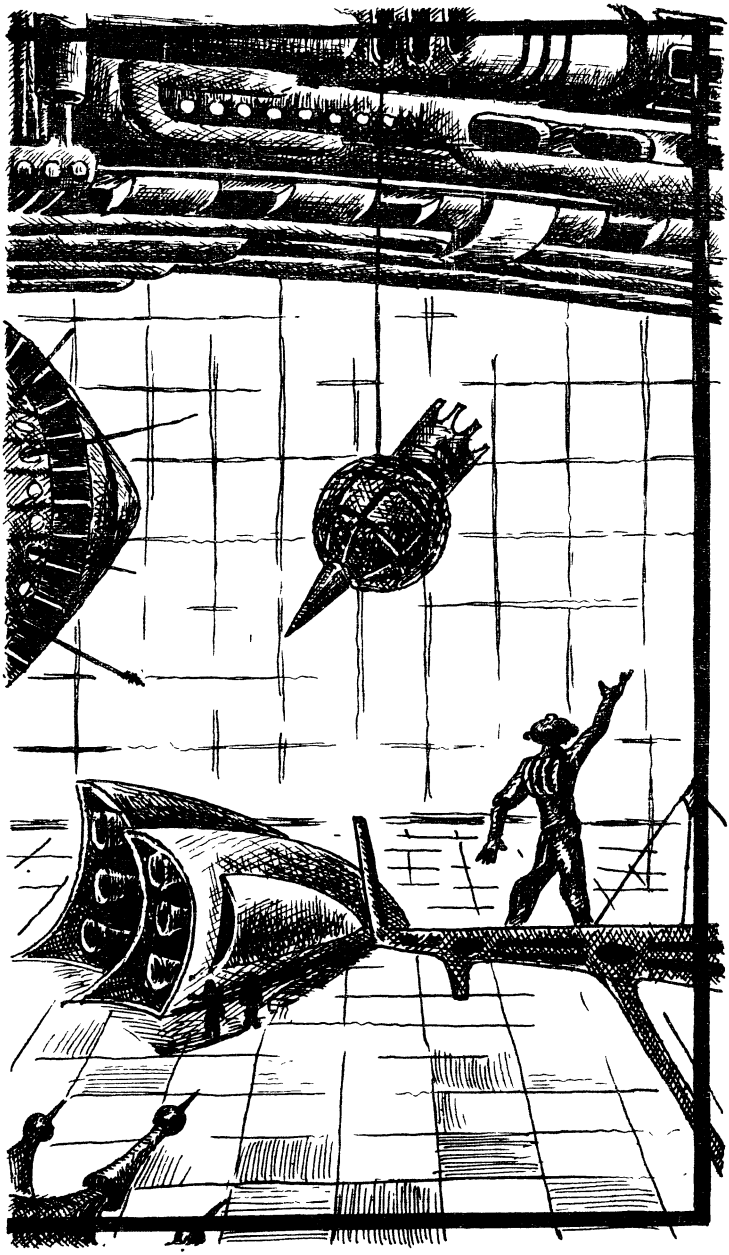
Ксантен притворился, что не разобрал.

— Если я вас правильно понял, вы утверждаете, что перед лицом нападения Чужаков всем людям надо дать им бой, а потом, после победы, по-прежнему сотрудничать, к обоюдной выгоде. Я прав?

Усмешка Гетмана не дрогнула:

— Вы — не люди. Только мы — от земной почвы и земной воды. Мы — люди. Вы и ваши ненормальные рабы чужды нам. Мы желаем вам успеха во вза-





имном истреблении.

— Тогда ладно!— провозгласил Ксантен.— Значит, я все расслышал правильно. Взывать к вашей лояльности — неэффективно, это, во всяком случае, ясно. А как тогда насчет личного интереса? Мехи, не сумев истребить благородных людей замков, повернут на кочевников и перебьют вас всех, словно кучку муравьев.

— Если они нападут, мы будем с ними воевать,— ответил Гетман.— А остальные пусть делают все, что хотят.

Ксантен задумчиво посмотрел на небо:

— Мы готовы даже сейчас принять на службу в замок Хэйджорн контингент кочевников, чтобы создать кадры, из которых может быть сформирована большая и более многосторонняя группа.

Сбоку один из кочевников выкрикнул оскорбительно насмешливым голосом:

— Вы пришьете нам на спины мешочки, куда сможете наливать сироп, а?

— Этот сироп — высокопитательная и обеспечивающая телесные нужды жидкость,— ровным голосом ответил Ксантен.

— Почему же тогда вы сами не потребляете его?

Ксантен не счел нужным отвечать.

— Если вы желаете снабдить нас оружием,— сказал Гетман,— то мы возьмем его и используем против каждого, кто нам угрожает. Но не ждите, что мы будем вас защищать. Если вы боитесь за свою жизнь — бросьте замки и станьте кочевниками.

— Боимся за свою жизнь?— воскликнул Ксантен.— Какая чушь! Никогда! Замок Хэйджорн неприступен, так же, как и Джейнил, и большинство других замков — тоже.

Гетман покачал головой:

— В любое время, выбранное ВАМИ, мы могли бы взять Хэйджорн так же, как и Джейнил, и большинство других замков тоже, и перебить вас во сне.

— Что?!— в ярости воскликнул Ксантен.— Это серьезно?!

— Разумеется. Мы послали бы темной ночью человека на большом воздушном шаре и сбросили его на

парапет. Он бы спустил веревку, втащил по ней лестницу, и через пятнадцать минут замок был бы взят.

Ксантен потянул себя за подбородок:

— Изобретательно, но непрактично. Птицы заметили бы такого змея. Или ветер подвел бы в критический момент... Но все это не по существу. Мехи никак змеев не запускают. Они планируют бросить все силы против Хэйджорна и Джейнила, и потом, не достигнув цели, они пойдут дальше и станут охотиться за кочевниками.

Гетман отступил шаг:

— Ну и что? Мы пережили схожие попытки со стороны людей из Хэйджорна. Все вы трусы! В рукопашную и с равным оружием, мы бы заставили бы вас есть грязь, как презренных псов, каковыми вы и являетесь!

Ксантен поднял брови в элегантном пренебрежении:

— Боюсь, что вы забываетесь. Вы обращаетесь к вождю клана замка Хэйджорн. Только утомление и скука удерживает меня от наказания вас вот этим кнутом.

— Ха!— произнес Гетман и поманил пальцем одного из кочевников.— Проткни-ка этого наглого лордишку!

Лучник выпустил стрелу, но Ксантен ожидал чего-нибудь подобного. Он выстрелил из энергопистолета, уничтожив стрелу, лук и руку лучника.

— Я вижу, что должен вас научить простому уважению к лучшим людям, а это значит, что в конце концов я вынужден применить кнут.— Схватив Гетмана за волосы, он умело обвил кнутом его узкие плечи раз, другой, третий.— Надеюсь, что этого вам хватит. Я не могу принуждать вас к войне, но я могу, по крайней мере, требовать достойного отношения от трусливых навозных жуков.— Он спрыгнул на землю и, схватив Гетмана за плечи, затолкал его на корму фургона рядом с Мехом.

Затем, развернув энергофургон, он покинул лагерь, даже не глянув через плечо: спинка сиденья надежно защищала его спину от стрел ошеломленных подданых Гетмана.

Гетман, с трудом поднявшись на ноги, вытащил кинжал. Ксантен слегка повернул голову:

— Поосторожнее! Или я привяжу вас к фургону, и вам придется бежать позади, глотая пыль.

Гетман заколебался, издал сквозь зубы звук плевка — опустился на свое место. Он посмотрел на лезвие, подумал и с лязгом засунул кинжал в ножны.

— Куда вы меня везете?

— Дальше — никуда.— Ксантен остановил фургон.— Я всего лишь желал покинуть ваш лагерь с достоинством, не пригибаясь и не уклоняясь от тучи стрел. Вы можете сойти. Как я понимаю, вы по-прежнему отказываетесь привести своих людей на службу в замок Хэйджорн?

Гетман снова издал звук плевка:

— Когда Мехи уничтожат замки, мы уничтожим Мехов. Тогда Земля навсегда будет очищена от звездной нечести...

— Вы — банда неподатливых дикарей. Отлично, слезайте и возвращайтесь в свой стан. И хорошенько поразмыслите, прежде чем снова высказывать неуважение к клановому вождю замка Хейджорн.

— Ха,— буркнул Гетман.

Спрыгнув с фургона, он быстро пошел обратно по колее в лагерь.

Он не оглянулся...

6

Около полудня Ксантен подъехал к Дальней долине, на краю Хейджорнских земель. Неподалеку находилось место, где располагалась деревня Искупленцев — недовольных и неврастеников, но тем не менее благородных людей замка — группы курьезной по любым стандартам. Некоторые из них обладали незавидным рангом, другие, однако, были учеными с признанной эрудицией. Но другие были лицами без достоинств и без репутации, увлекающиеся самыми экстравагантными и крайними течениями в философии. Все они занимались трудом, который не отличался от того, который возлагали на Крестьян, и все они, казалось, находили извращенное удоволь-

ствие в том, что, по стандартам замка, было грязью, нищетой и деградацией.

Как и можно было ожидать, их племя ни в коем случае не было однородным. Некоторых лучше всего было бы назвать «конформистами», другие же — их было меньшинство — отстаивали динамическую программу.

Между замком и деревней было мало сношений. При случае Искупленцы меняли фрукты или полированное дерево на инструменты, гвозди и медикаменты. Иногда благородные люди могли решить собраться посмотреть на танцы Искупленцев. Ксантен посещал деревню во многих подобных случаях, и его привлекали безыскусное очарование и неформальность этого народа в своих увеселениях. Теперь, проезжая неподалеку от деревни, Ксантен свернул в сторону и проследовал по дороге, петлявшей между высоких колючих изгородей и выходящей на обширные луга, где паслись козы и коровы.

Ксантен остановил фургон в тени, присмотрев за тем, чтобы сиропный мешочек был полон.

Потом он оглянулся на своего пленника:

— Как насчет вас? Если вы нуждаетесь в сиропе, то налейте его сами. Но нет, у вас же нет мешочка. Чем же вы тогда кормитесь? Грязью? Невкусная пища. Боюсь, что здесь она недостаточно вонючая на ваш вкус. Глотайте сироп или жуйте травку, как вам угодно, только не забредайте слишком далеко от фургона, потому что я внимательно буду следить за вами.

Мех, сидящий согнувшись в углу, не подал никакого сигнала, что он понял. И не пошевелился, чтобы воспользоваться предложением Ксантена.

Ксантен подошел к желобу с водой. Подставив ладони под струю, льющуюся из свинцовой трубы, он сполоснул руки, а затем выпил глоток воды с ладоней. Повернувшись, он обнаружил, что подошла дюжина людей. Одного он хорошо знал — человека, который мог стать Родилмингом или даже Ором, не заразись он искупленчеством.

Ксантен вежливо отдал честь:

— О. Г. Филидор. Это я, Ксантен.

— Конечно, Ксантен. Но здесь я больше не О. Г.

Филидор, а просто Филидор.

— Примите мои извинения,— поклонился Ксантен.— Я лишь пренебрег всей строгостью вашей неформальности.

— Избавьте меня от вашего остроумия,— ответил Филидор.— Зачем вы привезли обкорнованного Меха? Наверное, на усыновление?

Последнее замечание намекало на практику благородных людей привозить в деревню лишних детей.

— А теперь кто щеголяет своим остроумием? Но вы разве не слышали новостей?

— Новости сюда прибывают не скоро, лишь в последнюю очередь. Кочевники — и те лучше информированы.

— Приготовьтесь удивляться. Мехи подняли бунт против замков. Хальцион и Делора разрушены, и все люди перебиты. К этому времени, наверное, появились и новые жертвы.

Филидор покачал головой:

— Я не удивлен.

— Ну тогда разве ты не озадачен? Не озабочен?

Филидор подумал.

— В какой-то степени. Наши собственные планы, никогда не бывшие особо осуществимыми, стали еще более искусственными, чем когда-либо раньше.

— Мне кажется,— заявил Ксантен,— что вы стоите перед лицом тяжелой и непосредственной опасности. Наверняка Мехи намерены стереть с лица Земли все человечество. Вам этого тоже не избежать.

Филидор пожал плечами:

— Предположительно, такая опасность существует... мы соберем совет и решим, что делать.

— Я могу выдвинуть предложение, которое вы, возможно, сочтете привлекательным,— сказал Ксантен.— Наша первая забота — это подавить бунт. У вас есть по крайней мере дюжина Искупленческих общин с населением в две или три тысячи, может, больше, человек. Я предлагаю, чтобы мы рекрутировали и обучили корпус высокодисциплинированных солдат, снабжаемых из арсенала замка Хэйджорн, возглавляемых самыми опытными Хэйджорнскими военными теоретиками.

Филидор удивленно уставился на него:

— Вы хотите, чтобы мы, Искупленцы, стали вашими солдатами?

— А почему бы и нет?— изобразил наивность Ксантен.— Ваша жизнь поставлена на кон, и в не меньшей степени, чем наша.

— Каждый умирает только один раз.

Настала очередь удивиться Ксантену:

— Что? Неужели так может говорить бывший Джентльмен Хэйджорна? Разве такое лицо в минуты опасности обретает гордый и смелый человек?! Разве в этом урок истории? Конечно же, нет! Мне нет нужды рассказывать вам это — вы знаете все не хуже, чем я.

Филидор кивнул:

— Я знаю, что история человека — не его технические достижения, не его устройства, и не его победы. Она — составная: это мозаика из миллионов камешков, отчет о том, как каждый человек уживался со своей совестью. Вот истинная история человеческой расы.

Ксантен сделал грациозный жест, отметая сказанное.

— О. Г. Филидор, вы оскорбительно все упрощаете! Неужели вы считаете меня тупицей? Есть много видов истории. Они взаимодействуют. Вы подчеркиваете моральную сторону. Но конечная основа морали — это выживание; то, что помогает выживанию — хорошо, все, что вызывает смерть,— плохо. Вы сами в свое время говорили это!

— Хорошо сказано,— согласился Филидор.— Но позвольте мне рассказать вам одну притчу. Может ли нация, состоящая из миллионов существ, уничтожить существо, которое заразит всех смертельной болезнью? Вы скажите — да. Десять голодных зверей охотятся на вас, чтобы наесться. Убивать ли их, чтобы спасти свою жизнь? Вы снова скажете — да, хотя тут вы уничтожаете больше, чем спасаете. Еще пример: один человек живет в хижине в пустынной долине. Сто тысяч космических кораблей спускаются с неба и пытаются уничтожить его. Может ли он уничтожить эти корабли в порядке самозащиты, даже хо-

тя он один, а их сто тысяч? Наверное, вы скажете, что — да. Что же тогда, если целый мир, целая раса существ борются против этого единственного человека? Может ли он убивать всех? А что, если нападающие — такие же люди, как и он сам? Что, если он — существо из первого примера, которое иначе заразит всех, весь мир болезнью? Вы видите — нет места, где можно применить простой критерий. Мы искали — и ничего не нашли. Следовательно, с риском погрешить против выживания, мы, по крайней мере я, ибо я могу говорить только за себя — выбрал мораль, которая дарит мне душевное спокойствие. Я никого не убиваю. Я ничего не уничтожаю.

— Вы!— презрительно бросил Ксантен.— Если в эту долину вступит взвод Мехов и начнет убивать ваших детей, то разве вы не станете их защищать?

Филидор отвернулся, поджав губы. В разговор вступил другой Искупленец:

— Филидор определил мораль. Но кто же абсолютно морален? Филидор, или я, или вы? Может быть, в таком случае бросить свою мораль?

— Оглянитесь вокруг,— предложил Филидор.— Узнаете ли вы здесь кого-нибудь?

Ксантен посмотрел на группу. Поблизости стояла девушка необыкновенной красоты. На ней была белая накидка и красный цветок в кудрявившихся волосах, темневших по ее плечам.

Ксантен кивнул:

— Я вижу женщину, которую О. Ц. Гарр желал ввести в свой дом в замке.

— Именно,— подтвердил Филидор.— Вы помните обстоятельства?

— И очень даже хорошо,— ответил ему Ксантен.— Были энергичные выражения со стороны Совета Нотаблей, по причине угрозы нашим законам о контроле над численностью населения. О. Ц. Гарр пытался обойти закон таким образом: «Я же держу Фан,— говорил он.— Временами я имею целых шесть или даже восемь Фан, и никто не издает ни слова протеста. Я буду называть эту девушку Фаной и держать ее среди своих остальных Фан». Я и другие протестовали. Дело чуть не дошло до дуэли. О. Ц. Гарр

был вынужден оставить девушку в покое. Она была отдана под мою опеку, и я переправил ее в Дальнюю долину.

— Все правильно,— кивнул Филидор.— Ну, мы пытались разубедить Гарра. Он отказался поддаться на уговоры и пригрозил нам своими охотничьими силами Мехов из тридцати особей. Мы насторожились. Моральны ли мы? Сильные мы или слабые?

— Иногда,— сказал Ксантен.— Иногда лучше мораль. Хотя даже О. Ц. Гарр нередко ошибается, а вы всего лишь Искупленцы... Схожее и в случае с Мехами. Они уничтожили замки и всех людей. Если мораль означает покорное принятие своей участи, тогда мораль должна быть забыта!

Филидор издал кислый смешок:

— Какая замечательная ситуация! Здесь имеются Мехи, подобные Крестьянам, Птицам и Фанам, все переделанные, трансформированные и порабощенные для человеческого удовольствия. В самом деле, именно этот факт и создает нашу вину, которую мы должны искупить. А теперь вы хотите, чтобы мы уничтожили этих несчастных существ?

— Ошибочно чересчур много размышлять и горевать о прошлом,— наставительно произнес Ксантен.— И все же, если вы желаете сохранить за собой возможность созерцать и размышлять, я предлагаю вам драться сейчас с Мехами, или, самое малое, укрыться в замке.

— Только не я,— ответил Филидор.— Наверное, другие могут выбрать и поступить так, как вы предлагаете.

— Вы будете ждать, пока вас убьют?

— Нет, я и другие, несомненно, укроемся в отдаленных горах.

Ксантен влез обратно на борт энергофургона:

— Если вы измените свое мнение, приходите в замок Хэйджорн.

И отбыл.

Дорога продолжала идти по долине, извиваясь вверх по склону гор, пересекая хребет. Далеко впереди, четким силуэтом на фоне гор, стоял замок Хэйджорн...

7

Ксантен доложил Совету:

— Космические корабли использовать невозможно. Мехи сделали их неуправляемыми. Любой план обратиться за помощью к Родным Планетам лишен смысла.

— Это печальные новости,— поморщился Хэйджорн.— Ну, тогда с этим все.

— Возвращаясь на энергофургоне, я встретил племя кочевников. Вызвал Гетмана, объяснил ему преимущества службы замку Хэйджорн. У кочевников, боюсь, отсутствуют грация и покорность. Гетман дал мне столь дерзкий ответ, что я был в негодовании. В Дальней долине я навестил деревню Искупленцев и сделал им схожее предложение, но без особого успеха. Они столь же идеалистичны, сколь грубы кочевники. У тех и у других тенденция к бегству. Искупленцы говорят, что укроются в горах. Кочевники говорят, что отступят, вероятно, в степи.

— Чем поможет им бегство?— презрительно фыркнул Бодри.— Наверное, они выиграют несколько лет, но в конечном итоге Мехи найдут их всех до последнего. Такова их методичность.

— В то же время,— раздраженно заявил О. Ц. Гарр,— мы могли бы организовать их в эффективный боевой корпус, к выгоде всех. Ну что ж, пусть тогда погибают! Мы-то в безопасности!

— В безопасности, да,— мрачко проговорил Хэйджорн.— Но что будет, когда откажут энергосистемы? Когда сломаются лифты? Когда прервется циркуляция воздуха так, что мы станем задыхаться? Что тогда?

О. Ц. Гарр мрачно покачал головой:

— Мы должны стать твердыми, как сталь, перед этими недостойными обстоятельствами, и как можно с большей грацией. Но механизмы замка прочны, и я не думаю, что будет много ухудшений или отказов оборудования в ближайшие пять-десять лет. К тому времени может произойти все что угодно.

Клагхорн, сидевший, лениво откинувшись на спинку кресла, наконец заговорил:

— В сущности, это пассивная программа подобна бегству кочевников или Искупленцев; она очень мало смотрит за пределы текущего момента.

О. Ц. Гарр ответил заботливо вежливым кивком:

— Клагхорн знает, что я никому не уступлю в смелой искренности, так же, как и в оптимизме и прямоте, короче, в качествах, обратных пассивности. Но я отказываюсь придавать достоинство глупому мелкому недовольству, уделяя ему серьезное внимание. Как может он навешивать на эту процедуру ярлык — «пассивность»? Нет ли у заслуженного и достопочтенного главы Клагхорнов другого предложения, которое наиболее эффективно сохранит наш статус, наши стандарты, наше самоуважение?

Клагхорн медленно кивнул, с легкой полуулыбкой, которую О. Ц. Гарр находил отталкивающей и самодовольной:

— Есть простой и эффективный способ, которым можно нанести поражение Мехам.

— Ну и отлично!— воскликнул Хэйджорн.— Зачем колебаться? Позвольте нам услышать о нем!

Клагхорн задумчиво оглядел лица всех за покрытым красным бархатом столом: бесстрастный Ксантен, с его плотными, неподвижными мускулами лица, привычно сжатыми в выражении, неприятно походившем на усмешку. Иссет, красивый, прямой и полный жизни, как самый порывистый Кадет. Хэйджорн, обеспокоенно мрачный, с его чересчур явно видным внутренним замешательством. Элегантный Гарр. Овервиль, крепко задумавшийся о неудобствах будущего. Ор, играющий со своей табличкой из слоновой кости — либо скучающий, либо сдавшийся? Другие выказывали разные аспекты сомнений, мудрых предчувствий, надменности, мрачного негодования, нетерпения, а в случае Флоя — спокойную улыбку, или, как позднее охарактеризовал ее Иссет, «имбецильную ухмылку» — призванную выразить его абсолютную непричастность ко всему этому скучному делу.

Клагхорн воспринял весь фон лиц и покачал головой:

— В данный момент я не стану рассматривать

глубже этот план, так как боюсь, что он пока не работоспособен. Но я должен указать, что ни при каких обстоятельствах замок Хэйджорн не сможет оставаться таким, каким он был прежде, даже если мы уцелеем после нападения Мехов.

— Ба!— воскликнул Бодри.— Мы теряем достоинство, становимся смешными, когда всего лишь обсуждаем этих зверей!

Ксантен зашевелился:

— Тема неприятная, но помните: Хальцион уничтожен, Делора — тоже, и кто знает, какие еще замки? Давайте не будем засовывать головы в песок! Мехи не исчезнут только лишь потому, что мы их игнорируем!

— В любом случае,— заметил О. Ц. Гарр.— Джейнил в безопасности. Другие, если они еще не перебиты, вполне могут укрыться у нас во время этих неудобств — если только смогут оправдать свое унижение и бегство. Я лично считаю, что Мехи скоро вернутся к покорности, желая возвратиться на свои посты.

Хэйджорн мрачно покачал головой:

— В это трудно поверить. Ладно, сделаем перерыв...

Из огромного числа электрических и механических устройств замка первой вышла из строя система радиосвязи.

Поломка произошла столь скоро и столь внезапно, что соответствующие теоретики, а именно И. К. Хард и Вегус, предположили диверсию сбежавших Мехов. Другие отмечали, что эта система никогда не была абсолютно надежной, что сами Мехи вынуждены были постоянно возиться со схемами и что выход из строя радиосвязи был просто результатом неудачной конструкции.

Хард и Вегус осмотрели громоздкий аппарат, но причины отказа понять не смогли. После получасового совещания они пришли к выводу, что для любой попытки восстановления схемы необходимы ее пересмотр и полное переустройство, с последующим испытанием конструкции и калибровки приборов, а

также изготовление совершенно нового набора деталей.

— ... Это совершенно невозможно,— заявил Вегус в своем докладе Совету.— Простейшая годная к использованию система потребует нескольких технико-лет. А под рукой нет даже одного-единственного техника. Таким образом, мы должны подождать, пока будет обучена и готова к труду новая рабочая сила взамен Мехов.

— В ретроспективе,— заявил Иссет, старейший из вождей кланов,— ясно, что во многих отношениях мы были менее, чем предусмотрительны. Неважно, что люди с Родных Планет вульгарны! Люди более проницательные, чем мы, поддерживали бы межпланетную связь.

— Отсутствие «проницательности» и «предусмотрительности» не были определяющими фактами,— возразил Клагхорн.— Связь не поощрялась потому, что Лорды не хотели, чтобы живущим на Земле указывали с Родных Планет. Вот так. Все просто...

Иссет икнул и начал было возражать, но Хэйджорн поспешил вмешаться:

— К несчастью, как говорит нам Ксантен, космические корабли превратились в бесполезный хлам. Хотя соответствующие Джентльмены из нашего числа обладают в этой области глубокими знаниями теоретического характера, но опять же: кто будет выполнять физическую работу? Даже будь ангары и космические корабли под нашим контролем...

— Дайте мне шесть взводов крестьян и шесть снаряженных энергофургонов с энергопушками,— провозгласил О. Ц. Гарр,— и я отобью ангары! Тут трудностей нет!

— Ну, хоть какой-то сдвиг, по крайней мере! Я помогу вам Крестьянами, и, хотя я ничего не знаю об управлении пушкой, можете на меня положиться — в смысле любого совета, который я смогу дать.— Хейджорн оглядел группу, нахмурился и потянул себя за подбородок.— Но в этой программе тоже есть трудности. Во-первых, у нас под рукой только один энергофургон, на котором вернулся со своей рекогносцировки Ксантен. Потом, насчет наших энергопушек — кто-

нибудь проинспектировал их? Хранение их было доверено Мехам, но, возможно, и даже вероятно, что они проявили злой умысел и в этом. О. Ц. Гарр, вы считаетесь опытным военным теоретиком. Что вы можете сообщить нам по этой части?

— На данный момент я не проделал никакой инспекции,— сообщил О. Ц. Гарр.— А сегодня Обозрение Старинных Камзолов займет нас всех до «Часа Вечерней Оценки».*

Он посмотрел на свои часы:

— Наверное, сейчас столь же удобное время сделать перерыв, как и любое другое время — пока я не смогу снабдить Совет детальной информацией относительно пушек.

Хэйджорн кивнул:

— Время в самом деле очень позднее. Ваши Фаны появятся сегодня?

— Только две,— ответил О. Ц. Гарр,— Лазури и Одиннадцатая Тайна. Я не смог найти ничего подходящего ни для маленькой Голубой Феи, ни для Прозрачного Восторга, а Глориансе все еще требуется обучение. Сегодня наибольшее внимание должна привлечь Разноцвет В. З.

— Да,— согласился Хэйджорн.— Я слышал мнения других, и они сводятся к тому же. Ладно, тогда до завтра.— Э-э, Клагхорн, вы хотите что-то сказать?

— Да, в самом деле,— скромно признался Клагхорн.— У всех нас оставалось в распоряжении мало времени. Я серьезно сомневаюсь в эффективности Крестьянских войск. Они все равно, что кролики против волков. А нам нужны скорее пантеры, а не кролики.

— А, да...— туманно протянул Хэйджорн.— Да, в самом деле...

— Где же тогда найти пантер?— Клагхорн воп-

---

* *Обозрение Старинных Камзолов, «Час Вечерней Оценки» — буквально смысл первого термина был бы все еще уместен. Что же до смысла второго, то он был утерян, и выражение стало лишь формализмом, относящимся к тому часу после полудня, когда Джентльмены обменивались визитами и пробовали вина. Время расслабления и легкого разговора перед увеселениями и обедом.*

росительно оглядел сидящих вокруг стола.— Неужели никто не может предложить, где их взять?.. Жалко. Хорошо, если пантеры не появятся, то, я полагаю, сойдут и кролики. Давайте займемся делом, превращая кроликов в пантер немедля. Я предлагаю, чтобы мы отсрочили все праздники и спектакли до тех пор, пока не появится большая уверенность в нашем будущем.

Хэйджорн поднял брови, открыл рот, собираясь что-то сказать,— и снова закрыл. Он внимательно посмотрел на Клагхорна, чтобы удостовериться, шутит он или нет. Затем он с сомнением оглядел сидящих за столом.

Бодри исторг весьма наглый смех:

— Кажется, эрудит Клагхорн поднимает панический крик!

— Это очевидно,— согласился О. Ц. Гарр.— Со всем достоинством, мы не можем себе позволить, чтобы дерзость наших слуг вызвала у нас такую безумную тревогу. Мне стыдно даже затрагивать эту тему!

— А мне не стыдно,— ответил Клагхорн с тем открытым самодовольством, которое столь раздражало О. Ц. Гарра.— И я не вижу никаких причин, по которым нам следовало бы смущаться. Нашим жизням угрожают — и в этих условиях такой пустяк, как наше смущение или что-нибудь подобное, становится второстепенным.

О. Ц. Гарр поднялся и издевательски отдал честь в сторону Клагхорна, отдал так, что это сильно смахивало на намеренное оскорбление. Клагхорн, тоже поднявшись, отдал честь схожим образом — и столь степенно и услужливо, что облачил оскорбление О. Ц. Гарра в пародийные одежды. Ксантен, презиравший О. Ц. Гарра, рассмеялся открыто.

О. Ц. Гарр поколебался, однако, почувствовав, что при данных обстоятельствах ссора будет расценена как дурной тон, широким шагом вышел из комнаты...

Обозрения Старинных Камзолов — ежегодные выступления Фан, облаченных в пышные одежды,— имели место в Большой Ротонде, на северной стороне Центральной площади.

Примерно половина Джентльменов и меньше четверти Леди держали Фан. Это были туземные создания из пещер Альбирло-7 — покорная раса, игривая и способная привязываться,— которые после нескольких тысяч лет селекции превратились в эльфов пикантной красоты. Окутанные тонким газом, который выходил у них из пор за ушами и струился по рукам, по спине, они были самыми безобидными существами, заботящимися только о том, чтобы доставить людям удовольствия, невинно-суетные. Большинство Джентльменов относились к ним приветливо, но иногда ходили слухи о Леди, наказывающих особо ненавистных им Фан раствором аммиака, от которого тускнели их шкурки, а газ пропадал навсегда.

Джентльмен, очарованный Фаной, считался смешной фигурой. Заботливо выведенные, Фаны казались хрупкими девушками, но, если их использовали в сексуальных целях, они становились помятыми и изможденными, с обвисшим и обесцветившимся газом,— и всем было ясно, что такой-то Джентльмен неправильно использовал свою Фану. В этом отношении, по крайней мере, женщины замка могли показать свое превосходство. И они делали это, ведя себя с такой экстравагантностью и провокационностью, что Фаны по контрасту с ними казались самыми бесхитростными и хрупкими природными духами. Протяженность жизни Фан равнялась, наверное, годам тридцати, и в последние годы — лет десять,— потеряв свою красоту, они укутывались в мантии из серого газа и выполняли лакейские обязанности в будуарах, кухнях, чуланах и детских.

Обозрение Старинных Камзолов было больше обозрением Фан, чем Камзолов, хотя и последние, искусно сотканные из фан-газа, были сами по себе великолепны.

Владельцы Фан сидели в нижнем ярусе, в напряжении от надежд и гордости, в экзальтации, когда какая-нибудь Фана производила особенно роскошную демонстрацию,— и погружаясь в черные бездны, когда ритуальные позы намекали на что-то еще, помимо грации и элегантности. Во время каждой демонстрации Джентльмены — и не только владельцы

Фан — восторгались высокоформальной музыкой. Сам владелец никогда не играл на лютне при выступлении его Фаны. Демонстрация никогда не была открытым состязанием, и не позволялось никакого формального одобрения вслух, но все смотревшие принимали про себя решение, которая из Фан была более восхитительной и грациозной, и, таким образом, повышалась репутация владельца.

Очередное «Обозрение» задерживалось на полчаса, по причине бегства Мехов понадобились соответствующие спешные импровизации. Но благородные люди замка Хэйджорн не любили разводить критику и не обращали внимания на случайные ошибки, когда дюжина молодых Крестьян с трудом выполняла незнакомые им действия. Фаны были столь же восхитительны, как и всегда, они изгибались, извивались и раскачивались под звучные аккорды лютни, трепеща своими пальчиками, словно нащупывая капли дождя, неожиданно съеживались, затем пружинисто распрямлялись — и, наконец, кланяясь, соскальзывали со сцены.

Посреди программы в Ротонду неуклюже бочком вступил один Крестьянин и что-то с настойчивым видом прошептал Кадету, подошедшему спросить, что у него за дело. Кадет сразу же пробрался к отполированной черной ложе Хэйджорна. Хэйджорн выслушал, кивнул, произнес несколько слов, очень кратких и спокойных, и снова, как ни в чем не бывало, устроился в своем кресле, словно послание было несущественным. Благородные люди из зрителей тут же успокоились.

Представление продолжалось. Восхитительная пара О. Ц. Гарра выступила прекрасно, но в общем чувствовалось, что наиболее пленительным было выступление Дирлии, юной Фаны, принадлежавшей Иссету Флоя Газунетту; она выступала впервые.

Фаны появились в первый раз, танцуя все вместе под импровизированный менуэт. Затем они отдали последний полувеселый, полусожалеющий поклон и покинули Ротонду. Еще несколько минут Леди и Джентльмены оставались в своих ложах, смакуя эсценции, обсуждая представление, устраивая дела и

поручения. Хэйджорн сидел, нахмурясь и нервно теребя рукав своего одеяния.

Вдруг он поднялся. Ротонда мгновенно умолкла, наступила тишина.

— Я не хотел бы вносить неприятную ноту в столь веселую и приятную минуту,— произнес он.— Но мне только что передали новость, и ее следует знать всем. Замок Джейнил подвергся нападению. Мехи собрали там крупные силы с сотнями энергофургонов. Они окружили замок валом, который предотвращает любое эффективное использование джейнильской энергопушки.

Для Джейнила нет никакой непосредственной опасности, и трудно понять, на что надеются Мехи,— ведь стены Джейнила высотой в двести футов.

Тем не менее, новость эта мрачная и означает, что в конечном итоге мы должны ждать похожей осады, хотя трудно понять, каким образом Мехи надеются причинить нам неудобства. Наша вода извлекается из четырех артезианских колодцев, уходящих глубоко в землю. У нас есть большие запасы пищи. Энергию мы получаем от Солнца. При необходимости мы можем консервировать воду и синтезировать пищу из воздуха, по крайней мере, так меня заверил на этот счет великий теоретик биохимии К. И. Лидсхэйм. И все же такова новость. Делайте из нее какие угодно выводы. Завтра собирается Совет Нотаблей.

8

— На сей раз давайте обойдемся без формальностей,— заявил Хэйджорн Совету.

О. Ц. Гарр, одетый в великолепный серо-зеленый мундир ововельских драгун, заботливо поставил на стол свой митак, так, чтобы плюмаж держался прямо.

— Из двенадцати пушек четыре, похоже, функционируют нормально. Четыре были намеренно испорчены удалением энергопроводки, четыре были заблокированы каким-то средством, так и не обнаруженным при внимательном исследовании. Я отобрал с полдюжины Крестьян, продемонстрировавших хоть какие-то способности к механике, и детально прокон-

сультировал их. В настоящее время они заняты сращиванием наводок. Такова моя текущая информация относительно пушек.

— Умеренно хорошие новости,— заключил Хэйджорн.— Что насчет предложенного корпуса вооруженных Крестьян?

— Проект пущен в ход. Сейчас О. Ф. Мали и И. А. Берцелаиус инспектируют Крестьян с целью набора и обучения. Я не могу сделать никакого оптимистического предсказания касательно военной эффективности такого корпуса, даже обученного или руководимого такими достойными Джентльменами, как О. Ф. Малк, И. А. Берцелиус и я. Крестьяне — скромная, но эффективная раса, восхитительно пригодная для выпалывания сорняков, но не имеющая какого-либо пороха для драки.

Хэйджорн оглядел членов Совета.

— Есть какие-нибудь другие предложения?

Борди заговорил резким сердитым голосом:

— Если бы только эти злодеи оставили нам энергофургоны, то мы могли бы погрузить пушки на борт. Для этого, по крайней мере, Крестьяне годятся. Тогда мы могли бы подъехать к Джейнилу и ударить по этим псам с тыла.

— Эти Мехи кажутся совершенными дьяволами,— провозгласил Ор.— Что у них на уме? Почему после всех этих веков они вдруг сошли с ума?

— Мы все задаем себе те же самые вопросы,— ответил Хэйджорн.— Ксантен, вы вернулись с рекогносцировки с пленником. Вы пробовали допросить его?

— Нет,— ответил Ксантен.— По правде говоря, с тех пор я и не думал о нем.

— Почему бы тогда нам не попробовать его допросить? Наверное, он сможет дать ключ к разгадке.

Ксантен кивнул в знак согласия:

— Могу попытаться. Но, честно говоря, я не ожидаю что-нибудь узнать от него.

— Клагхорн, вы эксперт по Мехам,— обратился Борди.— Могли бы вы подумать, что эти создания способны на такой сложный заговор? Что они надеются приобрести? Наши знания?

— Конечно, они способны к точному и быстрому планированию,— ответил Клагхорн.— Их безжалостность меня удивляет больше, чем следовало бы. Я никогда не знал, что они жаждали нашей материальной собственности, и они не показывали ни малейшей склонности к тому, что мы считаем спутниками цивилизации: утонченные признаки чувств и тому подобное. Я часто размышлял — хотя я лично не предлагаю это как теорию — что структурно-логический мозг имеет куда большее значение, чем мы считали. Наш мозг примечателен предельным отсутствием рациональной структуры. Учитывая случайную манеру, с которой формируются, регистрируются, индексируются и запоминаются наши мысли, любой рациональный акт становится чудом. Наверное, мы не способны к рациональности. Наверное, все наше мышление — это набор импульсов, генерируемых одними эмоциями, направляемых другими, ратифицируемых третьими. По контрасту мозг Меха — чудо того, что кажется точной инженерией. По форме он представляет из себя грубый куб и состоит из микроскопических клеток, взаимно связанных органическими волоконцами, каждое из которых представляет из себя одноволновую молекулу с пренебрежимо малым электрическим сопротивлением. Внутри каждой клетки — пленки из кремнезема, жидкость варьируемой проводимости и электрических потенциалов, корка из сложной смеси окислов металлов. Этот мозг способен упорядоченно складировать огромное количество информации. Ни один факт не теряется, если его намеренно не забывают. Такова способность, которой Мехи обладают. Мозг этот также функционировал как радиопередатчик, возможно, и как радар — хотя это опять предположение. Где мозг Меха оказывается неполноценным, так это в его эмоциональной расцветке. Один Мех в точности подобен другому, без каких бы то ни было поддающихся нашему восприятию отличий. Эта особенность является функцией их системы общения.

При этих уникальных условиях было бы немыслимо развиться личности, единственной в своем роде. Они служили нам эффективно, и мы думали, что они

ничего не чувствовали относительно своего положения: ни гордости при достижении результата, ни негодования, ни стыда. Ничего в этом роде. Но они не любили, даже ненавидели нас — да и сейчас ненавидят. Для нас трудно представить себе этот эмоциональный вакуум — когда каждый из нас что-то чувствует по отношению ко всему, что нас окружает. Мы живем в сумбуре эмоций; наш мозг — это огонь, их же — напоминает ледяной кубик. Их кормили, одевали, берегли в манере, которую они находили удовлетворительной. Почему они взбунтовались? Я долго размышлял на эту тему, но единственная причина, которую я смог сформулировать, кажется столь гротескной и неразумной, что я отказываюсь принимать ее всерьез. Если же это, в конце концов, является правильным объяснением...— голос его замер.

— Ну?— повелительно потребовал ответа О. Ц. Гарр.— И что тогда?

— Тогда? Все одно! Они твердо решили уничтожить человеческую расу. Мое предположение ничего не изменит.

Хэйджорн обратился к Ксантену:

— Все это должно помочь вам в ваших распросах.

— Я как раз собирался предложить, чтобы Клагхорн помог мне, если он согласен,— ответил Ксантен.

— Как вам угодно,— согласился Клагхорн.— Хотя, по моему мнению, информация, которая не относится к делу, не имеет значения. Нашей единственной заботой должно быть средство отразить их натиск и спасти свою жизнь.

— И, за исключением сил «пантер», которых упомянули на нашей предыдущей сессии, вы не можете представить себе никакого тонкого оружия?— грустно спросил Хэйджорн.— Какого-нибудь устройства, создающего электрический резонанс в их мозгу, или чего-нибудь подобного?

— Неосуществимо,— отрезал Клагхорн.— Соответствующие органы в мозгу этих созданий функционируют, как реле перегрузки. Хотя, с другой стороны, в течение всего времени работы этих «реле» они не способны к связи друг с другом.

После минутного размышления, он задумчиво добавил:

— Кто знает? О. Г. Берналь и Вегус — теоретики с глубокими знаниями таких проекций. Наверное, они могут сконструировать подобное устройство или даже несколько — для возможной надобности.

Хэйджорн с сомнением кивнул и посмотрел на Вегуса.

— Это возможно?

Вегус свел брови:

— Сконструировать? Конечно, я могу спроектировать такой прибор, но компоненты рассеяны в полном беспорядке по складам, одни функционируют, другие — нет. Чтобы достичь чего-нибудь серьезного, я должен стать не больше, чем подмастерьем Мехов.— Он рассердился, и голос его отвердел.— Я нахожу трудным поверить, что мне указывают на такой факт?! Неужели вы столь мало цените меня и мои таланты?

— Конечно же нет!— поспешил заверить его Хэйджорн.— Я лично никогда не помыслил бы оспаривать ваши достоинства.

— Никогда!— согласился Клагхорн.— Я также согласен с Хэйджорном, и тем не менее во время нынешних чрезвычайных обстоятельств мы обнаружили, что унижения будут навязаны нам — если мы сейчас же не навяжем их себе сами.

— Отлично!— губы Вегуса дрогнули в лишенной юмора улыбке.— Вы пойдете со мной на склад. Я укажу, какие компоненты надо собрать и принести, а черновую работу сделаете вы. Что скажете на это?

— Я скажу, что с радостью сделаю это, если от этого будет настоящая польза. Однако я едва ли смогу выполнять работу и для дюжины других теоретиков. Будет ли нести службу еще кто-нибудь, кроме меня?

Никто не ответил. Молчание было абсолютным, словно все присутствующие Джентльмены затаили дыхание.

Хэйджорн начал было говорить, но Клагхорн перебил его:

— Простите, Хэйджорн, но здесь мы столкну-

лись с основным принципом, и решение должно быть принято сейчас, и немедленно.

Хэйджорн отчаянно оглядел Совет:

— У кого есть относящиеся к делу замечания?

— Клагхорн должен поступить так, как велит ему врожденная натура,— провозгласил самым медовым голосом О. Ц. Гарр.— Я не могу диктовать ему. Что же касается лично меня, то я никогда не унижу своего статуса Джентльмена Хэйджорна. Это кредо столь же естественно для меня, как дыхание. Если оно когда-нибудь будет скомпрометировано, то я стану пародией на Джентльмена, гротескной маской самого себя. Это — замок Хэйджорн, и мы представляем кульминацию человеческой цивилизации. Любой компромисс таким образом становится деградацией, любое снижение наших стандартов становится бесчестием! Я слышал, как употребили выражение «чрезвычайные обстоятельства». Какое прискорбное выражение и настроение! Удостаивать таких крысоподобных любителей пощелкать и поскрежетать зубами — это, по моему мнению, недостойно Джентльменов Хэйджорна!

Вокруг стола Совета раздался ропот одобрения. Клагхорн откинулся на спинку кресла, опустив подбородок на грудь, словно расслабился. Взгляд его ясных глаз переходил от лица к лицу и наконец вернулся к О. Ц. Гарру, которого он долго изучал с бесстрастным интересом.

— Ясно, что вы обращали свои слова ко мне,— вновь заговорил он.— Я ценю их злость. Но сейчас это неважно.— Он отвел взгляд от О. Ц. Гарра и уставился на массивный алмазно-изумрудный канделябр.— Важнее тот факт, что Совет в целом, несмотря на мои серьезные увещевания, кажется, поддерживает вашу точку зрения. Я не могу больше побуждать, убеждать, осторожно внушать — и покидаю замок Хэйджорн. Я нахожу данную атмосферу удушающей. Надеюсь, что вы переживете нападение Мехов, хотя и сомневаюсь, что это вам удастся. Они — умная, изобретательная раса, не обеспокоенная приступами сомнений и предвзятости, а мы долго недооценивали их качеств.

Клагхорн поднялся со своего места и вставил табличку из слоновой кости в свое гнездо:

— Я прощаюсь со всеми вами.

Хэйджорн поспешно вскочил на ноги, умоляюще протянув руки вперед:

— Не уходите в гневе, Клагхорн! Одумайтесь. Нам нужны ваша мудрость, ваш опыт.

— Разумеется, нужны,— согласился Клагхорн.— И даже больше: вам нужно действовать по данному мной совету. До этого у нас не будет точек соприкосновения и любое дальнейшее общение будет бесплодным и утомительным.

Он отдал краткую, включающую всех, честь, и покинул палату.

Хэйджорн медленно вернулся на свое место. Другие делали беспокойные движения, откашливаясь, смотрели на канделябр, изучали свои таблички. О. Ц. Гарр что-то тихо сказал сидящему рядом с ним Н. Ф. Вайясу, и тот согласно кивнул.

Хэйджорн произнес притихшим голосом:

— Нам будет недоставать присутствия Клагхорна, его проницательных, если не парадоксальных, идей и озарений... Мы мало чего достигли. Вегус, вы, наверное, подумаете над обсуждавшимся проектом. Ксантен, вам надо допросить Меха. О. Ц. Гарр, вы, несомненно, присмотрите за ремонтом энергопушки. Помимо этих мелких дел, мы, похоже, не развили никакого общего плана действий, чтобы помочь нам самим или Джейнилу.

— Что насчет других замков?— спросил Марун.— Они еще существуют? У нас нет новостей. Я предлагаю отправить Птиц к каждому замку и разузнать об их положении.

Хэйджорн согласно кивнул:

— Да, это мудрый шаг. Наверное, вы позаботитесь об этом, Марун?

— Я сделаю это сам.

— Хорошо. А теперь на время прервем заседание и сделаем перерыв...

Птицы были посланы Маруном из клана Ор и вернулись одна за другой. Их рапорты были схожи:

— Си Айленд — заброшен. Мраморные колонны

свалены вдоль берега. Жемчужный купол обвалился. Трупы плавают в Водном саду.

— Маравиль пахнет смертью. Джентльмены, Крестьяне, Фаны — все погибли! Даже Птицы улетели!

— Делора: а рос, рос, рос! Мрачная сцена! Не найти ни одного признака жизни!

— Ангом безлюден! Огромная деревянная дверь разбита! Вечнозеленое пламя погасло!

— В Хальционе ничего нет. Крестьяне были загнаны в шахту.

— Туант — молчание.

— Морнинглайт — смерть!

9

Три дня спустя Ксантен принудил шесть Птиц поднять в воздух кресло. Он направил их сперва по широкой дуге вокруг замка, затем — на юг, к Дальней долине.

Птицы прогорланили свои обычные жалобы, затем побежали по палубе большими неуклюжими скачками, угрожая немедленно сбросить Ксантена на мостовую. Наконец они, поднявшись в воздух, полетели вверх по спирали. Далеко внизу замок Хэйджорн выглядел сложной миниатюрой. Каждый дом был отмечен своим уникальным скоплением башен, башенок и вышек, своими собственными очертаниями крыши, своим длинным, развевающимся на ветру вымпелом.

Птицы совершили предписанный круг, скользя над скалами и соснами Северного Гребня. Затем, развернув крылья наискось к восходящему потоку, понеслись к Дальней долине.

Птицы и Ксантен летели над приятными на вид Хэйджорнскими владениями, над старыми садами, полями, виноградниками, деревнями Крестьян. Они пролетели над озером Мод, с его павильонами и доками, над лугами, где паслись коровы и овцы, и вскоре прибыли в Дальнюю долину, к пределам Хэйджорнских земель.

Ксантен указал, где он желает приземлиться. Птицы, которые предпочли бы расположиться побли-

же к деревне, где они могли бы наблюдать за происходящим, сердито заропта́ли, заголосили и посадили Ксантена столь жестко, что не будь он настороже, то приземлился бы вверх тормашками.

Ксантен приземлился без элегантности, но по крайней мере удержался на ногах.

— Ждите меня здесь!— приказал он.— Не шастайте по сторонам и не пробуйте никаких фокусов с пристяжными ремнями. Когда я вернусь, то желаю увидеть шесть спокойных Птиц в четком построении, с не перепутанными и не перекрученными ремнями. Предупреждаю, никаких склок! Никаких шумных кошачьих концертов, навлекающих неблагоприятные комментарии! Пусть все будет как я приказал!

Птицы надулись, затопали, склонили набок головы, шепча оскорбительные замечания, неслышные Ксантену.

Ксантен повернулся, бросил на Птиц последний суровый взгляд и пошел по дороге в деревню.

Лозы отяжелели от свежей и спелой ежевики, и множество деревенских девушек наполняли ею корзины. Среди них была и девушка, которую О. Ц. Гарр хотел умыкнуть для своего личного употребления. Проходя мимо, Ксантен вежливо отдал честь.

— Если мне не изменяет память, мы раньше встречались.

Девушка улыбнулась полупечальной, полукапризной улыбкой.

— Ваша память служит вам хорошо. Мы встречались в Хэйджорне, куда меня взяли пленницей. И позже, когда вы переправляли меня сюда в темноте, хотя тогда я и не могла разглядеть вашего лица.— Она протянула ему корзину.— Вы не голодны?

Ксантен вежливо взял несколько ягод. В ходе разговора он узнал, что девушку зовут Глисс Медоусвит, что ее родители были ей неизвестны, но являлись, надо полагать, благородными людьми замка Хэйджорн, превысившими свою квоту рождения. Ксантен изучил ее еще внимательнее, чем раньше, но не смог найти сходства ни с одним из семейств Хэйджорна.

— Возможно, что вы происходите из замка Де-

лора. В вас есть некоторое сходство с Козансами оттуда. Это семейство, знаменитое красотой своих Леди.

— Вы не женаты?— безыскусно спросила она.

— Нет,— ответил Ксантен. И в самом деле, только днем раньше он прекратил свои отношения с Арминой.— А вы не замужем?

Она покачала головой:

— Будь я замужем, я бы никогда не собирала ежевику — работа зарезервирована для дев. Почему вы приехали в Дальнюю долину?

— По двум причинам. Первая — увидеть вас.— Ксантен с удивлением услышал от себя эти слова. Но это была правда, понял он с еще одним шоком удивления.— Мне так и не удалось как следует с вами поговорить, и я всегда хотел узнать, все время ли вы так очаровательны, и веселы, и прекрасны...

Девушка пожала плечами, и Ксантен не мог быть уверенным, была ли она довольна или нет. Комплименты от Джентльмена иногда являлись прелюдией к огорчительным последствиям.

— Ну, неважно... Я приехал также поговорить с Клагхорном.

— Он живет вон там,— произнесла девушка бесстрастным голосом и вернулась собирать ягоды.— Он занимает крайнюю хижину.

Поклонившись, Ксантен проследовал к указанной хижине.

Клагхорн, одетый в свободные серые домотканые бриджи до колен, рубил топором дрова для печки. Завидев Ксантена, он прекратил работу, вытер лоб и оперся на топор.

— А, Ксантен. Рад вас видеть. Как там народ в замке Хэйджорн?

— Как и раньше. Мало что можно сообщить, хотя я и доставил вам новости.

— В самом деле? Действительно?— опершись руками о рукоять топора, Клагхорн внимательно изучал Ксантена серо-голубыми глазами.

— На нашем последнем заседании,— продолжал Ксантен,— я согласился допросить пленного Меха. А после сожалел, что вас не было под рукой, чтобы помочь, так как вы могли разрешить соответствующие

двусмысленности в его ответах.

— Говорите,— предложил Клагхорн.— Наверное, я сумею сделать это теперь.

— После заседания Совета я немедленно спустился на склад, где пребывал в заключении Мех. У него отсутствовало питание. Я дал ему сиропа и ведро воды, из которого он немного полакал; затем он высказал желание отведать фаршированных моллюсков. Я вызвал кухонного работника и отправил его за данными продуктами — и Мех проглотил несколько пинт этой еды. Как я указал, это был необычный Мех, ростом с меня и без сиропного мешочка. Я препроводил его в другое помещение, в склад для коричневой плюшевой мебели, и приказал ему сесть. Я смотрел на Меха, а он на меня. Удаленные мною колючки снова отросли, вероятно, он мог по меньшей мере принимать сигналы от прочих Мехов. Он казался зверем, превосходившим других, не проявлявшим ни похоронного настроения, ни унижения,— и без колебаний ответил на мои вопросы.

Сперва я заметил:

«Благородные люди замков поражены бунтом Мехов. Мы предполагали, что ваша жизнь была удовлетворительной. Мы были неправы?»

«Определенно».

Я уверен, что он просигналил именно это, хотя и никогда не подозревал наличия у Мехов любого рода остроумия.

«Тогда отлично,— сказал я.— В каком смысле?»

«Наверняка это наивно. Мы больше не намерены трудиться по вашему желанию. Мы хотим жить по своим традиционным стандартам».

Этот ответ удивил меня. Я и не знал, что Мехи обладали какими-то стандартами, не говоря уже о традициях.

Клагхорн кивнул:

— Я был схожим образом удивлен масштабами и умственной деятельностью Мехов.

«Зачем убивать?— попрекал я Меха.— Зачем уничтожать наши жизни ради улучшения своих?»

Как только я поставил этот вопрос, я понял, что он был неудачно сформулирован. Мех, я думаю, тоже

это понял. Однако в ответ он очень быстро просигналил нечто, что я счел следующим:

«Мы знали, что должны действовать решительно. Необходимым это сделал наш собственный протокол. Мы могли бы вернуться на Этамин-10, но мы предпочитаем эту планету — Землю. И мы сделаем ее своей, со своими собственными дорогами-катками, лоханями и склонами для загорания».

Это казалось достаточно ясным, но я испытывал смутное чувство, что за этим таится что-то еще.

«Понятно,— сказал я.— Но зачем убивать? Зачем уничтожать? Вы могли бы перебраться в другой регион. Возможно, мы не стали бы вас преследовать».

«Неосуществимо, по вашему собственному мнению. Мир слишком тесен для двух соперничающих рас. Вы собирались отправить нас обратно на Этамин-10».

«Нелепость!— бросил я.— Фантазии, абсурд! Вы что, принимаете меня за идиота»?

«Нет!— настаивало создание.— Двое из Нотаблей замка Хэйджорн добивались высшего поста. Один из них заверил нас, что, если его изберут, то это станет целью его жизни».

«Гротескно, неправильно поняли,— сообщил ему я.— Один сумасшедший человек не может говорить за всех людей».

«Да? Один Мех говорит за всех Мехов. Мы думаем одним умом. Разве у людей не так»?

«У нас каждый думает сам за себя. Сумасшедший, заверивший вас в этой чепухе,— злой человек. Но, во всяком случае, дело разъяснилось. Мы не предполагали отправлять вас на Этамин-10. Вы отступите от Джейнила, возьмете себе достаточно удаленные земли и оставите нас в покое.»

«Нет. Дело зашло слишком далеко. Теперь мы уничтожим всех людей.»

Истина этого заявления ясна: «ОДНА ПЛАНЕТА СЛИШКОМ ТЕСНА ДЛЯ ДВУХ РАС».

«Тогда, к несчастью, я должен убить вас,— сообщил ему я.— Такие действия мне не по нраву, но дай вам шанс — и вы убьете столько Джентльменов, сколько сможете».

Тут создание бросилось на меня, и я убил его с более легкой душой, чем если бы оно спокойно сидело на своем месте. Теперь вы знаете все. Мне кажется, что либо вы, либо О. Ц. Гарр стимулировал этот катаклизм. О. Ц. Гарр? Маловероятно. Невозможно! Следовательно, это вы, Клагхорн. ВЫ!!! Носите теперь этот груз в душе!

Клагхорн, нахмурясь, смотрел на свой топор:

— Груз — да. Вина — нет. Бесхитростность — да. Злой умысел — нет.

Ксантен отпрянул:

— Клагхорн, ваше хладнокровие меня поражает! Раньше, когда ваши враги, вроде О. Ц. Гарра, представляли вас сумасшедшим...

— Ксантен!— раздраженно воскликнул Клагхорн.— Это экстравагантное биение себя в грудь я считаю бестактным. Что я сделал невероятного? Моя вина в том, что я пытался сделать слишком много. Неудача трагична, но чахоточное лицо, висящее над чашей будущего,— еще хуже. Я намеревался, став Хэйджорном, отправить рабов по домам. Мой план провалился, рабы взбунтовались. Так что не говорите больше ни слова! Мне наскучила эта тема. Вы себе не представляете, как меня угнетают ваши выпученные глаза и изогнутый хребет.

— Может, вам и наскучило!— закричал Ксантен.— Вы осуждаете мои глаза, мой хребет, но что вы скажете насчет тысяч убитых?

— Сколь долго они прожили бы в любом случае? Жизнь дешева, как рыба в море. Я предлагаю вам оставить свои упреки и посвятить свою энергию спасению самого себя. Вы понимаете, что существуют средства к этому? Вы тупо глядите на меня. Заверяю вас, что то, что я говорю,— правда, но вы никогда не узнаете этих средств от меня.

— Клагхорн, я прилетел сюда, намереваясь снести с плеч вашу голову...

Но Клагхорн больше не слушал его и вернулся к рубке дров.

— Клагхорн!

— Ксантен, будьте любезны, кричите где-нибудь в другом месте. Увещевайте своих Птиц, что ли.

Ксантен, круто повернувшись, стремительно двинулся обратно по дороге. Девушки, собирающие ягоды, вопросительно смотрели на него и поспешно уступали ему дорогу. Ксантен остановился, посмотрел назад и вперед, вдоль дороги. Глисс Медоусвит нигде не было видно. С новой яростью он продолжил путь. И резко остановился. На упавшем дереве, в ста футах от Птиц, сидела Глисс Медоусвит, изучая стебелек травы так, словно он был поразительной реликвией прошлых веков. Птицы каким-то чудом и впрямь подчинились ему и дожидались с приличным подобием порядка.

Ксантен возвел очи горе, поковырял носком сапога дерн. Потом сделал глубокий вдох и приблизился к Глисс. Он заметил, что она воткнула цветок в свои распущенные волосы. После секунды-другой паузы она подняла глаза и посмотрела ему в лицо:

— Почему ты так рассердился?

Ксантен хлопнул себя по бедру и сел рядом с ней:

— Рассердился? Нет. Я с ума схожу от расстройства, Клагхорн же несговорчив, как камень! Он знает, как можно спасти замок Хэйджорн, но не разглашает тайны!

Глисс Медоусвит рассмеялась веселым смехом, не похожим ни на какой-либо, слышанный Ксантеном раньше в замке Хэйджорн.

— Тайну? Когда даже я знаю ее?

— Это должно быть тайной,— стоял на своем Ксантен.— Он мне не скажет.

— Слушайте. Если вы не хотите, чтобы это слышали Птицы, я скажу вам шепотом.

И она прошептала ему на ухо несколько слов.

Наверное, ее сладкое дыхание одурманило Ксантена, но недвусмысленная до неприличия суть откровения дошла до его сознания. Ксантен издал веселый смешок:

— Тут действительно нет никакой тайны. Только то, что доисторические скифы называли словом «батос». Бесчестье для Джентльменов! Нам — отплясывать с Крестьянами? Нам — обслуживать Птиц и обсуждать с ними блеск наших Фан?

— Ах, значит, бесчестье?— она вскочила на но-

ги.— Тогда для вас такое же бесчестье разговаривать со мной, делая мне предложение!

— Я не делал никаких предложений!— запротестовал Ксантен.— Я сижу здесь со всем приличием.

— Слишком много времени для приличия, слишком много чести!— с поразительной демонстративностью, потрясшей Ксантена, Глисс вырвала из волос цветок и швырнула его на землю.— Вот! Так вам!

— Нет,— с неожиданной горячностью возразил Ксантен. Он нагнулся, поднял цветок и, поцеловав его, снова вдел ей его в волосы.— Я не настолько закоснел. Я попытаюсь сделать все что в моих силах.

Он положил ей руку на плечо. Она не воспротивилась.

— Скажите мне,— спросила она очень серьезно,— у вас есть какие-нибудь из этих особых женщин-насекомых?

— У меня — Фаны? Нет у меня никаких Фан!

Услышав это, Глисс рассмеялась и позволила Ксантену обнять ее, покуда Птицы кудахтали, гоготали и издавали вульгарные звуки, нахально почесываясь крыльями...

10

Лето уходило. 30 июня Джейнил и Хэйджорн отметили праздник Цветов, хотя к тому времени вал высоко поднялся над стенами Джейнила.

Вскоре после этого Ксантен слетал ночью на шести лучших Птицах в замок Джейнил и предложил Совету эвакуировать население по воздушному мосту — сколько возможно, сколько пожелают улететь. С каменными лицами Совет выслушал это — и глава Совета без комментариев предложил закрыть заседание.

Ксантен вернулся в замок Хэйджорн. Используя самые осторожные методы, говоря только с доверенными лицами, Ксантен склонил на свою сторону тридцать-сорок Кадетов и Джентльменов, хотя не смог сохранить в тайне доктринный тезис своей программы.

Первой реакцией традиционалистов были насмешки и обвинения в трусости. По настоянию Ксантена, его сподвижники с наиболее горячей кровью не бросили и не приняли вызова.

Вечером, 9 сентября, замок Джейнил пал. Эту новость принесли в замок Хэйджорн Птицы, которые все более и более истеричными голосами снова и снова рассказывали мрачную новость.

Хэйджорн, ныне тощий и слабый, автоматически созвал заседание Совета, оно и обратило внимание на мрачные обстоятельства:

— Выходит, мы — последний замок!

— Немыслимо, чтобы Мехи могли причинить нам вред!

— Они могут еще двадцать лет строить валы вокруг нашего замка — и всего лишь довести себя до сумасшествия. Мы в безопасности, и вовсе не странно, и даже знаменательно сознавать наконец-то, что здесь, в Хэйджорне, живут последние Джентльмены нашей расы!

Ксантен заговорил напряженным.

— Двадцать, пятьдесят лет — какая разница для Мехов? Коль скоро они нас окружат, то мы окажемся в западне. Понимаете ли вы, что сейчас нам предоставляется последняя возможность сбежать из огромной клетки, которой стал замок Хэйджорн?!

— Сбежать, Ксантен? Что за слово? Позор!— заухал О. Ц. Гарр.— Берите свою некудышнюю шайку и бегите! В степь, или в болото, или в тундру. Убирайтесь куда угодно со своими трусами, но будьте так добры — прекратите это беспрестанное паникерство!

— Гарр, я обрел убеждение с тех пор, как стал «трусом». Выживание — хорошая мораль. Я слышал это из уст выдающегося ученого мужа.

— Да? Какого такого ученого?

— О. Г. Филидор, если вас необходимо уведомлять обо всех деталях.

— Вы говорите о Филидоре-Искупленце?— хлопнул себя по лбу О. Ц. Гарр.— Он самого крайнего толка! Искупленец, переискупивший всех остальных! Будьте же разумны, Ксантен, окажите такую любезность!

— У всех нас впереди еще много лет,— деревянным голосом произнес Ксантен,— если мы освободимся от замка.

— Но замок — это наша жизнь!— провозгласил Хэйджорн.— Чем в сущности, Ксантен, мы будем без замка? Какими зверями? Кочевниками?

— Мы будем живы!

Издав негодующий возглас, О. Ц. Гарр отвернулся, изучая гобелен на стене. Хэйджорн в сомнении и замешательстве покачал головой.

Бодри воздел руки:

— Ксантен, вы лишаете всех присутствующих стойкости духа! Вы приходите сюда, вызываете это странное чувство настоятельной потребности что-то предпринять, но зачем? В замке Хэйджорна мы в такой же безопасности, как в материнских объятиях. Что мы приобретаем, отбросив все — честь, достоинство, комфорт, приятность цивилизованной жизни — и лишь для того, чтобы красться по дикой местности?!

— Джейнил тоже был в безопасности,— напомнил Ксантен.— Где сегодня Джейнил? Смерть, сгнившая ткань, прокисшее вино. Что мы приобретаем, «крадясь»,— так это гарантию жизни. Я и планирую немного больше, чем «просто красться».

— Я могу назвать сотни случаев, когда смерть лучше жизни!— отрезал Иссет.— Разве я должен умирать в бесчестьи и позоре? Почему я не могу провести свои последние дни с достоинством?

В комнату вошел Б. Ф. Роберт:

— Советники, Мехи подошли к замку Хэйджорн!

Хэйджорн диким взглядом окинул помещение:

— Есть единогласие? Что мы должны сделать?

Ксантен вскинул руки к потолку:

— Каждый должен поступить так, как считает нужным! Я больше не буду спорить, я кончил! Хэйджорн, не распустите ли вы Совет на перерыв, чтобы мы могли заняться своими делами? Я — своим «прокрадыванием»...

— Совещание прерывается,— объявил Хэйджорн.

Все отправились на стены.

Вверх, по дороге в замок, шли толпой Крестьяне с окрестных полей, с тюками за плечами. На другой стороне долины, на опушке леса Бартоломью, виднелся сгусток из энергофургонов и аморфной коричнево-золотистой массы. Это были Мехи.

Ор показал на запад:

— Смотрите, они идут по Длинному болоту.— Он повернулся и посмотрел, прищурившись на восток.— Глядите, вот там, в Дембридже,— тоже Мехи!

Словно по общему согласию, все повернулись к Северному Гребню. О. Ц. Гарр указал на ровный строй коричнево-золотистых фигур:

— Вон они идут, паразиты! Они нас обложили. Ну тогда пусть себе ждут!

Он отвернулся, спустился на площадь и стремительно вошел в дом Цумбельд, где после полудня работал со своей Глориане, от которой ожидал больших достижений...

На следующий день Мехи активизировали свою деятельность — вокруг замка появилось большое кольцо: сараи, склады, бараки. Внутри этой периферии, за пределами дальнобойности энергопушек, энергофургоны наваливали горы грязи.

За ночь эти горы придвинулись к самому замку Хэйджорн. Схожим образом это повторилось и ночь спустя. Наконец стала ясна цель этих насыпей: это была защита ведущих к скале, на которой стоял замок, проходов или туннелей.

На следующий день некоторые из насыпей достигли подножья скалы. Вскоре из противоположного конца начали выезжать непрерывной вереницей энергофургоны, груженные щебнем. Они выползали, сваливали свой груз и тотчас же снова уходили в туннели.

Было установлено наличие восьми туннелей. Из каждого катился непрерывный поток земли и щебня, выгрызенного из скалы, на которой стоял замок Хэйджорн. Для столпившихся на парапетах Джентльменов и Леди стал наконец понятен смысл этой работы.

— Они не делают никаких попыток закопать нас,— произнес Хэйджорн.— Они всего лишь выру-

бают из-под нас скалу!

На шестой день осады большой сегмент горного склона содрогнулся и рухнул. Он почти достиг подножья замка.

— Если так будет продолжаться дальше,— пробормотал Бодри,— у нас может оказаться меньше времени, чем у Джейнила.

— Тогда идемте ,— с неожиданной энергией призвал О. Ц. Гарр.— Давайте испробуем нашу энергопушку! Мы прожжем эти их несчастные туннели, и что они тогда будут делать, эти наглецы?!

Он подошел к ближайшей оружейной платформе и приказал Крестьянам снять чехлы.

Ксантен, который стоял поблизости, предложил:

— Позвольте мне помочь вам,— и сам сорвал чехол.— Стреляйте теперь, если желаете!

О. Ц. Гарр с недоумением уставился на него, затем прыгнул вперед и быстро развернул огромный силовой прожектор, нацелив его на насыпь. Потом он потянул рычаг, воздух затрещал перед открытым дулом, зарябил, замерцал пурпурными искрами. Район мишени задымился, стал черным, потом темно-красным, затем обвалился и раскаленным кратером рассыпался по местности. Но лежащая ниже земля, в двадцать футов толщиной, давала слишком хорошую изоляцию: расплавленная лужа раскалилась, побелела от жара, но не смогла расшириться или углубиться.

Энергопушка издала неожиданное стрекотание, словно произошло короткое замыкание из-за испортившейся проводки, и замерла.

О. Ц. Гарр в гневе и разочаровании проверил механизм. Затем, с жестом отчаяния и отвращения, отвернулся. Пушка была явно ограниченной эффективности.

Два часа спустя на восточной стороне скал обвалился еще один большой пласт камней, а как раз перед закатом схожая масса сорвалась с западного склона, где стена замка поднималась одной сплошной линией с утеса внизу.

В полночь Ксантен и те, кто разделял его убеждения, со своими детьми и супругами, покинули замок Хэйджорн. Шесть упряжек Птиц взлетели с лет-

ной палубы и взяли курс по направлению к лугу, рядом с Дальней долиной. Задолго до рассвета вся группа была уже на месте.

Никто с ними не прощался...

11

Неделю спустя отвалилась еще одна секция восточного утеса, увлекая за собой приличный кусок опоры из плавленого стекла и камня. Кучи извлеченного из туннелей щебня стали подозрительно большими. Меньше всего был потревожен террасированный склон на юге; самые впечатляющие повреждения произошли на восточном и западном склонах.

Вдруг, спустя месяц после начала осады, большая секция террасы устремилась вниз, оставляя за собой неровную поверхность расселины, которая прикрывала дорогу в замок, и швырнула вниз статуи прежних Нотаблей, помещенные с интервалами вдоль балюстрады дороги.

Хэйджорн снова созвал заседание Совета.

— Обстоятельства,— заметил он с бледной попыткой на юмор,— не улучшились. Самые пессимистические наши ожидания были превзойдены. Гнетущая ситуация! Признаюсь, мне не нравится перспектива полететь к своей смерти среди всех моих разбитых принадлежностей.

Б. Ф. Роберт сделал жест отчаяния:

— Схожая мысль преследует и меня! Умереть — что ж из этого?! Все должны умереть! Но когда я думаю о своих драгоценных принадлежностях, мне становится дурно. Мои книги растоптаны! Мои хрупкие вазы разбиты! Мои камзолы разодраны! Мои ковры закопаны! Мои Фаны задушены! Мои наследственные канделябры выкинуты! Вот мои кошмары!

— Наше имущество не менее драгоценно, чем у всех прочих,— кратко заметил Бодри.— И все же оно само по себе лишено жизни. Когда мы исчезнем, кому какое дело, что с ними станет?!

Морук вздрогнул:

— Год назад я отложил восемнадцать дюжин бутылей наилучшей эссенции: двенадцать дюжин «Зе-

леного дождя», по три — «Бальтазара» и «Фейдора». Подумайте о них, если вам нужна трагедия!

— Если б мы только знали!— простонал Ор.— Я бы... я бы...— его голос дрогнул и прервался.

О. Ц. Гарр в нетерпении топнул ногой:

— Давайте любой ценой избегать жалобного плача! У нас был выбор, помните? Ксантен упрашивал нас бежать, и теперь он и ему подобные крадутся и фуражируют в Северных горах вместе с Искупленцами. Мы решили остаться — к лучшему или худшему,— но произошло, к нашему несчастью, худшее! Мы должны принять это как факт, Джентльмены!

На это Совет дал меланхолическое согласие, Хэйджорн достал фляжку драгоценного «Радиманта» и налил с немыслимой расточительностью:

— Поскольку у нас нет будущего — за наше славное прошлое!

Этой ночью то тут, то там вокруг кольца мехской осады были замечены беспокойства: пожары в четырех местах, отзвуки хриплых криков с разных сторон. На следующий день осажденным показалось, что темп деятельности Мехов чуть снизился.

Но в полдень отвалился огромный кусок восточного утеса. Спустя миг после величественного обдумывания высокая стена раскололась и опрокинулась, оставляя задние части шести великих домов подставленными открытому небу. Спустя час после заката на летной палубе приземлился Ксантен на упряжке Птиц. Он спрыгнул с сиденья, сбежал по винтовой лестнице на стены и спустился на площадь к дворцу Хэйджорна.

Хэйджорн, вызванный родственниками, вышел и удивленно уставился на Ксантена.

— Что вы здесь делаете? Мы ожидали, что вы в безопасности на севере, с Искупленцами!

— Искупленцы не в безопасности на севере,— ответил Ксантен.— Они присоединились к нам. Мы сражаемся.

У Хэйджорна от удивления отвисла челюсть:

— Сражаетесь? Джентльмены сражаются с Мехами?!

— И весьма энергично.

Хэйджорн в недоумении покачал головой:

— И Искупленцы тоже? Я так понял, что они планировали бежать на север?

— Некоторые так и сделали, включая О. Г. Филидора. Среди Искупленцев, так же как и здесь, есть разные фракции. Большинство из них не дальше, чем в двадцати милях. То же самое и с Кочевниками. Некоторые забрали свои энергофургоны и бежали. Остальные убивают Мехов с пылом фанатиков. Прошлой ночью вы видели их работу. Мы сожгли четыре склада, уничтожили хранилище сиропа, убили более ста Мехов, а вывели из строя дюжину энергофургонов. Мы понесли потери, которые тяжелы для нас, потому что нас мало, Мехов много. Вот почему я здесь. Нам нужны люди, идемте с нами сражаться!

Хэйджорн повернулся и направился к большой Центральной площади.

— Я созову народ из домов. Говорите со всеми...

Птицы, горько жалуясь на беспрецедентный труд, работали всю ночь, перевозя Джентльменов, которые, отрезвленные неминуемым разрушением Хэйджорна, наконец отбросили всякие сомнения и решили сражаться за свою жизнь. Стойкие традиционалисты по-прежнему отказывались скомпрометировать свою честь, но Ксантен дал им веселое заверение:

— Тогда оставайтесь здесь, бродя по улицам, словно рыщущие крысы! Утешайтесь сколько угодно тем фактом, что вас защищают. Будущее содержит для вас мало хорошего.

И многие, услышав это, ушли в негодовании.

Ксантен же повернулся к Хэйджорну:

— А вы улетаете или остаетесь?

Хэйджорн испустил глубокий вздох, почти стон:

— Замку Хэйджорн скоро наступит конец. Неважно, каким образом. Я лечу с вами...

Ситуация резко изменилась. Мехи установили плотное кольцо осады вокруг замка Хэйджорн, не рассчитывая на атаки со стороны сельской местности и ожидая мало сопротивления со стороны замка. Они

установили свои казармы и склады сиропа, думая только об удобствах, а не о защите, и летучие отряды оказались в состоянии подобраться к ним, учинить немалые разрушения и отступить, прежде чем сами пострадали бы от серьезных потерь.

Те Мехи, что стояли вдоль Северного Гребня, подвергались почти непрерывным атакам и налетам, и в конце концов были согнаны вниз с большими потерями. Кольцо вокруг замка Хэйджорн стало полукругом; затем, два дня спустя, после уничтожения еще пяти складов с сиропом, Мехи отступили еще дальше. Навалив землю перед двумя туннелями, ведущими к южной стороне скалы, они создали более или менее прочную оборонительную позицию, но, теперь вместо осаждающих, они стали осажденными, хотя все еще сражались.

В защищенном таким образом районе Мехи сосредоточили свои запасы сиропа, инструменты, боеприпасы. Район перед валами освещался после наступления темноты и охранялся Мехами, вооруженными энергопистолетами, что делало любую попытку фронтальной атаки непрактичной.

Целый день люди укреплялись в окружающих садах, оценивая создавшуюся ситуацию. Затем была испробована новая тактика. Были изготовлены шесть легких повозок, которые загрузили бурдюками с легковоспламеняющимися маслами, с привязанными к ним зажигательными гранатами. В каждую из этих повозок запрягли по десять Птиц и в полночь отправили в полет, с человеком в каждой повозке. Взлетев повыше, Птицы затем спикировали вниз, сквозь темноту, на позиции Мехов, и сбросили огненные бомбы.

Сразу же весь район охватило пламя. Сгорел склад сиропа; энергофургоны, разбуженные пожаром, наталкивались друг на друга, двигаясь туда-сюда, давя склады и Мехов, добавляя много новых ужасов к тем, что уже были порождены внезапным налетом и пожаром. Уцелевшие Мехи скрылись в туннелях. Погасло несколько прожекторов, и, воспользовавшись суматохой, люди атаковали валы.

После короткой, но жестокой схватки, люди пе-

ребили всех часовых и заняли позиции, господствующие над входами в туннели, где скрывались теперь все оставшиеся в живых Мехи. Похоже было на то, что восстание Мехов наконец подавлено...

12

Пожары догорели. Люди-воины — триста человек из замка, двести Искупленцев, около трехсот Кочевников — собрались вокруг входа в туннель и во время ночного перемирия обсуждали способы, как разделаться с замурованными Мехами.

Вскоре к ним приблизилась группа Джентльменов из замка. Среди них были: Бодри, О. Ц. Гарр, Иссет и Ор.

Они поздоровались со всеми, некогда равными: Хэйджорном, Ксантеном, Клагхорном, но с соответствующей отстраненностью и холодностью, учитывая ту потерю престижа, которую понесла группа сражавшихся с Мехами так, словно те были им ровня.

— Что же будет теперь?— спросил Бодри у Хэйджорна.

— Мехи в ловушке, но мы не можем выманить их. Вполне возможно, что они хранят там сироп для энергофургонов. Они могут прожить там не один месяц.

О. Ц. Гарр, анализируя ситуацию с точки зрения военного теоретика, предложил свой план действий:

— Приволоките сюда пушки или велите сделать это своим подчиненным, установите их на энергофургоны, и когда эти паразиты достаточно ослабнут, вкатите пушки в туннель и сотрите их с лица Земли. Всех до единого, кроме, может, рабочей силы для замка. У нас прежде работало четыреста Мехов — и этого будет вполне достаточно.

— Ха!— воскликнул Ксантен.— Мне доставит огромное удовольствие уведомить вас, что этому не бывать никогда! Если какие-нибудь Мехи уцелеют, то они будут ремонтировать космические корабли и обучат нас управлению ими, а затем мы перевезем их и Крестьян на их родные планеты.

— Как же тогда мы будем поддерживать свою

жизнь?— холодно осведомился О. Ц. Гарр.

— У вас есть генераторы сиропа. Приделайте себе мешочки — и пейте сироп.

Гарр задрал голову и так же холодно уставился на Ксантена:

— Это ваш голос, только ваш,— и это только ваше наглое мнение. Я хочу выслушать других. Хэйджорн, это ваша философия, что цивилизация должна увянуть?

— Ей незачем увядать,— отозвался Хэйджорн.— При условии, что все мы, и вы в том числе, будем трудиться ради нее. Рабов больше не должно быть. Я убедился в этом...

О. Ц. Гарр круто повернулся и стремительно направился обратно в замок, и следом за ним — большинство его традиционно мыслящих товарищей. Некоторые отошли в сторону и говорили между собой на пониженных тонах, бросая мрачные взгляды на Ксантена и Хэйджорна.

Вдруг со стен раздался крик:

— Мехи! Они берут замок! Они лезут из нижних коридоров! Они атакуют, спасите нас!

Стоявшие внизу с оцепенением уставились на замок. Пока они смотрели, ворота замка захлопнулись.

— Как это могло случиться?— оторопело спросил Хэйджорн.— Я готов поклясться, что все они ушли в туннели!

— Это чересчур ясно,— зло бросил Ксантен.— Подкапываясь, они проделали туннель до нижних уровней!

Хэйджорн бросился вперед, словно собирался в одиночку атаковать скалу, затем остановился.

— Мы должны изгнать их! Немыслимо, чтобы они разграбили замок!

— К несчастью,— проворчал Ксантен,— стены преградили нам путь столь же эффективно, как раньше — Мехам.

— Мы можем послать войска на птичьих упряжках! Если мы закрепимся, мы сможем истребить их!

Клагхорн покачал головой:

— Они могут поджидать нас на стенах и взлетной палубе и перестреляют и нас, и Птиц, когда те

приблизятся. Даже если мы обеспечим себе плацдарм, то будет большое кровопролитие и погибнет один из нас на каждого из них. А они превосходят нас в численности, как четыре к одному.

Хэйджорн застонал:

— Мысль о том, что они пируют среди моего имущества, расхаживают в моей одежде, хлещут мои эссенции,— мне становится дурно от этого!

— Слушайте!— вдруг приказал Клагхорн.

Они услышали вверху громкие крики людей, треск энергопушек.

— Некоторые из них, по крайней мере, еще держатся на стенах!

Ксантен подошел к ближайшей группе Птиц, весьма напуганных и подавленных поворотом событий.

— Поднимайте меня над замком! Держитесь вне досягаемости пуль, но так, чтобы я мог видеть, что делают Мехи!

— Осторожнее!— прохрипела одна из Птиц.— В замке творятся худые дела!

— Неважно! Несите меня над замковыми стенами!

Птицы подняли его над замком, сделав большой круг около скалы-фундамента. Они парили достаточно высоко, чтобы быть в безопасности от пуль из шариковых пистолетов Мехов.

Рядом с теми пушками, что еще действовали, стояло около тридцати мужчин и женщин. Между великими домами, Ротондой и Дворцом, кишели Мехи. Площадь была завалена трупами: Джентльмены, Леди, их дети — все те, кто решил остаться в замке Хэйджорн.

У одной из пушек стоял О. Ц. Гарр. Заметив Ксантена, он издал крик истерической ярости и выстрелил. Птицы, повозка, Ксантен — все рухнули одновременно. Удар убил двух Птиц, но каким-то чудом не задел остальных, и четверка Птиц, оставшихся в живых, выправила равновесие; в сотне футов от земли они замедлили падение, остановились, попарили в воздухе еще с минуту и спустились на землю.

Ксантен, пошатываясь, выпутался из ремней. Подбежали люди.

— Вы целы?— крикнул Клагхорн.

— Вроде да... И напуган вдобавок!— Ксантен сделал глубокий вдох, подошел к выступающему из земли камню и сел.

— Что там происходит?— спросил Клагхорн.

— Все погибли,— ответил Ксантен.— Все, кроме немногих. Гарр сошел с ума. Он выстрелил в меня.

— Смотрите! Мехи на стенах!— закричал О. Л. Морган.

— Люди!— крикнул еще кто-то.— Они прыгают!.. Нет, их швыряют вниз!..

С ужасающей медлительностью последние защитники летели к своей смерти. Замок Хэйджорн был в руках Мехов.

Ксантен задумчиво смотрел на замок — такой знакомый и такой чужой сейчас.

— Они не сумеют удержаться. Нам нужно только уничтожить солнечные батареи, и они не смогут синтезировать сироп.

— Давайте сделаем это немедленно,— предложил Клагхорн.— Прежде чем они вздумают защищаться и встанут у пушек! Птиц!

Он отправился отдать приказ — и сорок Птиц, стискивая в лапах по два камня величиной с человеческую голову, поднялись в небо, покружились над замком и вскоре вернулись, доложив, что солнечные батареи уничтожены.

— Все, что остается сейчас сделать,— заключил Ксантен,— это замуровать туннели на случай неожиданной атаки, которая может застать нас врасплох, и потом набраться терпения.

— Что насчет Крестьян в стойлах и Фан?— упавшим голосом спросил Хэйджорн.

Ксантен медленно покачал головой.

— Тот, кто не был раньше Искупленцем, должен стать им теперь.

— В лучшем случае они протянут два месяца,— словно про себя произнес Клагхорн,— не больше!

Прошло два месяца, затем три месяца, и еще четыре месяца. Но однажды утром огромные ворота открылись. Из них вышел изможденный Мех.

Он просигналил:

— Люди, мы умираем с голоду! Мы сохранили ваши сокровища. Дайте нам жизнь — или мы уничтожим все, прежде чем умрем.

— Вот наши условия,— отвечал Ксантен.— Мы даем вам жизнь. Вы должны очистить замок: унести и похоронить трупы. Вы должны отремонтировать космические корабли и обучить нас всему, что вы о них знаете. И тогда мы отвезем вас на Этамин-10.

— Предложенные вами условия приняты...

13

Пять лет спустя Ксантен и Глисс Медоусвит, со своими двумя детьми, путешествовали на север от своего дома, неподалеку от реки Санд. Они воспользовались случаем нанести визит в замок Хэйджорн, где теперь жило две-три дюжины человек, и среди них — сам Хэйджорн.

Он состарился, как показалось Ксантену, волосы его поседели, лицо, некогда холеное и овальное, стало тонким и почти восковым. Ксантен не мог определить его настроения.

Они стояли в тени орехового дерева, за которым вырисовывался замок и скала.

— Теперь это великий музей,— говорил Хэйджорн.— Я — его куратор, и это будет функцией всех Хэйджорнов, которые придут после меня, потому что тут есть неисчислимые сокровища, которые надо охранять и сохранить. К замку уже пришло ощущение древности. В домах живут призраки. Я часто вижу их, особенно по ночам празднеств... Ах, какие это были времена, не так ли, Ксантен?

— Да, в самом деле,— согласился Ксантен. Он коснулся голов двух своих детей.— И все же у меня нет желания возвращаться к ним. Мы теперь хозяева на своей собственной планете — как не было уже много веков.

Хэйджорн с каким-то сожалением согласился. Он поднял взгляд на огромное строение, словно парящее в небе, и как будто впервые посмотрел на него.

— Люди будущего, что они будут думать о замке

Хэйджорн? О его сокровищах, его книгах, его камзолах?

— Они придут и будут дивиться,— сказал Ксантен.— Почти так же, как я сегодня.

— Тут есть многое, чему можно удивляться. Вы не забудете, Ксантен? Еще есть отложенные фляжки с благородной эссенцией.

— Спасибо, нет,— отказался Ксантен.— Слишком многое здесь ворошит старые воспоминания. Мы пойдем своей дорогой, и я думаю, что мы сделаем это немедленно.

Хэйджорн печально покачал головой:

— Я тебя очень хорошо понимаю. Я сам слишком часто предаюсь воспоминаниям о минувших днях. Ну, тогда прощайте и счастливо вам добраться до дома.

— Так мы и сделаем, Хэйджорн. Спасибо вам — и прощайте!— ответил Ксантен и повернул прочь от замка Хэйджорн, к миру людей...

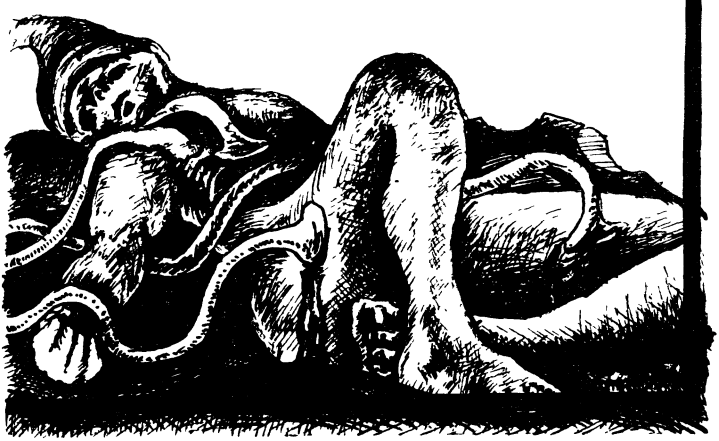
ДОМА ИСЗМА

1

Эта истина не подвергалась сомнению: все туристы прилетают на Исзм с единственной целью — украсть женскую особь Дома. Космографы, студенты, богатые бездельники-недоросли, негодяи всех сортов — циничный критерий исциков годился для каждого, и все подвергались детальному обыску, вплоть до микроскопической инспекции мыслей.

Эту процедуру могло оправдать лишь одно: благодаря ей исцики обнаружили огромное количество воров.

Дилетанту казалось, что украсть Дом проще простого. Можно спрятать в полое семечко, размером с ячменное зернышко, можно поместить в ракетный снаряд и отправить в космос



небольшой побег, можно завернуть в платок рассаду — подобных способов находилась тысяча, все они были испробованы, и все закончились неудачей. В результате незадачливые воры оказывались в сумасшедшем доме, а конвой исциков оставался предельно вежлив с ними до конца. Будучи реалистами, исцики сознавали, что придет день (год, столетие, тысячелетие) — и монополия рухнет. Но, являясь фанатическими блюстителями монополии, они стремились отодвинуть этот день как можно дальше.

Эйли Фарр был высокий, худощавый человек лет под тридцать, с веселым рельефным лицом и большими ладонями и ступнями. Его кожа, глаза и волосы имели общий пыльный оттенок. И, что имело гораздо более важное значение для исциков, — он был ботаником, то есть автоматически становился объектом для предельных подозрений.

Подозрительность, с которой он столкнулся, прибыв на атолл Джесциано на борту ракеты «Юберт Хоноре» серии «Красный мир», была выдающейся даже для Исзма. Возле люка его встретили двое свекров, служащих Элитарной полиции. Они проводили Фарра словно арестованного вниз по трапу и повели по необычному проходу, по которому можно было идти лишь в одну сторону. Из стен, в направлении движения, росли гибкие шипы, так что в проход можно было войти, но нельзя было вернуться. В конце пути проход перекрывался прозрачным стеклянным щитом, и уже отсюда Фарр не мог двинуться ни назад, ни вперед.

Исцик с лентами вишнево-красного и серого цветов вышел вперед и принялся изучать его через стекло. Фарр чувствовал себя препаратом под микроскопом. Недовольно отодвинув перегородку, исцик провел Фарра в маленький кабинет. Там, чувствуя за спиной взгляд свекра, несчастный ботаник развернул корабельную регистрационную карточку, справку о здоровье, заключение о благожелательном характере, а также прошение на въезд. Карточку клерк опустил в размягчитель; справку и заключение, внимательно рассмотрев, вернул Фарру и уселся читать прошение.

Глаз исцика, расчленившийся на большие и малые сегменты, мгновенно приспособился к двойной фокусировке. Читая нижними секциями глаз, верхними клерк внимательно разглядывал Фарра.

— «Род занятия...— он направил на Фарра обе пары секций сразу, затем опустил нижние и стал читать дальше:— Исследовательская ассоциация. Место работы — университет в Лос-Анжелесе...» Так, понятно...

Отложив бумагу в сторону, он спросил:

— Могу я узнать о мотивах прибытия на Исзм?

Терпение Фарра готово было лопнуть. Он указал на бумагу:

— Здесь они подробно изложены.

Клерк читал, не сводя с него глаз. Зачарованный его ловкостью, Фарр в свою очередь не сводил глаз с исцика.

— «Я нахожусь в отпуске,— читал исцик.— Я посетил множество миров, где растения приносят людям пользу».— Он сфокусировал на Фарре обе секции.— Для чего вам это нужно? Считаете, что информация практически применима на Земле?

— Я заинтересован в непосредственных наблюдениях.

— С какой целью?

— Профессиональное любопытство,— пожал плечами Фарр.

— Надеюсь, вы ознакомились с нашими законами?

— А у меня была альтернатива?— раздраженно бросил Фарр.— Меня ими накачивали еще до того, как корабль покинул Землю.

— Вы понимаете, что никаких особых прав ни на общее, ни на аналитическое изучение вы не получите? Вы это понимаете?

— Конечно.

— Наши правила строги, я должен это подчеркнуть. Многие посетители об этом забывают и навлекают на себя серьезное наказание.

— Ваши законы,— сказал Фарр,— я теперь знаю лучше, чем свои.

— Противозаконное выдергивание, отрывание,

отрезание, присваивание, прятание или вывоз любой растительности или растительной материи, любых растительных фрагментов, семян, рассады, побегов или деревьев, независимо от того, где вы это нашли,— запрещено.

— Ничего противозаконного я не замышляю.

— Большинство посетителей говорит то же самое. Будьте любезны пройти в соседний кабинет и оставить там одежду и личные принадлежности. Перед отъездом вам их возвратят.

Фарр озадаченно взглянул на него:

— Но мои деньги, моя камера, мои...

— Вас снабдят местными эквивалентами.

Безропотно пройдя в белую эмалированную комнатку, Фарр разделся. Сопровождающий упаковал одежду в стеклянную коробку и заметил, что Фарр забыл снять кольцо.

— Если бы у меня были вставные зубы, вы бы и их потребовали,— буркнул Фарр.

Исцик моментально обозрел список.

— Вы совершенно определенно заявили, что зубы являются фрагментом вашего тела, что они естественные и без изменений.— Верхние фрагменты обличительно уставились на Фарра.— Или здесь допущена неточность?

— Нет, конечно,— возразил Фарр,— они естественные. Я всего лишь... пытался пошутить.

Исцик что-то пробормотал в переговорное устройство. Фарра отвели в соседнюю комнату, и там его зубы подверглись самому тщательному осмотру.

«Здесь, пожалуй, отучишься шутить,— сказал себе Фарр.— Чувство юмора у этих людей полностью отсутствует...»

Наконец врачи, недовольно покачав головами, вернули Фарра на прежнее место, где его встретил исцик в тесной белой с серым форме. В руке он держал шприц для подкожных впрыскиваний.

Фарр отшатнулся:

— Что это?

— Безвредный радиант.

— Не нуждаюсь!

— Это необходимо для вашей же безопасности,—

настаивал исцик.— Многие туристы нанимают лодки и плавают по Феанху. Случаются штормы, лодки сбиваются с курса. Радиант укажет на главной панели ваше местоположение.

— Я не хочу такой безопасности,— сказал Фарр.— Я не хочу быть лампочкой на панели.

— Тогда вы должны покинуть Исзм.

Фарр покорился, прокляв врача за длину шприца и количество радианта.

— А сейчас, будьте любезны, пройдите в соседнюю комнату на трехмерную съемку.

Фарр пожал плечами и пошел в соседнюю комнату.

— Встаньте на серый диск, Фарр-сайах. Ладони вперед, глаза шире...

Он стоял не двигаясь, пока по телу скользили плоские щупальца. В стеклянном куполе сформировался его трехмерный двойник — изображение шести дюймов высотой.

Фарр хмуро посмотрел на него.

— Благодарю вас,— сказал оператор.— Одежду и личные принадлежности вам выдадут в соседней комнате.

Фарр нарядился в обычный костюм туриста: мягкие белые брюки, смокинг в серую полоску, просторный темно-зеленый вельветовый берет. Берет сразу же провалился на глаза и уши.

— А теперь я могу идти?

Сопровождающий смотрел в отверстие. Фарр заметил быстро мелькающие буквы.

— Вы — Фарр-сайах, ботаник-исследователь.

Это прозвучало так, словно он заявил:

«Вы — Фарр-сайах, маньяк и рецидивист...»

— Да, я Фарр.

— Вас ожидают некоторые формальности.

Формальности заняли три часа. Фарр еще раз был представлен свекру, и тот его тщательно допросил.

Наконец Эйли отпустили. Молодой человек в желто-зеленой полосатой форме свекра проводил его до гондолы на берегу лагуны. Это было тонкое, длинное судно, сделанное из одного стручка. Фарр сел на

скамью и переправился в город Джесциано.

Это было его первое знакомство с городом исциков. Он оказался богаче, чем рисовало Фарру его воображение. Дома росли через неравные промежутки вдоль каналов и улиц. Их тяжелые шишковатые кривые стебли поддерживали нижние стручки, массив широких листьев и, наконец, верхние стручки, наполовину утопающие в листве. Что-то мелькнуло в памяти Фарра, какое-то смутное воспоминание...

Гробница мицетозея под микроскопом. Та же пролиферация ветвей. Стручки — точь-в-точь увеличенная сперагия, те же характерные цвета: темно-синий на мерцающем сером фоне, пламенно-оранжевый с алым, доходящим местами до пурпурного, черно-зеленый, белый с розовым, слабо-коричневый и черный.

По улицам бродили жители Исзма — тихие бледные личности, надежно разделенные на гильдии и касты.

Гондола причалила. На берегу уже поджидал свекр — видимо, важный чин, в желтом берете с зелеными кисточками. Рядом стояли коллеги рангом пониже. Формального преследования не последовало, но свекры тихо обсуждали персону Фарра между собой.

Фарр, не найдя больше причин задерживаться, двинулся по улице к гостинице для космических туристов. Свекры его не остановили. С этой минуты Фарр вновь стал вольной птицей, будучи лишь потенциальным объектом для слежки.

Почти неделю он отдыхал и слонялся по городу. Туристов из внешних миров здесь было немного: руководство исциков, не запрещая туризм полностью, чтобы не нарушать договор о Доступности, тем не менее ухитрялось снизить его до минимума. Фарр пришел было к председателю «Совета по экспорту», надеясь взять у него интервью, но был вежливо и непреклонно выставлен секретарем, решившим, что Фарр намерен обсуждать экспорт низкокачественных Домов. Ничего иного Фарр и не ожидал. Он исходил все улицы вдоль и поперек, пересек на гондоле лагуну — и на него тратили время, по крайней мере, три

свекра: они тенью следовали за ним по улицам или следили из стручков на общественных террасах.

Однажды он прогуливался вокруг лагуны и оказался на дальней стороне острова — на печально-каменистом участке, открытом всем ветрам и всей силе солнечных лучей. Здесь, в скромных трехстручковых зданиях, стоящих прямо на корнях и отдаленных друг от друга полосками желтого цвета, жили представители низших каст. Дома были нейтрально-зеленого цвета, и сверху пучок крупных листьев бросал на стручки черную тень. Дома эти для экспорта не предназначались, и Фарр, человек с развитым социальным сознанием, просто возмутился. Какой стыд! Биллионы землян ютятся в подземельях, когда из ничего, из зернышка, можно построить целый жилой район! Фарр подошел к одному из Домов, заглянув под низко висящий стручок. Ветка внезапно обрушилась, и, не отскочи он вовремя, его бы покалечило. Все же крайний стручок успел хлопнуть его по голове. Свекр, стоявший в двадцати футах, медленно приблизился:

— Не советую досаждать деревьям.

— Я никому и ничему не досаждал!

Свекр пожал плечами.

— Дерево думает по-другому. Оно приучено с подозрением относиться к чужим. Между нижними кастами,— свекр презрительно сплюнул,— ссоры и вражда не прекращаются, и присутствие чужих дереву не по вкусу.

Фарр повернулся и с любопытством посмотрел на дерево.

— По-вашему, оно обладает сознанием?

Свекр неопределенно покачал головой.

— Почему они не вывозятся?— спросил Фарр.— У вас был бы огромный рынок. Очень многие нуждаются в жилье, а такие Дома были бы им по карману.

— Вы сами и ответили,— сказал свекр.— Кто ими торгует на Земле?

— К. Пенче.

— Он богат?

— Исключительно.

— А был бы он так же богат, если бы продавал

дешевые Дома наподобие этого?

— Возможно.

— В любом случае наша выгода уменьшится. Эти Дома выращивать, воспитывать и перевозить не сложнее, чем Дома класса АА, которыми мы торгуем. Советую впредь не подходить к деревьям слишком близко. Можете получить серьезные травмы. Дома не столь терпимы к посторонним, как их обитатели.

Фарр продолжал свой путь вокруг острова, мимо плодовых деревьев, сгибающихся под тяжестью фруктов, мимо приземистых кустарников, похожих на древние растения Земли. Из центра этих кустов росли пучки густо-черных прутьев десяти футов высотой и диаметром не тоньше дюйма — гладких, лоснящихся, ровных. Когда Фарр подошел поближе, вмешался свекр.

— Но ведь это же не Дома-деревья,— запротестовал Фарр.— Кроме того, я не собираюсь причинять им вред. Меня, как ботаника, интересуют ночные растения вообще.

— Все равно,— отрезал лейтенант-свекр.— Ни растения, ни метод их выращивания вам не принадлежат и, следовательно, не должны вас интересовать.

— Исцики, видимо, имеют плохое представление о профессиональном любопытстве,— заключил Фарр.

— В качестве компенсации мы имеем хорошее представление о жадности, воровстве, присвоении и эксплуатации чужих идей.

Фарр не ответил и, улыбнувшись, пошел по берегу дальше, к многоцветным стручкам, ветвям и стволам города.

Один из методов слежки привел Фарра в смущение. Он подошел к лейтенанту и указал на соглядатая, находившегося в нескольких ярдах.

— Почему он гримасничает? Когда я сажусь, и он садится, я пью — он пьет, я чешу нос — он чешет нос...

— Специальная методика,— пояснил лейтенант.— Мы предугадываем ваши мысли.

— Чушь собачья!

Лейтенант кивнул:

— Фарр-сайах может быть совершенно прав.

Фарр покровительственно улыбнулся:

— Вы что же, всерьез думаете, что сможете угадать мои мысли?

— Мы вправе поступать так, как нам кажется правильным.

— После обеда я собираюсь нанять морскую лодку. Вы в курсе?

Лейтенант вытащил бумагу:

— Чартер* для вас готов. Это «Яхайэ», и я нанял экипаж.

2

«Яхайэ» оказался двухмачтовой баркой в форме деревянного детского башмака, с пурпурными парусами и просторной каютой. Вместе с главной мачтой его вырастили на специальном корабельном деревемачте, которая в оригинале являлась черенком стручка. Переднюю мачту и такелаж изготовляли отдельно — процесс для исциков такой же неутомительный, как для земных инженеров-электроников — механическая работа.

«Яхайэ» держал курс на запад. Атоллы вырастали над горизонтом и тонули за кормой. На некоторых атоллах находились небольшие безлюдные сады, другие были отданы разведению, упаковке, посадке, почкованию, прививке, сортировке и отправке Домов.

Как ботаника, Фарра очень интересовали плантации. Но в таких условиях слежка усиливалась, превращаясь в надсмотр за каждым его шагом. Однажды раздражение гостя возросло настолько, что Фарр едва не сбежал от стражников.

...«Яхайэ» причалил к волнолому, и пока двое матросов возились со швартовыми, а остальные убирали паруса, Фарр легко спрыгнул на волнолом с кормы и направился к берегу. Со злорадной веселостью он услышал за спиной ропот недовольства.

Он поглядел вокруг, потом вперед, на берег. Широко в обе стороны уходил сплющенный прибоем бе-

---

* *Чартер — договор на фрахтование судна.*

рег, склоны базальтового кряжа утопали в зеленой, синей и черной растительности. Это была сцена нерушимого мира и красоты. Фарр едва удержался, чтобы не броситься вперед и не скрыться от свекров среди листвы. Увы, свекры были обходительны, но быстры в обращении со спусковым крючком.

От пристани к нему направлялся высокий стройный мужчина. Его тело и конечности были опоясаны синими лентами с интервалом в шесть дюймов; между кольцами виднелась мертвенно-бледная кожа. Фарр замедлил шаг. Свобода кончилась, так и не начавшись.

Исцик поднял лорнет — стеклышко на эбонитовом стержне. Такие лорнеты обычно использовали представители высших каст, и они были для них столь же привычны, как собственные органы. Фарра лорнировали уже не раз и не было еще случая, чтобы он при этом не взбесился. Как у любого посетителя Исзма, как у любого исцика — у него не было выбора: ни укрыться, ни защищаться он не мог. Радиант в плече сделал его меченым. Теперь он был классифицирован и доступен всем, кто хотел бы на него взглянуть.

— К вашим услугам, Фарр-сайах,— исцик использовал язык своей касты.

— Жду вашей воли,— ответил Фарр стандартной фразой!

— Владельца пристани оповестили, чтобы он приготовился к встрече. Вы, кажется, чем-то обеспокоены?

— Мой приезд — невелика важность. Прошу вас, не затрудняйтесь!

— Друг-ученый вполне может рассчитывать на такую привилегию,— помахал лорнетом исцик.

— Это радиант вам сейчас сообщил, где я нахожусь?— хмуро осведомился Фарр.

Исцик осмотрел сквозь стеклышко его правое плечо.

— Криминальных регистраций не имеете, интеллектуальный индекс двадцать три, уровень настойчивости соответствует четвертому классу... Здесь есть и другая информация.

— И как мне именовать вашу досточтимую особу?

— Я себя зову Зиде Патаоз. Я достаточно удачлив, чтобы культивировать Дома на атолле Тинери.

— Плантатор?— переспросил Фарр человека в голубую полоску.

— У нас будет время поговорить,— повертел лорнетом Патаоз.— Надеюсь, вы у меня погостите.

Подошел самодовольный хозяин пристани. Зиде Патаоз еще раз помахал на прощание лорнетом и удалился.

— Фарр-сайах,— сказал владелец пристани,— вы всерьез намерены избавиться от вашего эскорта? Это глубоко печалит нас...

— Вы преувеличиваете.

— Вряд ли. Сюда, сайах.

Он промаршировал по цементному скату в широкую канаву. Фарр плелся сзади, причем столь неторопливо, что хозяину пристани приходилось то и дело, через каждые сто футов, останавливаться и дожидаться своего гостя. Канава уводила под базальтовую гряду, где превращалась в подземный ход. Четыре раза хозяин отодвигал панели из зеркального стекла, и четыре раза двери закрывались за ними. Фарр понимал, что как раз сейчас всевозможные экраны слежки, зонды, детекторы и анализаторы изучали его, устанавливая излучение, массу и содержание металлов. Он равнодушно шел вперед. Им ничего не найти у него. Одежду и личные вещи давно отобрали, взамен выдав форму визитера: брюки из белого шелка, пиджак, разлинованный в серое и зеленое, и огромный темно-зеленый вельветовый берет.

Хозяин пристани постучал в изъеденную коррозией дверь из металла. Дверь, словно средневековая замковая решетка, раздвинулась на две половинки, открыв проход в светлую комнату. Там за стойкой сидел свекр в обычной желто-зеленой полосатой одежде.

— Если сайах не возражает, мы сделаем его трехмерное изображение.

Фарр спокойно встал на серый металлический диск.

— Ладони вперед, глаза шире.

Фарр стоял неподвижно. Щупальца обследовали тело.

— Благодарю, сайах.

Фарр шагнул к стойке:

— Это не такое устройство, как в Джесциано. Позвольте взглянуть.

Клерк протянул ему прозрачную табличку. В центре ее находилось коричневое пятно, очертаниями напоминающее человека.

— Не очень-то похоже,— ухмыльнулся Фарр.

Свекр опустил карточку в прорезь. На поверхности стойки возникла трехмерная копия Фарра. Если бы ее увеличить в сотни раз, на ней можно было бы исследовать что угодно — будь то отпечатки пальцев, поры кожи, конфигурация ушей или строение сетчатки глаз.

— Мне бы хотелось иметь это в качестве сувенира,— попросил Фарр.— Эта копия в одежде, а та, что в Джесциано, всему миру показывает мои интимные достоинства.

Исцик пожал плечами.

— Возьмите.

Фарр опустил копию в кошелек.

— А сейчас, Фарр-сайах, вы позволите один нескромный вопрос?

— Один лишний мне не повредит.

На его мозге был сфокусирован энцефалоскоп. Фарр это точно знал. Любое учащение пульса, любой всплеск страха тут же окажется зарегистрирован.

Он создал в воображении призрак горячей ванны.

— Собираетесь ли вы украсть Дом, Фарр-сайах?

«Итак: прохладный уютный фарфор, ощущение теплого воздуха и воды, запах мыла...»

— Нет.

— Известно ли вам, хотя бы косвенно, о подобном плане?

«...и теплая вода, лечь на спину, расслабиться...»

— Нет.

Свекр поджал губы в гримасе вежливого скептицизма.

— Известно ли вам о наказании, предусмотренном для воров?

— О да!— ответил Фарр.— Сумасшедший дом.

— Благодарю вас, Фарр-сайах. Можете продолжать путь...

3

Владелец пристани оставил Фарра под присмотром двух подсвекров в бледно-желтых и зеленых лентах.

— Сюда, пожалуйста.

Они поднялись вверх по склону и оказались в аркаде со стелянными стенами. Фарр задержался — поглядеть на плантацию. Его гиды, встревожившись, неуклюже поднялись навстречу.

— Если Фарр-сайаху угодно...

— Одну минуту,— сердито бросил Фарр.— Спешить некуда.

Справа от него располагался лес, полный путаных теней и непонятных красок,— город Тинери. За спиной росли здания обслуживающего персонала, но их трудно было разглядеть за растущими вокруг лагуны великолепными Домами плантаторов, свекров, селекторов и корчевщиков. И каждый из этих Домов выращивался, обучался, оформлялся с применением секретов, которые исцики держали в тайне даже друг от друга.

Фарру они казались очень красивыми, но все же он колебался в оценке — так трудно порой разобраться, нравится ли тебе букет неизвестного ранее вина. Пожалуй, это окружающая обстановка делает его столь пристрастным. Ведь на земле все Дома Исзма выглядели вполне пригодными для жилья. Но это была чужая планета, и все на ней казалось чужим.

Он посмотрел на поля повнимательнее. Они переливались различными оттенками коричневого, серо-зеленого, зеленого цветов — в зависимости от возраста и сорта растений. На каждом поле находилось длинное приземистое строение, где созревающие саженцы отбирались, помечались этикетками, рассаживались по горшкам и упаковывались, чтобы от-

правиться в разные концы Вселенной.

Двое молодых свекров заговорили между собой на внутреннем языке касты. Фарр отвернулся к окну.

— Сюда, Фарр-сайах.

— Куда мы идем?

— Вы — гость Зиде Патаоз-сайаха.

«Прекрасно»,— подумал Фарр.

Ему уже были знакомы дома класса АА, которые экспортировались на Землю и которые затем продавал К. Пенче. Их вряд ли можно было сравнить с теми, что плантаторы выращивали для себя.

Поведение молодых свекров вдруг привело его в замешательство. Они стояли неподвижно, как статуи, и глядели в пол аркады.

— В чем дело?— спросил Фарр.

Свекры принялись тяжело дышать. Фарр опустил глаза на пол. Вибрация, тяжкий гул.

«Землетрясение»,— подумал он.

Гул стал громче, зазвенели стекла. Нахлынуло чувство опасности. Он выглянул в окно. На ближайшем поле земля вдруг стала трескаться, вспучиваться уродливым бугром и наконец взорвалась. Тонны земли обрушились на нежные саженцы. Наружу начал вылезать металлический стержень. Он поднялся на десять, двадцать футов; с лязгом открылась дверца. На поле посыпались коренастые, мускулистые коричневые люди и стали выдергивать саженцы. В дверях стержня остался еще один человек, который, скалясь в неестественной улыбке, выкрикивал непонятные приказы.

Фарр зачарованно смотрел. Это был набег невиданных масштабов. В городе Тинери заиграли горны, и тут же раздался свист осколочных стрел. Двое коричневых людей превратились в кровавые сгустки. Человек в корабле закричал, и грабители бросились обратно, под защиту металлической оболочки.

Дверь щелкнула, но один из налетчиков опоздал. Он ударил кулаком в оболочку, затем застучал изо всех сил, не выпуская из рук саженцев, которые ломались при ударах.

Стержень задрожал и стал приподниматься. Стрелы, летящие из форта Тинери, уже начали отка-

лывать от корпуса металлическую лучину, когда в том открылось отверстие, похожее на бычий глаз, и оружие выплюнуло голубое пламя. Заряд угодил в большое дерево — во все стороны полетели щепки и оно просело.

Фарру показалось, что он тонет в страшном беззвучном крике.

Молодой свекр, задыхаясь, упал на колени.

Дерево опрокинулось. Огромные стручки, лиственные террасы, причудливые балконы плыли в воздухе и рушились на землю в страшной неразберихе. Из развалин, корчась и извиваясь, выскакивали исцики.

Металлический стержень приподнялся еще на десять футов. Казалось, он вот-вот вырвется из земли и умчится в космос. Коричневый человек, отбрасываемый выпирающей землей, упорно и без всякой надежды стучал в оболочку корабля.

Фарр посмотрел в небо. Сверху пикировали три монитора — уродливые, жуткие аппараты, похожие на металлических скорпионов.

Возле корабля осколочная стрела вырыла воронку. Коричневый человек отлетел на шесть футов, трижды перевернулся и остался лежать на спине.

Металлический стержень стал зарываться в землю — поначалу медленно, затем все быстрее и быстрее. Вторая стрела, словно молот, ударила в его нос.

Металл съежился и дал параллельные трещины. Но корпус корабля был уже под землей, и комья земли шевелились над его верхушкой.

Следующая осколочная стрела взметнула вверх облако пыли.

Молодые свекры поднялись. Они глядели на искаженное поле и причитали на незнакомом Фарру языке. Один из них схватил Фарра за руку.

— Фарр-сайах, Фарр-сайах!— завопили они.— Мы отвечаем за вашу жизнь! Уйдем отсюда!

— Я здесь в безопасности,— ответил он.— Я хочу посмотреть.

Три монитора, медленно проплывая вперед и назад, зависли над кратером.

— Похоже, бандиты удрали,— спокойно конста-

тировал Фарр.

— Нет! Невозможно!— вскрикнул свекр.— Это конец Исзма!

С неба падал тонкий корабль. Он был значительно меньших размеров, чем монитор, и если те походили на скорпионов, то он напоминал осу. Корабль сел на кратер и стал медленно, осторожно, словно зонд в рану, погружаться в развороченную почву. Он ревел, дрожал и наконец скрылся из виду.

Вдоль аркады пробежали несколько исциков, их спины на бегу плавно извивались. Фарр, побуждаемый внезапным импульсом, бросился за ними, не обращая внимания на протестующие крики юных свекров.

Исцики мчались по полю к кратеру. Пробегая мимо безмолвного тела коричневого человека, Фарр остановился. У налетчика были тяжелые львиные волосы, грубые черты, и в кулаках он все еще сжимал изможденные саженцы. Пальцы разжались, как только Фарр остановился, и в ту же секунду открылись глаза. В них был разум. Фарр склонился над умирающим — отчасти из жалости, отчасти из любопытства.

Чьи-то руки обхватили его. Он заметил желтые и зеленые полосы, разъяренные лица и оскаленные рты с острыми зубами.

— На помощь!— кричал Фарр, когда его волокли с поля.— Отпустите!

Пальцы свекров впились в его руки и плечи. Они молчали, и Фарр попридержал язык. Под ногами глухо громыхнуло, и земля задрожала и закачалась, как корабль в море.

Свекры вели его в Тинери, но затем почему-то свернули в сторону. Фарр стал было сопротивляться, пытался тормозить ногами, но что-то стальной хваткой сдавило шею. Полупарализованный, Фарр прекратил борьбу. Его отвели к одинокому дереву возле базальтовой стены. Дерево было очень старое, с шишковатой черной корой ствола, тяжелым зонтом листьев и двумя-тремя высохшими стручками. В стволе имелось неправильной формы отверстие. В эту дыру свекры без всяких церемоний запихнули Фарра...

4

Хрипло крича, Эйли Фарр падал во тьму. Голова ударилась о нечто твердое и острое. Затем ударились плечо, бедро, и вот уже все тело соприкосалось с поверхностью. Там, где труба изгибалась, падение становилось скольжением. Ноги уперлись в мембрану, которая, видимо, не выдержала, и через какие-то секунды Фарр врезался в эластичную стену. Удар его парализовал. Он неподвижно лежал, собирая осколки разума.

Потом он пошевелился. Шрам на темени вызвал ноющую боль. Он услышал характерный звук: беспорядочные удары и шорохи скользящего по трубе предмета. Фарр быстро отполз к стене. Что-то тяжело ударило его по ребрам, с глухим стуком и стоном врезалось в стену. Наступившую затем тишину нарушил лишь сдавленный стон и чье-то тяжелое дыхание.

— Кто здесь?— осторожно спросил Фарр.

Ответа не последовало.

Фарр повторил свой вопрос на всех знакомых ему языках и диалектах, но безрезультатно. Он с трудом заставил себя подняться. У него не было ни фонаря, ни других способов зажечь свет.

Дыхание становилось ровнее, спокойнее. Фарр наощупь пробрался во тьме и наткнулся на скрюченное тело. Он опустился на колени и уложил невидимого человека ровно, выпрямив ему руки и ноги.

Потом сел рядом и стал ждать. Прошло пять минут. Стены комнаты едва заметно вздрогнули, и до него донесся глубокий звук, похожий на содрогание от дальнего взрыва. Через минуту или две звук и содрогание повторились. Подземная битва в полном накале. Оса против крота. Схватка не на жизнь, а на смерть.

Стены задвигались. Фарр услышал новый, более мощный разрыв. Появилось ощущение близящегося финала. Человек во тьме судорожно вздохнул и закашлялся.

— Кто здесь?— окликнул Фарр.

Яркий лучик света уперся ему в шею. Фарр

вздрогнул и отодвинулся. Лучик последовал за ним.

— Убери лучше эту чертовщину,— пробормотал Фарр.

Луч прошелся по его телу, задержался на полосатом посетительском пиджаке. В отраженном сиянии Фарр различил коричневого человека — грязного, измученного, в кровоподтеках. Свет исходил из пряжки на его плече.

Коричневый человек заговорил низким хриплым голосом. Язык Фарру был неизвестен, и он отрицательно покачал головой. Коричневый человек еще несколько секунд разглядывал Фарра, как тому показалось — оценивающе. Затем, болезненно постанывая, встал на ноги, и минуту или две исследовал стены, не обращая внимания на Фарра. Он тщательно изучил пол и потолок камеры. Наверху, вне досягаемости, находилось отверстие, через которое они сюда попали. В стене имелся плотно закрытый люк.

Фарр был зол и обижен, и, кроме того, очень болел шрам. Активность коричневого человека действовала на нервы. Яснее ясного было, что бежать отсюда непросто. Свекры немного бы стоили, если бы не предусмотрели всего, что можно.

Фарр рассматривал коричневого человека и решил, что это, наверное, теорд — представитель наиболее человекоподобной из трех арктуровых рас. О теордах ходили не самые лучшие слухи, и Фарру не очень-то было по душе иметь одного из них в качестве приятеля по камере, тем более — во тьме.

Закончив обследование стен, теорд вновь переключил внимание на Фарра. Глаза у него были спокойными, глубокими, желтыми и холодными и светились, словно грани топаза. Он опять заговорил своим низким голосом:

— Это не настоящая тюрьма.

Фарр был изумлен. В данных обстоятельствах замечание выглядело более чем странным.

— Кто вы, чтобы так говорить?

Теорд рассматривал его добрых десять секунд, прежде чем произнести следующую фразу:

— Наверху большое волнение. Исцики бросили нас сюда для безопасности. Значит, в любую минуту

могут забрать. Нет ни дыр для подслушивания, ни звуковых рецепторов. Это камера хранения.

Фарр с сомнением поглядел на стены. Теорд издал низкое стонущее бормотание, вновь приведя Фарра в замешательство. Тут же Эйли понял, что теорд просто выражает веселье столь странным образом.

— Вас беспокоит, откуда я об этом знаю,— сказал теорд.— У меня такая способность — чувствовать все аномалии.

Фарр вежливо кивнул. Неотвязный взгляд теорда становился гнетущим. Фарр отвернулся. Теорд забормотал, ни к кому не обращаясь,— напевный, монотонный гул. Жалоба? погребальная песнь? Свет погас, но трубное бормотание не прекращалось. Фарр неожиданно задремал и вскоре заснул. Это был тревожный сон, не дающий отдыха. Голова раскалывалась и горела. Он слишком хорошо слышал знакомые голоса и приглушенные крики; он был дома, на Земле, и кого-то должен был повидать. Друга. Зачем? Во сне Фарр ворочался и разговаривал. Он знал, что спит, он хотел проснуться.

Пустые голоса, шаги, неугомонные образы — все они стали таять, и он заснул здоровым сном.

...В овальную дверь ворвался свет, очерчивая силуэты двух исциков. Фарр проснулся. Он был крайне удивлен, обнаружив, что теорд исчез. Да и вся комната казалась другой. Он не был более в корне старого черного дерева.

Фарр с трудом принял сидячее положение. Глаза туманились и слезились, мысли разбегались. Словно мозг раскололся на части, когда он упал.

— Эйли Фарр-сайах,— сказал исцик,— вы способны нас сопровождать?

На них были желтые и зеленые ленты. Свекры.

Фарр поднялся на ноги и прошел к овальной двери. Один из свекров двигался впереди, другой — позади. Они шли по наклонному извилистому коридору. Идущий впереди свекр отодвинул панель, и Фарр оказался в аркаде, по которой уже шел однажды.

Они вывели его наружу, под ночное небо. Звезды слабо мерцали. Фарр разглядел Дом-Солнце и несколькими градусами выше — звезду, которую он

знал под именем Бета Ауругью.

Звезды не вызывали ни боли, ни ностальгии. Он не испытывал никаких чувств, ему было легко и покойно.

Обогнув рухнувший Дом, они подошли к лагуне. Впереди из ковра мягкого мха поднимался могучий ствол дерева.

— Дом Зиде Патаоз-сайаха,— сообщил свекр.— Вы — его гость. Он держит слово.

Дверь скользнула в сторону, и Фарр на подгибающихся ногах шагнул внутрь ствола. Дверь тихо закрылась. Фарр остался один в просторном круглом фойе. Он прислонился к стене, чтобы не потерять сознания, внезапно раздосадованный собственной слабостью и замедленностью восприятия. Потом сделал попытку сосредоточиться, и осколки разума медленно начали собираться воедино.

Вперед вышла женщина-исцик. На ней были черно-белые ленты и черный тюрбан. Розовато-фиолетовая кожа между лентами, горизонтальный разрез глаз... Фарр вдруг смутился, вспомнив, что он всклочен, грязен и небрит.

— Фарр-сайах,— сказала женщина,— позвольте проводить вас.

Она отвела его к шахте подъемника, и диск поднял их на сто футов. На этой высоте у Фарра закружилась голова. Он почувствовал холод ладони женщины.

— Сюда, Фарр-сайах.

Фарр шагнул вперед, остановился, прислонился к стене и ждал, пока в глазах не прояснится.

Женщина спокойно молчала.

Пятно наконец исчезло. Они стояли в сердцевине ветви, рука женщины поддерживала его за талию. Он посмотрел в блеклые глаза-сегменты.

— Ваши люди подмешали мне наркотик,— пробормотал он.

— Сюда, Фарр-сайах.

Она пошла по коридору. Движения ее были столь мягки и волнообразны, что казалось, будто она плывет. Фарр медленно пошел следом. Он чувствовал себя немного лучше, ноги окрепли и не подкашивались.

Женщина остановилась около последнего люка, повернулась и сделала руками широкий церемониальный жест.

— Вот ваша камера. У вас ни в чем не будет недостатка. Для Зиде Патаоза дендрология — открытая книга. Он может вырастить все, что захочет. Входите и располагайтесь в изысканном доме Зиде Патаоза.

Фарр вошел в камеру — первое из четырех соединенных помещений самого совершенного стручка из всех, что он видел. Это было помещение для еды. Огромный столб рос из пола и сплющивался на конце, образуя стол, на котором находились подносы с продуктами.

Следующее помещение, выстланное голубыми ворсистыми коврами, видимо, служило комнатой отдыха, а соседнее с ним было по лодыжку заполнено бледно-зеленым нектаром. У себя за спиной Фарр неожиданно обнаружил маленького, подобострастно глядящего исцика, в белых и розовых ленточках слуги Дома. Он ловко стянул с Фарра перепачканную одежду. Фарр шагнул в ванную, и слуга хлопнул ладонью по стене. Из маленьких отверстий ударили струи жидкости со свежим запахом, зябко пробежав по коже. Слуга зачерпнул горсть бледно-зеленого нектара, полил Фарру на голову, и тот вдруг оказался покрыт пощипывающей и пузырящейся пеной. Пена быстро растворилась, оставив кожу чистой и свежей.

Слуга принес початок бледной пасты. Пасту он осторожно наложил на лицо Фарра, растер мочалкой, и борода растаяла без следа.

Прямо над головой рос пузырь жидкости. Его удерживала тонкая оболочка. Он становился все больше и больше и, казалось, подрагивал. Слуга поднял руку с острым шипом. Пузырь лопнул, пролив на Фарра водопад с мягким запахом гвоздики. Жидкость быстро высохла. Фарр перешел в четвертую камеру, и там слуга помог ему одеться, а затем прикрепил сбоку на ногу черную розетку. Фарр, кое-что знавший об обычаях исциков, был удивлен. Будучи персональной входной эмблемой Зиде Патаоза, розетка являлась не просто украшением. Она удостоверя-

ла, что Фарр является почетным гостем Зиде Патаоза, который, следовательно, берет на себя обязанность защищать его от любых врагов. Фарру представлялась свобода действий внутри Дома и дюжина прав, обычно принадлежащих хозяину. Фарр мог манипулировать некоторыми нервами Дома, его рефлексами и импульсами, также мог пользоваться некоторыми из сокровищ Зиде Патаоза и имел довольно широкую возможность поступать так, словно был альтер эго хозяина.

Ситуация была необычной, а для землянина, пожалуй, уникальной. Фарр стал размышлять, чем же он заслужил такую честь. Видимо, это явилось попыткой заглушить вину за неприятности, которые ему причинили в связи с нападением теордов.

«Да,— подумал Фарр,— это, пожалуй, может служить объяснением».

Он надеялся, что Зиде Патаоз поглядит сквозь пальцы на то, что он не соблюдает в ответ громоздких ритуалов вежливости исциков.

Женщина, которая отводила его в камеру, появилась вновь. Она торжественно преклонила перед ним колени. Фарр был недостаточно знаком с манерами исциков, чтобы решать для себя — была в этом жесте ирония или нет. Очень уж неожиданной показалась перемена статуса. Мистификация? Не похоже. Чувства юмора у исциков не существует.

— Эйли Фарр-сайах!— провозгласила женщина.— Теперь, когда вы освежились, желаете ли вы присоединиться к хозяину, Зиде Патаозу?

Фарр вяло улыбнулся:

— В любое время.

— Тогда позвольте мне показать вам путь. Я провожу вас в личный стручок Зиде Патаоза, где он ожидает гостя с великим нетерпением.

Фарр проследовал за ней по трубе, расширяющейся по мере приближения ветки к стволу, затем проехал на лифте вверх по стволу, вылез и пошел по другому проходу. Возле люка он увидел слугу. Женщина остановилась, поклонилась и широко развела руками:

— Зиде Патаоз-сайах ожидает вас!

Люк отодвинулся, и Фарр нерешительно вошел в камеру. Зиде Патаоза он в первый момент не увидел. Фарр медленно двинулся вперед, оглядываясь по сторонам. Стручок был тридцати футов длиной и открывался балконом с перилами по пояс высотой. Стены и куполообразный потолок украшались орнаментом из шелковистого зеленого волокна. На полу густо рос темно-фиолетовый мох. Прямо из стен росли причудливые лампы необычной формы. Здесь имелись четыре кресла-стручка фуксинового цвета, выстроенные вдоль одной из стен. Посредине, на полу, стояла высокая цилиндрическая ваза с водой, растениями и черными извивающимися угрями. На стенах висели картины древних земных мастеров — изысканные курьезы из другого мира, чуждого для исциков.

Зиде Патаоз вышел с балкона.

— Фарр-сайах, надеюсь, вы чувствуете себя хорошо?

— Достаточно хорошо,— осторожно ответил Фарр.

— Присядете?

— Как прикажете.— Фарр опустился на один из мягких фуксиновых пузырей. Гладкая кожа застыла по форме тела.

Хозяин тоже томно присел рядом. Последовала небольшая пауза, во время которой они пристально изучали друг друга. Зиде Патаоз был в голубых лентах своей касты. Кроме того, сегодня его бледные щеки украшали глянцевые красные круги. Фарр догадался, что это не просто случайные украшения. Любой атрибут внешнего вида исциков был тем или иным символом.

Сегодня на голове Зиде Патаоза не было обычного просторного берета. Шишки и складки на его темени образовывали почти правильной формы крест — признак аристократического происхождения и тысячелетней родословной.

— Вы получаете удовольствие от визита на Исзм?

Фарр немного подумал, затем заговорил официальным тоном:

— Я здесь вижу много интересного для себя. Кро-

ме того, я здесь столкнулся с назойливостью, которая, надеюсь, не будет продолжаться бесконечно.

Он осторожно ощупал кожу на голове:

— И лишь ваше гостеприимство способно компенсировать болезненные ощущения, которые меня заставили испытать.

— Это печальные новости,— огорчился Зиде Патаоз.— Кто причинил вам вред? Назовите их имена, и я позабочусь, чтобы их наказали.

Фарр пришел к выводу, что вряд ли он способен опознать свекров, бросивших его в темницу.

— В любом случае, они были возбуждены налетом, и я не держу на них зла. Но после, судя по всему, меня отравили наркотиком. Этому я объяснения не могу найти.

— Ваши замечания правильны,— вкрадчиво заговорил Зиде Патаоз.— Свекры, естественно, подвергли теорда действию гипнотического газа. Похоже, лишь благодаря нелепой ошибке вы были брошены в ту же камеру и разделили с ним эту неприятность. Нет сомнения, участвовавшие в этом сейчас испытывают угрызения совести.

Фарр заговорил с оттенком оскорбленности:

— Мои законные права попраны. Договор о Доступности нарушен.

— Надеюсь, вы нас простите. Вы ведь, конечно, понимаете, что мы должны защищать свои поля.

— Я не имел ничего общего с налетом.

— Да. Мы это понимаем.

Фарр горько улыбнулся:

— Пока я был под гипнозом, из меня выжали все, что я знал...

Раздел между сегментами глаз Зиде Патаоза превратился в ниточку, что Фарр счел проявлением насмешки.

— Случайно я узнал о вашем несчастье...

— Несчастье? Оскорбление!

Зиде Патаоз сделал успокаивающий жест:

— Ничего особенного в том, что свекры применяли гипнотический газ к теорду, нет. Эта раса обладает большими психическими и физическими способностями. Кроме того, она известна моральным не-

совершенством. В частности, именно поэтому их наняли для налета на Исзм.

Фарр был удивлен:

— Вы полагаете, теорды работали не на себя?

— Да. Организовано все было очень аккуратно и рассчитано до мелочей. Теорды — раса неспокойная, и нет гарантии, что экспедицию снарядили не они, но у нас есть основания для некоторых выводов. Мы крайне заинтересованы в том, чтобы найти подлинного виновника налета.

— И потому допросили меня под гипнозом, нарушая договор о Доступности...

— Уверяю вас, вопросы вам задавались лишь те, что имели непосредственное касательство к набегу.— Зиде Патаоз старался умиротворить Фарра.— Свекры сверхприлежны, но вы могли оказаться глубоко законспирированы. У нас создалось такое впечатление.

— Боюсь, что вы ошибаетесь.

— Разве?— Зиде Патаоз казался удивленным.— Вы прибыли на Тинери в день нападения. На пристани пытались избавиться от эскорта. Во время встречи вы все время старались контролировать свои реакции. Простите, что указываю вам на ваши ошибки...

— Не за что, валяйте дальше.

— В аркаде вы еще раз пытались покинуть эскорт. Вы выбежали на поле — явная попытка принять участие в нападении и похищении саженцев.

— Чепуха!

— Для нас этого достаточно. Мы удовлетворены. Налет кончился не в пользу теордов: мы разрушили крота на глубине тысяча сто футов. Никто не выжил, кроме персоны, с которой вы делили комнату-темницу.

— Что с ним случилось?

Зиде Патаоз помедлил. Фарру показалось, что в его голове промелькнула неуверенность.

— В обычных условиях он действительно мог оказаться самым удачливым из них.— Он замолчал, чтобы облечь мысли в самые точные слова.— Мы верим в превентивное воздействие наказания. Его бы заключили в сумасшедший дом, но...

— Что с ним случилось?

— Покончил с собой в подземелье.

Фарр был сбит с толку столь неожиданным поворотом событий. Что-то, видимо, успело связать его с тем человеком, и что-то оказалось теперь потеряно навсегда...

Зиде Патаоз заботливо спросил:

— Вы, кажется, потрясены, Фарр-сайах?

— С какой стати?

— Вы устали или чувствуете слабость?

— Сейчас я более или менее пришел в норму.

Женщина принесла поднос с продуктами: ломтики орехов, горячая ароматная жидкость, сушеная рыба.

Фарр ел с удовольствием, он был голоден.

Зиде Патаоз с любопытством его разглядывал.

— Странно. Мы с вами принадлежим к различным мирам. Мы эволюционировали по разным направлениям, но наши цели, желания и опасения часто схожи. Мы защищаем свою собственность; то, что обеспечивает наше благосостояние.

Фарр почувствовал больное пятно на голове, которое еще саднило и пульсировало.

Он задумчиво кивнул.

Зиде Патаоз подошел к стеклянному цилиндру и стал смотреть на танцующих угрей.

— Порой мы излишне тревожимся — но что делать, опасения заставляют нас превосходить самих себя!

Он повернулся, и долгое время они не сводили взгляды друг с друга: Фарр, сгорбившийся в кресле-стручке, и исцик, высокий, стройный, с большими двойными глазами на орлиной голове.

— Так или иначе,— сказал Зиде Патаоз,— я думаю, вы простите нам нашу ошибку. Теорды и их руководитель — или руководители — могущественны. Но для них ситуация лучше не станет. И пожалуйста, не смотрите свысока на нашу чрезмерную заботу. Налет был предпринят с огромным размахом и почти привел к цели. Кто задумал, кто составил столь тщательно разработанный план операции,— это мы должны выяснить. Теорды действовали очень уверенно. Указания хватать как семена, так и сажен-

цы со специальных участков они получили, видимо, от шпиона, скрывающегося под видом туриста. Вроде вас, например.— Зиде Патаоз бросил на Фарра мрачный пристальный взгляд.

— Этот турист не похож на меня,— коротко рассмеялся Фарр.— Я не хочу, чтобы меня даже косвенно связывали с этим делом.

— Понятное желание,— вежливо склонил голову Зиде Патаоз.— Но я уверен, что вы достаточно великодушны, чтобы понять наше волнение. Мы должны охранять свои предприятия: мы — бизнесмены.

— Не очень хорошие бизнесмены.

— Интересная точка зрения. Почему же?

— Вы выпускаете хорошую продукцию, но сбываете ее не экономично. Ограниченная продажа, высокие рыночные цены.

Зиде Патаоз извлек лорнет и снисходительно помахал им:

— Существует много теорий...— бросил он вскользь.

— Я прочитал несколько статей о выращивании Домов. Расхождения существуют лишь в деталях.

— И что вы скажете по этому поводу?

— То, что ваши методы не действенны. На каждой планете единственный делец обладает монополией. Подобная система удовлетворяет лишь этого дельца. К. Пенче — стократный миллионер и в то же время самый ненавидимый на Земле человек.

Зиде Патаоз задумчиво крутил лорнет.

— К. Пенче, должно быть, столь же несчастен, сколь и ненавидим.

— Рад слышать,— сказал Фарр.— Почему?

— Набег лишил его большей части прибылей.

— Он не получит Домов?

— Не получит тех Домов, которые заказывал!

— Да, это весомо... Впрочем, разница невелика. Он все равно продаст все, что вы ему пошлете.

Зиде Патаоз, казалось, был слегка обеспокоен:

— Он — землянин. Коммерсант по природе. У нас же, исциков, выращивание Домов в крови, в инстинктах. Династия плантаторов началась две тыся-

чи лет назад, когда Джун, первобытный антрофаб, выполз на сушу из океана. Из его жабр вытекала соленая вода, и он нашел убежище в стручке. Он — мой предок. Мы обрели власть над Домами. И мы не имеем права ни растрачивать накопленные знания, ни позволять себя грабить.

— Знания неизбежно будут разгаданы. Неважно, хотите вы того или нет. Слишком уж много бездомных во Вселенной.

— Нет!— Зиде Патаоз хлопнул лорнетом.— Ремесло нельзя разгадать с помощью умозаключений. Элемент магии все же существует.

— Магии?

— Не буквально. Атрибуты магии. Например, мы поем заклинания, когда растут саженцы. Саженцы благоденствуют. А без заклинаний чахнут. Почему? Кто знает? На Исзме — никто. На каждом этапе выращивания, благоустройства и обучения используются специальные знания, благодаря которым Дом и отличается от бесполезной худосочной лозы.

— На Земле мы бы начали с самого простого дерева. Мы бы вырастили миллион саженцев, изучили миллион возможных путей.

— И через тысячу лет вы могли бы контролировать лишь количество стручков на дереве.— Он подошел к стене и вырвал клочок волокна.— Это шелк — мы инъектируем жидкость в орган рудиментарного стручка. Жидкость содержит такие компоненты, как толченый панцирь аммонита, зола кустарника франз, изохромил-адетатметрил, порошок метеорита Фанодане. Жидкость действует, но сперва подвергается шести критическим операциям и вливается только через хоботок силимпшина. Скажите,— обратился он к Фарру,— сколько пройдет времени, прежде чем ваши земные исследователи научатся выращивать в стручке зеленый ворс?

— Вероятно, мы и пробовать не стали бы. Нас удовлетворили бы Дома из пяти-шести стручков, а владельцы бы обставили их, как душе угодно.

— Но это же грубость!— воскликнул Зиде Патаоз.— Вы это понимаете или нет? Жилище должно быть одним целым — стены, интерьер, украшения,

выращенные вместе с ним и в нем! Зачем тогда нужны наши огромные знания? Две тысячи лет напряженной работы? Любой невежда способен наклеить зеленый ворс, один лишь исцик может вырастить его!

— Да. Я вам верю.

Зиде Патаоз продолжал, убеждающе покачивая лорнетом:

— И если вы украли женскую особь Дома, если вы ухитрились вырастить пятистручковый Дом,— это только начало. В него нужно войти, его нужно подчинить, его нужно обучить. Паутина должна быть обрезана: нервы эякуляции должны быть изолированы и парализованы. Сфинктеры должны открываться и закрываться при прикосновении. Искусство благоустройства Дома не менее важно, чем искусство выращивания Дома. Без правильной обработки Дом неудобен и скучен, даже опасен.

— К. Пенче не обрабатывает ни одного дома из тех, что вы присылаете на Землю.

— Ах! Дома Пенче бездумны и покорны. Им ничто не интересно. Им не хватает красоты, изящества.— Он помолчал.— Я не могу объяснить. В вашем языке нет слов, чтобы можно было выразить чувства исцика к своему Дому. Он растит его и растет в нем. Когда он умирает, его прах достается Дому. Исцик пьет его кровь, он дышит его дыханием. Дом защищает его, чувствует его мысли. Одушевленный Дом способен отогнать чужака, разгневанный Дом способен убить. А сумасшедший Дом — в нем мы держим преступников.

Фарр зачарованно слушал.

— Все это очень хорошо для исциков,— перебил он хозяина.— Но землянин не настолько требователен — во всяком случае, землянин с низким доходами, или низкой касты, чтобы вам было понятнее. Ему нужен Дом всего лишь для того, чтобы в нем жить.

— Вы можете приобрести дома,— сказал Зиде Патаоз,— мы рады вам их предоставить. Но вы должны использовать услуги аккредитованных представителей-распределителей.

— К. Пенче.

— Да. Он — наш представитель.

— Кажется, мне пора спать. Я устал, и голова болит.

— Жаль. Но отдохните хорошенько, и завтра, если хотите, мы посетим мою плантацию. Чувствуйте себя свободно: мой Дом — ваш Дом.

Молодая женщина в черном тюрбане отвела Фарра в его камеру. Она церемонно омыла ему лицо, руки и ноги и побрызгала ароматными духами.

Фарр погрузился в преддремотное состояние. Ему мерещился теорд. Он видел грубое коричневое лицо, слышал тяжелый голос. Ссадина на голове горела, и Фарр ворочался.

Лицо коричневого человека исчезло, словно погасили огонь, и Фарр наконец крепко заснул...

5

На следующий день Фарра разбудили вздыхающие и шепчущие звуки музыки исциков. Свежая одежда висела рядом. Он оделся и вышел на балкон. Вид отсюда был изумительный, сверхъестественный, необыкновенно красивый. Солнце, Кси Ауругью, еще не взошло. Золотистое небо цвета электрик нависло над разноцветным зеркалом моря, темнеющим к горизонту. Справа и слева стояли огромные и замысловатые Дома аристократов Тинери, и против солнца вырисовывались силуэты их крон, а цвета стручков были приглушены — темно-синий, темно-бордовый и глубоко-зеленый, какой бывает у старого вельвета. Вдоль канала дюжинами крейсировали гондолы. За каналом располагались торговые ряды базара Тинери. Здесь распределялись изделия и инструменты промышленных систем Южного континента и некоторых внешних миров, при этом использовались способы обмена, в которых Фарру еще не удалось до конца разобраться.

Из апартаментов раздался звук, словно кто-то дернул за язычок колокольчика. Фарр обернулся и обнаружил двух служителей,— они несли высокий, со многими отделениями, буфет, полный еды. И пока Кси Ауругью выпячивалось над горизонтом, Фарр ус-

пел позавтракать вафлями, фруктами, морскими клубнями и пастилой.

Едва он закончил, вновь выскочили служители. Их расторопность и проворство немного развеселили Фарра. Они уволокли буфет, и вошла женщина-исцик, которая прислуживала ему вчера вечером. Сегодня ее обычный костюм из черных лент был дополнен непонятным головным убором из тех же лент, который маскировал шишки и складки на темени, неожиданно делая женщину привлекательной. Произведя утонченные ритуалы приветствия, она сообщила, что Зиде Патаоз готов к сопровождению Фарр-сайаха.

Вместе с ней Фарр спустился в холл у основания огромного ствола. Здесь его ожидал Зиде Патаоз, с ним стоял исцик, которого он представил как Омена Безхда, главного агента кооператива домостроителей. Омен Безхд ростом был явно выше Зиде Патаоза, с более широким, но менее выразительным лицом. Да и характер у него был, видимо, более живой и прямолинейный. Он носил синие, черные ленты и черные кружки на щеках — костюм, который навел Фарра на мысль о принадлежности его владельца к одной из высших каст. В отношении к Омену у Зиде Патаоза сквозили одновременно снисходительность и уважение — во всяком случае, так показалось Фарру. Позицию Зиде Патаоза Фарр приписывал противоречию между кастой Омена Безхда и его мертвенно-бледной кожей жителя одного из Южных архипелагов или даже Южного континента, отличающейся от кожи аристократов-плантаторов слабым голубоватым оттенком. Более Фарр не разглядывал исцика, сочтя это неприличным.

Зиде Патаоз проводил гостя к шарабану с мягкими сидениями, который поддерживал над землей сотни почти бесшумных воздушных струй. Шарабан не имел никаких украшений, но коробка, выращенная вместе с перилами, изогнутыми и сплющенными, дугообразные сиденья и свисающая бахрома темно-коричневого мха,— все это было весьма впечатляющими. Слуга в красных и коричневых лентах нажал выступающий спереди зуб, включая систему

контроля. На заднее сиденье сели еще двое слуг — они несли инструменты, эмблемы и прочее снаряжение Зиде Патаоза, о предназначении которого Фарр не догадывался.

В последнюю минуту к ним присоединился четвертый исцик, человек в синих и серых лентах, которого Зиде Патаоз тут же представил:

— Удир Че, мой главный архитектор. Настоящее исзмское слово, обозначающее его профессию, разумеется, другое. Оно заключает в себе элементы многих знаний: он — биохимик, инструктор, поэт, предвестник, воспитатель и так далее. Конечный эффект, тем не менее, тот же. Так что его смело можно назвать созидателем новых Домов.

За архитектором, как само собой разумеющееся, появились трое вездесущих инспекторов-свекров на другой, меньшей по размерам, платформе. Одного из них Фарр вроде бы узнал — это он охранял землянина во время налета теордов, и затем от него же Фарр натерпелся всяческих оскорблений. Но это вполне мог быть и другой свекр — непривычному глазу все они казались на одно лицо. Фарру пришло в голову забавы ради пожаловаться Зиде Патаозу на этого человека, и тот клятвенно обещал наказать виновного. Но он тут же спохватился — Зиде Патаоз, судя по всему, относился к обещаниям весьма серьезно...

Платформы проскользнули между массивными Домами городского центра и вылетели на дорогу, что вела вдоль ряда небольших полей. Здесь росли серо-зеленые саженцы. «Дома-дети»,— решил Фарр.

— Дома Классов АА и ААКР для контрольных работ с Южного континента,— пояснил Зиде Патаоз покровительственным тоном.— Вон там — четырех- и пятистручковые здания, описанием которых я не хочу вас утомлять. Разумеется, продукция, идущая на экспорт, не доставляет нам столько хлопот: мы продаем немногочисленные стручки, легко выращиваемые и стандартные структуры.

Фарр поморщился: покровительственные оттенки в голосе Зиде Патаоза становились все более отчетливы.

— Если бы вы решились разнообразить ассортимент, вы могли бы необычайно увеличить вывоз товара.

Зиде Патаоз и Омен Безхд, похоже, развеселились.

— Мы вывозим столько Домов, сколько хотим. К чему стремиться вперед? Кто оценит уникальные, исключительные свойства наших Домов? Вы же сами говорите, что для землян Дом — не что иное, как коробки, в которых можно укрыться от непогоды.

— Вы и в самом деле нерациональны, Фарр-сайах,— добавил Омен Безхд,— если только мне удалось подобрать слово с наименьшим обидным звучанием. На Земле, вы говорите, для жилища не нужно ничего. В то же время жилище на Земле — излишек богатства, и излишек столь значительный, что на обширные проекты тратятся неисчерпаемые средства и энергия. Богатство это может позволить решить проблему дефицита Домов очень легко; вернее, это могут те, кто контролирует богатство. Понимая, что подобный курс для вас нереален, вы обращаетесь к нам, относительно бедным исцикам, которые, по вашему мнению, должны быть почему-то менее черствыми, чем люди вашей планеты. А когда вы видите, что мы имеем собственные интересы, вы возмущаетесь,— именно в этом и лежит иррациональность вашей позиции.

Фарр засмеялся:

— Это искаженное отражение действительности. Мы богаты, это верно. Почему? Потому что мы постоянно стараемся выпустить максимум продукции при минимуме усилий. Дома исциков и могут служить этим фактором обеспечения минимума усилий.

— Интересно...— пробормотал Зиде Патаоз.

Омен Безхд глубокомысленно кивнул.

Глайдер свернул и поднялся, чтобы перелететь через заросли остроконечных кустарников с черными шарами наверху. Вдали, за каймой берега, лежал спокойный мировой океан — Голубой Фездх. Глайдер разрезал носом низкие волны прибоя и заскользил к берегу.

Зиде Патаоз заговорил мрачным, чуть ли не за-

могильным голосом:

— Сейчас вам покажут то немногое, что вам разрешено видеть — экспериментальную станцию, где мы задумываем и создаем новые Дома.

Фарр собрался было дать соответствующий ответ, высоко оценить доверие и выразить заинтересованность, но Зиде Патаоз более не обращал на него внимания, и он промолчал.

Платформа неслась над водой. Вода под струями воздуха кипела, и за кормой оставалась пенная струя. Лучи Кси Ауругью искрились в голубой воде, и Фарр подумал, что все выглядело бы совсем по-земному, если бы не этот глайдер странной формы, не эти долговязые молочно-белые в полоску люди, стоявшие за спиной, не эта необычная растительность на острове впереди. Домов, подоных этим, он еще не видел: тяжелые, низкие, с плотно спутанными черными ветвями. Листва, только что освобожденная от коричневой паутины, непрестанно шевелилась.

У берега глайдер замедлил движение и остановился в двадцати футах от земли. Удир Че, архитектор, выскочил с черной коробкой в руках. Он оказался по колено в воде и смешно поплелся к берегу. Деревья не остались равнодушны к его приходу: они склонились поначалу к нему, затем расплели и расцепили ветви. Через секунду в растительности оказался проем, достаточно широкий для глайдера. Когда платформа оказалась за стеной деревьев, Удир Че вновь забрался на борт, а ветви сомкнулись, наглухо закрыв проход.

— Деревья уничтожат любого, кто не представит правильного пароля — он излучается из коробки. В прошлом плантаторы часто отправляли друг против друга экспедиции. Сейчас этого, разумеется, нет, и в деревьях-караульных нет, стало быть, особой необходимости. Но мы очень консервативны и храним старые обычаи.

Фарр оглянулся вокруг, стараясь не проявлять излишнего любопытства. Зиде Патаоз спокойно и весело глядел на него.

— Когда я прибыл на Исзм,— сказал наконец Фарр,— я надеялся, что мне представится удачный

случай, но такого даже не ожидал. Должен признаться, что я озадачен. Почему вы мне все это показываете?— Он пристально посмотрел в бледные хрящеватые лица исциков, но ничего не мог прочесть в их выражении.

Зиде Патаоз выдержал паузу, прежде чем ответить.

— Скорее всего, вы ищете причины там, где их нет. Это вполне нормальное отношение хозяина к почтенному гостю.

— Возможно,— согласился Фарр и вежливо улыбнулся.— Но если иные мотивы все же существуют?

— Допустим. Налет теордов все еще заботит нас, и мы хотим получить большую информацию. Но все же давайте не будем сегодня затруднять себя подобными вопросами. Думаю, вас, как ботаника, должны интересовать мои и Удира Че изобретения.

— О да, конечно!

Последующие два часа Фарр рассматривал Дома со стручками на опорах для планет с высокой гравитацией систем Слис-8 и Форта Мартиона, просторные сложные Дома со стручками-балконами для Феи, где сила тяжести вдвое меньше, чем на Исзме. Были деревья, у которых от центрального ствола-колонны отходили, изгибаясь, четыре широченных листа, которые опускались до земли и создавали таким образом четыре куполообразные зала, освещенных бледно-зелеными лампами. Были Дома с прочными стволами, единственной стручком-башенкой наверху и копьевидной листвой у основания — эти дома служили наблюдательными башнями феодальным племенам Эты Скорпиона. В огражденном стенами пространстве росли деревья разной степени подвижности и разумности.

— Новая, многообещающая область исследований,— сказал Фарру Зиде Патаоз.— Мы обыгрываем идею выращивания деревьев для выполнения специальных задач: караульная служба, садовый надзор, разработка месторождений и обслуживание механизмов. Не думайте, что я шучу. На атолле Дюрок, насколько мне известно, мастер-плантатор у себя в ре-

зиденции вывел дерево, которое поначалу выбрасывает разноцветные волокна, а затем сплетает их в ковер желаемого образца. Да и сами мы вносим лепту в создание подобных чудес. К примеру, вон тот купол — мы добились соединения, о котором человек, не знакомый с основами адаптации, сказал бы, что оно невозможно.

Фарр издал вежливый возглас удивления и восхищения. Он заметил, что Омен Безхд и Удир Че внимают словам плантатора с исключительным уважением, словно присутствуют при чем-то значительном. И Фарру вдруг показалось, что, каковы бы ни были мотивы необычного гостеприимства Зиде Патаоза, ему скоро удастся в них разобраться.

Зиде Патаоз продолжал с ломким, хрипловатым аристократическим выговором:

— Механизм соединения, если можно так выразиться, в теории несложен. Животное тело зависит от пищи и кислород, плюс некоторые поддерживающие компоненты. Растительная система, разумеется, продуцирует эти субстанции и перерабатывает отходы животного. Оно стремится стать закрытой системой, нуждаясь лишь в притоке энергии от внешнего источника. Наши достижения, к сожалению, далеки от законченности. Тем не менее, начало положено...

Рассказывая, Зиде Патаоз направился к бледной желто-зеленой полусфере, над которой вращались и трепетали длинные желтые листья на таких же ветках. Он вытянул руку, и открылся проход в виде арки. Омен Безхд и Удир Че из осторожности остались в тылу. Фарр с сомнением посмотрел на них.

Зиде Патаоз еще раз воскликнул:

— Думаю, что вы, как ботаник, будете восхищены нашими успехами!

Фарр разглядывал отверстие, стараясь увидеть что-то из находившегося внутри. Внутри было нечто, что исцики подталкивали его увидеть; что-то такое, что ему следовало испытать... Опасность? Им не нужно было его обманывать, он и так целиком в их власти. Тем более, что Зиде Патаоз был связан всеобщими законами гостеприимства. Он ничем в этом положении не отличался, скажем, от шейха-бедуина.

Опасности здесь, видимо, не было. Фарр сделал шаг вперед и оказался внутри Дома.

В центре находился слегка выступающий пласт земли, жирной почвы, на котором покоился крупный пузырь — мешок желтой камеди. Поверхность мешка была испещрена нитями сосудов и трубками вен, защищенных оболочкой, которая в верхней части переходила в светло-серый ствол. От ствола симметрично росла крона ветвей с широкими листьями в форме блюдца.

Все это Фарру удалось увидеть за мгновение, хотя с того момента, как он вошел, его внимание было привлечено тем, что содержалось в капсуле со смолой — обнаженным телом теорда. Ноги того были погружены в темный желтый осадок на дне мешка, голова располагалась в непосредственной близости от ствола. Верхушка черепа была отделена, обнажая часть массы оранжевых шариков — мозг. Руки теорда поднимались до уровня плеч и оканчивались, вместо ладоней, клубками спутанного серого ворса, который также скручивался в веревки, уходящие к стволу. Над обнаженным мозгом висел нимб. Приглядевшись, Фарр понял, что это — сетка почти невидимых нитей, также сплетающихся в веревку и исчезающих в стволе. Глаза несчастного были затянуты коричневой пленкой, заменявшей теордам веки.

Фарр сделал глубокий вдох, стараясь совладать с отвращением, смешанным с жалостью. Он почувствовал внимание исциков и резко обернулся. Раздвоенные глаза всех троих были устремлены на него.

Фарр изо всех сил старался держать чувства под контролем. Чего бы исцики от него не ожидали, он обязан их разочаровать.

— Должно быть, это теорд, вместе с которым меня заперли?

Зиде Патаоз шагнул вперед, его губы изогнулись.

— Вы его узнаете?

Фарр покачал головой:

— Я с трудом мог его разглядеть. Он для меня ничем не отличается от любого другого человека этой расы.— Фарр поближе подошел к мешку с янтарной

жидкостью.— Он жив?

— В известной степени.

— Зачем вы меня сюда привели?

Зиде Патаоз выглядел обеспокоенным; возможно, он был даже рассержен. Фарр догадался, что какой-то сложный план пошел насмарку. Он взглянул на мешок. Неужели теорд двигался? Омен Безхд, стоявший слева, очевидно, тоже заметил почти неразличимое движение мускулов.

— Теорд обладает большими психическими ресурсами,— заметил Омен Безхд, двигаясь вперед.

Фарр повернулся к Зиде Патаозу:

— Я полагал, что он умер.

— Так и есть. Он уже не Чейен Техтесский, Четырнадцатый барон на Баннкристе. Он перестал быть личностью и превратился в придаток, орган дерева.

Фарр вновь оглянулся на теорда. Глаза его были открыты, лицо приняло странное выражение, и Фарру показалось, что теорд слышит их слова, понимает их. Омен Безхд замер и напряженно ждал. Точно так же выглядели Зиде Патаоз и Удир Че; все трое они зачарованно смотрели на теорда. Удир Че разразился фразой — стаккато на языке исциков — и указал на листву. Фарр посмотрел и увидел, что листья шевелятся, хотя в Доме не было ни малейшего сквозняка. Фарр глянул на теорда, и тут их глаза встретились. Лицо теорда было напряжено, мускулы вокруг рта затвердели. Фарр никак не мог заставить себя оторвать взгляда. Рот открылся, зашевелились губы. Над головой скрипнула и тяжело застонала ветвь.

— Невероятно!— каркнул Омен Безхд.— Реакция неправильна!

Ветви качнулись и накренились. Послышался ужасающий треск, и вся масса листвы рухнула, подмяв под себя Зиде Патаоза и Удира Че. Во второй раз раздался стон ломающегося дерева; ствол раскололся и дерево упало. Лопнул мешок, теорд вывалился наружу и повис над полом, удерживаемый канатами ворса, которыми оканчивались его руки. Голова его откинулась назад, рот страшно оскалился.

— Я не дерево!— выкрикнул он горловым, булькающим голосом.— Я — Чейен Техтесский!— Изо

рта теорда потекли струйки желтой лимфы. Он конвульсивно закашлялся и уставился на Фарра.— Беги, беги отсюда! Оставь этих проклятых древожителей! Выполни то, что должен!

Омен Безхд бросился помогать Зиде Патаозу выбраться из-под рухнувшего дерева. Фарр отупело глядел на них.

Теорд обмяк.

— Теперь я умираю,— произнес он гортанным шепотом.— Не как дерево Исзма, а как теорд. Чейен Техтесский!

Фарр отвернулся и стал помогать Зиде Патаозу и Омену Безхду извлечь Удира Че из-под листвы. Но безуспешно. Сломанная ветвь проткнула архитектору шею. Зиде Патаоз издал крик отчаяния.

— Существо убивает после смерти, как вредит при жизни! Оно убило самого талантливого из архитекторов!

Зиде Патаоз повернулся и пошел прочь из Дома. Омен Безхд и Фарр последовали за ним.

В молчании и унынии они возвратились в город. От расположения плантатора к Фарру не осталось почти ничего, кроме обычной вежливости. Когда глайдер скользил по центральной улице, Фарр произнес:

— Зиде Патаоз-сайах, сегодняшние события глубоко взволновали меня и вас. Думаю, мне не стоит более злоупотреблять вашим гостеприимством.

— Фарр-сайах вправе поступать, как сочтет нужным,— тактично ответил Зиде Патаоз.

— Я сохраню на всю жизнь воспоминания о пребывании на атолле Тинери. Вы позволили мне познакомиться с проблемами, которые интересуют плантаторов Исзма. Я благодарю вас.

Зиде Патаоз поклонился:

— Заверяю Фарр-сайаха, что у нас, в свою очередь, никогда не сотрется память о нем.

Глайдер остановился на площади, рядом с которой росли три гостиницы, и Фарр высадился. Чуть помедлив, Омен Безхд сделал то же самое. Последовал финальный обмен формальными благодарностями и столь же формальными возражениями, после

чего глайдер отъехал.

Омен Безхд подошел к Фарру.

— Что вы теперь намерены делать?— важно спросил он.

— Мой чартер все еще действует,— сказал Фарр и поморщился, так как не испытывал ни малейшего желания посещать плантации на других атоллах.— Вероятно, я вернусь на Джесциано. А потом...

— А потом?

Фарр раздраженно пожал плечами:

— Еще не знаю.

— Как бы то ни было, желаю приятного путешествия.

— Благодарю вас!

6

Свекры, когда он отправлялся в ресторан на ужин, вновь оказались за спиной и Фарр почувствовал легкое удушье. После типичных исзмских блюд из морских и растительных паст Фарр пошел к причалу, где приказал, чтобы «Яхайэ» была немедленно подготовлена к отплытию.

Капитана на борту не оказалось; боцман утверждал, что раньше следующей зари отплыть никак нельзя, тем более без капитана. Фарру пришлось этим удовольствоваться. Чтобы убить вечер, он отправился на прогулку вдоль берега. Прибой, теплый ветер, песок — все было совершенно как на Земле, но силуэты чужих деревьев и двое шпиков за спиной совершенно портили картину, и Фарр ощутил приступ ностальгии. Он пространствовал уже достаточно. Пора возвращаться на Землю...

Фарр оказался на борту «Яхайэ», прежде чем солнце Кси Ауругью окончательно прояснило горизонт, и, когда перед ним раскинулись свободные просторы Голубого Фездха, Фарр вновь обрел хорошее расположение духа. Экипаж был занят работой: сновали по вантам, разворачивали паруса, и весь «Яхайэ» охватила лихорадка отправления. Фарр забросил тощий багаж в каюту, разыскал капитана и приказал ему отплывать. Капитан поклонился, за-

тем отдал экипажу несколько распоряжений.

Прошло полчаса, а «Яхайэ» все еще стоял у причала. Фарр подошел к капитану:

— В чем дело?

Капитан указал вниз, где матрос в плоскодонке что-то делал за бортом.

— Корпус ремонтируется, Фарр-сайах. Мы скоро отправляемся.

Фарр вернулся к приподнятой каюте и уселся в тени под навесом. Прошло еще пятнадцать минут. Фарр успокоился и даже стал получать удовольствие от окружающей обстановки: от суеты на причале, от прохожих в полосочках и ленточках всевозможных цветов...

Трое свекров подошли к «Яхайэ» и взошли на борт. Они переговорили с капитаном, тот повернулся и дал команду экипажу.

Паруса наполнились ветром, отдали швартовы, заскрипела оснастка. Фарр неожиданно пришел в раздражение и вскочил с кресла. Он бросился было приказать свекрам высадиться на берег, но остановился. Результат можно предсказать заранее. Заставляя себя успокоиться, Фарр вернулся в кресло. Разрезая и вспенивая голубую воду, «Яхайэ» выходил в море. Атолл Тинери уменьшился, превратился в тень над горизонтом и исчез. «Яхайэ», подгоняемая ветром в корму, летела на запад. Фарр нахмурился. Насколько он мог припомнить, он не давал никаких указаний насчет места назначения.

Он подозвал капитана:

— Я вам не давал никаких приказов. Почему вы держите курс на запад?

Одна пара сегментов глаз капитана переместилась:

— Наше место назначения — Джесциано. Разве не этого желает Фарр-сайах?

— Нет,— заявил Фарр агрессивно.— Мы поплывем на юг, на Видженх.

— Но, Фарр-сайах, если мы не будем держать курс прямо на Джесциано, вы можете пропустить взлет корабля!

От изумления Фарр с трудом мог говорить.

— Да вам-то какое дело?— выдавил он наконец.— Я что, упоминал, что хочу сесть на космический корабль?

— Нет, Фарр-сайах, я не слышал таких высказываний.

— Тогда будьте любезны не предугадывать более моих желаний. Мы отправляемся на Виджених.

Капитан помедлил:

— Ваши приказы, Фарр-сайах, должны быть тщательно взвешены. Нам следует учитывать еще и приказания свекров. Они хотят, чтобы «Яхайэ» плыл на Джесциано.

— В таком случае пусть сами свекры и оплачивают чартер. От меня вы ничего не получите.

Капитан повернулся и отправился за советом к свекрам. Последовал короткий спор, в ходе которого капитан и свекры бросали пристальные взгляды на Фарра, стоявшего поодаль. Все же «Яхайэ» повернула на юг, а рассерженные свекры прошли на нос.

Путешествие продолжалось. Вскоре Фарр лишился покоя. Экипаж был бдителен, но уже менее исполнителен. Свекры следили за каждым его шагом и при любом случае с откровенной наглостью обыскивали каюту. Фарр почувствовал себя более арестантом, чем туристом. Было почти очевидно, что его сознательно вызывают на провокацию, словно хотят породить у него отвращение к Исзму.

«Не так уж это и сложно,— сказал сам себе Фарр мрачно.— День, когда я покину эту планету, будет самым счастливым днем в моей жизни...»

Над горизонтом выросла группа островов. Это был атолл Виджених, словно брат-близнец похожий на Тинери. Фарр заставил себя выйти на берег, но там не нашел ничего более интересного, как сидеть на террассе гостиницы с кубком нарциза — терпкого, чуть солоноватого напитка из морских водорослей. Выходя, он обнаружил плакат с фотографией космолета и расписанием прилетов и отлетов. Их «Андрей Саймак» должен был покинуть Джесциано через три дня, затем вылетов не предусматривалось целых четыре месяца. Фарр с большим интересом рассматривал плакат. Вернувшись в порт, он аннулировал чар-

тер, после чего предпринял воздушный перелет на Джесциано.

Он прибыл в тот же вечер и сразу же взял билет на КК «Андрей Саймак» до Земли, после чего ощутил покой и уверенность.

«Восхитительная ситуация,— говорил он себе.— Полгода назад я не мог думать ни о чем, кроме как о путешествии на неведомую планету, а сейчас я мечтаю лишь о возвращении на Землю».

Гостиница космопорта представляла собой огромную поросль, созданную дюжиной деревьев, сцепившихся между собой. Фарру предоставили удобный стручок, нависший над каналом, соединявшим лагуну с центром города Джесциано. Узнав наконец, что время отправления точно известно, Фарр успокоился. Ресторанные блюда в импортной расфасовке вновь казались ему вкусными; посетители, жившие в гостинице, принадлежали преимущественно к антропоидам. Было здесь также с дюжину землян.

Единственным раздражающим явлением была непрекращающаяся слежка свекров, и притом столь назойливая, что Фарр пожаловался администрации гостиницы, затем лейтенанту свекров,— и в том и в другом случае ответом было лишь слабое пожатие плечами. В конце концов он пересек отгороженную площадь и вошел в маленькое бетонное бунгало — офис районного договорного администратора. Это, похоже, было одно из немногих зданий на Исзме, доступных для посторонних. Администратором оказался коротенький толстый землянин со сломанным носом, ершиком черных волос и суетливыми повадками. У Фарра немедленно возникла неприязнь к нему. Тем не менее Фарр спокойно и убедительно изложил свои претензии, и администратор обещал принять меры.

На следующий день Фарр явился в Административный дворец — большое и величественное здание, возвышающееся над центральным каналом. На этот раз администратор был с ним лишь подчеркнуто вежлив, хоть и пригласил на ленч. Они ели на балконе. Внизу по каналу проплывали стручки-лодки, полные фруктов и цветов.

— О вашем случае я звонил в Центр-Свекр,— сообщил администратор Фарру.— Они выражались туманно, что для них необычно. Как правило, они выражаются ясно и безоговорочно: «Турист шпионил».

— Я до сих пор не могу понять, за что они меня так преследуют.

— Вероятно, за то, что вы присутствовали, когда компания арктуриан...

— Теорды.

Администратор поправился:

— ...когда теорды совершили массированный налет на плантацию Тинери.

— Да, я там был.

Администратор вертел в руках кофейную чашечку.

— Видимо, чтобы возбудить их подозрения, этого оказалось достаточно. Они считают, что один или несколько туристов планировали и руководили набегом, и вас они выбрали как одну из наиболее подходящих кандидатур.

Фарр откинулся в кресле:

— Это неправдоподобно. Свекры накачали меня гипнотиками и допросили. Они знают все, что знаю я. И наконец, плантатор на Тинери сделал меня своим гостем. Они не верят, что я замешан. Это невозможно.

Администратор слабо и уклончиво пожал плечами:

— Может быть. Свекры согласились, что конкретных претензий к вам они не имеют. Но так или иначе, вам удалось превратиться в объект для подозрений.

— Выходит, виновен я или не виновен, мне никуда не деться от их назойливости? Это противоречит букве и духу Договора.

— Думаю, я не меньше вашего знаком с требованиями Договора.— Администратор был раздражен. Он пододвинул к Фарру вторую чашку, метнув на него любопытный взгляд.— Надеюсь, вы невиновны... но, возможно, вам что-то известно. Вы общались с кем-нибудь, кого они подозревают?

Фарр беспокойно зашевелился:

— Они бросили меня в один погреб с теордом. Я с трудом мог с ним говорить.

Было видно, что ответ администратора не убедил.

— Тогда, должно быть, вы сделали что-нибудь не так. Что бы вы не говорили, исцики никогда никого не беспокоят просто ради каприза.

Терпение Фарра лопнуло:

— Кого вы представляете? Меня или свекров?!

— Попробуйте моими глазами взглянуть на ситуацию,— холодно произнес администратор.— В конце концов, нет никакой гарантии, что вы не тот, за кого они вас приняли.

— Прежде всего они должны это доказать, но даже в этом случае вы — мой законный представитель. Зачем еще вас здесь держат?

Администратор уклонился от ответа:

— Я разговаривал с комендантом. Он колеблется. Может быть, он считает вас жертвой, приманкой или курьером. Возможно, они ждут, когда вы сделаете неверный шаг и выведете их на подлинного руководителя.

— Им долго придется ждать. Кроме того, меня оскорбили.

— Как так?

— После налета меня бросили в погреб. Я имею в виду, они меня заключили в каком-то корне под землей. Я сильно ушиб голову. Ссадина до сих пор дает о себе знать.— Фарр нащупал темя, где наконец начали отрастать волосы, и вздохнул.

Ясно было, что администратор ничего делать не будет. Фарр обвел взглядом балкон:

— Это место, должно быть, звукоизолировано?

— Мне нечего скрывать,— чопорно ответил администратор.— Они могут слушать днем и ночью. Что они, возможно, и делают.— Он встал.— Когда уходит ваш корабль?

— Через два или три дня, в зависимости от окончания погрузки.

— Советую вам терпимее относиться к слежке. Так будет лучше.

Фарр небрежно поблагодарил и вышел. Свекры уже ждали. Они вежливо кивнули, когда Фарр выходил на улицу. Фарр глубоко вздохнул. Он устал. Поскольку его положение не обещало улучшиться, осталось только смириться.

Он вернулся в гостиницу и принял душ. В полупрозрачном утолщении на стене стручка вместо воды из форсунки струился прохладный сок со свежим запахом. Переодевшись в чистую одежду, выданную в гостинице, Фарр отправился на террасу. Ему наскучило одиночество, и он с интересом оглядел столики. Он имел некоторое представление — правда, слабое — о других гостях: мистер и миссис Эндервью, странствующие миссионеры, Джонас Ральф и Вильфред Виллерен — инженеры, возвращающиеся на Землю с Большой Экваториальной Автострады Капеллы XI, и, в эту минуту сидевшие вместе с группой путешествующих школьных учителей, только что прибывших на Исзм, трое округлых коммерсантов с Монаго — потомков земного ствола, по условиям Монаго или Таруса 61-II модифицированных в собственный семиотический тип.

Справа от них сидело трое кинисов — высоких, стройных, почти неотличимых от людей, подвижных, прозорливых и многоречивых. Затем двое молодых землян (Фарр решил, что они студенты), за ними — группа великоарктурианн, представителей расы, от которой отделились на другой планете теорды. По другую сторону от монагиан сидели четверо исциков в красных и пурпурных полосах, значение которых Фарра не интересовало, и неподалеку от них, озабоченно потягивая нарциз из кубка,— еще один исцик в голубом, белом и черном. Фарр опешил. Он не был уверен — исцики все казались ему на одно лицо, похожими друг на друга, но это был не кто иной, как Омен Безхд.

Почувствовав его взгляд, исцик повернулся к нему лицом и вежливо кивнул, затем встал и подошел к Фарру.

— Могу ли я к вам присоединиться?

Фарр указал на кресло.

— Я не ожидал, что так скоро буду иметь удо-

вольствие возобновить наше знакомство,— сухо сказал он.

Омен Безхд произнес один из туманных местных тостов, значение которого было за пределами понимания Фарра.

— Вам известно о моем намерении посетить Землю?

— Нет, конечно.

— Странно.

Фарр промолчал.

— Наш друг Зиде Патаоз просил передать вам сообщение,— начал Омен Безхд.— Первое: он посылает со мной приветствие восьмого ранга в ваш адрес и говорит, что испытывает чувство стыда за неприятное происшествие, омрачившее вам последний день на Тинери. Для нас до сих пор загадка, откуда у теорда была такая психическая сила, позволившая ему совершить подобное действие. Второе: он рекомендует вам как можно осторожнее выбирать знакомства ближайшие несколько месяцев. И третье: на Земле, где я буду чужестранцем, он поручает меня вашему знакомству и покровительству, а также вашему гостеприимству.

Фарр размышлял вслух:

— Откуда Зиде Патаоз-сайах узнал, что я собираюсь вернуться на Землю? Когда я покидал Тинери, я не имел такого намерения.

— Я говорил с ним не далее чем вчера ночью по телекому.

— Ясно,— недовольно произнес Фарр.— Да, естественно, я постараюсь сделать все, чтобы помочь вам. Какую часть Земли намерены вы посетить?

— Мои планы еще неконкретны и неокончательны. Я буду инспектировать Дома Зиде Патаоза на различных участках, и, скорее всего, мне придется много путешествовать.

— А что значит «осторожнее выбирать знакомства ближайшие несколько месяцев»?

— Только одно. Похоже, слухи о налете теордов достигли Джесциано. Значит, они будут распространяться далее. Определенные преступные элементы могут заинтересоваться вашей деятельностью. Впро-

чем, я говорю слишком свободно.

Омен Безхд встал, поклонился и вышел, оставив Фарра в недоумении смотреть ему вслед.

На следующий вечер администрация гостиницы, обратив внимание на большое число гостей с Земли, организовала банкет с земной кухней и земной музыкой. Явились почти все гости — земляне и прочие.

Фарр быстро захмелел от скотча с содовой и вскоре принялся ухаживать за самой юной и миловидной из приезжих учительниц. Она не отвергала его галантности, и уже вскоре они прогуливались рука об руку по террасе, нависавшей над берегом. Они болтали о пустяках, затем она вдруг бросила на него лукавый взгляд:

— Насколько я могу видеть, вы определенно не относитесь к соответствующему типу.

— Какому типу?

— О! Вы знаете! К типу людей, способных дурачить исциков и красть деревья у них из-под носа.

— Ваш инстинкт вас не подводит,— рассмеялся Фарр.— И верно, не отношусь.

Она вновь посмотрела на него искоса:

— Я слышала о вас кое-что другое...

Фарр постарался, чтобы его голос был по-прежнему легким и небрежным:

— Вот как? И что же вы слышали?

— Разумеется, все это секрет. Ведь если исцики узнают, вас пошлют в сумасшедший Дом, так что вполне естественно, что вы не хотите об этом говорить. Но человек, который сказал мне об этом, очень надежен, и я, конечно, никому не скажу ни слова. Но я вас только приветствую.

— Совершенно не понимаю, о чем вы говорите,— раздраженно сказал Фарр.

— Конечно, вы никогда не согласитесь признаться,— с сожалением произнесла молодая женщина.— В конце концов, я могу оказаться агентом исциков,— они их используют, вы знаете.

— Раз и навсегда!— сказал Фарр.— Я не понимаю, о чем вы говорите.

— О набеге на Тинери. Говорят, что вы командуете всем этим делом и руководили налетом извне.

Что вы контрабандой вывезете деревья из Исзма на Землю. Все это обсуждают.

— Что за нелепая чушь!— печально рассмеялся Фарр.— Если бы это было так, неужели бы я был на свободе? Разумеется, нет. Исцики значительно умней, чем вы о них думаете. Откуда возникла эта идея?

Молодая женщина пришла в замешательство. Наверняка внутренне заурядному и невинному Эйли Фарру она предпочла бы отважного похитителя деревьев.

— Не знаю, уверяю вас.

— Где вы об этом слышали?

— В отеле. Некоторые гости говорили об этом.

— Любовь к сенсациям!

Молодая женщина фыркнула, и ее отношение к Фарру стало заметно холоднее. Когда они вернулись и сели, комнату пересекли четверо свекров в головных уборах, говоривших о высоком ранге их владельцев. Они остановились перед столиком Фарра и поклонились.

— Если Фарру-сайаху угодно, требуется его присутствие в одном месте.

Фарр откинулся на спинку кресла. Он посмотрел вокруг, но все отводили лица. Учительница пребывала в крайней степени возбуждения.

— Где же требуется мое присутствие?— произнес Фарр голосом, полным бешенства.— И зачем?

— Нужно сделать обычные ритуальные уточнения, связанные с вашими легальными занятиями на Исзме.

— Они могут подождать хотя бы до завтра?

— Нет, Фарр-сайах. Прошу вас, пойдемте.

Кипя негодованием, Фарр встал и в окружении свекров покинул террасу.

На берегу, в четверти мили от гостиницы, стояло маленькое трехстручковое дерево. Внутри на диване сидел старый исцик. Он указал Фарру место напротив и представился. Его звали Ювнир Адисда, он принадлежал к касте ученых-теоретиков, философов и прочих, формулирующих абстрактные принципы.

— Узнав о вашем пребывании на Джесциано и

о том, что вы очень скоро отлетаете, я счел своим долгом немедленно с вами познакомиться. Я знаю, что на Земле вы работаете в области, непосредственно связанной с нашим полем деятельности.

— Это верно,— коротко ответил Фарр.— Я чрезвычайно польщен вашим вниманием, но хотел бы, чтобы оно выражалось в менее настойчивой форме. В гостинице теперь все уверены, что свекр арестовал меня за попытку украсть Дом-дерево.

Ювнир Адисда равнодушно пожал плечами:

— Странная тяга к нездоровым сенсациям — часть этики человекообразных потомков обезьян. Думаю, лучше к ним относиться с презрением.

— Верно,— сказал Фарр.— Вы очень тонко выразились. Но была ли необходимость посылать четырех свекров передавать ваше приглашение? Это неблагоразумно.

— Не имеет значения. Люди нашего положения не должны заботиться о таких пустяках. А теперь расскажите, пожалуйста, о сути ваших интересов.

Четыре часа они спорили о Исзме, о Земле, о Вселенной, людском многообразии и о будущем. Когда свекры, чье количество и ранг сократились до двух нижних чинов, наконец проводили его в отель, Фарр почувствовал себя вознагражденным...

На следующее утро, когда он пришел на террасу завтракать, он вызвал нечто вроде благоговейного трепета. Миссис Эндервью, симпатичная молодая жена миссионера, сказала:

— Мы были совершенно уверены, что вас посадили в тюрьму. Или даже в сумасшедший Дом. И мы удивлены, что вы сейчас же не обратитесь к администратору.

— В этом нет необходимости,— сказал Фарр.— Всего лишь ошибка. Но благодарю вас за участие.

Монагиане спросили его:

— Правда, что вы с теордами сумели полностью перехитрить свекров? Если так, то мы можем предложить вам выгодно сбыть дерево, которым вам удалось завладеть.

— Я не способен перехитрить никого,— возразил Фарр.— У меня нет никаких деревьев.

— Разумеется, разумеется,— кивнул, подмигивая, монагианин.— Здесь, на Исзме, даже трава имеет уши.

На следующий день КК «Андрей Саймак» спустился с небес, и час вылета был установлен окончательно: через два дня в девять утра. В течение этих дней свекры безуспешно рыли носом землю. Вечером перед вылетом один из них подошел к Фарру и щепетильно сообщил:

— Если Фарр-сайах обладает временем, его просят подойти в портовую контору.

— Очень хорошо,— сказал Фарр, готовясь к худшему.

Он отправил багаж в космопорт и явился в портовую контору, ожидая, что его подвергнут последнему, самому интенсивному допросу.

Свекры полностью разочаровали его. Его отвели в стручок, где помощник коменданта сказал ему в заключение его пребывания на Исзме:

— Фарр-сайах, на протяжении последних недель вы чувствовали нашу заинтересованность.

Фарр выразил согласие.

— Я не могу вскрыть перед вами подоплеку происходящего,— сказал помощник,— но слежка была вызвана соображениями вашей безопасности.

— Моей безопасности?

— Мы подозреваем, что вы находитесь в опасности.

— В опасности? Восхитительно!

— Отнюдь. Совсем наоборот. В тот вечер, когда давали концерт, мы извлекли отравленный шип из вашего кресла. Или другой случай: пока вы пили на террасе, вам в кубок добавили яд.

От изумления челюсть Фарра отвисла. Где-то кем-то была допущена чудовищная ошибка.

— Вы в этом уверены? Это невероятно!

Исцик, развлекаясь, сузил глаза до щелочек двойных амбразур:

— Вспомните правила, связанные с прибытием на Исзм. Они позволяют нам держать под запретом все оружие. Яд — другое дело. Щепотку пыли можно заразить миллионом вирусов и спрятать без всякого

труда. Далее. Любой приезжий, замысливший убийство, может воспользоваться удавкой или ядом. Бдительность свекров предупреждает акты физического насилия, поэтому тревожить нас может только яд. Каковы способы и вспомогательные средства? Еда, питье, инъекции. Классифицируя подобные способы и приспособления, мы всегда можем найти нужный раздел и прочитать: «Отравленный шип, заноза или зазубрина, предназначенные для прокола бедра или ягодицы посредством вертикального давления силы тяжести». Следовательно, в нашу слежку неизбежно входит проверка мест, на которых вы любите сидеть.

— Понятно,— сказал Фарр сдавленным голосом.

— Отраву у вас в питье мы обнаружили с помощью реагента, который темнеет в случае любого изменения первоначального материнского раствора. Когда помутнел один из бокалов скотча с содовой, мы его заменили.

— Это крайне непонятно. Кому понадобилось меня травить? Чего ради?

— Я имею право сообщить вам только предупреждение.

— Но против чего вы меня предупреждаете?

— Детали не окажут никакой пользы для вашей безопасности.

— Но я ничего не сделал!

Помощник коменданта покачал лорнетом:

— Вселенная существует восемь биллионов лет, и последние два биллиона лет производит разумную жизнь. За это время не наберется и часа, когда преобладала бы полная справедливость. Не исключено, что состояние ваших личных дел согласуется с происходящими событиями.

— Другими словами...

— Другими словами — ходите беззвучно, глядите по углам, не позволяйте соблазнительным самочкам увлечь себя в темные комнаты.— Он дернул тугую струну. Вошел молодой свекр.— Проводи Эйли Фарр-сайаха на борт «Андрея Саймака». Мы отменяем все дальнейшие проверки.

Фарр недоверчиво воззрился на него.

— Да, Фарр-сайах,— сказал помощник.— Мы

чувствуем, что вы были честны.

Совершенно запутавшийся Фарр покинул стручок. Что-то было не так. Исцики отменили проверки. Такого не было никогда и ни с кем.

Оказавшись на борту КК «Андрей Саймак», он улегся на эластичную панель, служившую койкой. Он в опасности. Так сказал свекр. Эта мысль никак не укладывалась в голове. Фарр был человек довольно смелый. Он не побоялся бы вступить в бой с явными врагами. Но знать, что в любую минуту тебя могут лишить жизни и не подозревать даже — кто, зачем и как... От таких раздумий в желудке начиналась суматоха. Конечно, помощник коменданта может и ошибиться. Может быть, он воспользовался таинственной угрозой, чтобы заставить Фарра держаться подальше от Исзма.

Фарр встал и тщательно обыскал каюту, но не обнаружил ни скрытых механизмов, ни таинственных шпионских тайников. Затем навел порядок в своем имуществе таким образом, чтобы сразу можно было заметить нарушение. Потом Фарр отодвинул ворсистую панель и выглянул в коридор. Он был пуст. Фарр вышел и торопливо направился в комнату отдыха.

Там он изучил список. На борту, включая его самого, находилось двадцать восемь пассажиров. Некоторые из них были ему знакомы: мистер и миссис Эндервью, Джонас Ральф, Вильфред Виллерен и Омен Безхд; прочие — приблизительные транскрипции чужеродных форм языка — не значили для него ничего...

7

Фарр не смог увидеть своих спутников раньше того времени, когда «Андрей Саймак» вышел в пространство и капитан пришел в комнату отдыха, чтобы огласить, как полагается, список корабельных правил. Здесь находились семеро исциков, девять землян, трое коммерсантов с Монаго, трое монахов с Кадайна, совершавших ритуальное паломничество по планетам, и еще пятеро с различных миров. Боль-

шинство пассажиров прибыли на Исзм этим же кораблем. Исцики, за исключением Омена Безхда, были наряжены в золотые и черные ленты — форма агентов плантаторов, людей высокопоставленных и строгих, причем более или менее одинаковых. Фарр предположил, что, по меньшей мере, двое из них — свекры. Группу землян составляли два словоохотливых юных студента; седеющие санитарные инженеры, что возвращались на Землю; супруги Эндервью; Ральф и Виллерен, а также Картс и Модел Клевски, молодая путешествующая пара.

Фарр изучил всех, пытаясь каждого представить в роли потенциального убийцы. Он окончательно запутался. Попавшие на борт корабля автоматически становились источниками подозрений, особенно кадайнские монахи и торговцы с Монаго. Не было никаких причин подозревать исциков и землян — какой им смысл причинять ему вред? Какой смысл кому бы то ни было причинять ему вред? Он рассеянно почесал голову, с огорчением обнаружив, что шрам, оставшийся от падения в полость корня на Тинери, никуда не исчез.

Путешествие было скучным — одинаковые часы прерывались лишь трапезами и периодами сна, которые каждый пассажир мог устраивать по собственному желанию. Чтобы избавиться от скуки, а может быть, потому, что скука не давала ни о чем другом думать, Фарр затеял невинный флирт с миссис Эндервью. Муж ее был погружен в написание многотомного доклада об условиях миссии на Дета Куури, что на планете Мазеи, и появлялся только во время еды, оставляя миссис Эндервью большую часть времени на попечение самой себя и Фарра. Это была очаровательная женщина, с чувственным ртом и провоцирующей полуулыбкой. Усилия Фарра не заходили далее игры ума, теплоты в голосе, многозначительного взгляда или завуалированной насмешки. Он был весьма удивлен, когда миссис Эндервью (он не запомнил ее первого имени) однажды вечером явилась в его каюту с улыбкой пугливой и безрассудной.

— Можно войти?

— Вы уже вошли.

Миссис Эндервью медленно кивнула и задвинула за собой панель. Фарр вдруг обнаружил, что она гораздо милее, чем он позволил себе заметить, и что она использует духи непреодолимой сладости: алоэ, кадамаш, лимон.

Она села рядом.

— Я так скучаю!— сказала она.— Ночь за ночью Меррит пишет и думает только о своем бюджете. А я,— я люблю веселье!

Приглашение вряд ли могло быть более откровенным. Фарр прикинул так и этак, затем кашлянул. Миссис Эндервью, слегка покраснев, смотрела на него.

Раздался стук в дверь. Фарр вскочил на ноги, словно уже был виновен. Он отодвинул панель. Снаружи ждал Омен Безхд.

— Фарр-сайах, можно вас на секунду? Я понимаю, что не самое удобное время...

— Да,— сказал Фарр.— Как раз сейчас я занят.

— Дело безотлагательное.

Фарр повернулся к женщине:

— Одну минутку. Я сейчас вернусь.

— Поторопитесь!— она выглядела очень нервной.

Фарр с удивлением поглядел на нее, открыл было рот, чтобы заговорить...

— Шшш!— предостерегла она.

Он пожал плечами и вышел.

— В чем дело?— спросил он Омена Безхда.

— Фарр-сайах, вы хотите сохранить жизнь?

— И даже очень...

— Пригласите меня в каюту,— попросил Омен Безхд и сделал шаг вперед.

— Это едва ли возможно,— ответил Фарр.— И вообще...

— Вы поняли меня или нет?— серьезно спросил исцик.

— Нет. Я хочу, но, видимо, не могу.

Омен Безхд кивнул:

— Галантность следует отбросить. Давайте войдем в каюту. Времени у нас нет.

Отодвинув панель, он шагнул вперед.

Фарр вошел следом, чувствуя себя очень глупо.

Миссис Эндервью вскочила.

— О!— воскликнула она, заливаясь краской.— Мистер Фарр!..

Фарр беспомощно развел руками. Миссис Эндервью попыталась выйти из каюты, но Омен Безхд загородил ей путь. Он улыбнулся — рот раскололся, обнажая серое небо и дугу острых зубов.

— Прошу вас, миссис Эндервью, не уходите. Ваша репутация в опасности.

— Я не могу терять времени,— резко ответила она.

Фарр вдруг увидел, что она совсем не миловидна, что у нее помятое лицо, а глаза злые и себялюбивые.

— Прошу вас,— сказал Омен Безхд,— не сейчас. Сядьте, если угодно.

Стук в дверь. Голос, хриплый от бешенства:

— Откройте! Эй вы, там, открывайте!

— Конечно!— ответил Омен Безхд.

Он широко распахнул дверь. В проеме стоял мистер Эндервью, сверкая щелками глаз. В руке он держал шаттер. Рука у него дрожала. Он увидел Омена Безхда — и плечи его поникли, а челюсти лязгнули.

— Извините, что не приглашаю вас войти,— сказал Фарр.— У нас слегка тесновато.

Эндервью возобновил атаку:

— Что здесь происходит?

Миссис Эндервью шагнула вперед, держась за перила.

— Ничего,— произнесла она сдавленным голосом.— Совсем ничего.

Она выбралась в коридор.

— Для вас ничего здесь нет,— небрежно сообщил Омен Безхд в адрес Эндервью.— Вам бы лучше присоединиться к своей даме.

Эндервью медленно повернулся на каблуках и пошел.

Фарр почувствовал слабость в коленях. Он не мог измерить глубину причин, не мог разобраться в водоворотах мотивов и целей. Он сел на койку, краснея при мысли, что его провели, как простака.

— Отличный способ вычеркнуть человека из

жизни,— заметил Омен Безхд.— По крайней мере, не противоречит земным установкам.

Фарр быстро вскинул глаза, уловив в этом замечании сарказм.

— Что ж, вы спасли мою шкуру,— по меньшей мере, два или три квадратных фута...

— Пустяки,— Омен Безхд поднялся и покачал несуществующим лорнетом.

— Для меня не пустяки. Я люблю свою шкуру.

Исцик повернулся, чтобы идти.

— Постойте! Я хочу знать, что происходит!

— Все и так очевидно.

— Может, я дурак.

Исцик задумчиво посмотрел на него.

— Наверное, вы слишком близки к происходящему, чтобы увидеть картину целиком.

— Вы же свекр...

— Все иностранные агенты из Свекр-Центра.

— Ладно, но все-таки: что происходит и что вам от меня нужно, а заодно — что нужно от меня Эндервью?

— Они тщательно взвесили пользу и опасность, которую вы можете принести.

— Это совершенно фантастично!

Омен Безхд сфокусировал на нем обе фракции глаз и заговорил, размышляя:

— Каждая секунда бытия — новый мираж. Осознание ежесекундно ожидающих нас бесчисленных вариаций и возможностей — улицы в будущее. Мы идем по одной из них, но кто знает, куда приведут другие. Это вечное волшебство, таинственная неопределенность последующей секунды вкупе с минувшей — и есть непрерывно разворачивающийся ковер развития.

— Да-да,— буркнул Фарр.— Разумеется...

— Разум еще немеет перед чудом жизни, перед ее мощью и величием.— Омен Безхд отвел наконец глаза.— По сравнению с ней, происходящее сейчас имеет столь большое значение, как один-единственный вздох.

— Вздыхать я буду, сколько захочу,— сказал Фарр жестко.— Но умереть я могу лишь однажды,

так что, видимо, практическая разница здесь все же есть. Очевидно, вы думаете так же, как и я, и признаю, что нахожусь у вас в долгу. Но — почему?

Омен Безхд помахал отсутствующим лорнетом:

— Конечно, рациональность для исциков совсем не та, что для землян. Тем не менее, мы подчиняемся некоторым инстинктам — таким, как благоговение перед жизнью и стремление помогать знакомым.

— Значит, ваш поступок не более чем дружеская услуга?

Омен Безхд поклонился:

— Можно сказать и так. А теперь я пожелаю вам доброй ночи...

Он вышел из каюты.

Фарр в оцепенении опустился на койку.

За последние несколько минут супруги Эндервью из добродушного миссионера и его привлекательной жены превратились в пару безжалостных убийц. Но почему? Почему?!

Фарр в отупении покачал головой. Помощник коменданта упоминал отравленный шип и отравленное питье. Очевидно, на миссионере с супругой лежит ответственность и за это. Он гневно вскочил на ноги, подбежал к двери, отодвинул ее и посмотрел вдоль перил. Направо и налево уходили полосы серого стекла. Наверху такие же перила давали доступ к следующим каютам. Фарр добрался до конца перил и через арку заглянул в комнату отдыха. Двое исциков и двое молодых туристов — санитарных инженеров — играли в покер. Исцик одной парой фрагментов смотрел в карты, другой — на противников. Он выигрывал.

Фарр вернулся и поднялся по трапу на верхнюю палубу.

Тишина здесь нарушалась лишь обычной жизнью механизмов вентиляции. И еще неразборчиво болтали в комнате отдыха пассажиры.

Фарр подошел к двери с табличкой «Меррит и Антея Эндервью». Он подождал, прислушиваясь, и ничего не услышал — ни звуков, ни голосов. Тогда он поднял руку, чтобы постучать, но задержал ее. Он вспомнил объяснение жизни Оменом Безхдом — бесконечность улиц в будущее... Он мог постучать, он

мог вернуться к себе в каюту.

Он постучал.

Никто не ответил. Фарр оглянулся. Он все еще мог вернуться...

Фарр попробовал открыть дверь. Она поддалась. В комнате было темно. Фарр нащупал выключатель, свет залил комнату. Меррит Эндервью жестко сидел в кресле и глядел на него бесстрастными глазами.

Фарр увидел, что он мертв. Антея Эндервью лежала на нижней койке, расслабленная и совершенно спокойная.

Фарр не стал ее рассматривать ближе, но она тоже была мертва. Шаттер, поставленный на низкий уровень вибрации, гомогенизировал их мозг — их мысли и память превратились в коричневую массу, а улицы в будущее, которое они выбрали, рухнули в небытие. Фарр не двигался. Он пытался восстановить свое дыхание, зная, что беда уже случилась.

Потом он вышел и затворил за собой дверь. Стюардесса, видимо, обнаружит трупы.

Некоторое время он стоял и размышлял с растущим беспокойством. Он мог оказаться в центре подозрений. Этот дурацкий флирт с Антеей Эндервью, возможно, стал уже достоянием гласности. Его присутствие в каюте можно установить: на всех предметах в комнате должна остаться пленка от его дыхания, и, если никто из пассажиров на борту не обладает такой же группой дыхания, все станет ясно.

Фарр решился. Он вышел из каюты и прошел через комнату отдыха. Никто на него не смотрел. Он поднялся по трапу мостика и постучал в дверь каюты капитана.

Капитан Дорристи отодвинул панель. Это был приземистый молчаливый мужчина с косящими черными глазами. За его спиной стоял Омех Безхд. Фарр заметил, что мускулы щек у исцика напряглись, а рука сделала движение, словно крутнула лорнет.

Внезапно Фарр почувствовал облегчение. Он увернулся от удара, который Омех Безхд старался ему нанести.

— Двое пассажиров мертвы. Это супруги Эндервью.

— Интересно,— сказал капитан.— Входите.

Фарр шагнул в дверь. Омен Безхд глядел в сторону.

— Безхд утверждает, что вы убили Эндервью,— мягко сказал Дорристи.

Фарр обернулся и взглянул на исцика:

— Возможно, он самый искусный лжец на корабле. Он сам это сделал.

Дорристи ухмыльнулся, посмотрев на одного и на другого.

— Он говорит, что вы ухлестывали за женщиной.

— Это было лишь вежливое внимание. Путешествие было скучным... до сегодняшнего дня.

Дорристи взглянул на исцика:

— Что скажете, Омен Безхд?

Исцик все так же вертел несуществующий лорнет.

— Что-то иное, не вежливость, привело миссис Эндервью в каюту Фарра.

— Что-то иное, не альтруизм, заставило Омена Безхда прийти в мою каюту и не дать Эндервью меня убить,— перебил его Фарр.

Омен Безхд выразил удивление:

— Я ничего не знаю о вашей связи.

Фарр вспыхнул от гнева и повернулся к капитану:

— Вы ему верите?

Дорристи угрюмо улыбнулся:

— Я не верю никому...

— Вот что произошло. В это трудно поверить, но это правда...

Фарр рассказал свою историю.

— ...когда Безхд вышел, я задумался. Я старался докопаться до сути тем или иным путем. Я пришел в каюту Эндервью, открыл дверь и увидел, что они мертвы. После чего сразу же пришел к вам.

Дорристи ничего не сказал, но теперь он рассматривал Омена Безхда пристальнее, чем Фарра. Наконец он пожал плечами:

— Я опечатаю комнату. И...

У Омена Безхда помутнели нижние части глаз.

Он небрежно покачал отсутствующим лорнетом.

— Я слышал рассказ Фарра,— сказал он.— Он убедил меня в своей искренности. Думаю, что я ошибся. Непохоже, что Фарр-сайах способен совершить преступление. Приношу свои извинения.

Он вышел из каюты. Фарр с триумфом глядел ему вслед.

Дорристи взглянул на Фарра:

— Выходит, вы их не убивали?

— Разумеется, нет!— оскорбился Фарр.

— Тогда кто?

— Полагаю, что кто-то из исциков. А почему — не имею ни малейшего понятия.

Дорристи кивнул, затем грубовато заговорил, не разжимая губ:

— Ладно, разберемся, когда сядем в Барстоу.— Он искоса взглянул на Фарра.— Я буду благодарен, если вы поменьше будете об этом говорить. Ни с кем этого не обсуждайте.

— Я и не собирался,— коротко ответил Фарр.

Тела сфотографировали и отправили на холодное хранение. Каюту опечатали. Корабль гудел сплетнями, и Фарр обнаружил, что случай с Эндервью не так-то просто сохранить в тайне.

Земля росла, приближалась. Особых опасений Фарр не испытывал, но беспокойство и ощущение таинственности оставалось. Почему Эндервью не кому-нибудь, а именно ему устраивали ловушки? Будет ли и на Земле сохраняться опасность? Он начинал злиться. Эти интриги — не его дело. Он не желал в них участвовать. Но неприятное убеждение кричало из подсознания: он вовлечен, как бы стойко он не отрицал эту мысль!

У него хватало работы: занятие, тезисы, подготовка стерео, которое он надеялся продать одной из широковещательных сетей. Но оставалась странная безотлагательность — что-то следовало сделать. Это встревожило Фарра, вносило в его душу неудовлетворенность. Словно в мозгу, где-то глубоко, оставалась неясная зазубрина. Это не было связано с Эндервью, с их убийством, не было связано с происходящим. Что-то следовало сделать, о чем он забыл... или не

знал никогда?

Омен Безхд заговорил с ним лишь однажды, подойдя к комнате отдыха:

— Вы должны знать, что находитесь лицом к лицу с угрозой. На Земле я буду бессилен вам помочь.

Негодование Фарра еще не прошло:

— На Земле вы, возможно, понесете наказание за убийство.

— Нет, Эйли Фарр-сайах, мою причастность не докажут.

Фарр вгляделся в бледное узкое лицо. Исцик и землянин, имея различное происхождение, после эволюции подошли к одному гуманоидному приближению «обезьяноподобной амфибии». Но между двумя расами никогда не существовало контакта или симпатии.

Фарр с любопытством спросил:

— Вы их не убивали?

— Разумеется, человеку с интеллектом Эйли Фарра нет необходимости повторять очевидное.

— Не стесняйтесь, повторяйте. Повторяйте и переповторяйте. Я глуп. Вы их убили?

— С вашей стороны недобро требовать ответа на такой вопрос.

— Очень хорошо, не отвечайте. Но зачем вы пытались свалить его на меня, это убийство? Вы знаете, что я этого не делал. Что вы против меня имеете?

Тонкий рот Омена Безхда растянулся в улыбке:

— Совершенно ничего. Преступление, если преступление было совершено, никогда бы не приписали вам. Следствие доказало бы вашу невиновность в два или три дня, а вместе с тем вывело бы на поверхность еще кое-какие факты и детали.

— Почему вы сняли свои обвинения?

— Я увидел, что сделал ошибку. Я человечен и, соответственно, далек от непогрешимости.

Внезапно Фарра охватил гнев.

— Почему вы говорите намеками и недомолвками? Почему не говорите прямо и открыто, если у вас есть что сказать?

— Фарр-сайах сам утверждает за меня. Мне ничего не известно и нечего сказать. Сообщение, кото-

рое я должен сделать, я сделал. Фарр-сайах не должен ожидать, что я буду кривить душой.

Фарр кивнул и ухмыльнулся:

— В одном вы должны быть уверены: если я найду способ сорвать вам игру, я это обязательно сделаю...

8

С каждым часом солнце становилось ярче, с каждым часом Фарр становился ближе и ближе к дому. Он не мог заснуть. В желудке образовался кислый ком. Негодование, замешательство, беспокойство привели к психическому недомоганию. Вдобавок шрам на голове никак не заживал; он болел и чесался. Фарр опасался, что на Исзме в рану попала инфекция.

Он встревожился; рисовалась картина выпадения волос и приобретение кожей молочно-белого, как у исциков, оттенка. Не исчезла также таинственная внутренняя неудовлетворенность. Он порылся в памяти, просмотрел ее день за днем, месяц за месяцем, стараясь выделять и подчеркивать, обобщать и проверять,— безуспешно. Он скомкал проблемы и бумаги в один гневный комок и отшвырнул его.

Но наконец после самого долгого, самого изводящего из путешествий, которые совершал Фарр, КК «Андрей Саймак» вошел в Солнечную систему...

Солнце, Земля, Луна. Архипелаг ярких круглых островов после долгого пути в темном море. Солнце проплыло по одну сторону корабля, Луна проскользнула по другую. По курсу раскинулась Земля, серая, зеленая, желтовато-коричневая, белая, в облаках и ветрах, в закате и льдах, сквозняках и пыли,— пуп Вселенной, склад, конечная станция, расчетная палата, куда представители внешних рас прибывают как провинциалы.

...Стояла ночь, когда КК «Андрей Саймак» коснулся Земли. Сквозь дрожь доносились невнятные звуки: баритон, бас и неизвестные человеческому уху голоса генераторов.

Пассажиры ожидали в салоне. Среди них, как

выбитые зубы в челюсти, были пустые места семьи Эндервью. Каждый из пассажиров, неподвижно сидящих в креслах или стоявших у стены, был напряжен до предела.

Насосы, задыхаясь, нагнетали забортный воздух. В иллюминаторах светились фонари. Входной люк, лязгнув, открылся; послышался шепот голосов, и капитан Дорристи впустил высокого человека с резкими интеллигентными чертами, подстриженными волосами и темно-коричневой кожей.

— Это инспектор-детектив Кирди из специальной бригады,— сказал Дорристи.— Он будет расследовать смерть мистера и миссис Эндервью. Прошу оказать ему помощь. От этого зависит насколько быстро мы освободимся.

Никто не заговорил. С одной стороны словно ледяные статуи стояли исцики. Из уважения к земным нарядам они были одеты в брюки и накидки. В выражении их лиц читалось подозрение и недоверие. Чувствовалось, что даже здесь, на Земле, они намерены хранить свои секреты.

Трое младших по званию детективов вошли в комнату и огляделись. Напряжение возросло.

Инспектор Кирди заговорил приятным голосом:

— Я постараюсь вас не затруднить. Я бы хотел поговорить с мистером Оменом Безхдом.

Омен Безхд изучал Кирди через зрительный прибор, который на этот раз у него оказался с собой, но, видимо, правое плечо детектива Кирди не содержало полезных сведений — он никогда прежде не посещал Исзм и вообще не путешествовал дальше Луны.

Омен Безхд сделал шаг вперед:

— Я — Омен Безхд.

Кирди пригласил его в каюту капитана. Прошло десять минут. В дверях появился помощник:

— Мистер Эйли Фарр.

Фарр встал и последовал за помощником.

Кирди и Омен Безхд сидели друг против друга. Они были совершенно непохожи: один бледный, аскетичный, с орлиным профилем, другой — темный, темпераментный, открытый.

Кирди обратился к Фарру:

— Я хотел бы, чтобы вы выслушали рассказ мистера Безхда и сказали мне, что вы об этом думаете.— Он повернулся к исцику:— Не будете ли вы так добры повторить свой рассказ?

— По существу,— начал Омен Безхд,— ситуация такова: еще до вылета с Джесциано у меня были основания подозревать, что Эндервью замыслили причинить вред Фарру-сайаху. Этими подозрениями я поделился с друзьями.

— С остальными джентльменами с Исзма?— спросил Кирди.

— Совершенно верно. С их помощью я установил в каюте Эндервью следящую систему. Мои опасения подтвердились. Они вернулись в каюту и были убиты. Находясь у себя, я оказался свидетелем происходящего. Разумеется, Фарр-сайах не имеет к этому никакого отношения. Он был и есть абсолютно невиновен.

Все внимательно рассматривали Фарра. Он нахмурился: неужели он оказался столь простодушен и непроницателен?

Омен Безхд вновь обратил фракции глаз на Кирди.

— Фарр, как я сказал, невиновен. Но я счел разумным оградить его от дальнейшей опасности и поэтому ложно обвинил его. Разумеется, Фарр-сайах все отрицал. Мои обвинения не вызвали доверия у капитана Дорристи, и я от них отказался.

Кирди повернулся к Фарру:

— Вы продолжаете верить, что Омен Безхд — убийца?

Фарр процедил сквозь зубы:

— Нет. Его история до такой степени фантастична, что я в нее верю.— Он посмотрел на Омена Безхда.— Почему вы не договариваете? Вы сказали, что все видели. Кто убийца?

Омен Безхд вертел зрительный прибор.

— Я знаком с вашими процессуальными уголовными законами. Мои обвинения не обладают достаточным весом. Авторитеты потребуют решающих улик. Такие улики существуют. Когда вы их обнару-

жите, мое заявление станет ненужным и, в лучшем случае, окажет косвенную помощь.

Кирди обернулся к помощнику:

— Мазки кожи, образцы дыхания и пота у всех пассажиров...

Когда образцы были собраны, Кирди вышел на середину салона и заявил:

— Я буду допрашивать каждого отдельно. Тем пассажирам, которые согласятся давать показания с помощью энцефалоскопа, разумеется, будет больше доверия. Напоминаю, что энцефалоскоп не может помочь доказать вину — он может лишь подтверждать невиновность. Самое худшее, что он может сделать,— не сумеет оградить вас от подозрений. Напоминаю, что многие считают отказ от энцефалоскопа не только своим правом, но и моральной обязанностью. Учтите: те, кто пройдет верификацию с помощью инструмента, не должны опасаться предвзятости...

Допрос длился два часа. Вначале ему подверглись исцики. Они по одному покидали салон и возвращались с одинаковым выражением терпеливого спокойствия. Затем были допрошены кадайниане, потом монагиане, затем все прочие внеземляне. Наконец пришла очередь Фарра.

Кирди указал на энцефалоскоп:

— Воспользоваться инструментом выгоднее прежде всего вам.

— Нет,— сказал Фарр с горькой иронией.— Я терпеть не могу разных приспособлений. Можете принимать или не принимать на веру мои показания, как хотите.

Кирди вежливо кивнул:

— Очень хорошо, мистер Фарр.— Он сверился с записями.— Вы впервые встретили Эндервью в Джесциано, на Исзме?

— Да...

Фарр описал обстоятельства.

— Вы никогда не видели их прежде?

— Никогда.

— Насколько мне известно, во время визита на Исзм вы были свидетелем налета?

Фарр рассказал об этом случае и о своих даль-

нейших приключениях. Кирди задал один-два вопроса, затем позволил Фарру вернуться в салон.

Один за другим были допрошены оставшиеся земляне: Ральф и Виллерен, Клевски, юные студенты. Остался лишь Пол Бенгстон, сероволосый санитарный инженер. Кирди проводил студентов в салон.

— Итак,— сказал он,— энцефалоскоп и другие методы позволили снять подозрения со всех допрашиваемых. Очень существенно, что ни у одного из пассажиров, с которыми я беседовал, компоненты дыхания не совпадают со снятыми с браслета миссис Эндервью.

Все в комнате заволновались. Взоры устремились на Пола Бенгстона, к лицу которого то приливала, то отливала кровь.

— Не пройдете ли вы со мной, сэр?

Тот поднялся, сделал несколько шагов вперед, оглянулся направо и налево, затем двинулся по коридору вслед за Кирди в каюту капитана.

Прошло пять минут. Затем появился помощник инспектора:

— Мы приносим извинения, что заставили вас ждать. Можете высаживаться.

Комнату отдыха охватил гул. Посреди всеобщего бедлама и суматохи Фарр сидел неподвижно. Что-то угнетало его изнутри — гнев? разочарование? унижение?.. Это нарастало и наконец выплеснулось, наполнив разум яростью. Фарр вскочил, пробежал через комнату и поднялся по ступенькам к каюте капитана.

Помощник Кирди остановил его:

— Извините, мистер Фарр. Я думаю, вам лучше не вмешиваться.

— Мне плевать, что вы думаете,— огрызнулся Фарр.

Он надавил на дверь. Та была заперта. Он стал стучать. Капитан Дорристи отодвинул ее на фут и высунул квадратное лицо:

— Ну? В чем дело?

Фарр уперся ладонью в подбородок капитана, и толкнул его в каюту. Затем распахнул дверь и вошел сам. Дорристи замахнулся, чтобы нанести удар, и

Фарр был рад — это давало повод бить в ответ, крушить, калечить. Но один из помощников встал между ними.

Кирди стоял, глядя на Пола Бенгстона. Он повернул голову:

— Да, мистер Фарр?

Дорристи, с красным лицом, кипящий негодованием и невнятно бормочущий, вышел.

— Этот человек — преступник?— спросил Фарр.

Кирди кивнул:

— Улики очевидны.

Фарр взглянул на Бенгстона. Лицо последнего стало неясным, оплыло и, казалось, изменилось, как при комбинированных съемках: искренность, добродушный юмор сменились жестокостью и бессердечностью. Фарр удивился — как он мог так обмануться. Пол Бенгстон встретился глазами с его неприязненным взглядом.

— Почему?— спросил Фарр.— Почему это все случилось?

Бенгстон не ответил.

— Я хочу знать,— настаивал Фарр.— Почему?

Молчание.

Фарр смирил гордыню.

— Почему?— тихо спросил он.— Вы не хотите отвечать?

Пол Бенгстон пожал плечами и глуповато рассмеялся.

Фарр стал умолять:

— Это что-нибудь, о чем я знаю? Что-нибудь, что я видел? Что-нибудь мое?

Бенгстона охватило нечто похожее на истерику. Он прорычал:

— Мне только не нравится, как у тебя причесаны волосы!— и стал хохотать, пока не потекли слезы.

— Больше я ничего не могу от него добиться,— мрачно буркнул Кирди.

— Что его побуждало?— жалобно спросил Фарр.— Какие причины? Почему Эндервью хотел убить меня?

— Если узнаю, я сообщу вам. Где я могу вас найти?

Фарр подумал. Что-то ему нужно было сделать... Это придет к нему в свое время.

— Я собираюсь в Лос-Анжелес. Буду в отеле «Император».

— Дурак,— произнес Бенгстон сквозь всхлипывания.

Фарр сделал полшага к нему.

— Полегче, мистер Фарр,— предупредил Кирди.

Фарр отвернулся.

— Я вам сообщу,— еще раз сказал Кирди.

Фарр взглянул на Дорристи, стоявшего на пороге.

Дорристи спокойно улыбнулся:

— Ничего. Не будем извиняться...

Когда Фарр вернулся в комнату отдыха, пассажиры уже высадились и теперь проходили через иммиграционную службу. Фарр заторопился вслед, его внезапно охватил приступ клаустрофобии: КК «Андрей Саймак», величественная птица космоса, превратился вдруг в клетку, в гроб. Фарр больше не желал и не имел сил ждать — он должен был скорей ступить на твердую землю.

9

Наступило утро. Порыв мохавского ветра дунул в лицо, принеся запах шалфея и пустырника, и мерцали звезды, тускнея на востоке. На верхней площадке трапа Фарр машинально посмотрел вверх, разыскивая Кси Ауругью. Вон там — Капелла, а вон там, самая яркая,— Кси Ауругью, и вокруг нее вращается Исзм. Фарр спустился по трапу и ступил на Землю. В голове неожиданно и быстро вспыхнула странная мысль:

«Конечно же,— подумал он,— мне нужно повидать этого человека... К. Пенче».

Завтра. Сначала в отель «Император». Ванна. Сто галлонов горячей воды. И сто галлонов скотча — «ночной полный». И в постель.

Подошел Омен Безхд.

— Было приятно с вами познакомиться, Фарр-сайах. Еще раз советую вам — будьте осторожны. Я боюсь, что вы по-прежнему в большой опасности.

Он поклонился и отошел.

Фарр проводил его взглядом. У него не возникло желания смеяться над предостережением.

Он быстро оформил выезд и отправил багаж в «Император». Обогнув ряд гелимобилей, Фарр вошел под свод общественного туннеля.

Под ногами появился диск (он всегда вызывал вибрацию в шахте, и всегда возникала мысль: «А что, если диск не появится?»). Диск медленно остановился. Фарр заплатил за проезд на одноместной машине, сел, набрал код места назначения и развалился на сиденье. Он не мог разобраться с мыслями. В памяти оживали картины: районы космоса, Исзм, Джесциано, многостручковое дерево-Дом; на борту «Яхайэ» он шел к атоллу Тинери, вновь испытывал ужас набега на поля Зиде Патаоза, падение в комнату-темницу в корне дерева, заключение в паре с теордом... жуткое посещение экспериментального островка Зиде Патаоза... Картины сменяли одна другую, и они были отчетливы, хотя Исзм лежал далеко, во многих световых годах отсюда.

Гудение машины убаюкивало, веки отяжелели, и он задремал.

На Земле ему мог помочь только один человек — К. Пенче. Земной агент по продаже Домов Исзма; человек, которому Омен Безхд вез плохие новости.

Машина вздрагивала, ревела и неслась по главному Туннелю к океану. Дважды она разворачивалась в лабиринте местных туннелей и наконец остановилась.

Дверца распахнулась, и служитель в форме помог ему выйти. Фарр зарегистрировался в будке со стереоэкранами, лифт поднял его на двести футов к поверхности, затем еще пятьсот футов до этажа, на котором находилась его комната. Он оказался в длинном уютном зале, где преобладали оливково-зеленый, соломенный, красновато-коричневый и белый тона. Одна стена была из стекла, и отсюда открывался вид на Санта Кенику, холмы Боверли и океан. Фарр довольно вздохнул. Дома Исзма во многих отношениях более замечательны, но они никогда не могли заменить ему отель «Император».

Фарр принял ванну, плавая в горячей воде, приятно пахнущей глиной. Ритмично выбрасывались струи холодного душа, массируя ноги, спину, ребра, плечи. Он едва не заснул, но дно мягко поднялось, поворачиваясь вертикально, и поставило его на ноги. Потоки воздуха высушили кожу, лучи солнечной лампы придали ей приятный загар.

Он вышел из ванны и нашел высокий сосуд скотча с содовой — не сто галлонов, но достаточно. Стоя у окна, Фарр потягивал виски и наслаждался чувством крайней усталости.

Солнце взошло. Его свет, словно прилив, затопил огромные просторы города. Где-то там, где находился прежде сигнальный холм, а теперь размещался богатый район, жил К. Пенче. Фарр вдруг почувствовал замешательство.

«Странно,— подумал он,— почему Пенче должен представить мне решение всех проблем?»

Ладно, в этом он разберется, когда увидит этого человека.

Фарр поляризовал окно, и свет в комнате погас. Он установил часы, чтобы встать в полдень, упал в кровать и заснул...

...Окно деполяризовалось, и свет дня залил комнату. Фарр сел в кровати, поискал меню. Потом заказал кофе, грейпфрут, бекон и яйца, соскочил с кровати и подошел к окну. Самый величайший город мира простирался насколько хватало глаз. Белые шпили пронзали городскую дымку, повсюду дрожала и вибрировала торговля и жизнь.

Стена вытолкнула стол с завтраком. Фарр отвернулся от окна, уселся есть и смотреть новости по стереоэкрану. Через минуту он позабыл о своих заботах. За долгое время отсутствия он лишен был возможности следить за происходящим. События, которые год назад его не интересовали, теперь казались значительными. Он почувствовал упоение. Это было хорошо — находиться дома, на Земле.

Голос с экрана сказал:

— А теперь сообщение из открытого космоса. Только что стало известно, что на борту пакетбота из серии «Красный мир» — «Андрей Саймак» — двое

пассажиров, выдававших себя за миссионеров, возвращающихся со службы в созвездии Катрэм...

Фарр смотрел, забыв о завтраке. Упоение исчезло безвозвратно.

Голос излагал суть происшествия. Экран смоделировал «Андрея Саймака»: сначала внешний вид корабля, затем камера пробралась внутрь и направилась прямо к «каюте смерти». Как мил и непосредственен был комментатор! Каким второстепенным, незначительным выглядело событие в его изложении!

— ...обе жертвы и убийца принадлежали, как установлено, к преступной корпорации «Плохая погода». Очевидно, они посетили Исзм, третью планету Кси Ауругью, с целью похитить женскую особь Дома...

Голос прервался. Появилось изображение супругов Эндервью и Пола Бенгстона.

Фарр выключил экран и убрал столик обратно в стену. Он встал и вновь подошел к окну взглянуть на город. Это было очень срочно. Нужно было встретиться с К. Пенче.

Из стенного шкафа он извлек белье, бледно-голубой волокнистый костюм, новые сандалии. Одеваясь, он намечал, как проведет этот день. Прежде всего, конечно, Пенче... Фарр призадумался, застегивая сандалии. Что он должен сказать Пенче? И вообще, какое отношение К. Пенче может иметь к его заботам? Что К. Пенче может сделать? Его монополия зависит от исциков — он вряд ли рискнет противодействовать им.

Фарр вздохнул и отбросил раздражение вместе с размышлениями. Идти было нелогично, но наверняка совершенно правильно. Он был уверен в этом; он чувствовал это всем своим существом.

Он закончил одеваться, подошел к стереоэкрану и набрал офис К. Пенче. Появилась эмблема Пенче — обычный импортный Дом Исзма, с вертикальными полосами стандартных букв: «К. Пенче — Дома». Фарр не стал нажимать кнопку, которая включила бы его изображение на экране К. Пенче,— инстинктивно, на всякий случай.

Женский голос произнес:

— Предприятия К. Пенче.

— Это...— Фарр помедлил и решил не называть имени.— Соедините меня с К. Пенче.

— Кто говорит?

— Мое имя — тайна.

— Какое у вас дело?

— Тайна.

— Я соединяю вас с секретарем К. Пенче.

Появилось изображение секретаря. Это была молодая, томная, обаятельная женщина. Она взглянула на экран.

— Дайте, пожалуйста, свое изображение.

— Нет. Соедините меня с К. Пенче. Я буду говорить непосредственно с ним.

— Боюсь, это невозможно. Совершенно противоречит правилам нашего учреждения.

— Сообщите мистеру Пенче, что я только что прибыл с Исзма на борту «Андрея Саймака».

Секретарь отвернулась и заговорила в микрофон. Через секунду ее лицо расплылось и на экране появилось лицо К. Пенче. Это было крупное, властное лицо. Выражение не было ни приятным, ни неприятным. В глубоких прямоугольных впадинах пылали глаза, бугры мускулов обрамляли рот, брови изгибались в сардонические дуги.

— Кто говорит?— спросил он.

Слова стали подниматься из глубины мозга, как пузыри со дна темной цистерны. Это были слова, которые он никогда не собирался произносить:

— Я прилетел с Исзма. Я достал...— Фарр слушал себя с изумлением, — ...я прилетел с Исзма...

Он изо всех сил стиснул зубы. Звуки прорывались сквозь барьер.

— Кто это? Где вы?

Фарр откинулся, выключил экран и бессильно рухнул в кресло. Что это было? Он ничего общего не имел с Пенче. Он ничего не имел для Пенче. «Ничего», естественно, означало женскую особь Дома. Фарр мог быть наивен, но не до такой же степени. У него не было ни дерева, ни саженца, ни побегов, ни семени, ни черенка...

Зачем ему было необходимо увидеть Пенче? Пен-

че не может помочь ему. Голос из другой части мозга говорил: «Пенче известны все нити, он даст добрый совет». Ну что ж, вяло подумал Фарр, это вполне может оказаться так. Фарр расслабился. Да, конечно, это могло быть его мотивом, но, с другой стороны, Пенче — бизнесмен, зависящий от Исзма. Если Фарру и следовало к кому-нибудь обращаться, то лишь в полицию, в специальную бригаду.

Он сидел, почесывая подбородок. Конечно, ничего страшного не случится, если он повидает К. Пенче... и гора с плеч.

Фарр вскочил с возмущением. Это было бессмысленно. Зачем нужно видеть Пенче? Хоть бы одну логичную причину... Причин не было вообще. Он принял окончательное решение: он ничего не сообщит никому и не будет иметь с Пенче ничего общего.

Он покинул комнату, прошел в главный коридор «Императора» и подошел к стойке, чтобы получить деньги по банковскому купону. Изображение отправили в банк; ждать было нужно всего лишь несколько секунд. Фарр барабанил пальцами по углу стойки. Рядом с ним дородный мужчина с лягушечьим лицом говорил с клерком. Мужчина хотел передать постояльцу сообщение, к чему клерк относился скептически. Клерк стоял за стеклянным бастионом; чопорный, привередливый, он качал головой, уверенный в своих силах, защищенный правилами и инструкциями. Он наслаждался.

— Если вы не знаете имени, то откуда вы знаете, что он в «Императоре»?

— Я знаю, что он здесь,— ответил мужчина.— Это очень важно, чтобы он получил мое сообщение.

— Очень странно,— размышлял клерк.— Вы не знаете, как он выглядит, вы не знаете его имени... Вы легко можете свое сообщение передать не по адресу!

— Это мое дело!

Клерк с улыбкой покачал головой:

— Очевидно, все, что вы знаете, это лишь то, что он прибыл в пять утра. В это время у нас остановилось несколько гостей.

Фарр подсчитывал деньги. Беседа вторглась в со-

знание. Он замер с раскрытым бумажником в руке.

— Этот человек прибыл из космоса. Он только что высадился с «Андрея Саймака». Теперь вы понимаете, что я имею в виду?

Фарр тихо отошел. Он совершенно ясно представлял, что случилось. Пенче выяснил, откуда пришел вызов,— для него это было важно. Он послал человека в «Император», чтобы установить контакт. Из дальнего угла комнаты он наблюдал, как крупный мужчина в ярости отошел от стойки. Фарр знал, что тот не остановится. Кто-нибудь из слуг или горничных информирует его за деньги.

Фарр шагнул к двери и оглянулся. Женщина с невыразительной внешностью шла вслед за ним. Он встретился с ней взглядом, она отвела глаза. В походке ее случилась едва заметная заминка, но и без того подозрения Фарра уже возросли до предела. Женщина быстро прошла мимо, ступила на ленту у выхода и, миновав парк с орхидеями около отеля, выехала на Бульвар Заката.

Фарр направился следом, стараясь не потерять ее из виду в толпе. Он поравнялся с транспортным навесом и свернул налево — к стоянке гелитакси. Ближайший экипаж, стоявший под навесом, был пуст.

Фарр вскочил и сказал наугад:

— Лагуна Бич.

Экипаж взлетел. Фарр смотрел в иллюминатор. В сотне ярдов от них поднялся еще один экипаж.

— Сверни к Риверсайд,— велел Фарр водителю.

Экипаж позади тоже повернул.

— Опусти меня здесь,— обратился Фарр к водителю.

— Южные Ворота?— спросил водитель у Фарра, подозревая, что у того не все дома.

«Южные Ворота. Не очень далеко от офиса Пенче,— подумал Фарр.— Совпадение».

Экипаж опустился. Фарр заметил, что преследователи отстали. Он не испытывал особых опасений: отделаться от «хвоста» — дело крайне простое, это может легко сделать даже ребенок, который смотрит стерео.

Белая стрелка указывала вход в подземку. Фарр вошел в шахту. Диск подхватил его в мягко закачавшиеся объятия и, немного проехав, остановился. Подземку сделали будто специально для того, чтобы можно было избавиться от «хвоста». Он набрал место назначения и удобно уселся в кресле.

Машина разгонялась, гудела, тормозила, покачивалась. Наконец дверца открылась. Фарр вылез и на лифте поднялся на поверхность.

Спустя минуту Фарр замер. Что он делает? Это же Сигнальный Холм, когда-то утыканный нефтяными вышками, а теперь потерявшийся под валами экзотической зелени — десять миллионов деревьев и кустарников, окутавших особняки и дворцы. Здесь были бассейны, и водопады, и тщательно ухоженные клумбы с цветами: алый гибискус, пламенно-желтый флажок, гортензии цвета сапфира. Висячие сады Вавилона были перед этим ничто. Бель-Айр был помойкой, а Топанга — выскочкой.

К. Пенче в общей сложности владел двенадцатью акрами Сигнального Холма. Свои земли он расчистил, не обращая внимания на протесты и вежливые просьбы и побеждая на судебных процессах. Ныне Сигнальный Холм был переполнен Домами-деревьями с Исзма: шестьюдесятью разновидностями четырех основных типов — тех, которые было позволено продавать.

Фарр медленно брел вдоль тенистой аркады, которая прежде была Атлантик-Авеню. Интересно, подумал он, что совпадение все же привело его сюда. Что ж, он ведь был рядом, и, возможно, повидать Пенче — неплохая идея...

«Нет!» — упрямо подумал Фарр.

Он принял решение, и никакое иррациональное побуждение не заставит его передумать. Странное дело: невзирая на огромную величину Лос-Анжелеса, он оказался почти у дверей К. Пенче. Слишком странно, слишком... Видимо, тут сработало подсознание.

Он оглянулся. Возможно, никто за ним не следил, но минуту или две он вглядывался в проходивших мимо людей: молодых и старых, всех форм, цве-

тов и величин. По неуловимым признакам он выделил стройного человека в сером костюме: тот создавал странное впечатление. Фарр изменил направление, бросился в лабиринт открытых магазинов и киосков под аркадой, подошел к кафетерию, утонувшему в тени пальмовых листьев, и спрятался за стеной зелени.

Прошла минута. Наконец появился человек в сером костюме: он спешил. Фарр вышел и тяжелым, усталым взглядом уставился в холодное напомаженное лицо.

— Не меня ли вы ищете, мистер?

— Чего ради?— сказал человек в сером костюме.— Я вас никогда в жизни не видел.

— Надеюсь, я вас тоже не увижу.

Фарр направился к ближайшей шахте и сел в машину. Подумав минуту, он набрал Альтадену. Машина загудела, Фарр поудобнее сел на краешке сиденья. Как они сумели его выследить? В туннеле? Немыслимо.

На всякий случай он снял Альтадену и набрал Кэмоду.

Через пять минут он бесцельно брел по Бульвару Долины. Еще через пять минут он засек «хвост» — молодого рабочего с пустым лицом.

«Я сошел с ума?— спросил себя Фарр.— Или у меня развилась мания преследования?..»

Он задал «тени» суровую задачу, обходя кварталы, словно искал какой-то конкретный дом. Молодой рабочий не отставал.

Фарр зашел в ресторан и вызвал по стереоэкрану специальную бригаду. Он попросил, чтобы его соединили с детективом-инспектором Кирди.

Кирди вежливо приветствовал Фарра. Он отрицал, что приставил к нему человека. Похоже, что инспектор заинтересовался.

— Подождите немного,— сказал он.— Я свяжусь с другими департаментами.

Прошли три или четыре минуты. Фарр увидел, что безликий молодой человек вошел в ресторан, занял местечко поукромнее и заказал кофе.

Кирди вернулся.

— Мы не имеем к этому отношения,— сообщил он.— Возможно, частное агентство...

Фарр выглядел разочарованным.

— Я могу что-нибудь сделать?

— Вам досаждают все это время?

— Нет.

— Мы ничего не можем сделать. Опуститесь в туннель, стряхните его.

— Я спускался в туннель дважды — они не отстают.

Кирди был в замешательстве:

— Надеюсь, они скажут мне, как этого добились. Мы, например, более не следим за подозреваемым: слишком уж легко нас смахивают.

— Я попытаюсь еще раз. А затем будет фейерверк...

Он вышел из ресторана.

Молодой человек допил кофе и быстро вышел следом за ним.

Фарр спустился в туннель. Он ждал, но молодой человек не появился. Это было уже слишком. Он вызвал машину и оглянулся вокруг. Молодого человека не было по-прежнему. Вообще никого не было поблизости. Фарр сел и набрал Венчур. Машина тронулась. Разумного способа, каким его выследили в туннелях, не существовало.

В Венчуре его «тенью» оказалась привлекательная молодая домохозяйка, якобы вышедшая за покупками.

Фарр забрался в шахту и отправился на Лонг Бич. Там оказался стройный человек в сером костюме, который впервые привлек его внимание на Сигнальном Холме. Он был непробиваем и, когда Фарр узнал его, безучастно пожал плечами, словно хотел сказать: «А чего ты ожидал?»

Сигнальный Холм опять оказался неподалеку, в какой-нибудь миле-двух. Может быть, это все же хорошая мысль — в конце концов заглянуть к Пенче.

Нет!..

Фарр зашел в кафе внутри аркады, сел на виду у «хвоста» и заказал сэндвич. Человек в опрятном сером костюме сел за столик неподалеку и запасся

чаем со льдом. Фарру очень захотелось выколотить правду из этой ухоженной физиономии. Не стоит — можно кончить тюрьмой. Кто устроил эту слежку? Пенче? Фарр сразу же отбросил эту мысль. Человек Пенче появился в гостинице, когда он уходил, и ему тогда удалось уклониться от встречи.

Кто же тогда? Омен Безхд?

Фарр рассмеялся чистым, пронзительным смехом. Люди удивленно оглядывались. Человек в сером бросил на него осторожный оценивающий взгляд. Фарр продолжал сотрясаться от хохота, сбросив нервное напряжение. Ведь все было ясно и просто!

Он посмотрел на потолок аркады, представив себе небо за ним. Где-то там, в пяти или десяти милях, висел аэробот. В аэроботе сидел исцик с чувствительным зрительным прибором и радио. Куда бы не направился Фарр, радиант в левом плече посылал сигнал. В экране-лорнете Фарр был так же отчетлив, как ходячий маяк.

Он подошел к стереоэкрану и вызвал Кирди.

Кирди был крайне удивлен:

— Я слышал об этом способе. Очевидно, он работает.

— Да,— сказал Фарр,— работает. Как бы мне от них избавиться?

— Одну минуту.— Прошло пять минут. Кирди вернулся на экран.— Оставайтесь на месте, я пришлю к вам человека с сообщением.

Посыльный вскоре прибыл. Фарр прошел в туалет и быстро перевязал плечо и грудь плетеной металлической тесьмой.

— Ну, а теперь,— зловеще сказал Фарр,— теперь посмотрим...

Стройный человек в сером костюме беззаботно проводил его до туннеля. Фарр набрал Санта Монику.

На станции Суни-Авеню он вышел из туннеля на поверхность, прошел вперед по Бульвару Вильмир, назад, в направлении Беверли Хилл, и убедился, что он был один. Он использовал все уловки, которые знал. Никто не следил за ним. Он прошел в клуб Единорога — просторный, пользующийся дурной репутацией салон с приятным старомодным за-

пахом опилок, воска и пива. Там подошел к стереоэкрану и вызвал отель «Император». Да, для него было сообщение. Клерк включил запись, и в следующую секунду Фарр глядел в массивное сардоническое лицо Пенче. Густой хриплый голос звучал примирительно: слова были тщательно подобраны и взвешены.

— Я хотел бы повидать вас при ближайшей возможности или удобном для вас случае, мистер Фарр. Мы оба понимаем, что необходимо благоразумие. Я уверен, ваш визит принесет выгоду вам и мне — нам обоим. Я буду ждать вашего вызова...

Запись кончилась, появился клерк:

— Должен ли я стереть или зарегистрировать сообщение, мистер Фарр?

— Стереть,— приказал Фарр.

Он покинул кабину и направился в дальний конец бара. Бармен задал традиционный вопрос:

— Что тебе, брат?

— «Бена Штадбрау».

Бармен повернулся, крутанул номер на колесе, разрисованном виноградной лозой и пестром от этикеток. Сто двадцать положений колеса соответствовали ста двадцати бакам. Он поставил глиняную кружку, и в нее ударила струя темной жидкости. Бармен выжал грушу до конца и поставил кружку перед Фарром.

Фарр сделал большой глоток и расслабился. Потом потер лоб.

Он был в замешательстве. Происходило что-то очень странное. Пенче выглядел достаточно благоразумным. «В конце концов, возможно, это неплохая идея»,— снова пришло в голову Фарра, и он вяло отбросил назойливую мысль. Удивительно, как много масок находит это побуждение. Трудно оградить себя от них. Прежде всего нужно объявить для себя вето на любую деятельность, которая включает визит к Пенче. Во избежание компромисса — оцепенение, контрпобуждение, которое оденет оковы на свободу подсознательной деятельности. Кутерьма. Как может человек думать ясно, если подсознательный толчок не отличается от сознательных чувств?!

Фарр заказал еще пива. Бармен повиновался.

Это был маленький коротышка со щеками-яблоками и тонкими усиками. Фарр вернулся к своим мыслям. Интересная психологическая проблема... при других обстоятельствах Фарр занялся бы ею с удовольствием.

Он попытался хоть что-то объяснить себе:

«Что толку мне видеть Пенче? Пенче гонится за выгодой. И он уверен, что у меня есть то, что ему нужно... Это может быть только женская особь дерева...»

У Фарра не было женской особи дерева. Следовательно, ему не было никакого смысла встречаться с Пенче.

Но Фарр не был удовлетворен. Он понимал, что все упрощает. Исцики тоже замешаны в дело, и они тоже уверены, что у него есть женская особь Дома. Пока они следили за ним, их не интересовало, где он должен скрывать гипотетическую особь. Пенче, естественно, не хочет, чтобы они это узнали. Если исцики узнают, что Пенче участвует в деле, первое, что они сделают, — разорвут договор. Или даже убьют его.

К. Пенче играет на высокие ставки. Во-первых, он мог бы выращивать собственные Дома. Они стоили бы ему долларов двадцать-тридцать, а продавал бы он их в любом количестве по две тысячи за штуку. Он бы стал богатейшим человеком во Вселенной. Богатейшим человеком в истории Земли. Моголы древней Индии, магнаты викторианской эпохи, нефтяные бароны Пан-Евроазиатских синдикатов — в сравнении с ним они бы выглядели нищими!

Это было во-первых. Во-вторых, Пенче, что вполне возможно, мог лишиться монополии. Фарр вспомнил его лицо: хрящеватый нос, глаза, словно заключенные в стеклянные окошки в стенке доменной печи. Фарр инстинктивно понял позицию Пенче.

Это была интересная борьба. Пенче, возможно, недоучел проницательность мозга исциков, фанатическое усердие, с которым они защищают свое добро. Исцики, в свою очередь, недооценили могучего богатства Пенче и гениальности земных технологов. Древний парадокс: неистощимая сила и несокрушимый объект.

«И я,— подумал Фарр,— я между ними. Если я

не выскочу, меня, очень может быть, раздавят...»

Он задумчиво приложился к пивной кружке.

«Если бы я знал точно, что происходит! Если бы я знал, как ухитрился сюда впутаться, и если бы нашел способ выскочить! Еще бы,— я обладаю такой силой! Или это лишь кажется?»

Фарр опять потребовал пива. Внезапно он резко обернулся и оглядел бар. Никто не пришел, чтобы следить за ним. Фарр взял кружку и отправился к столику в темном углу.

Ситуация (по крайней мере — вовлеченность Фарра) начала проявляться с момента набега теордов на Тинери. Фарр возбуждал подозрения исциков — они арестовали его. Он делил заключение с выжившим из ума теордом. Но по полости корня исцики пустили гипнотический газ. И наверняка изучили его вдоль и поперек: изнутри и снаружи, разум и тело. Если бы он был соучастником, они бы узнали это. Если бы он прятал при себе побеги или семя, они бы узнали это.

Что они сделали на самом деле? Его освободили, ему облегчили возвращение на Землю. Он был приманкой, живцом.

А на борту «Андрея Саймака», — что это все значило? Предположим, что Эндервью были агентами Пенче. Предположим, они поняли опасность, которую представляет Фарр, и решили убить его? А как насчет Пола Бенгстона? Возможно, его функции заключались в том, что он шпионил за ними обоими. Он убил Эндервью, защищая интересы Пенче, либо чтобы завладеть большим куском добычи. Он провалился. Теперь он под охраной специальной бригады.

Выстроившаяся картина была умозрительной, но приводила к логическому заключению: К. Пенче организовал налет на Тинери. Пенче принадлежал металлический крот, который на глубине тысячи ста футов разрушила затем металлическая оса. Налет едва не увенчался успехом. У исциков, должно быть, тряслись поджилки. Они теперь без передышки будут вылавливать организаторов налета. Несколько смертей не значат ничего. Деньги не значат ничего. Эйли Фарр не значит ничего...

Легкий холодок пробежал по спине.

Очаровательная блондинка в сером наряде из блестящей кожи и рассыпаными по плечам волосами задержалась возле столика.

— Эй, Чарли! Ты что такой унылый? — Она упала в кресло рядом с ним.

Мысли Фарра забрели на беспокойную территорию, а появление девушки его просто испугало. Он смотрел на нее, и ни единый мускул на его лице не пошевелился. Прошло пять, затем десять секунд.

Она заставила себя рассмеяться и поежилась в кресле:

— Ты выглядишь так, словно таскаешь с собой в голове все беды мира.

Фарр осторожно поставил пиво на стол.

— Пытаюсь выбрать лошадь...— сказал он.

— В такой духоте?— Воткнув в рот сигарету, она вытянула к нему губы.— Дайте огоньку.

Фарр зажег сигарету, рассматривая девушку из-под век, обдумывая каждую деталь ее внешности, стараясь поймать на фальши, на нетипичной реакции. Он не заметил, как она вошла, и он не видел, чтобы где-нибудь на столе остался ее недопитый бокал.

— Со мной можно разговаривать за выпивку,— беззаботно прощебетала она.

— А что будет после того, как я куплю тебе выпивку?

Она смотрела в сторону, избегая встретиться с ним глазами.

— Я думаю... я думаю, что это тебе решать.

Резким движением сделав глоток, Фарр еще более резким тоном осведомился у нее:

— Сколько?

Она покраснела, все еще глядя в противоположную стену бара, затем заволновалась:

— Я думаю, что ты ошибся. Я думаю, и я ошиблась... я думала, ты будешь так добр — выставишь выпивку...

Фарр весело спросил:

— Ты работаешь на бар? На должности?

— Конечно,— ответила она чуть ли не агрессив-

но.— Это отличный способ провести вечер. Иногда встречаешь хорошего парня... Что у тебя с головой?— Она подалась вперед, вглядываясь.— Кто-нибудь стукнул?

— Если я расскажу тебе, где раздобыл этот шрам, ты назовешь меня лгуном.

— Валяй, попытайся.

— Некоторые люди на мне просто помешались. Они подвели меня к дереву и втолкнули внутрь. Я падал в корень две или три сотни футов. По пути я и расцарапал голову.

Девушка смотрела на него искоса, губы растянулись в кривую улыбку:

— А на дне ты повстречал маленьких зеленых человечков с розовыми фонариками. И большого белого пушистого кролика.

— Я же тебе говорил...

Она наклонилась к его виску:

— Тебе очень идут длинные серые волосы.

— Я их надеюсь сохранить,— сказал Фарр, спешно убирая голову.

— Успокойся!— Она холодно смотрела на него.— Ты что, спешишь? Или я должна рассказать тебе историю своей жизни?

— Одну минуточку.

Он встал, направился к бару, указал бармену на девушку:

Блондинка за моим столиком, видите ее?

Бармен взглянул:

— И что?

— Она часто здесь болтается?

— Впервые в жизни вижу.

— А разве она не работает у вас на должности?

— Брат, я же тебе сказал. Я вижу ее впервые в жизни.

— Благодарю.

Фарр вернулся к столу. Девушка молчала и барабанила пальцами по столу. Фарр пристально посмотрел на нее.

— Ну?— буркнула она.

— На кого ты работаешь?

— Я тебе сказала.

— Кто тебя ко мне подослал?

— Не говори ерунды.—Она попыталась подняться. Фарр схватил ее за запястье.— Пусти! Я закричу!

— Очень надеюсь. Я бы хотел увидеть кого-нибудь из полиции. Сиди тихо или я сам их позову.

Она медленно опустилась в кресло, затем подалась к нему, подняв лицо вверх и сложив ладони вокруг его шеи.

— Я так одинока! Честное слово. Я вчера приехала в Ситтл и не знаю здесь ни души. Поэтому не будь со мной таким. Мы могли бы понравиться друг другу... Правда?

Фарр ухмыльнулся:

— Сначала поговорим, а потом будем нравиться.

Что-то ранило его — сзади, на шее, где касались ее пальцы. Он моргнул и схватил ее за руки. Она вскочила, вырвалась, глаза ее светились радостью.

— Ну, что ты теперь будешь делать?

Он рванулся к ней; она отпрыгнула, лицо ее стало озорным. Глаза Фарра наполнились слезами, в суставах появилась слабость. Он зашатался, столик опрокинулся. Бармен заревел и вскочил из-за стойки. Фарр сделал два неверных шага вслед девушке, которая спокойно направилась к выходу.

Бармен загородил ей дорогу:

— Одну минуту!

В ушах стоял звон. Фарр услышал, как девушка чопорно произнесла:

— Пропустите меня! Он пьян. Он оскорбил меня... каких только гадостей не наговорил.

Бармен смотрел свирепо и нерешительно одновременно:

— Что-то непонятное здесь происходит...

— Тем более! не впутывайся сам и не впутывай меня!

Колени Фарра подогнулись, сухой комок заполнил горло, рот. Он чувствовал вокруг движение, чувствовал осторожные прикосновения ладоней на своем теле и слышал громкий голос бармена:

— В чем дело, Джек? Что случилось?

Разум Фарра уже был не здесь, а за оградой из переплетенных стеклянных нитей.

Голос рвался из горла:

— Вызовите Пенче... Вызовите Пенче...

— К. Пенче,— произнес кто-то тихо.— Парень спятил.

— К. Пенче...— бормотал Фарр.— Он заплатит... Позовите его... Скажите ему — ФАРР...

10

Эйли Фарр умирал. Он погружался в красный и желтый хаос фигур, которые толпились и качались. Когда движение прекратилось, когда фигуры вытянулись, улетая, когда алые и золотые цвета распались и погрузились во тьму, Эйли Фарр стал мертв...

Он видел, как приходит смерть,— словно сумерки вслед закату жизни. Внезапно он почувствовал неуютность и разлад. Яркий взрыв зелени нарушил печальную гармонию красного, розового и голубого...

Эйли Фарр снова был жив.

Доктор выпрямился и отложил шприц.

— Еще бы чуть-чуть,— сказал он,— и все!

Конвульсии прекратились: Фарра милосердно лишили сознания.

— Кто этот парень?— спросил патрульный.

Бармен скептически взглянул на Фарра:

— Он просил позвать Пенче.

— Пенче? К. Пенче?

— Так он сказал.

— Ладно, позовите его. В крайнем случае он на вас может накричать, не больше.

Бармен направился к экрану. Патрульный, не глядя на доктора, который все еще стоял на коленях возле Фарра, спросил в пустоту:

— Что с ним стряслось?

Доктор пожал плечами:

— Трудно сказать. Какая-то болезнь. В наши дни существует столько всякой дряни, которой можно напичкать человека...

— Ссадина у него на голове...

Доктор взглянул на череп Фарра:

— Нет. Это старая рана. Его укололи в шею. Вот отметина.

Бармен вернулся:

— Пенче говорит, что он уже в пути.

Они посмотрели на Фарра с новым выражением.

Санитары положили по бокам лежащего человека складные шесты, просунули под телом металлические ленты и прикрепили их к шестам. Затем его подняли и понесли. Бармен семенил рядом.

— Ребята, куда вы его забираете? Я должен буду сказать Пенче.

— Он будет находиться в травматологической больнице на Лонг Бич.

Пенче прибыл через три минуты после отъезда «скорой помощи». Он вошел, посмотрел направо и налево:

— Где он?

— Вы — мистер Пенче?— уважительно спросил бармен.

— Конечно это Пенче,— отозвался патрульный.

— Вашего друга направили в травматологическую больницу на Лонг Бич.

Пенче повернулся к одному из людей, стоявших позади.

— Разберитесь, что здесь случилось,— приказал он и покинул бар.

11

Санитары уложили Фарра на стол и сняли с него одежду. С удивлением они рассматривали металлическую полосу, опоясывающую правое плечо.

— Что это такое?

— Что бы ни было, надо снять.

Они сняли металлическую тесьму, омыли Фарра антисептическим газом, сделали ему несколько различных уколов и отправили в палату на отдых.

Пенче вызвал главный клинический офис:

— Когда мистер Фарр будет транспортабелен?

— Одну минуту, мистер Пенче.

Пенче ждал. Клерк навел справки.

— Он уже вне опасности.

— Его можно перевозить?

— Он по-прежнему без сознания, но доктор го-

ворит, что все в порядке.

— Будьте добры, пусть «скорая помощь» отвезет его в мой дом.

— Очень хорошо, мистер Пенче. Принимаете ли вы на себя ответственность за здоровье мистера Фарра?

— Да,— согласился Пенче.— Оформите...

Дом Пенче на Сигнальном Холме был роскошным изделием типа 4 класса АА, эквивалентным среднему традиционному земному зданию стоимостью в тридцать тысяч долларов. Пенче продавал Дома четырех разновидностей класса АА в количестве, которое мог себе позволить — по десять тысяч долларов за штуку, и за ту же цену, что и Дома классов А, Б и ББ. Для себя исцики, разумеется, выращивали Дома более тщательно. Это обычно бывали жилища с взаимосвязанными стручками; стенами, окрашенными флуоресцентной краской; сосудами, выделяющими нектар, масло и соляной раствор; воздухом, обогащенным кислородом и всевозможными добавками; фототропными и фотофобными стручками, стручками с бассейнами, в которых тщательно циркулирует и фильтруется вода; стручками, в которых растут орехи, кристаллы сахара и сытные вафли. Исцики не экспортировали ни таких, ни четырехстручковых стандартных Домов. Выращивать такие Дома было сложно, и они всегда оставались на Исзме.

Биллион землян все еще жили в условиях ниже нормы. Северные китайцы рыли пещеры в лесу, островитяне строили грязные хижины. Американцы и англичане занимали разрушающиеся многоквартирные дома.

Пенче находил ситуацию прискорбной; огромный рынок не использовался. Пенче хотел использовать его.

Существовала практическая трудность. Эти люди не могли платить тысячи долларов за дома классов А, Б и АА, ББ, даже если бы Пенче мог их продавать неограниченно. Ему были необходимы самые дешевые, стандартные Дома, которые исцики наотрез отказывались экспортировать.

Проблема имела классическое решение — набег

на Исзм за деревом-самкой. Должным образом оплодотворенная, женская особь Дома могла дать миллион семян в год. Почти половина из них будут женскими. Через несколько лет К. Пенче сможет получать десять, сто, тысячу, пять тысяч миллионов Домов.

Для большинства людей разница между пятью и десятью миллионами кажется незначительной. Пенче, однако, оперировал в мыслях именно такими цифрами. Деньги — не просто средство покупать, но и энергия, орудие власти, основа для убеждения и эффективности. На себя он тратил мало денег; личная жизнь его была достаточно скромна.

Он жил в своем Доме класса АА на Сигнальных Холмах, тогда как мог бы обладать несколькими небоскребами и небесным островом на околоземной орбите. Он мог бы разнообразить свой стол самыми редкими мясом и дичью, изысканными паштетами и фруктами с других планет. Он мог бы заполнить гарем гуриями, о которых султан и мечтать не мог. Но Пенче ел бифштекс и позволял себе попадаться на глаза общественности, лишь когда пресса затрагивала его бизнес. Как многие одаренные люди бывают лишены музыкального слуха, так и Пенче был почти лишен склонности к радостям цивилизации.

Он сознавал этот собственный недостаток и порой испытывал меланхолию. В такие минуты он сидел сгорбившись, похожий на дикого кабана, и раскаленная топка просвечивала сквозь закопченные стекла его глаз. Но чаще всего на его лице бытовало кислое и сардоническое выражение. Прочих людей можно было смягчить, отвлечь, держать под контролем с помощью добрых слов, красивых вещей и удовольствий; Пенче знал им цену и пользовался знанием, как плотник пользуется молотком — не задумываясь о внутренней сущности инструмента. Он наблюдал и действовал без иллюзий и предрассудков — именно в этом, может быть, и таилась огромная сила Пенче, то внутреннее зрение, которое позволяло ему видеть мир и самого себя в одном свете грубой объективности.

У себя в студии он ждал, когда «скорая помощь»

сядет и санитары возьмут носилки. Потом он вышел на балкон и заговорил тяжелым хриплым голосом:

— Он в сознании?

— Приходит в себя, сэр.

— Несите его сюда...

12

Эйли Фарр пробудился в стручке с пыльно-желтыми стенами ребристыми и темным коричневым потолком. Подняв заполненную мраком голову, он обвел стручок глазами и увидел тяжелую угловатую мебель: кресла, диван, стол, заваленный бумагами, одну или две модели Домов и древний испанский буфет.

Над ним склонился тонкий человек с крупной головой и серьезными глазами. На человеке был белый форменный халат и от него пахло антисептикой.

Доктор. За спиной доктора стоял К. Пенче. Он медленно подошел и посмотрел на Фарра сверху вниз.

В мозгу что-то щелкнуло. Горло наполнилось воздухом, голосовые связки завибрировали; язык, небо, губы рождали слова. Фарр был изумлен, услышав их.

— У меня дерево.

Пенче кивнул:

— Где?— Фарр тупо посмотрел на него.— Как вам удалось вывезти дерево с Исзма?

— Я не знаю,— Фарр приподнялся, опершись на локоть, потер подбородок, моргнул.— Я не знаю, что говорю. У меня нет никакого дерева...

— Или у вас есть — или у вас нет,— нахмурился Пенче.

— У меня нет никакого дерева.— Фарр попытался сесть, чувствуя невыносимую усталость. Доктор помог ему, поддержав за плечо.— Что я здесь делаю? Меня кто-то отравил. Девушка. Блондинка в таверне.— Он посмотрел на Пенче с нарастающим гневом.— Она работает на вас.

— Это верно.

— Как вы меня разыскали?

— Вы обращались в «Император» по стерео. В

холле мой человек постоянно ждал вызова.

— Так,— устало произнес Фарр.— В общем, все это ошибка. Как, зачем и почему — я не знаю. Кроме того, я пострадал. Мне это не нравится.

Пенче вопросительно взглянул на доктора.

— Сейчас уже все в порядке. Скоро к нему вернутся силы,— отозвался тот.

— Хорошо. Можете идти.

Доктор покинул стручок. Пенче подтащил кресло, стоявшее у него за спиной, и уселся.

— Анна работает слишком грубо,— посетовал Пенче.— Ей еще не случалось пользоваться иголкой.— Он пододвинулся ближе вместе с креслом.— Расскажите о себе.

— Прежде всего, где я?

— Вы — в моем доме. Я за вами присматриваю.

— Зачем?

Пенче, внутренне веселясь, покачал головой.

— Вы сказали, что припасли для меня дерево. Или семя. Или побег. Что бы это ни было, мне это нужно.

Фарр заговорил ровным голосом:

— У меня его нет. Я ничего о нем не знаю. Во время налета я находился на Тинери и больше ничего общего с этой историей не имею.

Пенче спросил совершенно спокойно:

— Вы связались со мной, когда прибыли на Землю в город. Зачем?

— Не знаю,— покачал головой Фарр.— Мне что-то нужно было сделать. Я это сделал. Только что я сказал, что имею для вас дерево. Почему — непонятно.

— Я вам верю,— кивнул Пенче.— Мы найдем это дерево. Может быть, не сразу, но...

— Нет у меня вашего дерева! И мне нет дела...— Фарр встал, оглянулся и направился к двери.— А сейчас я пойду домой.

Пенче весело смотрел на него:

— Двери на запоре, Фарр.

Фарр остановился, глядя на твердую розетку дверей. Релакс-нерв, должно быть, где-то в стене. Он надавил на желтую поверхность, похожую на пергамент.

— Не сюда,— сказал Пенче.— Возвращайтесь обратно, Фарр.

Дверь разошлась. Омен Безхд стоял в проеме. На нем был облегающий костюм в бело-синюю полоску и шляпа-колокол, щегольски надвинутая на уши. Лицо его казалось безмятежно-строгим, полным человеческой и вместе с тем неземной силы.

Он вошел в комнату. Следом вошли двое исциков, разлинованных в желтое и зеленое. Свекры. Фарр отпрянул, освобождая проход.

— Хэлло,— ухмыльнулся Пенче.— А я думал, дверь надежная. Вы, ребята, наверное, знаете все уловки...

Омен Безхд вежливо кивнул Фарру:

— Сегодня мы потеряли вас на некоторое время. Рад видеть вас снова.— Он посмотрел на Пенче, затем опять на Фарра.— Вашей целью, как видно, был дом К. Пенче.

— Судя по всему,— согласился Фарр.

Омен Безхд тактично пояснил:

— Когда вы находились в подземелье на Тинери, мы вас анестезировали с помощью гипнотического газа. Теорд сразу это понял. Эта раса способна в течение шести минут удерживать дыхание. Когда вы уснули, он ухватился за возможность сделать вас исполнителем своей воли.— Он взглянул на Пенче.— Раб до конца верой и правдой служил хозяину...

Пенче промолчал.

Омен Безхд вновь обратился к Фарру:

— Он захоронил инструкции в глубине вашего мозга. Затем он отдал вам украденное дерево. Шесть минут прошли. Он сделал вдох и потерял сознание. Позднее мы отправили вас к нему, надеясь, что таким образом приказ сотрется. Мы потерпели неудачу — теорд поразил нас своими психическими возможностями.

Фарр поглядел на Пенче. Тот стоял, небрежно опираясь на стол. Напряжение нарастало, и скоро должен был произойти взрыв, — так при легчайшем прикосновении выскакивает «Джек-из-коробки».

Омен Безхд отвернулся от Фарра — тот уже сослужил свою службу.

— Я прибыл на Землю с двумя миссиями. Должен сказать вам, что по причине налета теордов, партия Домов класса АА вам отправлена быть не может.

— Ясно,— сказал Пенче коротко.— Жаль!

— Вторая моя миссия — найти человека, которому Эйли Фарр должен был передать дерево.

— Вы проверили у Фарра память?— заинтересованно спросил Пенче.— Ну и почему же вы не смогли узнать?

Вежливость у исциков в крови и в рефлексах. Омен Безхд лишь наклонил голову и ответил:

— Теорд приказал ему забыть и вспомнить лишь тогда, когда его нога коснется Земли. Разум Фаррасайаха отличается значительной стойкостью, и поэтому мы могли лишь следить за ним. Его место назначения — Дом К. Пенче. Таким образом, я теперь могу завершить выполнение второй миссии.

— Ну? Выкладывайте!— отрезал Пенче.

Омен Безхд поклонился. Голос его был спокоен и вежливо официален:

— Мое первоначальное сообщение к вам изменилось, Пенче-сайах. Вы не получите более Домов класса АА. Вы не получите более ничего. Если вы высадитесь на территории Исзма или его вассалов, вы понесете наказание за преступление, совершенное против нас.

Пенче покачал головой — так было всегда, когда его охватывало сардоническое веселье.

— Выходит, вы меня уволили и я вам больше не агент?

— Правильно.

Пенче повернулся к Фарру и спросил его неожиданно резким голосом:

— Деревья? Где они?

Фарр невольно приложил ладонь к бурому пятну на темени.

— Подождите, Фарр, присядьте,— сказал Пенче.— Дайте взглянуть.

Фарр зарычал:

— Держитесь от меня подальше! Я вам не игрушка...

— Теорд загнал шесть семян под кожу на черепе

Фарр-сайаха,— спокойно произнес Омен Безхд.— Это был очень остроумный тайник. Семена маленькие. Мы искали тридцать минут, прежде чем нашли.

Фарр с отвращением пощупал скальп.

— Давайте, Фарр, останемся там, где стоим,— хриплым голосом сказал Пенче.

— Я знаю, где стою!— Фарр отпрянул к стене.— Не рядом с вами!

— Не хотите бросить исциков?— рассмеялся Пенче.

— Я не бросаю никого. Если у меня в голове и есть семена, это касается только меня!

Пенче шагнул вперед, лицо его слегка исказилось.

— Семена были извлечены, Пенче-сайах. Бугры, которые Фарр-сайах может нащупать, — это танталовые шарики.

Фарр ощупал череп. И верно, они были здесь — твердые выступы, которые до сих пор он считал относящимися к шраму. Один, два, три, четыре, пять, шесть... Ладонь скользнула по волосам и задержалась. Он невольно взглянул на Пенче, на исциков — похоже, те на него не смотрели. Он прижал маленький предмет, который обнаружил в волосах. Словно маленький пузырек, капсула, размером не больше пшеничного зерна, и соединялось это с кожей волокнами. Анна, блондинка, увидела лишь длинные серые...

Фарр нетвердо произнес:

— С меня достаточно... я пошел.

— Нет,— бесцветно произнес Пенче.— Вы останетесь здесь.

Омен Безхд вежливо сказал:

— Я надеюсь, земные законы не позволяют задерживать человека против его воли. Если мы не противодействовали захвату, мы в равной степени становимся виновными. Или не так?

Пенче улыбнулся:

— В некоторых пределах.

— В целях самозащиты мы требуем, чтобы вы не совершали противозаконных действий.

Пенче агрессивно подался вперед:

— Вы уже все сказали. А теперь убирайтесь прочь!

Фарр попытался пройти мимо него. Пенче, подняв руку, уперся ладонью ему в грудь:

— Вы лучше останьтесь, Фарр. Здесь вы в безопасности.

Фарр посмотрел в глубину его тлеющих глаз. Гнев и унижение мешали ему говорить. Наконец он вымолвил:

— Нет уж, лучше я уйду. Меня тошнит от игры в простака.

— Лучше живой простак, чем мертвый болван...

Фарр оттолкнул руку Пенче.

— А я попытаю счастья.

Омен Безхд пробормотал что-то своим помощникам. Они расположились по обе стороны сфинктера.

— Вы можете идти,— сказал Омен Безхд Фарру.— К. Пенче вас не задержит.

Фарр остановился:

— В ваших услугах я тоже не нуждаюсь.

Он оглядел стручок и подошел к стереоэкрану.

Пенче одобрительно ухмыльнулся в сторону исциков.

— Фарр-сайах!— крикнул Омен Безхд.

— Все легально!— ликовал Пенче.— Оставьте его!

Фарр прикоснулся к кнопкам. Экран замерцал, и на нем возникла расплывчатая фигура.

— Дайте мне Кирди,— произнес Фарр.

Омен Безхд подал знак. Исцик справа скользнул вдоль стены, перерезая соединяющую трубу. Изображение погасло.

Брови Пенче полезли вверх.

— Говорите о преступлениях,— взревел он,— а сами ломаете мой Дом!

Губы Омена Безхда стали растягиваться, обнажая бледные десны:

— Прежде чем я...

Пенче поднял левую руку. Его указательный палец выбросил струю оранжевого пламени. Омен Безхд увернулся; огненный сноп остриг ему ухо. Двое других с поразительной скоростью и точностью бро-

сились к двери.

Пенче вновь поднял палец. Фарр рванулся вперед, схватил его за плечо, развернул. Пенче сжал челюсти и выбросил вперед правый кулак в коротком апперкоте. Удар угодил Фарру в область желудка. Фарр, промазав круговым правой, отшатнулся назад. Пенче мгновенно развернулся, но исцики уже скрылись за сфинктером, и тот затянулся за ними. Фарр и Пенче остались в стручке одни. Фарр отшатнулся, а Пенче качнулся вперед:

— Вы спасли их, идиот!

Стручок сотрясался и дергался. Фарр, полуобезумевший от душившей его ярости, бросился вперед. Пол в стручке покрылся рябью; Фарр упал на колени.

— Спасли этих мерзавцев! На кого вы работаете? На Землю или на Исзм?— рявкнул Пенче.

— Вы — на Земле!— задыхался Фарр.— Вы — К. Пенче. Я буду драться, потому что меня уже мутит от того, что меня используют!— Он попытался встать на ноги, но слабость одолела. Он рухнул на спину, дыхание оборвалось.

— Дайте взглянуть, что у вас в голове.

— Держитесь от меня подальше. Я вам разобью физиономию!

Пол стручка рванулся вверх, подбросив Фарра и Пенче.

Пенче встревожился:

— Что они делают?

— Что надо. Они — исцики, а это Дом Исзма. Они могут играть на нем, как на скрипке.

Стручок вибрировал и содрогался.

— Все...— сказал Пенче.— А теперь — что у вас там в голове?

— Не подходите! Что бы это ни было, оно мое!

— Нет, мое,— мягко произнес Пенче.— Я заплатил, чтобы его привезли сюда.

— Вы не знаете даже, что это такое!

— Знаю. Я это вижу. Это побег. Первый побег только что вылез наружу.

— Вы спятили! Дерево не может прорасти у меня в голове!

Стручок стал вытягиваться, выгибаясь кошачьей спиной. Крыша над головой заскрипела.

— Надо бы выбираться отсюда,— пробормотал К. Пенче.

Он подошел к сфинктеру и дотронулся до открывающего нерва. Сфинктер оставался заперт.

— Они перерезали нерв,— сказал Фарр.

Стручок продолжал вытягиваться. Пол кренился. Сводчатая крыша скрипела. Твангl Ребро лопнуло, щепки посыпались вниз. Острая щепка упала в футе от Фарра.

Пенче прицелился пальцем в сфинктер, заряд ударил в диафрагму. Она отплатила облаком зловонного пара и дыма.

Пенче отпрянул назад, потрясенный.

Лопнули еще два ребра.

— Они убьют нас, если сумеют,— сказал Пенче, обозревая выгнутый потолок.— Назад!

— Эйли Фарр — зеленый ходячий Дом... Вы сгинете, Пенче, прежде чем соберете урожай!

— Прекратите истерику!— завопил Пенче.— Идите сюда!

Пол опрокинулся, мебель начала скользить, Пенче отчаянно уворачивался. Фарр поскользнулся. Стручок выгибался. Осколки ребер отщеплялись, отлетали, барабанили по стенам. Мебель громоздилась над Фарром и Пенче.

Стручок задрожал; стулья и столы запрыгали, опрокидываясь. Фарр и Пенче высвободились, прежде чем тяжелая мебель раздавила им кости.

— Они действуют снаружи!— выкрикнул Фарр.— Дергают нервы!

— Если бы мы могли выбраться на балкон...

—...мы бы спустились на землю!

Дрожь продолжалась, делаясь все сильнее. Осколки ребер и мебели задрожали, грохоча как горошины в банке. Пенче стоял, упираясь руками в стол, и пытался удержать его. Фарр подхватил осколок и принялся бить им в стену.

— Что вы делаете?

— Исцики стоят снаружи, бьют по нервам. Я попытаюсь попасть по другим.

— Вы нас можете убить!— Пенче взглянул на голову Фарра.— Не забудьте, что растение...

— Вы боитесь больше за растение, чем за себя!— Фарр не переставал стучать, выбирая разные места.

Он попал по нерву. Стручок вдруг застыл, странно напрягаясь. Стена стала выделять крупные капли сока с кислым запахом. Стручок неистово задрожал, и содержимое его загрохотало.

— Не тот нерв!— закричал Пенче.

Он схватил осколок и тоже стал стучать. По стенам стручка пронесся звук, похожий на сдавленный стон. Пол пошел буграми, корчась в растительной агонии. Потолок начал рушиться.

— Нас раздавит!— взвизгнул Пенче.

Фарр заметил блеск металла. Шприц доктора. Он схватил его, вонзил в зеленую выпуклость вены и надавил на поршень.

Стручок вздрагивал, трясся, пульсировал. Стены вздувались пузырями и лопались. Сок стекал и струился во входной канал. Стручок бился в конвульсиях, дрожал и осыпался. Фарр и Пенче выкатились на бакон вместе с обломками ребер и мебели и полетели вниз. Фарр задержал падение, уцепившись за прут баллюстрады. Прут оборвался, и Фарр упал. Лететь до газона ему пришлось не больше фута. Приземлившись на куст, он почувствовал под собой что-то резиновое; оно ощупало его ноги и оттолкнуло с большой силой.

Это был Пенче.

Они покатились по газону. Силы Фарра были почти на исходе. Пенче сдавил его туловище, навалился и схватил за горло. Фарр увидел сардоническое лицо в дюйме от своего. Он изо всех сил ударил коленями. Пенче задрожал, задохнулся, но быстро оправился. Фарр вонзил ему в нос большой палец и крутанул. Голова Пенче откинулась назад, хватка ослабла.

— Я вырвал эту штуку...— захрипел Фарр.— Я сломал ее...

— Нет!— захлебнулся Пенче.— Нет! Фроуп! Карлайл!

Фигуры появились рядом. Пенче поднялся.

— В доме трое исциков. Не выпускать. Станьте у ствола, стреляйте наверняка!

— Стрельбы сегодня вечером не будет!— произнес холодный голос.

Два луча фонариков уперлись в Пенче. Он трясся от злобы:

— Кто вы?

— Специальная бригада. Я — детектив и инспектор Кирди.

— Возьмите исциков,— выдохнул Пенче.— Они в моем доме.

Исцики вышли на свет.

Омен Безхд сказал:

— Мы находимся здесь, чтобы вернуть свою собственность.

Кирди недружелюбно посмотрел на них:

— Что еще за собственность?

— В голове Фарра... Росток дерева.

— Вы обвиняете Фарра?

— Еще чего,— сердито сказал Фарр.— Они пялились на меня каждую минуту, они обыскивали меня, гипнотизировали..

— Виновен Пенче,— жестко произнес Омен Безхд.— Агент Пенче обманул нас. Он поместил шесть семян туда, где мы наверняка должны были их найти. У него также был тонкий корешок, который он соединил с кожей Фарра, спрятав среди волос, и мы его не заметили.

— Большая удача,— сказал Пенче.

Кирди с сомнением посмотрел на Фарра:

— Эта вещь в самом деле осталась жива?

Фарр подавил смешок.

— Жива? Она пустила корни, дала стручок, покрылась листочками... Она проросла. У меня теперь Дом на голове!

— Это собственность Исзма,— заявил Омен Безхд.— Я требую ее возвращения!

— Это моя собственность,— сказал Пенче.— Я купил ее, заплатив за нее!

— Это моя собственность,— расхохотался Фарр.— В чьей голове она растет?

Кирди покачал головой:

— Пожалуй, вам следует пройти со мной.

— Никуда я не пойду, я пока не арестован,— сказал Пенче с большим достоинством.— Говорю вам — арестуйте исциков, они разломали мой Дом.

— Пойдете со мной, вы все!— Кирди повернулся к своим.— Опустите машину.

Омен Безхд сделал свой выбор. Он горделиво выпрямился во весь рост, белые полосы сверкнули во тьме. Исцик посмотрел на Фарра, порылся под одеждой и вытащил шаттер.

Фарр плашмя бросился на землю.

Заряд пролетел над головой. Из пистолета Кирди вырвалось голубое пламя. Омена Безхда охватил голубой ореол. Он был мертв, но стрелял вновь и вновь. Фарр катился по темной земле. Двое исциков тоже открыли по нему огонь, не обращая внимания на пистолеты полицейских. Они высвечивались голубым сиянием, умирали, но продолжали стрелять. Заряды попали Фарру в ноги. Он застонал и остался лежать неподвижно.

Исцики рухнули.

— А теперь,— удовлетворенно произнес Пенче,— я позабочусь о Фарре.

— Полегче, Пенче,— сказал Кирди.

— Держись от меня подальше,— поддержал Фарр.

— Я заплачу вам десять миллионов за то, что растет у вас в волосах!

— Нет!!!— свирепо огрызнулся Фарр.— Я сам его выращу. Я буду растить семена бесплатно...

— Рискованное предприятие,— сказал Пенче.— Если это семя-самец, пользы не будет никакой.

— А если самка...— Фарр замолчал.

Полицейский доктор принялся перевязывать ему ноги.

— ...пользы будет очень много,— сухо докончил Пенче.— Но вы встретите противодействие.

— Чье?

— Исциков.

Санитары подняли носилки.

— Они будут мешать. Я даю вам десять миллионов. Я предлагаю шанс...

— Ладно... Меня тошнит от всей этой возни.

— Тогда подпишем контракт!— с триумфом закричал Пенче.— Эти офицеры — свидетели!

Фарра положили на носилки. Доктор склонился над ним и заметил в волосах растительный побег. Он протянул руку и выдернул его.

— Ой!— вскрикнул Фарр.

— Что он делает?!!— завопил Пенче.

— Вам бы надо получше следить за своим имуществом, Пенче,— слабым голосом сказал Фарр.

— Где он?— взвыл Пенче в панике, хватая доктора за ворот.

— Кто?— спросил доктор.

— Принесите свет!— крикнул Пенче.

Фарр смотрел, как Пенче и его люди шарят по кустам в поисках бледного побега, затем впал в беспамятство...

Пенче пришел к Фарру в больницу.

— Вот, ваши деньги,— сказал он и положил на столик банковский купон. Фарр посмотрел на него.— Десять миллионов долларов.

— Это куча денег,— сказал Фарр.

— Да,— подтвердил Пенче, отворачиваясь.

— Вы, должно быть, нашли побег.

Пенче кивнул.

— Он был жив. Он и сейчас растет. Он — самец.— Пенче взял со стола купон, поглядел на него, затем положил обратно и вздохнул.— Чистое пари!

— У вас были хорошие шансы,— утешил Фарр.

Пенче стал смотреть в окно на Лос-Анжелес. Фарр пытался угадать, о чем он думает в этот момент.

— Легко найдено — легко потеряно,— пробормотал Пенче.

Он полуобернулся, собравшись уходить.

— А что теперь?— спросил Фарр.— У вас нет женской особи, вы не можете делать и продавать Дома, и у вас больше нет связей с Исзмом.

— Женские особи есть на Исзме,— сказал Пенче.— И очень много. Я попытаюсь достать несколько штук.

— Еще один налет?

— Называйте, как хотите!

— А как вы называете?

— ЭКСПЕДИЦИЯ.

— Рад, что я к этому не имею отношения.

— Человек никогда ничего не знает заранее,— заметил Пенче.— Не зарекайтесь. Может быть, вы еще передумаете.

— На этот счет не сомневайтесь!..

СЫН ДРЕВА

1

Пронзительный звонок ворвался в две сотни мозгов, разрушая двести коконов оцепенения.

Джо Смит проснулся сразу. Тело было спеленуто, как у грудного младенца. Он напрягся, но вскоре спазм тревоги прошел и Джо расслабился, пристально вглядываясь во мглу.

Воздух был влажен, душен и пах чужой плотью. Плотью людей, находившихся сверху, снизу, справа и слева,— они вырывались, боролись, вертелись в эластичных сетях. Джо откинулся на спину. Мозг, пробудившийся после трех недель сна, начал делать выводы. Балленкарч? Нет, еще рано. Балленкарч должен быть дальше, а это, видимо, Кайрил, мир друидов.

Тонкий, режущий звук. Гамак распахнулся по магнитному шву. Оказавшись у перил, Джо успокоился. Ноги были мягкие и ватные, как колбасы, а в мускулах после трех недель, проведенных под гипнозом, чувствовался слабый гул.

Он добрался до пандуса и спустился на главную палубу, к выходу. За столом сидел юноша лет шестнадцати, в джемпере из дубленой кожи и голубого иллофона. Юноша был темноволосый, большеглазый и очень серьезный.

— Имя, пожалуйста.

— Джо Смит.

Юноша сделал пометку в списке и кивнул на коридор, ведущий вниз:

— В первую дверь на процедуры.

Джо проскользнул в указанную дверь и оказался в небольшой комнатке, заполненной резкими испарениями антисептиков.

— Снять одежду!— рявкнула медным голосом женщина в тесных брюках, тощая, как волк. По ее сине-коричневой коже текли ручьи пота. Она нетерпеливо сдернула с Джо просторное покрывало, выданное на корабельном складе, обернулась и нажала на кнопку.— Закрыть глаза!

По телу хлестнули струи моющих растворов. Менялась температура и напор жидкости. И мускулы наконец начали пробуждаться. Поток теплого воздуха помог Джо высохнуть, и женщина небрежным движением направила его в соседнюю комнату. Там он кое-как обрезал щетину, причесался и облачился в халат и сандалии, оказавшиеся в ящике доставки.

У выхода его остановил стюард, вонзил в бедро шприц и ввел под кожу целую коллекцию вакцин — антитоксинов, мускульных стимуляторов и тонизаторов. Оснащенный таким образом, Джо покинул корабль и опустился по трапу на твердь планеты Кайрил.

Он сделал глубокий вдох, набрав полные легкие воздуха, и огляделся вокруг. Небо было усыпано жемчужинами облаков. Мягкий ландшафт, с обилием крошечных ферм, убегал к горизонту, и там, вдали, словно огромный столб дыма, высилось Дерево. Контуры туманились из-за большого расстояния, верхушка кроны скрывалась в облаках, но ошибиться было невозможно.

Дерево жизни.

Он прождал целый час, пока его паспорт и все-

возможные удостоверения проверялись и штамповались в небольшой стеклянной конторе под погрузочной станцией. Потом его все же отпустили, указав на проходную в конце поля. Проходная представляла собой строение в стиле рококо из тяжелого белого камня, украшенного резным орнаментом и замысловатыми гравюрами.

Возле турникета стоял друид, безучастно наблюдая высадку пассажиров. Стройный, он обладал красивой кожей цвета слоновой кости и был, судя по внешним признакам, человеком нервным. Сдержанное лицо аристократа, черные как смоль волосы, колючие темные глаза. На нем красовалась блестящая кираса из покрытого эмалью металла, а также роскошное платье, ниспадающее до пола и отороченное понизу лентой с узорчатым золотым шитьем. На голове — тонкой работы золотой маржон из зубьев и пластинок различных металлов, тщательно подогнанных друг к другу.

Джо протянул визу клерку, сидевшему за турникетом.

— Имя, пожалуйста.

— Оно имеется в визе.

Клерк поморщился.

— Цель приезда на Кайрил?

— Временный посетитель,— коротко ответил Джо.

Он уже выдержал в конторе беседу о себе, о своем деле и о своих хозяевах. Новый допрос казался ненужной волынкой.

Друид повернул голову и окинул Джо взглядом с ног до головы.

— Шпион, не иначе,— прошипел он и отвернулся.

Что-то во внешности друида заинтересовало Джо, но он так и не понял — что именно.

— Эй, ты,— раздраженно начал друид.

— Да?— оглянулся Джо.

— Кто твой наниматель? На кого ты работаешь?

— Ни на кого. Я здесь по своим делам.

— Не притворяйся! Все вы шпионы менгов. Почему же ты должен быть исключением? Ты будишь

во мне гнев. Итак, на кого работаешь?

— Дело в том, что я все-таки не шпион,— вежливо произнес Джо. Чувство собственного достоинства — единственная роскошь, которую он мог себе позволить. Последняя роскошь бродяги!

На тонких губах друида появилась деланно-циничная улыбка:

— Зачем же еще ты мог прилететь на Кайрил?

— Личные дела.

— Ты похож на тюбана. Как называется твой мир?

— Земля.

Друид искоса посмотрел на него, недовольно качая головой и явно недоверчиво относясь к словам Джо.

— Издеваешься? Рассказываешь детский миф о рае для дураков?

Джо пожал плечами:

— Вы задали вопрос — я ответил.

— Да, но с оскорбительной неучтивостью к моей должности и рангу.

Важными петушиными шагами к ним приблизился маленький пухлый человек с лимонно-желтой кожей. У него были большие простодушные глаза и хорошо развитые челюсти. Человек кутался в широкий плащ из плотного голубого вельвета.

— Землянин — здесь?— и уставился на Джо:— Это вы, сэр?

— Вы угадали.

Желтокожий человек повернулся к друиду:

— Это уже второй землянин, которого я встречаю, Боготворимый. Очевидно, Земля все же существует...

— Второй?— переспросил Джо.— А кто был первым?

Желтокожий поднял глаза вверх:

— Я забыл имя. Парри... Ларри... Гарри...

— Гарри? Гарри Креес?

— Верно. Он самый. Мне довелось с ним побеседовать за пределами порта пару лет тому назад. Весьма приятный молодой человек.

Друид круто развернулся на каблуках и отошел.

Пухлый человек равнодушно проводил его взглядом и обратился к Джо:

— Вы здесь, кажется, чужой?

— Только что прилетел.

— Позвольте дать вам совет в отношении здешних друидов. Это невыдержанная раса, опрометчивая и скандальная. Они жутко провинциальны и абсолютно уверены в том, что Кайрил занимает центральную позицию во времени и пространстве. В присутствии друидов следует быть осторожнее в речах. Можно полюбопытствовать, каким ветром вас сюда занесло?

— Я не мог позволить себе удовольствие оплатить дальнейший проезд.

— Ну и что?

Джо пожал плечами:

— Собираюсь подзаработать немного денег.

Пухлый человек нахмурился, погрузившись в мысли.

— И какие же именно таланты и способности вы намерены применить в этих отдаленных краях?— наконец спросил он.

— Я неплохой механик, машинист, экономист, электрик. Могу проводить исследования, ставить эксперименты, владею еще несколькими профессиями. Можете считать меня инженером.

Его новый знакомый внимательно слушал. Наконец он с задумчивым видом произнес:

— Среди лайти нет недостатка в дешевой рабочей силе...

Джо обвел взглядом ограждение порта:

— Глядя на строение, кажется, что они незнакомы с логарифмической линейкой.

На губах собеседника появилась неуверенная улыбка, словно он не мог не согласиться:

— Имейте в виду, друиды — великие ксенофобы! В каждом новом прибывшем им мерещатся шпионы.

— Это я уже заметил,— улыбнулся Джо.— Первый встречный друид набросился на меня с упреками. Назвал меня шпионом менгов, хотя я и не знаю, кто или что это такое.

— Это я,— развел руками пухлый человек.

— Менг? Или шпион?

— И то, и другое. Особого секрета здесь нет, это дозволено. Каждый менг на Кайрил — шпион. Как, впрочем, и все друиды на Менгере. Оба мира в данный момент стремятся доминировать в экономике и неприязнь между ними велика.— Он потер подбородок.— Вам, значит, нужна хорошо оплачиваемая работа?

— Да. Но не шпионаж. Я не вмешиваюсь в политику. Жизнь и так слишком коротка.

Менг сделал успокаивающий жест:

— Конечно, конечно... Я уже упоминал, что друиды — неуравновешенная раса. И не особенно честная. Возможно, из этих слабостей вы могли бы извлечь выгоду. Предлагаю сейчас отправиться со мной. У меня назначен визит к товэрчу округа, и если мимоходом я ему похвалюсь, какого умелого техника завербовал...— он оборвал фразу, затем кивнул Джо:— Сюда.

Они миновали ограждение, прошли по галерее, ведущей к стоянке, и здесь Джо увидел ряд машин.

«Древний хлам,— подумал он.— И собраны неряшливо...»

Менг усадил его в самую крупную из машин и приказал шоферу:

— В храм.

Машина взвилась в воздух и помчалась над серо-зеленой землей. Сельская местность неприятно поразила Джо, хотя ему и казалось, что посевы должны быть плодородными. Улицы и аллеи пестрели лужами стоячей воды, деревня выглядела маленькой и скученной, а в полях виднелись крестьяне, впрягшиеся в культиваторы группами по шесть, десять, двенадцать человек. Картина не из веселых.

— Пять биллионов человек,— сказал менг.— Два миллиона друидов. И одно Дерево. Одно на всех.

Джо хмыкнул в ответ. Менг погрузился в молчание. Внизу мелькали фермы — бесконечные массивы прямоугольных полей всевозможных оттенков зеленого, коричневого и серого цветов. По углам полей — мириады конических хижин. А впереди, прямо по курсу,— Дерево. Оно казалось темнее, выше,

массивнее, чем на самом деле. И вдруг перед ними возник замысловато украшенный белокаменный дворец, укрывшийся среди гигантских обнаженных корней. Машина стала снижаться, и перед глазами Джо проплыл лес причудливых балюстрад, путаница балконов, хитроумная отделка панелей, колонны, водосточные трубы и роскошный парадный подъезд.

Машина приземлилась на площадку перед этим высоким строением, которое смутно напоминало Джо Версальский дворец. С фасада открывался вид на прилизанные парки, мозаичные дорожки, фонтаны и скульптуры. А позади дворца росло Дерево, и его листва скрывала квадратные мили неба над головой.

Менг вылез и обратился к Джо:

— Если вы снимете боковую панель генератора и сделаете вид, будто производите небольшой ремонт, то я попытаюсь помочь вам устроиться на выгодную должность.

Джо почувствовал себя неловко.

— Я вижу, вы не намерены жалеть усилий для благоустройства чужака. Вы — филантроп?

— О нет! Ни в коем случае! Со стороны кажется, будто я действую под влиянием минутного каприза, но поверьте, мои поступки отнюдь не бескорыстны. Если угодно, попытаюсь объяснить на следующем примере... Допустим, мне поручили выполнить какую-то незнакомую работу. Я бы прихватил с собой как можно больше инструментов — на всякий случай. Точно так же я поступаю и сейчас, когда выполняю вполне определенную миссию. Многие люди обладают специальными талантами или навыками, которые могут пригодиться. Поэтому я стараюсь не отказываться от возможности расширить круг хороших знакомств.

— Это окупается?— с улыбкой поинтересовался Джо.

— О да! И кроме того, благодарность — награда сама по себе. Принося людям пользу, всегда получаешь громадное удовольствие. Но прошу вас, не думайте, что вы будете чем-нибудь обязаны мне!

«Не буду»,— подумал Джо и промолчал. На всякий случай, как говаривал ласковый менг.

Пухлый человек направился к массивной двери из узорчатой бронзы.

Джо немного помедлил. Затем, стараясь не упустить из виду ни одну из полученных инструкций, открыл панель. Она отошла, но ненамного — удерживали провода изнутри. Джо отсоединил провода и откинул панель вверх.

Глазам предстало здешнее чудо техники. Детали были притянуты шурупами и деревянными болтами, те в свою очередь крепились обрывками веревки к деревянному каркасу. Из дерева была изготовлена также и рама, в которой находилась силовая установка. Провода могли только мечтать о какой бы то ни было изоляции.

Джо в изумлении покачал головой. Затем вспомнил, что имел счастье прилететь сюда на этом аппарате от самого порта, и покрылся холодным потом.

Желтокожий менг велел покопаться в моторе, изображая попытку ремонта. Теперь Джо видел, что эта затея не лишена смысла. Источник энергии был соединен с двигателем беспорядочным набором кабелей. Джо распутал их, подтянул обвисшие веревки, затем переменил полярность, соединив клеммы обрывком кабеля.

На противоположный край площади села машина, и из нее выскочила девушка лет восемнадцати или девятнадцати, с узким подвижным лицом. Глаза их встретились, затем девушка повернулась и покинула площадку.

Джо неподвижно стоял, провожая взглядом стройную юную фигурку. Затем он опомнился и вернулся к мотору.

«Это ужасно...» — подумал он.

Ему всегда нравились красивые девушки. Он нахмурился, вспомнив Маргарет. Блондинка, изящная, с летящей походкой. Но всегда себе на уме. Джо задумался, почти забыв о работе. Кто знает, что творится в глубине ее сердца, куда ему ни разу не удавалось проникнуть?

Когда он рассказал ей о своих планах, она рассмеялась и сказала, что он опоздал родиться на свет. Два года остались позади, и кто знает, ждет ли его

еще Маргарет? Джо надеялся, что улетает всего на три месяца, но судьба влекла его все дальше и дальше, из мира в мир, прочь от Земли, за пределы Единорога. Судьба забросила его в звездный водоворот и заставила прокладывать путь с планеты на планету.

На Джемивьетте он выращивал мох в серой тундре, после чего билет третьего класса до Кайрил был роскошью.

«Маргарет,— подумал Джо,— я надеюсь, что ты стоишь такого путешествия...»

Он бросил взгляд через плечо на девушку-друида. Она забежалаа в парадный подъезд Дворца.

— Как ты смеешь?— завопил кто-то над самым ухом.— Как ты смеешь потрошить машину? Да тебя убить мало!

Это был водитель той машины, на которой прилетела девушка,— толстый мужчина с поросячьим лицом. За плечами Джо был немалый опыт работы во внешних мирах, поэтому он придержал язык и вновь погрузился в исследование внутренностей аппарата. Трудно было поверить своим глазам: три конденсатора, соединенных в цепь, вывалились из гнезд и свободно покачивались на проводке. Джо дернул пару крайних конденсаторов, вставил в гнездо оставшиеся, затем — оба первых.

— Эй, приятель!— возмутился водитель.— Прочь корявые руки от тонкого механизма!

Это переходило все границы. Джо поднял голову:

— Тонкий механизм? Я не понимаю, как этот мусорный ящик вообще способен летать!

Лицо водителя перекосилось в гримасе бешенства. Он сделал шаг вперед, но тут же остановился, заметив, что к ним направляется друид — крупный, краснолицый, с массивными бровями. На месте носа у него торчало образование, напоминающее маленький ястребиный клюв. Рот казался заключенным в темницу твердых челюстей. Друид был одет в длинное платье киновари, с капюшоном из пышного черного меха и такой же меховой оторочкой. На голове, поверх капюшона, сидел мормон из черного и зеленого металла, и солнечные блики играли на шишаке, покрытом красно-желтой эмалью.

— Берендино!

Водитель съежился:

— Боготворимый!

— Иди убери кельт.

— Слушаюсь, Боготворимый.

Друид остановился напротив Джо. Он посмотрел на груду выброшенного хлама, и лицо его налилось краской.

— Что ты сделал с лучшей моей машиной?

— Выбросил кое-какое барахло.

— Этот аппарат обслуживает лучший на Кайрил механик.

Джо устало пожал плечами:

— Могу лишь посочувствовать вам... Впрочем, если угодно, могу также поместить мусор обратно. Машина не моя.

Друид неподвижно стоял, уставившись на Джо.

— Что ты хочешь сказать? Что теперь, когда ты вытащил все детали, машина будет летать?!

— И лучше, чем прежде.

Друид оглядел его с ног до головы. Джо уже догадался, что имеет дело с товэрчем округа. Повадки друида внезапно стали совсем иными. Он бросил взгляд назад, на Дворец, и вновь обернулся к Джо:

— Я понял так, что ты на службе у Хабльята.

— У менга? А что, пожалуй...

— Ты не менг. Кто ты?

Джо вспомнил инцидент с друидом возле турникета.

— Я — тюбан.

— А-а! И сколько тебе платит Хабльят в неделю?

Про себя Джо пожалел, что ничего не знает о местном курсе денег.

— Порядком,— сказал он.

— Тридцать стиплей в неделю? Сорок?

— Пятьдесят.

— Я даю восемьдесят. Ты будешь у меня главным механиком.

— Годится,— кивнул Джо.

— Ты приступаешь к обязанностям с этой минуты. Хабльята я сам информирую. Ты не должен более иметь личных контактов с этим менгом-террористом.

Ты теперь — слуга товэрча округа.

— К вашим услугам, Боготворимый,— сказал Джо.

2

...Прозвенел звонок.

— Гараж!— отозвался Джо, роняя ключ на пол.

Из переговорной мембраны донесся голос девушки. Голос властной своевольной жрицы Ильфейн, третьей дочери товэрча. В нем звучала нервозность, которой Джо прежде у нее не замечал.

— Водитель, слушай меня внимательно! То, что я прикажу, выполни в точности и не рассуждая.

— Да, Боготворимая.

— Возьми черный кельт, подними его на третий этаж и подведи к мои апартаментам. Будь осторожен, и получишь прибыль. Понял меня?

— Да, Боготворимая,— твердым голосом ответил Джо.

— Спеши!

Джо напялил ливрею. Спешка, скрытность,— кража? Или любовник? Ильфейн еще слишком юная... Впрочем, не слишком. Ему уже приходилось выполнять подобные поручения ее сестер — Изейн и Федран. Джо пожал плечами. Остается надеяться, что он не будет в накладе,— сотня стиплей, а может, и побольше.

Он печально улыбнулся, выводя черный кельт из-под навеса. Получать чаевые от восемнадцатилетней девчонки, да еще радоваться этому... Как-нибудь, когда-нибудь он вернется на Землю к Маргарет. Вот тогда можно будет снова претендовать на чувство гордости и собственного достоинства. А сейчас они для него бесполезны. Даже больше того — вредны.

Деньги — это деньги. Деньги провели его по Галактике, и Балленкарч наконец стал реальностью. По ночам, когда гасли прожекторы на крыше, можно было видеть солнце Баллен, яркую звезду в созвездии, которое друиды называли Перфирит. Дешевый рейс под гипнозом, когда ты погружен в трюм, словно труп,— и тот стоил ему две тысячи стиплей.

Из недельной платы в восемьдесят стиплей он мог откладывать семьдесят пять. Три недели уже прошли, а до вылета рейсом из Балленкарча их оставалось двадцать четыре. Слишком долго для Маргарет — светловолосой, веселой, красивой Маргарет, которая ждет его на Земле.

Джо дал машине вертикальный взлет, пронесся вдоль ствола вверх, до третьего этажа. Дерево попрежнему нависало над ним, будто он и не отрывался от земли, и Джо вновь испытал страх и восхищение — три недели, проведенные в тени гигантского ствола, не смогли притупить этих чувств.

Могучая дышащая масса пяти миль в диаметре, с корнями, уходящими до двенадцати миль вглубь (друиды их называют «жизнеобеспечением»),— так выглядело Дерево. Его крона разметалась в стороны и вверх на упругих сучьях — толщина каждого не уступала ширине Дворца товэрча — и нависала над стволом, как соломенная шляпа над старомодным стогом сена. Трехфутовой длины треугольные листья, ярко-желтые к верхушке, темнели у основания — зеленые, розовые, алые, черно-синие. Дерево было властелином горизонтов, оно раздвигало плечами облака и носило в головном уборе громы и молнии, словно гирлянду из серпантина. Это была душа жизни, сок жизни, торжествующая жизнеспособность, и Джо хорошо понимал, почему его обожествили восхищенные первопоселенцы Кайрил.

Третий этаж. Теперь вниз, к площадке перед апартаментами жрицы Ильфейн. Джо посадил машину, выпрыгнул и пошел по плиткам, инкрустированным золотом и слоновой костью.

Из-за двери выскользнула Ильфейн — пылкое создание с темным, узким и живым, как у птицы, лицом. На ней было простое платье из белой, без орнамента, ткани, и она шла босиком. Джо, которому прежде случалось ее видеть лишь в официальных нарядах, посмотрел на девушку с интересом.

— Сюда,— бросила она.— Быстрее.

Она подняла дверь, и Джо оказался в комнате с высоким потолком, модно обставленной, но слегка душноватой. Две стены украшались мозаикой из бе-

лых мраморных и темно-синих демортьеритовых плит; сами плиты были окаймлены медными полосками с орнаментом в виде экзотических птиц. На третьей стене висел гобелен, изображающий группу девушек, бегущих вниз по травянистому склону. Вдоль этой стены тянулся длинный диван с подушками.

На диване сидел молодой человек в голубой мантии субтовэрча, украшенной красными и серыми позументами. Рядом с ним лежал мормон с золотыми листьями, а на поясе висел жезл, вырезанный из священного дерева,— на Кайрил такие жезлы могут носить только лица с духовным образованием. Человек был сухощав, но широкоплеч, с резко очерченным лицом — подобных черт Джо еще не встречал. Это было страстное лицо, расширенное к скулам, сужающееся к подбородку. Плоский лоб, плоские щеки, длинный прямой нос. Черные кружочки глубоко посаженных глаз, чернильные брови, темные завитки волос. Умное, жесткое лицо, полное пресыщенности и хитрости, не лишенное обаяния, зато напрочь лишенное благодушия или чувства юмора,— лицо дикого животного, принявшего человеческий облик.

Некоторое время Джо напряженно, с нарастающей неприязнью вглядывался в это лицо, затем опустил глаза к ногам священника. На полу, гротескно скорченный и окостеневший, лежал труп. Малиновое покрывало на нем было перепачкано желтой кровью.

— Это труп посла с Менгера,— сказала Ильфейн.— Он никогда не был настоящим послом, а лишь шпионом. Кто-то его или убил здесь, или принес сюда тело. Об этом никто не должен знать! Огласки нельзя допустить. Я верю, что ты надежный слуга. У нас подписано несколько деликатных соглашений с правительством менгов, и инцидент, вроде этого, способен привести к несчастью. Ты понимаешь меня?

Джо никогда не считал своим любимым делом дворцовые интриги.

— Я выполню любое твое приказание, Боготворимая,— уклончиво ответил он.— С разрешения товэрча...

— Товэрч слишком занят, чтобы с ним можно было проконсультироваться.— Ильфейн явно нервничала.— Экклезиарх Манаоло поможет тебе погрузить тело в кельт. Затем ты отвезешь нас к океану и там мы от него избавимся.

— Я подгоню машину как можно ближе,— произнес Джо деревянным голосом.

Манаоло встал и последовал за ним к дверям. Джо услышал его шепот:

— Нам будет тесно в маленькой кабине.

— Это единственная машина, которой я могу управлять,— раздраженно ответила Ильфейн.

Подводя аппарат к дверям, Джо задумался.

«Единственная машина, которой она умеет управлять...»

Он бросил взгляд на противоположную стену Дворца, на такую же площадку, от которой его отделяли футов пятьдесят пространства. Там, сложив руки за спиной и доброжелательно глядя на него, стоял человек в голубом плаще.

Джо вернулся в комнату.

— Там менг. На противоположном балконе.

— Хабльят!— вскричал Манаоло, бросаясь к двери и осторожно выглядывая наружу.— Он не мог ничего заметить!

— Хабльят знает все,— мрачно сообщила Ильфейн.— Иногда мне кажется, что у него глаза на затылке.

Джо присел на колени возле трупа. Рот убитого был открыт, из него высовывался кончик оранжевого языка. На боку висел полный кошелек, полузакрытый покрывалом. Джо расстегнул его.

— Что ж, пусть он тебя удовлетворит,— резким голосом произнесла Ильфейн, едва сдерживая бешенство.

Презрительное снисхождение в ее голосе обожгло Джо; он почувствовал, как краснеет от гнева и стыда. Но деньги — это деньги. Он вытащил пачку купюр. Не меньше сотни стиплей по десять. Он вновь запустил руку в кошелек и вынул маленькое ручное оружие неизвестного ему предназначения. Оружие Джо спрятал за пазуху блузы, затем он обернул мертвеца

малиновой тканью и, поднявшись, взял его за запястья.

Манаоло взялся за лодыжки. Ильфейн выглянула за дверь:

— Он ушел. Быстрее!

Через пять секунд труп лежал на заднем сиденье.

— Пойдем со мной,— приказала Ильфейн Джо.

Опасаясь показать Манаоло спину, Джо подчинился. Жрица привела его в комнату, где находился гардероб, и указала на два саквояжа:

— Возьми их. Отнеси в кельт.

«Багаж»,— подумал Джо. Краем глаза он заметил, что Хабльят снова показался на балконе и добродушно улыбается ему.

Джо вернулся в комнату.

Ильфейн переодевалась в наряд простолюдинки: темно-синее платье и сандалии. Платье подчеркивало ее фигурку феи; ее свежесть и пряность, казавшиеся неотъемлемыми частями девушки. Джо отвел глаза. Маргарет на ее месте не вела бы себя столь непринужденно, да еще в обществе покойника.

— Кельт готов, Боготворимая,— доложил он.

— Поведешь ты,— заявила Ильфейн.— Вначале поднимешь нас до пятого этажа, затем — на юг, в открытое море через залив.

Джо покачал головой:

— Я не водитель. И везти вас не собираюсь.

Казалось, его слова провалились в пустоту. Но затем Ильфейн и Манаоло одновременно повернулись к нему. Ильфейн была удивлена, но выражение гнева на ее лице быстро уступило место решительности.

— Выходи! Ты поведешь,— произнесла она более резким тоном, словно Джо не понял ее приказа.

Джо осторожно сунул руку за пазуху, где покоилось оружие. Лицо Манаоло оставалось неподвижным, лишь слегка встрепенулись веки. Тем не менее Джо был уверен, что мозг священника настороже.

— Я не собираюсь вас везти,— повторил Джо.— Вы и без моих услуг легко избавитесь от трупа. Не знаю, куда и зачем вы собрались, но точно знаю, что

с вами не пойду...

— Я тебе приказываю!— крикнула Ильфейн.

Невероятно! ей осмеливались перечить! Такого с ней еще не случалось.

Джо покачал головой, настороженно следя за каждым движением друидов.

— Сожалею...

Разум Ильфейн отказывался переварить этот парадокс.

— Тогда убей его,— бросила жрица Манаоло.— Уж его-то труп во всяком случае не вызовет подозрений.

Манаоло грустно улыбнулся:

— Боюсь, что это не так-то просто.— Его рука сжимала пистолет: он не захочет, чтобы его убивали, и будет отчаянно сопротивляться.

Ильфейн поджала губы:

— Это смехотворно!..

Джо вытащил маленький пистолет. Не успев больше ничего произнести, Ильфейн так и застыла с открытым ртом.

— Очень хорошо,— наконец сказала она глубоким голосом.— Я заплачу за твое молчание. Это тебя устраивает?

— Вполне.— Джо криво улыбнулся.

Чувство собственного достоинства? Что такое чувство собственного достоинства? Это качество не помогло ему сделать Маргарет счастливее...

— Сколько?— равнодушно спросил Манаоло.

Джо быстро прикинул в уме. В его комнате находилось четыреста стиплей, около тысячи он забрал из кошелька трупа.

«Нечего считать,— решил он.— Чем больше, тем лучше...»

— Пять тысяч стиплей, и я забуду все, что видел сегодня.

Цифра, похоже, не показалась им чрезмерной. Манаоло полез в карман, затем в другой, извлек бумажник, вынул из него пачку банкнот и бросил ее на пол.

— Вот твои деньги.

Не оглянувшись, Ильфейн выбежала на площад-

ку и забралась в кельт. Манаоло последовал за ней.

Джо поднял деньги. Пять тысяч стиплей! Он подошел к окну и проводил машину глазами, пока она не превратилась в черную точку. В горле остался горький комок. Ильфейн была чудесным созданием. На Земле он влюбился бы в нее, если, конечно, не знал бы Маргарет. Но это планета Кайрил, и Земля здесь считается сказкой. А Маргарет — нежная, гибкая, светлая, как поле с нарциссами,— ждала, когда он вернется. Или, по крайней мере, знала, что он верит в то, что она ждет его. Для Маргарет идея не всегда означала действие. Проклятый Гарри Креес!

Возникло ощущение тревоги. Любой из десятка людей мог прийти и застать его здесь — и тогда не просто будет объяснить, что его сюда привело. Он решил вернуться к себе, но вдруг застыл на месте.

Дверь медленно открывалась. Сердце бешено застучало, по лицу потекли ручьи пота. Джо спрятался за мебель.

Дверь взвизгнула, отворяясь. В комнату вошел невысокий полный человек в голубом вельветовом плаще — Хабльят...

3

Хабльят быстрым взглядом окинул комнату, печально покачав головой:

— Плохой бизнес. Слишком рискованный...

Джо, одеревеневший возле стены, готов был согласиться с ним. Хабльят сделал еще два шага вперед, пристально глядя под ноги.

— Неаккуратно. Осталось много крови...

Он поднял глаза выше, словно чутьем угадывая местонахождение Джо.

— Впрочем, всегда следует хранить спокойствие. Да! да! хранить спокойствие.

Секунду спустя он увидел Джо.

— Нет сомнений, что вам заткнули рот деньгами. Это чудо, что вы живы.

— Меня вызвала сюда жрица Ильфейн,— сухо ответил Джо,— чтобы я вел кельт. Тем не менее, я остался в стороне от всего этого.

Хабльят задумчиво покачал головой:

— Если вас здесь обнаружат и увидят эту кровь на полу, вас будут допрашивать. И когда попытаются замять убийство Импонага, вас обязательно убьют, чтобы избавиться от свидетеля.— Джо облизал губы.— Поверьте мне, молодой человек. Я представляю здесь власть и богатство Менгера — фракцию Голубая Вода. Импонаг принадлежит Красной Ветви. Сторонниками этого течения исповедуется несколько иное философское направление: они придают большое значение быстрой смене событий.

Странная идея сформировалась в мозгу Джо, и он не мог от нее избавиться. Хабльят заметил его колебания. Рот менга — короткая мясистая трещина между двумя желтыми скулами — изогнулся по краям:

— Совершенно верно — это я убил его. Так было нужно. Иначе он бы зарезал Манаоло, который выполняет важную миссию. Если бы Манаоло был устранен, это стало бы трагедией.

Мысли сменяли друг друга слишком быстро. Они метались в мозгу Джо, словно рыбы, всей стаей угодившие в сети. Будто Хабльят разложил перед ним на прилавке множество броских товаров и теперь ждал, какой же он сделает выбор.

— Зачем вы все это мне рассказываете?— осторожно спросил Джо.

Хабльят пожал полными плечами:

— Потому что, кто бы вы ни были, вы не просто шофер.

— Ошибаетесь.

— Кто вы и что вы, еще не установлено. Сейчас сложные времена: многие миры и многие люди ставят перед собой противоречивые цели, и поэтому происхождение и намерения каждого человека следует рассматривать подробнее. Моя информация дает возможность проследить ваш путь от Тюбана Девять, где в Техническом институте вы занимали должность специалиста по гражданскому машиностроению; затем вы отправились на Панаполь, затем на Розалинду, затем на Джемивьетту и наконец — на Кайрил. На каждой планете вы задерживались ровно на

столько, сколько нужно, чтобы заработать деньги на оплату следующего перелета. Это стало шаблоном. А там, где есть шаблон, есть и план. Где есть план, там есть и цель, а если есть цель, то обязательно существует и тот, кому она выгодна. Отсюда следует, что кто-то окажется в проигрыше. Вам, кажется, немного не по себе? Видимо, вы опасаетесь разоблачения. Угадал?

— Мне не хочется стать покойником.

— Давайте перейдем в мои апартаменты. Это рядом, и там можно спокойно побеседовать. Я всегда ухожу из этой комнаты, чувствуя благодарность судьбе за то, что...

Его речь оборвалась. Он бросился к окну, посмотрел вверх, вниз... От окна он перебежал к двери, прислушался.

— Отойдите!— приказал он Джо.

Стук повторился, и в комнату ворвался высокий человек с широким лицом и маленьким, похожим на клюв, носом. Он был одет в длинную белую мантию; поверх капюшона находился зелено-черно-золотой мормон. Хабльят вдруг оказался за его спиной и произвел какое-то действие, какой-то сложный прием — захват предплечья, подсечка, выкручивание запястья,— и в результате друид ничком покатился на пол.

Джо с трудом перевел дыхание:

— Это же сам товэрч! Нас освежуют...

— Идем,— произнес Хабльят все тем же голосом добродушного бизнесмена.

Они быстро прошли через холл, и Хабльят раскрыл дверь в свои апартаменты:

— Сюда!

Покои Хабльята оказались просторней, чем келья жрицы Ильфейн. В гостиной возвышался прямоугольный длинный стол из цельного куска красного дерева, с орнаментом из медных листьев в арабском стиле.

По обе стороны двери сидели двое воинов-менгов. Это были высокие коренастые люди с грубоватыми чертами лица. Хабльят прошел мимо, не обратив на них внимания, словно они были ненастоящие. Заме-

тив, что Джо удивлен, он скользнул глазами в их сторону.

— Гипноз,— объяснил он небрежно.— Если я в комнате, или если комната пуста, они не двигаются.

Джо прошел за ним, осознавая, что его присутствие здесь может показаться столь же подозрительным, как и в комнате Ильфейн.

Хабльят с кряхтением уселся и указал ему на кресло. Начиная уже сомневаться, что ему удастся выпутаться из лабиринта интриг, Джо повиновался. Хабльят растопырил на столе пухлые пальцы и уставился на гостя невинными глазами:

— Похоже, что вы впутались в неприятное дело, мистер Смит.

— Необязательно.— Джо напрасно пытался собраться с духом.— Я могу пойти к товэрчу, поведать ему эту историю, и дело с концом.

Лицо Хабльята затрепетало — он пытался сдержать смех.

— А после?

Джо не отвечал.

Хабльят постучал пальцем по столу:

— Мой мальчик, вы не слишком хорошо знаете психологию друидов. Для них убийство — это приемлемый выход из любой ситуации, такое же естественное действие, как уходя гасить свет. Поэтому, как только вы расскажете свою историю, вас убьют. Хотя бы потому, что не найдут причин не убивать.— Хабльят задумчиво щекотал усики желтым ногтем и говорил так, словно размышлял вслух.— Иногда самые странные организмы оказываются наиболее целесообразными. Управление планетой Кайрил совершенно замечательно своей простотой. Пять биллионов жителей предназначены для того, чтобы кормить и холить два миллиона друидов и одно Дерево. Эта система функционирования — устойчива, она обеспечивает воспроизводство, что является главным признаком жизнеспособности. Кайрил — гротескная модель религиозного фанатизма. Лайти, друиды, Дерево. Лайти трудятся, друиды вершат обряды, Дерево имманентно. Удивительно — из одной и той же протоплазмы человечества сплетены олухи-лайти и высокомерные друиды.

Джо беспокойно зашевелился в кресле:

— Какое отношение это имеет ко мне?

— Я всего лишь хочу заметить,— вежливо сказал Хабльят.— что ваша жизнь не стоит мокрого пятна там, где каждый плюет на все, кроме самого себя. Что значит для друида чья-то жизнь? Видите это творение рук человеческих? Десять тружеников затратили жизнь на изготовление этого стола. Мраморные плитки на стене — они подогнаны вручную. Цена? Об этом друиды не имеют представления. Труд не оплачивается, рабочая сила не лимитируется. Даже электричество, которым снабжается Дворец,— лайти вырабатывают его в подвалах, на генераторах с ручным приводом! Во имя Дерева Жизни, где потом, как они надеются, их бедные слепые души найдут последний приют. Так друиды оправдывают свою государственную систему перед другими народами, мирами и своей собственной совестью. Лайти дано немного. Унция муки, рыба, миска зелени — ровно столько, сколько нужно, чтобы выжить. Они не знают ни брачных церемоний, ни семейных отношений, ни традиций. У них нет даже фольклора. Это просто рабочая скотина. И размножается она без любви и страсти. Политика? Формула друидов очень проста: истребить инакомыслящих и никакой политики! Вот и маячит Дерево Жизни над планетой как самая великая перспектива вечной жизни, какую знала Галактика. Чистая, массивная жизнеспособность, на устойчивых корнях.

Сидя в кресле, Джо наклонился вперед, оглянувшись через правое плечо на застывших воинов-менгов. Затем взгляд его сместился влево, по большому оранжевому ковру, за окно. Хабльят следил за этим, насмешливо поджав губы.

— Зачем вы меня здесь держите?— спросил Джо.— Чего вы от меня хотите?

Хабльят укоризненно покачал головой:

— У меня нет намерения вас удерживать. Вы можете уйти, когда захотите. А спрятал вас я из чистого альтруизма. Если сейчас вы вернетесь к себе, то наверняка станете мертвецом. Особенно после досадного вторжения.

— Ну, это совсем не обязательно,— Джо уселся в кресле поудобнее.

Хабльят отрицательно покачал головой:

— Боюсь, что это все же так. Подумайте: известно, или будет известно, что вы взяли черный кельт, на котором затем уехали жрица Ильфейн и Манаоло. Товэрч, зайдя в апартаменты дочери — возможно, за разъяснениями,— подвергся нападению. Вскоре после этого шофер возвращается в свою квартиру.

Он замолчал, многозначительно подняв пухлую ладошку.

— Ладно,— сказал Джо.— Что у вас на уме?

Хабльят снова постучал ногтем по поверхности стола:

— Сейчас сложные времена. Очень сложные времена. Видите ли,— добавил он доверительно,— Кайрил становится слишком перенаселенным друидами.

— Перенаселенным?— удивился Джо.— Всего лишь двумя миллионами друидов?

Хабльят рассмеялся:

— Пять биллионов лайти более не способны обеспечивать друидам безбедное существование. Вы должны понимать, что эти бедняги не заинтересованы в производстве. Они заинтересованы лишь в одном: побыстрее пройти по жизни и стать листом на ветви Дерева. Друиды оказались перед дилеммой. Чтобы увеличить выпуск продукции, они должны улучшить технологию и повысить уровень образования — следовательно, позволить лайти понять, что жизнь может предоставить им удовольствия помимо отвлеченного созерцания. Или друиды должны поискать другие пути. Как раз с этой целью они подключились к торговле, к операциям индустриального банка на Балленкарче. Само собой, и мы, менги, не могли оставаться в стороне, потому что на нашей планете высокий уровень индустриализации, а планы друидов грозят нашему благополучию.

— Тогда почему я не могу остаться в стороне?— устало спросил Джо.

— Моя обязанность как эмиссара высокой ступени — отстаивать интересы своего мира. Поэтому мне всегда необходима информация. Ваш путь про-

слежен от одной из планет далекого солнца — Тюбан. Ваш предыдущий путь неизвестен. За месяц до вашего появления здесь мы навели справки.

— Но вам известна моя родина.— Джо начал злиться.— Я с самого начала вам сказал. Земля! И вы ответили, что разговаривали с другим землянином, Гарри Креесом.

— Совершенно верно,— согласился Хабльят.— Название Земли удобно для сохранения инкогнито.— Он лукаво посмотрел на Джо.— Как вашей, так и Гарри Креесa.

Джо сделал глубокий вдох.

— Вы знаете гораздо больше о Гарри Креесе, чем пытаетесь мне показать.

Хабльят, казалось, удивился, что Джо все же пришла в голову эта мысль.

— Разумеется! Для меня совершенно необходимо знать очень многое. Разве эта Земля, о которой вы говорите, не пустой звук?

— Смею вас уверить,— с мрачным сарказмом ответил Джо.— Ваш народ нашел себе такое дальнее звездное облачко, что забыл о существовании Вселенной!

Хабльят кивнул, барабаня пальцами по столу.

— Интересно, интересно... Это придает нашему случаю совершенно новое звучание.

— Меня не интересует звучание,— раздраженно перебил его Джо.— Ни старое, ни новое. Мое дело, чего бы оно ни касалось, это мое личное дело. В ваших предприятиях я не заинтересован. И не желаю быть вовлеченным в то, что сейчас происходит здесь.

Раздался громкий стук в дверь. Хабльят вскочил, на его лице появилась довольная ухмылка.

«Ждал»,— догадался Джо.

— Повторяю,— сказал Хабльят.— У вас нет выбора. Хотите жить?

— Разумеется, я хочу жить.— Джо наполовину привстал, потому что стук повторился.

— Тогда соглашайтесь со всем, что я скажу,— неважно, покажется это вам нелепостью или нет. Понятно?

— Да,— покорно согласился Джо.

Хабльят резко выкрикнул какое-то слово. Воины, словно заводные человечки, вскочили на ноги.

— Открыть дверь!

Дверь ушла в стену. В проеме стоял товэрч. Он был в бешенстве. Из-за его спины в комнату заглядывали друиды. Их было не меньше полудюжины, в мантиях разных цветов: духовники, субтовэрчи, пресвитеры, иеромонахи.

Хабльят изменился. Он стал выглядеть решительнее, и в то же время — чуть ли не подобострастным; а непринужденность приобрела блеск полировки. Он кинулся навстречу товэрчу, словно бурлил гордостью и восторгом по поводу визита столь высокопоставленного лица.

Товэрч возвышался в дверях, оглядывая комнату. Глаза его скользнули по двум воинам и остановились на Джо. Он простер руку и напыщенно произнес:

— Вот этот человек! Убийца и мерзавец! Хватайте его, и мы увидим его смерть еще до того, как окончится этот час.

Друиды порывисто шагнули вперед. Джо схватился за оружие. Но воины, казавшиеся каменными, двигались столь легко и быстро, что в мгновение ока успели преградить дорогу друидам.

Друид, с пылающими глазами, одетый в коричневое с зеленым, столкнулся с ними, пытаясь раздвинуть воинов. Голубая вспышка,треск, сдавленный крик — и друид отскочил, дрожа от негодования:

— Они бьют статикой!

Хабльят шагнул вперед — само недоумение и беспокойство.

— Ваша Боготворимость, что случилось?

Выражение лица товэрча было до крайности презрительным.

— В сторону, менг! Убери своих электрических чертей! Мне нужен этот человек.

— Но, Боготворимый!— вскричал Хабльят.— Боготворимый, вы пугаете меня! Возможно ли, чтобы мои служащие могли совершить преступление?

— Ваши служащие?

— Разумеется! Ваша Боготворимость в курсе, что

в целях проведения реалистической политики мое правительство нанимает некоторое количество неофициальных наблюдателей?

— Шпиков-головорезов!— взревел с негодованием товэрч.

Хабльят помял пальцами подбородок.

— Ваша Боготворимость, я не питаю иллюзий, что на Менгере самоликвидируются шпионы друидов. Так что же натворил мой слуга?

Товэрч набычился и побагровел.

— Я скажу тебе, что он натворил. Он прикончил одного из ваших же людей, менга! В келье моей дочери весь пол измазан желтой кровью. Где кровь, там и смерть!

— Ваша Боготворимость!— воскликнул Хабльят.— Это очень важное известие! Так кто же мертв, кто жертва?

— Откуда мне знать? Достаточно того, что убит человек и что этот...

— Но, Ваша Боготворимость! Этот человек провел весь день в моем присутствии! Ваши известия очень тревожны. Они означают, что подвергся нападению представитель моего правительства! Боюсь, что это вызовет переполох в Латоне. Где именно вы обнаружили кровь? В келье вашей дочери, жрицы? А где она сама? Возможно, что она могла бы пролить некоторый свет...

— Я не знаю, где она!— Товэрч повернулся и ткнул пальцем:— Плимайна, найди жрицу Ильфейн! Я желаю с ней поговорить. А вы, Хабльят... Должен ли я понимать так, что вы берете под свою защиту этого негодяя?

Хабльят вежливо произнес:

— Наши офицеры департамента охраны полны желания гарантировать безопасность на Менгере.

Товэрч круто повернулся на каблуках и удалился во главе своего отряда.

— Выходит, что я шпион менгов,— констатировал Джо.

— Почему вы так решили?

Джо повернулся и уселся обратно в кресло.

— По некоторым причинам у меня не возникает

уверенности, что вы не решили причислить меня к своему штату.

Хабльят сделал протестующий жест.

Джо секунду-другую разглядывал его, затем сказал:

— Вы прикончили своего соотечественника, вы сбили с ног товэрча в комнате его дочери — и вдруг оказывается, что ко всему этому я имею непосредственное отношение. По-моему, налицо заранее подготовленный и осуществленный вами план...

— Ну-ну...— пробормотал Хабльят.

— Могу ли я и далее полагаться на вашу порядочность?— вежливо осведомился у менга Джо.

— Конечно. Во всех отношениях.— Хабльят теперь был крайне предупредителен.

Тогда Джо потребовал с наглостью и без надежды на успех:

— Отвезите меня в порт. Посадите меня на пакетбот, который улетает сегодня рейсом на Балленкарч...

Хабльят кивнул, задумчиво подняв брови:

— Весьма резонное предложение. И сделано оно в такой форме, что я не могу вам отказать. Вы уже готовы к вылету?

— Да. Готов.

— И у вас имеется необходимая сумма?

— Жрица Ильфейн и Манаоло дали мне пять тысяч стиплей.

— Ха! Вижу, они были очень озабочены.

— Это было заметно.

Хабльят бросил на Джо цепкий взгляд:

— В вашем голосе чувствуются подавляемые эмоции.

— Друид Манаоло постарался вызвать у меня отвращение.

— Ха!— опять сказал Хабльят, быстро подмигнув Джо.— А жрица Ильфейн, надо думать, постаралась вызвать у вас противоположное чувство, так? Ах, молодость, молодость! Если бы я мог вернуть назад юность, как бы я наслаждался!

Джо отчетливо произнес:

— В мои планы на будущее не входят ни Мана-

оло, ни Ильфейн.

— Лишь будущее может это показать,— выразительно произнес Хабльят.— Ну, а сейчас — в порт...

4

Джо не заметил, чтобы Хабльят, безмолвно сгорбившийся в кресле, успел подать какой-нибудь сигнал. Но через три минуты прилетел тяжелый, хорошо армированный аэрокар. Джо, заинтересовавшись, подошел к окну. Солнце уже садилось, и косые тени, падая на каменные стены, создавали путаницу теней, в которых мог спрятаться кто угодно.

Внизу находился гараж и его комната. Ничего ценного в ней не оставалось, если не считать четырехсот стиплей, сбереженных из жалованья. А напротив стояло Дерево — чудовищная масса, которую не охватить взглядом за один раз. Чтобы оглядеть его от края до края, приходилось поворачивать голову. До Дерева оставалось не менее мили, и форма покрытых листвой, нависших над Дворцом и медленно покачивающихся ветвей все еще была нечеткой.

Хабльят подошел и встал рядом.

— Все растет и растет. Когда-нибудь или ствол, или земля не выдержит его тяжести. Оно наклонится и рухнет, и это будет самый страшный звук, который доводилось слышать планете. Смерть Дерева будет смертью друидов.— Он внимательно оглядел стену Дворца.— А теперь поторопимся. Лишь в машине можно не бояться снайперов.

Джо еще раз пристально вгляделся в тени, затем вышел на балкон. Тот был очень широк и казался пустым, но по дороге к машине Джо почувствовал себя голым и беззащитным и по коже забегали мурашки. Наконец Джо влез в машину, и она слегка просела под его тяжестью. Хабльят усаживался за его спиной.

— Итак, Джулиам,— сказал Хабльят водителю, очень старому менгу с печальными глазами, морщинами на лице и пегими от старости волосами.— Мы знаем, что пора уезжать. В порт. Четвертая стоянка,

если не ошибаюсь. «Бельзвурон», рейс на Балленкарч через Джинкли.

Джулиам вдавил педаль взлета. Машина рванулась вверх и круто в сторону. Дворец остался за спиной. Они пролетели вдоль нижнего края пыльно-серых ветвей. Обычно небо Кайрил всегда было затянуто дымкой, но сегодня сквозь совершенно прозрачную атмосферу отчетливо просматривались низко плывущие облака и солнце. Беспорядочное скопление и нагромождение дворцов, замков, административных учреждений, приземистых пакгаузов — город некоторое время мелькал в корнях Дерева, но затем его сменил сельский пейзаж: поля, убегающие вдаль, и пятнышки ферм.

Все дороги вели к Дереву. А по ним брели мужчины и женщины в замызганных нарядах. Лайти. Паломники. Джо пару раз доводилось видеть, как они входят в Священный пролом — трещину между двумя дугообразными корнями. Крохотные как муравьи, паломники боязливо топтались на месте, пытаясь заглянуть в серый мрак, прежде чем продолжить путь. Каждый день с разных концов Кайрил приходили тысячи и тысячи лайти, старых и молодых. Темноглазые, изнуренные люди, свято верящие в Дерево, которое наконец принесет им долгожданный покой.

Они перелетели через ровную площадку, покрытую миниатюрными черными капсулами. В углу площадки толпились голые люди, они прыгали и вертелись — занимались гимнастикой.

— Вы видите военный космический флот друидов,— пояснил Хабльят. Джо быстро обернулся, пытаясь уловить в его лице оттенок сарказма. Но лицо менга словно окаменело.

— Они неплохо оснащены и эффективны при обороне Кайрил, а точнее, Дерева, потому что каждый из них мечтает сразиться с врагами друидов, которым бы вздумалось уничтожить Дерево — святыню туземцев. Но чтобы уничтожить Дерево, вражеской флотилии пришлось бы приблизиться на сто тысяч миль к планете, иначе бомбардировка не принесет успеха. Друиды могут управлять этими маленькими

шлюпками на расстоянии многих миллионов миль. Они примитивны, но очень быстры и увертливы. На каждой установлена боеголовка, и в обороне шлюпки-самоубийцы должны представлять грозное оружие.

Джо молча слушал, затем спросил:

— Эти лодки изготовляют здесь? На Кайрил?

— Они очень просты,— с плохо скрываемым презрением произнес Хабльят.— Оболочка, двигатель, кислородный резервуар. Солдаты-лайти не привыкли требовать особого комфорта. Зато этих крохотных лодок огромное количество. А почему бы и нет? Труд не оплачивается, стоимость для друидов не имеет значения. Я думаю, контрольное оборудование, как и боевое оснащение, импортируется из Билленда. Но шлюпки делают здесь, на Кайрил, вручную.

Площадка с боевыми шлюпками осталось позади, а впереди возникла тридцатифутовой высоты стена, ограждающая порт. К одной из сторон прямоугольника примыкало длинное стеклянное здание станции. Вдоль другой стены выстроился ряд роскошных особняков, в котором размещались консульства внешних планет.

Посреди поля, на четвертой из пяти стоянок, стоял средних размеров транспортно-пассажирский корабль. Было видно, что он готов к отлету. Грузовой люк задраили, отъезжали порожние вагонетки, и лишь трап соединял корабль с землей.

Джулиам посадил машину рядом со станцией, на специально отведенную площадку. Хабльят успокаивающе положил руку на предплечье Джо:

— Для вашей безопасности, наверное, будет умнее, если визы оформлю я. Возможно, товэрч задумал какую-нибудь пакость. Кто знает, на что способны эти друиды.— Он вылез из машины.— Подождите меня здесь, не попадаясь никому на глаза. Я вернусь очень быстро.

— Но деньги на проезд...

— Пустое, пустое... Мое правительство предоставляет мне денег больше, чем я способен потратить. Позвольте мне пожертвовать пару тысяч стиплей в фонд легендарной матери-Земли.

Джо откинулся в кресле. Его мучили сомнения. Две тысячи стиплей, которые будут очень кстати, когда придется возвращаться на Землю. Если Хабльят полагает, что тем самым сумеет его связать, то он глубоко ошибается. Скорей бы оказаться подальше от Кайрил, пока дела идут хорошо. Но в таких случаях никогда не обходится без «кви-про-кво», порой довольно неприятного. Он протянул руку к двери и заметил, что за ним наблюдает Джулиам.

Джулиам покачал головой:

— Нет-нет, сэр. Лорд Хабльят сейчас, вероятно, вернется. До его прихода вы должны оставаться в укрытии.

— Хабльят обождет,— вызывающе бросил Джо и выскочил из машины.

Не обращая внимания на ворчание Джулиама, он отошел и направился к станции.

Постепенно раздражение начало проходить, и он вдруг понял, что и впрямь должен бросаться в глаза в своей черно-бело-зеленой ливрее. У Хабльята была отвратительная привычки всегда оказываться правым.

Реклама на стене сообщала:

«КОСТЮМЫ ВСЕХ МИРОВ!
ПЕРЕОДЕНЬТЕСЬ ЗДЕСЬ И ЯВИТЕСЬ
НА МЕСТО НАЗНАЧЕНИЯ
В ПОДХОДЯЩЕМ КОСТЮМЕ».

Джо вошел. Хабльята можно будет увидеть через стеклянную дверь и стену, если тот покинет станцию и направится к машине. Среди персонала лавки находился ее владелец — высокий, костлявый человек неведомой расы с широким восковым лицом и большими глазами, бледно-голубыми и бесхитростными.

— Что угодно милорду?— с почтением в голосе спросил он, явно игнорируя ливрею слуги, которую сдирал с себя Джо.

— Помогите мне избавиться от этого,— обратился к нему Джо.— Я лечу на Балленкарч, так что подберите для меня что-нибудь приличное.

Хозяин лавки поклонился. Изучающим взором он окинул фигуру Джо, повернулся к вешалке и вы-

ложил на прилавок комплект одежды, который заставил клиента выпучить глаза: красные панталоны, узкий голубой жакет без рукавов, широкая белая блуза.

— Вы полагаете, это то, что нужно?— с сомнением в голосе произнес Джо.

— Это типичный балленкарчский костюм, милорд! Типичный для наиболее цивилизованных кланов. Дикари носят шкуры и мешковину.— Лавочник повертел костюм, показывая его со всех сторон.— Сам по себе, наряд не указывает на конкретный ранг. Подвассалы носят слева мечи. Вельможи дворца Вайл-Алана кроме этого надевают черный пояс. Костюмы Балленкарча, милорд, отличаются поистине варварской пышностью.

— Дайте мне серый дорожный костюм и плащ. Я сменю его на балленкарчский по прибытии.

— Как вам будет угодно, милорд.

Дорожный костюм выглядел более привычно. С чувством облегчения Джо застегнул молнии, поправляя оборки на запястьях и лодыжках, потом затянул пояс.

— Как насчет модного мормона?— поинтересовался лавочник

Джо поморщился. Мормоны — отличительный знак кайрильской знати. Солдаты, слуги, крестьяне не имели права носить эти тонкие блестящие украшения. Джо указал не приплюснутый раковинообразный шлем из светлого металла, переливающийся перламутром по краям.

— Вот этот, пожалуй, подойдет.

Тело лавочника приняло форму буквы «г».

— Да, Ваша Боготворимость!

Джо мрачно поглядел на него, затем на выбранный мормон. Блестящий дурацкий шлем, годный только как украшение. В точности такой же, как у экклезиарха Манаоло. Джо пожал плечами, нахлобучил мормон на голову, извлек содержимое карманов ливреи. Пистолет, деньги, бумажник с удостоверением...

— Сколько я вам должен?

— Двести стиплей, Ваша Боготворимость.

Джо протянул ему две бумажки и вышел. Он заметил, что смена ливреи на серый костюм и помпезный мормон оказали влияние и на его настроение: он стал чувствовать себя увереннее, шаг стал значительно тверже.

Хабльят был далеко впереди. Он шел рука об руку с менгом в зеленой униформе с желто-голубой окантовкой. Говорили они очень серьезно и темпераментно. Джо пожалел, что не умеет читать по губам. Затем менг и Хабльят остановились у трапа, ведущего вниз на стоянку. Офицер-менг вежливо кивнул, повернулся и пошел вдоль аркады, Хабльят же с легкостью взбежал по лестнице.

Джо подумал, что было бы неплохо услышать, о чем в его отсутствие будут говорить Хабльят и Джулиам. Если добежать до конца стоянки вдоль аркады; спрыгнуть со стены и незаметно подобраться к машине с тыла...

Еще додумывая эту мысль до конца, он повернулся и бросился бежать по террасе, не обращая внимания на изумленные взгляды прохожих. Спрыгнув на зелено-голубой дерн, Джо пошел вдоль стены, стараясь, чтобы между ним и беззаботно шествующим Хабльятом оставалось как можно больше машин. Добравшись до машины Джулиама, он упал на колени. Джулиам его не заметил — он смотрел на Хабльята.

Хлопнула дверца, и Хабльят благодушно произнес:

— Ну, а теперь, мой друг...— он запнулся на полуслове, затем резко бросил:— Где он? Куда он девался?

— Он ушел,— ответил Джулиам,— почти сразу после вас.

— Будь проклята человеческая непредсказуемость!— заявил Хабльят с резкими интонациями в голосе.— Я же ему ясно приказал оставаться здесь!

— Я напомнил ему о ваших указаниях. Он меня не послушал.

— С человеком, у которого ограничен интеллект, очень трудно иметь дело. Он несокрушим для логических построений. Я тысячу раз предпочел бы бороться с гением. По крайней мере, метод гения мож-

но рассчитать или разгадать. Если Ирру Каметви его увидит, все мои планы рухнут. Упрямый дурак!

Джо обиженно засопел, но держал язык за зубами.

— Пойди посмотри вдоль аркады,— обратился Хабльят к водителю.— Если встретишь, быстрее пришли его обратно. Я буду ждать здесь. Потом позвони Ирру Каметви, он сейчас в консульстве. Себя назовешь Агломом Четырнадцатым. Если он начнет расспрашивать, скажешь, что был агентом Яшионинта, ныне мертвеца, и что у тебя есть важная информация. Он захочет тебя видеть. Добавь, что остерегаешься контрмер со стороны друидов. Скажи, что окончательно установил курьера и что он летит на «Бельзвуроне». Дашь краткое описание этого человека и вернешься сюда.

— Слушаюсь, лорд.

Послышалось шарканье ног шофера. Подождав немного, Джо скользнул назад, пролез под днищем длинного голубого экипажа и поднялся на ноги. Джулиам шел через стоянку. Сделав круг, Джо вернулся к машине и забрался внутрь.

Глаза Хабльята горели, но он произнес беззаботным тоном:

— Ага, вот и вы, молодой человек. Где же вы были? А, понимаю — новый наряд! Очень, очень разумно, хотя, конечно, было весьма неосторожно идти вдоль аркады.— Он полез в кошелек и достал конверт.— Вот ваш билет. Балленкарч через Джинкли.

— Джинкли? Где это?

Хабльят сложил вместе кончики пальцев и стал говорить преувеличенно любезным тоном:

— Вам, вероятно, известно, что планеты Кайрил, Менгер и Балленкарч образуют почти равносторонний треугольник. Джинкли — искусственный спутник в его центре. Кроме того, он расположен в точке пересечения линии Менгер-Сомбоз-Билленд с перпендикулярной ей трассой Фукс-Внешняя система. Джинкли замечателен во многих отношениях. Необычное конструкторское решение, высокий уровень обслуживания пассажиров, знаменитые сады, космополитичность лиц, встречаемых на нем. Наде-

юсь, путешествие вам понравится.

— Надо думать,— согласился Джо.

— На борту будут находиться шпионы,— они здесь действуют повсюду. Шагу нельзя ступить, чтобы не споткнуться о шпиона. В их инструкции касательно вас насилие может входить, а может и не входить. Рекомендую никогда не утрачивать бдительности, хотя, как это хорошо известно, убийца-профессионал ни за что не упустит удобного случая и ваша бдительность особого значения все равно не имеет.

— У меня пистолет,— в голос Джо пробился черный юмор.

Глаза Хабльята могли соперничать в невинности с глазами младенца:

— Отлично. Итак, менее чем через минуту корабль отчалит. Вам лучше подняться на борт. Не могу вас сопровождать, но верю, что вам будет сопутствовать удача.

Джо спрыгнул на землю.

— Спасибо за все,— бесстрастно сказал он.

Хабльят протестующе поднял ладонь:

— Не благодарите, прошу вас. Я рад помочь в беде хорошему человеку. Тем более, что вы можете оказать мне ответную услугу. Я обещал моему другу, балленкарчскому принцу, образец лучшего на Кайрил вереска. Не могли бы вы оказать любезность передать ему вот этот горшочек с сердечным приветом от меня?— Хабльят показал растение в горшочке с землей.— Я положу его вот сюда, в сумку. Пожалуйста, будьте с ним осторожны. Если можно, поливайте его раз в неделю.

Джо принял горшочек с землей и растением. Над полем заревела корабельная сирена.

— Торопитесь,— улыбнулся Хабльят.— Быть может, мы еще когда-нибудь встретимся с вами.

— Всего доброго,— ответил Джо.

Он повернулся и направился к кораблю, готовому к вылету.

От станции к кораблю шли два последних пассажира. Джо оторопело уставился на них. Какие-нибудь пятьдесят футов отделяли его от этой пары. Высокий широкоплечий человек с лицом злобного сати-

ра и тонкая темноволосая девушка. Манаоло и жрица Ильфейн...

Скелет грузовой станции черной паутиной высился в мрачном небе. По расшатанным ступенькам Джо поднялся наверх. Никто не шел следом за ним, никто не наблюдал. Он подошел к антенне локатора, поставил возле нее горшок с растением — так, чтобы тот не был на виду. «Кви-про-кво» Хабльята могло обойтись слишком дорого. Пусть поищет другого курьера...

Джо кисло улыбнулся. «Ограниченный интеллект», «тупоголовые идиоты» — достаточно древние фразы, и предназначаются они обычно для того, чтобы соглядатаи не услышали о себе ничего хорошего. Возможно, так было и в этом случае.

«Я ввязался в плохую историю,— подумал Джо.— Впрочем, плевать. Скорее бы прилететь на Балленкарч...»

С твердостью и энергией, характерными для друидов, Манаоло и Ильфейн пересекли площадку, поднялись по трапу и зашли в люк.

Джо проклял старого Хабльята. Он что, думает, что Джо способен настолько увлечься Ильфейн, чтобы бросить вызов Манаоло?

Джо фыркнул.

«Старый перезрелый ханжа!»

У Джо не было ни малейшей уверенности, что Ильфейн воспримет его как потенциального противника или любовника. А после того как ее касался Манаоло... Мускулы желудка сжались.

«Даже если я забуду о Маргарет, я не рискну на такое,— думал он про себя.— У меня своих забот хватает, не хватало еще приплетать чужие».

На верхней площадке трапа стоял стюард в красной униформе в обтяжку. Ноги его украшал орнамент из рядов золотых лягушек, в ухо был вставлен радиоприемник, а к горлу прикреплен микрофон. Джо еще не встречал представителей этой расы — стюард был широкоплеч, беловолос и с глазами,— зелеными, как изумруды.

Джо испытывал странное волнение. Ему казалось, что товэрч уже знает о его бегстве с планеты и

что сейчас его остановят.

Почтительно наклонив голову, стюард взял билет и предложил пройти. Джо пересек площадку трапа в направлении выпуклого черного корпуса корабля и зашел в затемненную нишу двойного люка.

Там за переносным столом сидел корабельный казначей — второй человек из той же беловолосой расы. Как и на стюарде, на нем был ярко-красный костюм, подобно второй коже обтягивающий тело. Наряд дополняли эполеты и красный головной убор, облегающий череп.

Он протянул Джо книгу:

— Ваше имя и отпечаток пальца, пожалуйста. Исключительно на тот случай, если в полете с вами случится несчастный случай.

Пока казначей изучал его билет, Джо расписался и прижал палец к обведенному квадратику.

— Первый класс. Четырнадцатая каюта. Багаж, Боготворимый?

— У меня его нет;— ответил Джо.— Но надеюсь, на корабле есть лавка, где можно запастись бельем?

— Разумеется, разумеется, Боготворимый! А сейчас, если желаете пройти в каюту, стюард вас проводит.

Джо опустил взгляд на книгу. Как раз над своей подписью он увидел запись, сделанную высоким угловатым почерком:

«ДРУИД МАНАОЛО КИА БОЛОНДЬЕТ».

Еще выше округлыми буквами значилось:

«ЭЛНИЕТЕ БОЛОНДЬЕТ».

Подписалась как жена.

Джо плотно сжал губы.

Манаоло определили в тринадцатую каюту, Ильфейн — в двенадцатую. Ничего странного в этом не было. «Бельзвурон» был транспортно-пассажирским кораблем, и в отличие от больших пассажирских кораблей, которые разлетаются во всех направлениях, особых удобств для пассажиров на нем не предусматривалось. Так называемые «каюты» на самом деле были клетушками с гамаками, выдвижными ящиками,

крохотными ваннами и откидным оборудованием.

Стюард в облегающем костюме, на этот раз люминисцентно-голубого цвета, предложил:

— Сюда, лорд Смит.

Все, что нужно человеку, для того чтобы к нему стали относится с уважением,— это одеть на голову жестяную шляпу... Джо пожал плечами и махнул рукой на капризы судьбы.

Вслед за стюардом он прошел через трюм, где уже спали пассажиры третьего класса, упакованные в гамаки. Затем он миновал столовую-салон. В стене напротив находилось два ряда дверей, и к ней примыкал широкий балкон, на который выходил второй ряд. Последней в верхнем ряду была дверь с четырнадцатым номером.

Когда стюард и Джо проходили мимо двенадцатой каюты, дверь распахнулась и на балкон выскочил Манаоло. Он был бледен, а глаза его выпучились, приобретя странную эллиптическую форму. Он в бешенстве отпихнул плечом Джо, открыл дверь тринадцатой каюты и исчез за ней.

Джо восстановил равновесие, опираясь на перила. На мгновение все мысли вытеснило незнакомое чувство, никогда прежде не возникавшее. Безудержное, безграничное отвращение, какое не удавалось возбудить даже Гарри Креесу.

В дверях своей каюты стояла Ильфейн. Она уже сняла голубую тогу и была в легком белом платье. Темноволосая девушка с узким, живым лицом, а сейчас к тому же искаженным гневом. Их взгляды встретились, и мгновение Ильфейн и Джо стояли неподвижно, не отрывая друг от друга глаз.

Неприязнь в сердце Джо сменилась новым ощущением — волнением, воодушевлением, восторгом. Брови Ильфейн недоуменно поднялись, и девушка приоткрыла было рот, чтобы что-то спросить. Джо встревожился, опасаясь быть узнанным. Их последняя встреча проходила наспех, а сейчас он был другой человек и одежда на нем тоже была другая.

Она повернулась и закрыла за собой дверь. Джо и стюард прошли в четырнадцатый номер, и стюард помог ему забраться в гамак...

5

...Джо проснулся и отчетливо произнес:

— Того, что вы ищете, у меня нет. Хабльят подсунул вам ложную информацию...

Человек в углу каюты застыл, как стоял,— спиной к нему.

— Не двигаться!— предупредил Джо.— Вы на мушке!

Он попытался вылезти из гамака, но сеть удержала его.

Заслышав за спиной возню, пришелец бросил через плечо вороватый взгляд, метнулся к двери и выскочил из каюты, словно призрак.

Джо громко позвал, но ответа не последовало. Высвободившись из сети, он подбежал к двери и выглянул в салон. Никого. И полная тишина.

Джо закрыл дверь. Спросонья он не успел как следует запомнить внешность незнакомца. Запомнилось только, что ночной гость был человек приземистый, коренастый, даже несколько угловатый. Лицо промелькнуло лишь на миг, но Джо успел обратить внимание на пергаментный оттенок кожи, словно под ней струилась кровь ярко-желтого цвета.

МЕНГ.

«Начинается,— подумал Джо.— Чертов Хабльят предоставил мне роль подставной фигуры...»

Он подумал, что надо бы сообщить капитану, которому, будь он друид или менг, не слишком приятно будет узнать, что на его корабле творятся беззакония. Потом Джо решил не делать этого. Собственно, докладывать было не о чем. Подумаешь, какой-то жулик забрался в его каюту. Вряд ли подвергнет капитан психодознанию всех пассажиров лишь для того, чтобы найти вора.

Зевая, Джо потер лоб. Вот и опять он в космосе; возможно, даже на последнем этапе своего пути в открытом пространстве. Если, конечно, Гарри не отправился еще дальше.

Он поднял щиток на иллюминаторе и выглянул в космос. Впереди, по носу корабля, буферный экран абсорбировал встречную радиацию. В то же время

энергия, увеличившая свою плотность и частоту благодаря эффекту Допплера, пополняла запасы топлива.

Перспективы смешались в водовороте, дрейфуя пылинками в луче света. А за кормой царила кромешная тьма, потому что корабль поглощал весь свет. Знакомая картина. Джо закрыл заслонку. Предстояло принять ванну, одеться и поесть.

Он поглядел в зеркало. В глаза бросилась отросшая щетина. Бритвенный прибор лежал на стеклянной полке под откидной раковиной. А когда Джо впервые вошел в каюту, прибор висел на крюке переборки.

Джо отпрянул от стены, сдерживая нервную дрожь. Разумеется, посетитель пришел сюда не для того, чтобы побриться. Он поглядел под ноги и увидел циновку из плетеных медных колец. От нее к водопроводной трубе бежал едва заметный медный проводок.

Джо осторожно взял бритву и отнес ее себе на койку. Продолжением рукоятки была деталь в форме соска, прихваченная к ней металлической лентой. Деталь эта принадлежала блоку узла, черпающего энергию из главного поля корабля.

Джо подумал, что с удовольствием отблагодарил бы Хабльята, столь великодушно спасшего его от товэрча и посадившего на борт «Бельзвурона».

Затем он вызвал стюарда. Вошла молодая женщина, светловолосая, как и прочие члены экипажа. На ней было короткое оранжево-голубое платье, сидевшее, как слой краски. Джо завернул бритву в наволочку и приказал:

— Отнесите это к электрику и пропустите разряд. Это очень опасно, поэтому не прикасайтесь сами и не давайте никому прикасаться. И вот еще что: не могли бы вы мне принести другую бритву?

— Да, сэр.

Женщина вышла.

Приняв наконец ванну, Джо побрился и оделся в лучшее, что мог предоставить его ограниченный гардероб. Затем он вышел в салон. Из-за половинной гравитации приходилось ступать очень осторожно.

В креслах сидели четверо или пятеро пассажиров — мужчины и женщины — и вели неторопливую осторожную беседу.

Некоторое время Джо стоял, наблюдая.

«Странные, неестественные создания,— думал он,— эти существа космического века. Они столь деликатны и церемонны, что общение для них — не более чем способ оттачивать манеры. Они настолько фальшивы, что ничто не может их потрясти больше, чем искренность и непосредственность».

Среди беседующих находились три менга — двое мужчин и женщина. Из мужчин один был стар, другой молод, оба в роскошной униформе, указывающей на их принадлежность к Красной Ветви Менгера. Молодая женщина-менг, обладавшая несколько тяжеловесной красотой, была, очевидно, женой молодого офицера. Черты остальных двух присутствующих — как и людей, управлявших кораблем,— были Джо незнакомы. Они напоминали картинки из волшебных сказок детства. Это были всклокоченные хилые создания, большеглазые и тонкокожие, в ярких просторных одеждах.

Джо спустился по ступенькам на главную палубу. Появился корабельный стюард. Указывая на Джо, он произнес:

— Господа, позвольте представить вам лорда Джо Смита с планеты... с планеты Земля.

Затем стюард представил присутствующих.

— Ирру Каметви,— сказал он, указав на старого офицера-менга.— Ирру Экс Амма и Ирриту Тояй с Менгера.— Он повернулся к сказочным существам:— Пратер Лулай Хасассимасса и его супруга леди Гермина Сильская.

Джо вежливо поклонился и сел в конце длинного ряда кресел. Молодой менг, Ирру Экс Амма, спросил с интересом:

— Правильно ли я расслышал: вы назвали своей родиной планету Земля?

— Да,— почти агрессивно ответил Джо.— Я родился на континенте, называющемся Северной Америкой, на котором и был построен корабль, покинувший Землю.

— Странно,— пробормотал менг, недоверчиво разглядывая его.— Я всегда был склонен считать слухи о Земле не более чем одним из суеверий Космоса, чем-нибудь вроде Райских Лун или Звезды Дракона.

— Земля — не легенда,— возразил Джо.— Могу вас заверить. Когда-то, во времена внешних миграций, войн и программ планетарной пропаганды, случилось так, что факт существования Земли оказался под вопросом. Кроме того, нам очень редко случается путешествовать по вашему удаленному витку Галактики.

Женщина из сказки произнесла писклявым голосом, очень подходившем к ее хрупкому облику:

— И вы утверждаете, что все мы — менги, мы, друиды, биллендцы, управляющие кораблем, фрунзане, таблиты,— все произошли от земной ветви?

— Таковы факты.

— Это не есть абсолютная истина,— вмешался металлический голос.— Друиды — плод Дерева Жизни. Это хорошо разработанная доктрина, а прочие голословные утверждения — ложны!

— Вы имеете право на личную точку зрения,— осторожно ответил Джо.

— Экклезиарх Манаоло Киа Болондьет с Кайрил,— доложил стюард.

Затем последовала пауза и Манаоло произнес:

— Я не только имею право на личную точку зрения, но и обязан протестовать против пропаганды некорректных воззрений.

— Это также ваше право,— пожал плечами Джо.— Протестуйте, если хотите.

Он увидел мертвые глаза Манаоло. Возникло чувство, что между ними двумя невозможно ни человеческое понимание, ни логика. Возможны лишь эмоции и упрямство.

Пришла жрица Ильфейн. Она была представлена компании и молча села рядом с Германой Сильской. Обстановка изменилась. Хотя Ильфейн и обменивалась пустыми любезностями с Германой, не глядя на Джо, все же ее присутствие внесло оживление и остроту.

Джо считал. Восемь вместе с ним. Четырнадцать

кают. Неизвестных пассажиров оставалось шестеро. Один из тринадцати пытался его убить. Менг.

Из второй и третьей каюты вышли и были представлены собравшимся два друида — престарелые святоши с бараньими лицами, летящие с миссией на Балленкарч. С собой они транспортировали раскладной алтарь, который и был немедленно установлен в углу салона. Сразу же вслед за этим жрецы приступили к серии немых церемоний малого обряда Дерева. Манаоло рассматривал их без интереса минуту или две, затем отвернулся.

Оставалось четверо.

Стюард объявил трапезу — первую за этот день.

Появилась следующая пара: двое менгов в штатском — в широких плащах из разноцветного шелка, корсетах и украшенных бриллиантами нагрудниках. Они подчеркнуто вежливо поклонились компании и, как только стюард установил раскладной стол, заняли свои места. Эти пассажиры представлены не были.

«Пятеро менгов,— подумал Джо.— Двое гражданских, двое солдат, женщина. В двух каютах остаются неизвестные пассажиры».

Открылась дверь следующей каюты, и на балконе появилась тощая старая женщина. Голова ее, лысая как яйцо, сплющивалась на макушке. Лицо украшали выпученные глаза и крупный костистый нос. На женщине висела черная пелерина, и каждый палец на обеих руках был унизан драгоценными перстнями.

Дверь каюты номер шесть оставалась закрытой.

Меню, на удивление разнообразное, учитывало вкусы многих рас. Джо разучился привередничать с тех пор, как начал перелетать с планеты на планету. Ему доводилось употреблять в пищу органическую материю всех мыслимых цветов, составов, вкусов и запахов. Порой ему удавалось найти яствам подходящие и привычные названия: папоротники, фрукты, грибы, корни, рептилии, насекомые, рыбы, моллюски, слизюки, споровые коробочки, животные, птицы, но оставалось еще много предметов, которые он не мог ни определить, ни назвать. И то, что их можно есть, он узнал лишь на примере окружающих.

Его место оказалось как раз напротив Манаоло и Ильфейн. Джо заметил, что они не разговаривают друг с другом, и несколько раз ловил на себе ее взгляд — озадаченный, оценивающий, осторожный.

«Она уверена, что видела меня раньше,— подумал Джо,— но не может вспомнить — где...»

После еды пассажиры разделились. Манаоло уединился в гимнастическом зале, примыкающем к салону. Менги впятером уселись за какую-то игру в разноцветные дощечки. Силлиты отправились на прогулку в сторону кормы. Долговязая женщина осталась неподвижно сидеть в кресле, бессмысленно уставившись в темноту. Джо испытал желание позаниматься гимнастическими упражнениями, но мысль о Манаоло удерживала его. В корабельной библиотеке он выбрал фильм и уже собирался вернуться в свою каюту, но...

— Лорд Смит, не могли бы вы со мной поговорить?— низким голосом произнесла появившаяся жрица Ильфейн.

— Разумеется.

— Может быть, пойдем ко мне в каюту?

Джо оглянулся через плечо:

— А ваш супруг не будет в претензии?

— Супруг?— на ее лице появился гнев и презрение.— Наши отношения абсолютно формальны.— Она замолчала, глядя в сторону и явно сожалея о своих словах. Затем вежливо и холодно произнесла снова:— Я бы хотела поговорить с вами...

Ильфейн повернулась и направилась в свою каюту.

Джо тихонько рассмеялся: эта самочка не знает иного мира, кроме того, что у нее в голове, и не подозревает, что намерения окружающих могут расходиться с ее намерениями. Сейчас это забавно, но что будет, когда она повзрослеет? Джо вдруг пришло в голову, что неплохо было бы оказаться с ней вдвоем на необитаемом острове или планете, а после заняться подавлением упрямства и развитием понимания...

Он неторопливо последовал за ней. В каюте жрица села на койку, он — на скамью.

— Итак?

— Вы говорили, что ваша родина — Земля. Мифическая Земля. Это правда?

— Это правда.

— А где находится ваша Земля?

— Ближе к центру, примерно в тысяче световых лет отсюда.

— На что она похожа?— Ильфейн наклонилась вперед, уперев локти в колени и положив на ладони подбородок, и с любопытством поглядела на него.

Джо, неожиданно взволнованный, пожал плечами.

— Вы задали вопрос, на который нельзя ответить одним словом. Земля — очень странный мир. Повсюду древние здания, древние города, древние традиции. В Египте находятся пирамиды, построенные первой цивилизацией человечества, в Англии — цирк из тесаных каменных глыб — Стоунхендж, отголосок почти столь же далеких эпох. В пещерах Франции и Испании, глубоко под землей, остались рисунки, сделанные людьми, недалеко ушедшими от животных, на которых они охотились.

Она глубоко вздохнула.

— Но ваша цивилизация, ваши города — они отличаются от наших?

— Естественно, отличаются. В космосе не бывает двух одинаковых планет. На Земле царит старая культура, зрелая и доброжелательная. Расы давно слились, и я — результат этого смешения. Здесь, во внешних регионах, люди разъединены, замкнуты и поэтому кое-где сохранились очень первозданные виды. Вы, друиды, физически близкие к нам, принадлежите к древней кавказской расе Средиземноморья.

— Но разве у вас нет великого бога — Дерева Жизни?

— В настоящее время сколько-нибудь организованной религии на Земле нет. Мы совершенно свободны и вольны жить так, как нам нравится. Некоторые поклоняются космическому создателю, другие чтут лишь физические законы, управляющие Вселенной. Уже давно никто не молится фетишам, антропоидам, животным или растениям вроде вашего Дерева.

— Вы!..— воскликнула она.— Вы смеетесь над нашим священным учением?

— Извините.

Она поднялась, затем вновь села, подавляя гнев.

— Во многом вы мне интересны,— сказала она задумчиво, словно пытаясь оправдать перед собой свое терпение.— У меня такое чувство, что мы с вами знакомы...

— Я был шофером вашего отца,— сказал Джо, побуждаемый почти садистским импульсом.— Вчера вы и ваш муж собирались меня прикончить...

Она замерла, открыв рот и уставившись на Джо. Затем поникла и откинулась на спинку дивана.

— Вы... вы...

Но взгляд Джо уже привлекло нечто за ее спиной. На полке над койкой стояло растение, идентичное или почти идентичное оставленному им на Кайрил.

Жрица поняла, куда он смотрит.

— Вы знаете?— Это было сказано почти шепотом.— Убейте меня, уничтожьте меня, я устала от жизни!..

Она встала, бессильно уронив руки. Джо поднялся, сделал шаг к ней. Это было похоже на сон: бесследно исчезли логика и здравый смысл, причина и следствие. Он положил ладони на ее плечи. Ильфейн была теплая и тонкая; она вздрагивала, как птица.

— Я не понимаю,— произнесла она хрипло, опускаясь на койку.— Я ничего не понимаю...

— Скажите мне,— столь же хрипло произнес Джо,— какое отношение имеет к вам Манаоло? Он что, ваш любовник?

Она не ответила. Затем сделала слабое отрицательное движение головой:

— Нет, он мне никто. Он послан с миссией на Балленкарч. Я решила, что хочу отдохнуть от ритуалов. Я хотела приключений и не подумала о последствиях. Но Манаоло мне страшен. Он приходил ко мне вчера, и я испугалась!

Джо почувствовал огромное облегчение. А затем, вспомнив о Маргарет, он виновато вздохнул. Тем временем на лице Ильфейн вновь появилось выражение,

свойственное юной жрице.

— Какая у вас профессия, Смит?— спросила она.— Вы шпион?

— Нет, я не шпион.

— Тогда зачем вы летите на Балленкарч? Только шпионы и агенты летают на Балленкарч. Друиды, менги и их наемники.

— У меня личное дело.

Он поглядел на нее, и ему подумалось, что эта пылкая жрица лишь вчера с такой же пылкостью собиралась убить его.

Ильфейн заметила, что он ее разглядывает, и опустила голову с капризной гримасой — кокетливый трюк девицы, осведомленной о своем обаянии. Джо рассмеялся и вдруг застыл, прислушиваясь. Из-за стены доносился скребущий звук. Ильфейн встревоженно оглянулась.

— Это у меня.— Джо вскочил, открыл дверь, пробежал по балкону и распахнул дверь каюты. Там стоял молодой офицер, Ирру Экс Амма, глядя на него и улыбаясь невеселой улыбкой, открывавшей желтые зубы. В руке он держал пистолет, нацеленный Джо в переносицу.

— Назад!— приказал он.— Назад!

Джо медленно попятился на балкон, мельком оглянувшись на салон. Четверо менгов по-прежнему были заняты игрой. Один из гражданских поднял глаза, затем что-то пробормотал партнеру и они разом повернули головы в его сторону. Джо успел заметить глянец на четырех лимонных лицах. И тут же менги вернулись к игре.

— В каюту женщины-друида,— приказал Экс Амма.— Быстро!

Он помахал пистолетом, не переставая широко улыбаться, словно лисица, скалящая клыки.

Джо медленно вернулся в каюту Ильфейн, переводя взгляд с пистолета на лицо менга и обратно.

Ильфейн судорожно вздохнула. Она была в ужасе.

— Аххх!— сказал менг, увидев горшок с торчащим из него прутом, и повернулся к Джо.— Спиной к стене,— сказал он, потом выпрямил руку с писто-

летом и на его лице появилось предвкушение убийства.

Джо понял, что пришла смерть...

Дверь за спиной менга открылась, и послышалось шипение. Менг выпрямился, выгибаясь дернул головой, челюсти его окостенели в беззвучном крике. Через секунду он рухнул на палубу.

В дверях стоял Хабльят с цветущей улыбкой на физиономии.

— Очень сожалею, что причинил вам беспокойство...

Глаза Хабльята замерли на растении, стоявшем на шкафу. Он покачал головой, облизал губы и устремил на Джо стыдливый взгляд:

— Мой дорогой друг, вы послужили инструментом в разрешении очень тщательно составленного плана.

— Если бы вы спросили,— сказал Джо,— хочу ли я пожертвовать жизнью для выполнения ваших планов, вам бы удалось сберечь массу угрызений.

Хабльят блеюще рассмеялся. При этом на его лице не шевельнулся ни один мускул.

— Вы очаровательны. Я счастлив, что вы остались с нами. Но сейчас, боюсь, произойдет скандал.

По балкону уже воинственно маршировали три менга: Ирру Каметви, старый офицер, и с ним — двое гражданских. Ощетинившись как рассерженный пес, Ирру Каметви отдал честь.

— Лорд Хабльят, это вопиющее нарушение! Вы вмешались в действие офицера, находящегося при исполнении служебных обязанностей.

— Вмешался?— запротестовал Хабльят.— Я убил его. А что касается «обязанностей» — с каких это пор беспутный голодранец из Красной Ветви становится в один ряд с членом Ампиану-Женераль?

— Мы выполняем распоряжение Магнерру Ипполито, причем — личное распоряжение. У вас нет ни малейших оснований...

— Магнерру Ипполито, смею вам напомнить,— вкрадчиво начал Хабльят,— подответственный Латбону, в который вместе с Голубой Водой входит и Женераль!

— Стая белокровных трусов!— воскликнул офицер.— Да и прочие из Голубой Воды — тоже!

Женщина-менг, стоявшая на главной палубе и привлеченная происходящим на балконе, вдруг вскрикнула. Затем раздался металлический голос Манаоло:

— Грязные ничтожные собаки!

Он выскочил на балкон — сильный, гибкий и страшный в неукротимом бешенстве. Схватив рукой за плечо одного из штатских, он швырнул его на перила и затем то же самое проделал со вторым. Этим он не удовлетворился и, подняв Ирру Каметви, перебросил его вниз. Совершив замедленный в половинной гравитации полет, Ирру с хрипом растянулся на палубе. Манаоло резко повернулся к Хабльяту, который протестующе поднял руку:

— Минутку, экклезиарх! Прошу не применять к моей несчастной туше силы.

В ответ на эти слова тело друида напряглось, а на свирепом лице не возникло никаких чувств, кроме злобы.

Вздохнув, Джо шагнул вперед и, сделав обманное движение левой рукой, сильно ударил правой. Манаоло упал. Лежа, он уставился на Джо мертвенно-черными глазами.

— Сожалею,— сказал Джо,— но Хабльят только что мне и Ильфейн спас жизнь. Дайте мне высказаться, и я все объясню...

Манаоло вскочил на ноги, без слов бросился в каюту Ильфейн, захлопнул дверь и заперся изнутри. Хабльят повернулся, насмешливо глядя на Джо.

— Вот мы и обменялись любезностями,— бросил он.

— Мне бы хотелось знать, что происходит,— сказал Джо.— А еще больше мне бы хотелось заняться собственными делами. У меня их хватает.

Хабльят с восхищением на лице покачал головой:

— Вы бросаетесь в водоворот событий ради одному лишь вам ведомой цели! Кстати, если бы мы прошли ко мне в каюту, у меня там нашелся бы чудесный напиток, способный помочь вам сбросить напряжение.

— Яд?— поинтересовался Джо.

— Отличное бренди, не более...— на полном серьезе сообщил Хабльят.

6

Капитан корабля собрал пассажиров вместе. Это был высокий, тучный, очень волосатый человек с белым плоским лицом и тонким розовым ртом. На нем красовалась биллендская облегающая форма темно-зеленого цвета, со стеклянными эполетами и алыми кольцами вокруг локтей.

Пассажиры рассаживались в глубокие кресла. Здесь присутствовали два менга в штатском, Ирру Каметви, Хабльят безмятежный и совершенно домашний в просторном халате из тусклой бледной материи; рядом с ним — Джо. Далее сидела тощая женщина в черном платье,— с ее стороны доносился приторно-тошнотворный запах:— не то растительный, не то животный. Далее располагались силлиты; двое друидов, спокойных и уверенных; и наконец Манаоло, в ниспадающем одеянии из светло-зеленого сатина, с золотыми галунами по ногам. Легкий плоский мормон весело сверкал на черных кудрях.

Капитан заговорил — серьезно, отчетливо, взвешивая каждое слово:

— Для меня не секрет, что в отношениях миров Кайрил и Менгер существует напряженность и враждебность. Но этот корабль — собственность Билленда, и мы намерены соблюдать нейтралитет. Сегодня утром произошло убийство. Расследование позволило мне установить, что Ирру Экс Амма был обнаружен в тот момент, когда обыскивал каюту лорда Смита. Будучи обнаруженным, он заставил лорда Смита перейти в каюту жрицы Элниете (под этим именем Ильфейн зарегистрировалась в списках пассажиров), где намеревался убить их обоих. Лорд Хабльят, в похвальном стремлении не дать разгореться межпланетному конфликту, вмешался и умертвил своего земляка Ирру Экс Амма... Остальные менги, выражая протест, подверглись нападению экклезиарха Манаоло, который пытался также напасть на лорда

Хабльята. Лорд Смит, опасаясь, что Манаоло, игнорируя истинную подоплеку событий, причинит вред лорду Хабльяту, нанес ему удар кулаком. Естественно, я верю, что такова подлинная суть происшествия...

Капитан сделал паузу. Все молчали. Хабльят сидел, постукивая пальцами, нижняя губа его расслабленно отвисла. Ильфейн напряженно молчала. Джо чувствовал, что медленный взгляд Манаоло ползет по его лицу, плечам, ногам...

Капитан продолжил:

— Моей уверенности способствует так же то, что главный виновник события, Ирру Экс Амма, наказан смертью. Остальные повинны разве что в излишнем темпераменте. Но допускать подобные эксцессы в дальнейшем я не намерен. Если что-нибудь произойдет, участники будут загипнотизированы и уложены до конца путешествия в гамаки. Согласно традициям Билленда, наши корабли — нейтральная территория, и этот статус мы намерены сохранять и поддерживать. Далее. Скандалы, личные или межпланетные, должны быть отложены до тех пор, пока вы не выйдете из-под моей опеки.— Он грузно поклонился.— Благодарю вас за внимание.

Менги немедленно поднялись, женщина ушла в каюту — выплакаться; трое мужчин вернулись к игре в разноцветные дощечки. Хабльят отправился на прогулку. Тощая дама, сидевшая без движения, глядя в то место, где только что стоял капитан, не пошевелилась. Силлиты пошли в библиотеку. Друиды-миссионеры подошли к Манаоло.

Ильфейн тоже поднялась, потянулась, быстро взглянула на Джо, затем на широкую спину Манаоло. Решившись, она сделала к Смиту несколько шагов и села в соседнее кресло.

— Скажите, лорд Смит, что говорил вам Хабльят, когда вы были в его каюте?

Джо тяжело пошевелился в кресле.

— Жрица, я не испытываю желания переносить сплетни от друидов к менгам и обратно. Но в данном случае мы ни о чем важном не говорили. Он расспрашивал, как я жил на Земле. Его интересовал человек

с планеты, о которой толком никто ничего не знает. Я описал ему несколько планет, на которых мне случалось останавливаться. И еще мы выпили немалое количество бренди. Вот и все, что было в его каюте.

— Я не могу понять, почему Хабльят защитил нас от молодого офицера-менга... Какая ему польза? Он такой же менг, как и остальные, и скорей умрет, чем позволит друидам приобрести власть над Балленкарчем.

— Разве вы с Манаоло отправились в путь для того, чтобы захватить власть над Балленкарчем?

Она посмотрела на него широко раскрытыми глазами, затем забарабанила пальцами по колену. Джо улыбнулся про себя. Предложи кому другому стать неограниченным авторитетом — тот может разозлиться. Но только не Ильфейн.

Он рассмеялся.

— Почему вы смеетесь?— спросила она подозрительно.

— Вы напомнили мне котенка, очень довольного собой, потому что его одели в платье куклы...

Она вспыхнула, глаза жрицы засверкали.

— Так, значит, вы смеетесь надо мной?!

Секунду поразмыслив, он произнес в ответ:

— А когда-нибудь вы смеялись над собой?

— Нет. Конечно, нет!

— Зря. Попробуйте на досуге...

Он встал и вышел в гимнастический зал.

Там Джо до пота поработал на «бегущей дорожке», спрыгнул и, тяжело дыша, уселся на скамейку. Манаоло тихо вошел в зал, обвел глазами потолок, опустил взгляд на пол и медленно повернулся к Джо. Тот встревожился. Манаоло оглянулся через плечо и, сделав три шага, оказался перед Смитом. Он стоял, глядя на него сверху вниз, и лицо его было лицом не человека, а какого-то фантастического призрака из преисподней.

— Ты прикоснулся ко мне руками!— внезапно воскликнул он.

— Прикоснулся?! Я врезал тебе по физиономии...

Рот Манаоло, чувственный, как у женщины, но все же твердый и мускулистый, отвердел еще больше.

Друид сжался, бросился вперед и нанес молниеносный удар. Джо согнулся, в безмолвной боли схватившись руками за низ живота. Манаоло откачнулся и ударил его коленом в подбородок.

Джо медленно рухнул на палубу. Манаоло склонился над ним, в его ладони сверкнул какой-то металлический предмет. В слабой попытке защититься Джо поднял руку — Манаоло отбил ее в сторону. Затем прижал к его носу металлический инструмент и надавил. Два тонких стальных лезвия пронзили хрящик, облачко пудры мгновенно прижгло порезы.

Манаоло отпрыгнул. Уголки рта врезались еще глубже. Повернувшись на каблуках, он бодрой походкой вышел из зала...

7

...— Не так уж плохо,— сказал наконец корабельный врач.— Два шрама останутся на всю жизнь, но их будет почти не видно.

Джо рассматривал свое лицо в зеркало. Синяк на подбородке, пластырь на носу...

— Выходит, я остался с носом.

— Вы остались с носом,— без тени юмора согласился врач.— Хорошо, что я вовремя оказал вам помощь. Эта пудра мне некоторым образом знакома. Своеобразный гормон, ускоряющий рост кожи. Если его не удалить, расщепление кожи идет непрерывно. У вас на лице было бы вскоре три нароста.

— Видите ли,— сказал Джо,— это был несчастный случай. Я бы не хотел понапрасну беспокоить капитана, и надеюсь, вы не будете ему докладывать?

Доктор пожал плечами, повернулся и стал укладывать инструменты.

— Странный несчастный случай, однако...

Джо вернулся в салон. Силлиты изучали игру в разноцветные дощечки, оживленно болтая с менгами. Друиды-миссионеры, склонившись голова к голове над алтарем, вершили какой-то сложный ритуал. Хабльят, удобно развалившись в кресле, с видимым удовольствием разглядывал собственные ногти. Дверь каюты Ильфейн открылась, из нее вышел Ма-

наоло. Бросив на Джо равнодушный взгляд, он стал прохаживаться по салону.

Джо присел рядом с Хабльятом, нежно поглаживая нос.

— Все еще на месте.

Хабльят успокаивающе кивнул.

— Ваш нос, Джо, выглядит не хуже, чем неделю назад. Эти биллендские медики — настоящие чудотворцы. Но на Кайрил, где докторов не существует, применяют примочки из какой-то дряни. Впрочем, рана все равно не заживает. Вы можете увидеть немалое количество лайти с носами из трех островков. Убивать их — любимое развлечение друидов. Вы, похоже, значительно менее огорчены, чем допускают обстоятельства?

— А что, я должен быть безутешен?

— Позвольте объяснить вам этот штрих в психологии друидов. По мнению Манаоло, нанесение раны исчерпывает вопрос. В ссоре между ним и вами с его стороны это было последней реакцией, последним действием. На Кайрил друиды совершают поступки, не боясь ответственности,— во имя Дерева. Это дает им особое чувство непогрешимости. Смею вас уверить, Манаоло будет удивлен и даже оскорблен, если вы захотите продолжить конфликт.

Джо пожал плечами.

— Вы молчите?..— с недоумением произнес Хабльят.— Ни гнева, ни угроз?

Джо улыбнулся.

— Пока что я успел только удивиться. Дайте мне время.

— А, понял! Вас ошеломило нападение, не так ли?

— И даже очень.

Хабльят вновь кивнул. Складки жира, свисавшие с его подбородка, дрогнули.

— Переменим тему. Меня интересует ваше описание друидов до христианского периода.

— Скажите мне,— сказал Джо,— что это за горшок, вскруг которого вся эта суета? Раритет? Или какой-нибудь военный секрет?

Глаза Хабльята широко раскрылись.

— Раритет? Военный секрет? Нет, дорогой друг, клянусь честью! Горшок — самый настоящий горшок, а растение — самое настоящее растение.

— В таком случае откуда этот ажиотаж? И зачем вы мне пытались его навязать?

— Иногда,— задумчиво протянул Хабльят,— в делах планетарных масштабов приходится приносить в жертву удобства одной персоны, чтобы большинство в конечном итоге получило прибыль. Вы везли растение, чтобы послужить приманкой для моих соотечественников, бряцающих оружием, и отвлечь их от друидов.

— Не понимаю. Разве вы служите не одному правительству?

— В том-то и дело. Цель у нас одна — слава и процветание нашей планеты. Но в государственной системе менгов существует весьма странная трещина, разделившая военные касты Красной Ветви и коммерческие сословия Голубой Воды. Это две души одного тела, два мужа одной жены. И те и другие — любят Менгер. Но для проявления этой любви они пользуются разными способами.

Фактически они отвечают лишь перед Латбоном и, что на ступень ниже, перед Ампиану-Женераль. И там и там — сидят представители обоих течений. Часто такая система действует неплохо: порой два разных подхода к одной проблеме идут лишь на пользу. Красная Ветвь прямолинейна и не останавливается перед применением силы. По их мнению, лучший способ решить проблему друидов — подвергнуть планету военной бомбардировке. Мы, сторонники Голубой Воды, заостряем внимание на том, что за этим последуют огромные жертвы, большие разрушения, и даже если в конечном итоге нам удастся покорить орды религиозных фанатиков-лайти, мы уничтожим на Кайрил все, что там есть ценного для нас. Видите ли, помимо сельскохозяйственной продукции, Кайрил поставляет сырье для нашей промышленности, а также изделия, связанные вручную. У нас взаимовыгодный союз, но нынешняя политика друидов — отрицательный фактор. Индустриальный Балленкарч, управляемый друидами, способен серь-

езно нарушить баланс. Красная Ветвь намерена уничтожить друидов. Мы же хотим повлиять на экономику Кайрил: отвлечь ее от Дерева на производство продукции.

— И как вы надеетесь этого добиться?

— Строго между нами, дорогой друг... Мы позволим друидам продолжать интриги.

Джо поморщился, машинально потрогав нос.

— Но этот горшок — каким образом ему удастся вписаться в картину?

— Горшок — это то, что бедные наивные друиды считают самой важной деталью своего плана. Вот почему я склонен считать, что горшок достигнет Балленкарча, даже если для этого мне придется убить еще два десятка туполобых менгов.

— Если вы говорите правду, в чем я сомневаюсь...

— Но, мой дорогой друг, какой же резон мне лгать?

— Кажется, я начинаю кое-что понимать в этом сумасшедшем доме...

8

Джинкли — полиэдр диаметром в одну милю, утопающий в диффузной люминисценции. К нему, как пиявки, присосалась дюжина кораблей, а космос вокруг был густо усыпан блестками. Это смельчаки в скафандрах, чтобы почувствовать величие открытого космоса, рисковали удалиться от поверхности на десять, двадцать, а то и тридцать миль.

Здесь, похоже, не было формальностей с приземлением, что оказалось очень удобно,— к удивлению Джо, привыкшего к тщательным перепроверкам, индексам, резервным номерам, инспекциям, карантинам, паспортам, визам, просмотрам, досмотрам и резолюциям.

«Бельзвурон» ткнулся носом в вакантный порт, состыковался с причалом — вязким мезонным полем — и затих.

Пассажиры в трюме, лежавшие в гипнотическом сне, остались непотревоженными.

— Мы прибыли на Джинкли,— сообщил капитан, вновь поспешно собравший бодрствующих пассажиров,— и останемся здесь на тридцать два часа, пока не примем на борт почту и груз. Некоторые из вас бывали здесь прежде. Думаю, нет необходимости предупреждать вас об осторожности. Для тех, кто посещает Джинкли впервые, сообщаю: он лежит вне планетарной юрисдикции, законы здесь диктует владелец и его управляющий, а их главная задача — посредством всяческих удовольствий и игр извлечь деньги из ваших карманов. Итак, предупреждаю: будьте осторожны в азартных играх. Обращаюсь к дамам: не ходите одни в Парк Ароматов! Это гарантия, что вам будет отказано в платном экспорте. Люди, бывшие на третьем ярусе, согласятся, что это крайне дорого и опасно. Там нередко происходят убийства. Мужчина, увлеченный девицей, самая удобная мишень для ножа. Кроме того, люди, предающиеся сомнительным забавам, снимаются на пленку, которая может использоваться потом в целях шантажа.

Наконец, не рекомендуется настаивать, чтобы вас отвели вниз, на Арену, потому что там вы легко можете быть брошены на ринг и вам придется сражаться с искусными бойцами. Уже в тот момент, когда вы платите за вход, можете оказаться, что на вас пал выбор. Поразительно, как много случайных посетителей (неважно, наркотики тому виной или алкоголь, азарт или бравада) оказались в свое время на Арене. Многие из них были убиты или изувечены. Думаю, предупреждений уже достаточно. Не хочу вас запугивать, тем более что здесь вам могут предоставить много развлечений, не противоречащих закону. Девятнадцать Садов — они известны всей Вселенной. В Целестиуме вы можете пообедать продуктами родной планеты, послушать родную музыку. Магазин вдоль Эспланады предоставит вам все, что пожелаете, по весьма разумной цене. С этими инструкциями я вас отпускаю. До вылета на Балленкарч — тридцать два часа...

Он вышел. Манаоло проводил Ильфейн в каюту. Друиды-миссионеры вернулись к алтарю, видимо, не

имея намерения покидать корабль. По-военному печатая шаг, ушел офицер Ирру Каметви, и с ним — юная вдова. Вслед за ними удалились менги в штатском. Тощая лысая старуха как сидела в кресле, уставясь в другой конец зала, так и осталась сидеть, не отклонясь ни на дюйм. Силлиты умчались, визгливо смеясь и высоко подбрасывая колени.

Хабльят остановился перед Джо, заложив руки за спину.

— Итак, мой друг, вы собираетесь сойти?

— Да,— ответил Джо,— вполне возможно. Хочу посмотреть, что будут делать жрица и Манаоло.

Хабльят качнулся на каблуках.

— Будьте поосторожнее с этим парнем. Это порочный образец мегаломана, доведенный до апогея соответствующим окружением. Никто из нас не способен мнить так о себе, как Манаоло. Он — священный и неприкосновенный. Он не заботится о том, что хорошо, а что плохо. Его интересует лишь одно: что — за Манаоло, а что — против Манаоло.

Дверь тринадцатой каюты открылась. Манаоло и Ильфейн вышли на балкон. Манаоло шел впереди и нес небольшой сверток. Он был одет в охотничью кирасу, из золота и какого-то блестящего металла, и в длинное зеленое платье, расшитое желтыми листьями. Не глядя по сторонам, он спустился по ступенькам и вышел.

Проходя по салону, Ильфейн задержалась, поглядела ему вслед и качнула головой — красноречивый жест несогласия. Только вот с чем?..

Она повернулась и направилась к Джо и Хабльяту.

Хабльят почтительно склонил голову, но она отнеслась к его приветствию довольно холодно и обратилась к Джо:

— Я хочу, чтобы ты меня сопровождал.

— Это приглашение или приказ?

Ильфейн насмешливо подняла брови.

— Это значит, что я хочу, чтобы вы меня сопровождали.

— Прекрасно,— сказал Джо, поднимаясь.— С удовольствием.

Хабльят вздохнул:

— Если бы только я был моложе и стройнее...

— Стройнее,— усмехнулся Джо.

— Ни одной красивой молодой даме не приходилось бы просить меня дважды!

Ильфейн сдержано произнесла:

— Думаю, с моей стороны будет честно предупредить, что Манаоло обещал убить вас, если увидит, что мы разговариваем.

Наступила тишина. Затем Джо произнес голосом, показавшимся ему незнакомым:

— И поэтому вы первым делом приглашаете меня сопровождать вас?

— Вы боитесь?

— Я не герой.

Она резко повернулась и направилась к выходу.

Хабльят с любопытством спросил:

— Зачем же вы так?

Джо был зол.

— Она интриганка! Откуда такая уверенность, что ради нее я пойду на риск и что ради удовольствия ее выгуливать позволю себя пристрелить психованному друиду?

Он смотрел ей вслед, пока темно-синий плащ не скрылся из виду.

— И ведь она права. Я действительно отношусь именно к этой породе идиотов...

Он бросился ей вслед.

Сцепив ладони и грустно улыбаясь, Хабльят проводил его взглядом. Затем, запахнув халат на животе, он уселся в кресло и стал с сонным видом следить за друидами, колдовавшими над алтарем...

Они шли по коридору, вдоль которого выстроились в линию небольшие магазины.

— Слушайте,— сказал Джо.— Кто вы: жрица друидов, которой ничего не стоит лишить жизни человека из простонародья? или просто милое взрослое дитя?

Ильфейн вскинула голову, пытаясь обрести вид значительный и ответственный.

— Я очень важная персона, и придет день, когда

меня назначат Просителем за все графство Кельминстре. Это, правда, маленькое графство, но путь трех миллионов душ к Дереву будет в моих руках.

Джо пытался подавить улыбку.

— А что, без вас им не дойти?

Она рассмеялась и сказала, вновь превращаясь в таинственную девушку:

— О, вероятно! Но я буду следить, чтобы они соблюдали приличия в дороге.

— Беда в том, что скоро вы и сами начнете верить в эту ерунду.

Она помолчала. Потом ехидно поинтересовалась:

— Что это вы все время озираетесь? Неужели этот коридор так интересен?

— Я жду этого дьявола Манаоло,— объяснил Джо.— Для него вполне естественно будет выскочить откуда-нибудь из тени и прирезать меня.

Ильфейн покачала головой:

— Манаоло отправился на третий ярус. С начала путешествия он каждую ночь пытался сделать меня своей любовницей, но я отказала ему. Сегодня он пригрозил, что будет развратничать на третьем ярусе, пока я не уступлю. Я сказала, что пусть сделает одолжение, может быть, тогда он будет поменьше демонстрировать передо мной свое мужское начало. Он ушел от меня в ярости.

— Мне кажется, Манаоло всегда пребывает в состоянии оскорбленного достоинства.

— Он очень вспыльчив. А сейчас давайте пройдем сюда...

Джо схватил ее за руку, резко развернул и, глядя в испуганные глаза, заявил:

— Вот что, юная леди, не сочтите, что я демонстрирую перед вами мужское начало, но я не намерен идти туда или сюда по вашей указке и таскать за вами баулы, как шофер...

Он тут же понял, что слово подобрано неверно.

— Шофер? Ха! Тогда...

— Если вас не устраивает моя компания, то мне самое время уйти.

Через секунду она спросила:

— У вас есть другое имя, кроме Смит?

— Зовите меня Джо.

— Джо, вы замечательный мужчина. И очень странный. Вы меня совсем запутали, Джо.

— Если хотите и дальше идти со мной — будь я шофером, механиком, инженером, плантатором мха, барменом, инструктором по теннису, портовым грузчиком и бог знает кем еще,— давайте войдем в Девятнадцать Садов и посмотрим, продают ли там земное пиво...

Девятнадцать Садов занимали участок в ближайшем массиве — девятнадцать клиновидных секций, примыкавших к центральной платформе, служащей рестораном.

Они нашли свободный столик. К удивлению Джо, перед ними без разговоров поставили пиво в холодных запотевших квартовых кубках.

— Как пожелает Ваша Боготворимость,— коротко сказала Ильфейн.

Джо смущенно улыбнулся.

— Ни к чему заходить так далеко. Это, наверное, особенность друидов — впадать в крайности. Что вам заказать?

— Ничего,— она развернулась в кресле, оглядывая сад.

И в этот момент Джо понял, что волей или неволей, к добру или к несчастью, а он все-таки безумно влюблен. Поняв это, он вздохнул. Маргарет осталась слишком далеко, в тысяче световых лет отсюда.

Он бросил взгляд в коридор, ведущий вдоль всех Девятнадцати Садов. Здесь была представлена флора девятнадцати планет, сохранившая характерные цвета: черный, серый и белый — Келса; оранжевый, желтый и зеленоватый — Заркуса; пастельные зеленые, голубые и желтые тона цветов, растущих на тихой маленькой планете Джонафан, и сотни иных растений: всевозможные зеленые, багряные, красные, небесно-голубые...

Джо замер, наполовину привстав.

— Что случилось?— спросила Ильфейн.

— Этот сад... Или это земные растения, или я — бесхвостая мартышка.

Он вскочил, подбежал к ограждению. Она дви-

нулась вслед за ним.

— Герань, жимолость, петуньи, цинии, розы, итальянский кипарис, тополь, плакучие ивы. И лужайка... и гибикус...— Он посмотрел на табличку:— «Планета Ген. Местонахождение неизвестно».

Они вернулись к столику.

— Вы похожи на больного ностальгией,— капризно заметила Ильфейн.

Джо улыбнулся:

— Я и в самом деле очень болен ностальгией. Расскажите мне что-нибудь о Балленкарче.

Она попробовала пиво, поморщилась и удивленно посмотрела на него.

— Пиво поначалу никому не нравится,— сказал Джо.

— Я не очень-то много знаю о Балленкарче. Еще несколько лет назад он был абсолютно первобытным. Корабли на планету не садились, потому что аборигены занимались людоедством. Но потом нынешний Принц объединил малые племена в единую нацию. Это произошло за одну ночь. Было много крови и жертв. Но с тех пор никого не убивают и корабли могут приземляться в относительной безопасности. Принц взял курс на индустриализацию. Он вывез большое количество машин из Билленда, Менгера, Грабе. Мало-помалу, убивая одних вождей, убеждая других, он подчинил себе весь континент. Как вы могли догадаться, на Балленкарче сейчас отсутствует религия, и мы, друиды, рассчитываем установить контакт с новой промышленной властью на основе взаимного доверия. И нам не придется в дальнейшем зависеть от Менгера. Менгам, естественно, эта идея не по душе, и они...

Ее глаза вдруг округлились. Она рванулась вперед, схватив его за руку:

— Манаоло! О, Джо, он вас не видел!

Оболочка страха, окутавшая его, вдруг исчезла. Нельзя праздновать труса, когда предмет любви боится за тебя.

Джо откинулся в кресле, глядя на Манаоло. Друид, похожий на героя страны демонов, широкими шагами шел по террасе. На его руке висела женщина

с кожей бежевого цвета, в оранжевых панталонах, особо бросавшихся в глаза благодаря голубому платью и такой же накидке. В другой руке Манаоло держал сверток. Черные глаза стрельнули в сторону Ильфейн и Джо, друид равнодушно переменил курс и прогулочным шагом направился к ним, на ходу вынимая из-за пояса стилет.

— Ну вот,— пробормотал Джо, поднимаясь.— Наконец-то!..

Публика, сидевшая в ресторане, бросилась врассыпную. Манаоло остановился в ярде от Джо, и на его лице промелькнула тень улыбки. Он положил сверток на стол, затем легко шагнул вперед и ударил.

Он сделал этот жест очень наивно, словно ожидал, что Джо будет стоять и ждать, пока его зарежут. Джо ждать не стал. Он выплеснул пиво в лицо друиду, ударил кулаком по вооруженной руке, и стилет звякнул об пол.

— А теперь,— рявкнул Джо,— я собираюсь вышибить из тебя дух...

Что и сделал.

Манаоло лежал на полу. Джо, тяжело дыша, сидел на нем верхом. Пластырь, украшавший его нос, был сорван, кровь струилась по лицу и капала на грудь. Рука Манаоло нащупала валявшийся стилет. Со сдавленным хрипом друид вывернулся. Джо перехватил руку, направляя удар в сторону плеча Манаоло.

Друид вновь попытался занести узкое лезвие. Джо выхватил стилет из его руки, проткнул им ухо Манаоло и вонзил острие в деревянный пол, загнав лезвие поглубже несколькими ударами кулака. Затем поднялся на ноги и посмотрел вниз.

Некоторое время Манаоло судорожно, как рыба, бился на полу. Наконец он затих. Равнодушные слуги извлекли стилет, положили друида на носилки и понесли. Бежевая женщина семенила рядом. Манаоло приподнялся, что-то сказал ей. Она подскочила к стойке, схватила сверток, вернулась и положила его Манаоло на грудь.

Джо упал в кресло, схватил пиво Ильфейн и стал жадно пить.

— Джо...— прошептала она.— Вы не ранены?

— Я зол и неудовлетворен. Этот Наполеон — неприятный субъект. Если бы не ваше присутствие, я бы его растерзал. Но...— он скривил в улыбке окровавленные губы,— не могу же я позволить вам смотреть, как соперника раздирают на куски.

— Соперника?— Она была изумлена.— Соперника?!.

— В отношении вас.

— О-о!— произнесла она бесцветным голосом.

— И не говорите мне: «Я царственная всемогущая жрица!»

Она все еще продолжала удивленно смотреть на Джо. Потом сказала:

— Я не думала об этом. Я считала, что Манаоло никогда не был... вашим соперником.

— Мне нужно помыться и во что-нибудь переодеться. Хотите сопровождать меня и дальше или...

— Нет,— ответила Ильфейн все тем же бесцветным тоном.— Я еще посижу здесь. Я хочу подумать.

9

Тридцать один час. «Бельзвурон» готовится к вылету. Пассажиры спешат вернуться на корабль, чтобы контролер успел поставить галочку.

Тридцать один час тридцать минут.

— Где Манаоло?— спрашивает Ильфейн контролера.— Он вернулся?

— Нет, Боготворимая. Это точно.

Джо проводил ее к телефону.

— Госпиталь?— механическим голосом спросила она.— Меня интересует некий Манаоло, который был доставлен к вам вчера. Его выписали?.. Очень хорошо. Но поторопитесь, его корабль готовится к отлету. Вы уже идете в его палату? Большое спасибо!..

Прошло еще некоторое время, затем она вновь поднесла трубку к уху:

— Что? Нет!!!

— Что случилось?

— Он мертв! Его убили!..

Капитан согласился задержать корабль до воз-

вращения Ильфейн из госпиталя. Она помчалась к подъемнику. Джо следовал за ней по пятам.

В госпитале их встретила медсестра биллендской расы — женщина с белыми волосами, увязанными в несколько пучков.

— Вы его жена?— спросила сестра.— Если да, то прошу оказать любезность сделать распоряжения насчет его тела.

— Я не жена. Меня не интересует, что вы будете делать с телом. Скажите, что случилось со свертком, который был при нем?

— В этой палате нет свертка. Я припоминаю, что он приносил с собой какой-то сверток, но сейчас его здесь нет.

— Кто навещал больного?— вмешался Джо.

Последними посетителями Манаоло были три менга, оставившие в регистрационном журнале незнакомые имена. Коридорный служащий вспомнил, что один из них, пожилой мужчина с жесткой армейской выправкой, вышел из палаты со свертком.

Ильфейн с рыданиями упала Джо на плечо:

— Это был горшочек с растением!

Он обнял ее, стал гладить темные волосы.

— И теперь им завладели менги!— с несчастным видом закончила она.

— Простите меня за излишнее любопытство,— сказал Джо,— но что в нем такого важного, в этом горшочке?

Она смотрела на него заплаканными глазами. Потом наконец ответила:

— Второе самое важное во Вселенной живое существо. Единственный живой побег с Дерева Жизни...

Они медленно возвращались на корабль по коридору, выложеннсму голубой плиткой.

— Я не только любопытен, но и глуп,— сказал Джо.— Для чего нужно через все преграды нести побег Дерева Жизни? Разумеется, для того...

Она кивнула:

— Я вам говорила: мы хотим установить союз с Балленкарчем. Религиозный союз. Этот побег, Сын Дерева, был бы священным символом...

— И тогда,— подхватил Джо,— друиды оказались бы в тылу, взяли верх, и Балленкарч превратился бы во второй Кайрил. Пять биллионов убогих рабов, два миллиона пресыщенных друидов, одно Дерево.— Он пытливо посмотрел на нее.— У вас на Кайрил есть кто-нибудь, кто считает, что с вашей системой не все в порядке?

Она бросила на него негодующий взгляд:

— Вы абсолютный материалист! На Кайрил материализм преследуется вплоть до смертной казни.

— Материализм означает распределение прибылей,— улыбнулся Джо.— А может быть — подстрекательство к восстанию...

— Жизнь — это преддверие к вечной славе. Жизнь — попытка найти себе место на Дереве. Трудолюбивые рабочие живут выше других, в Синтии. Лентяи, словно черви, должны ютиться во мгле корней.

— Если материализм — грех, в чем вы не сомневаетесь, то почему тогда друиды жрут, словно боровы? Чем можно объяснить жизнь в такой вызывающей роскоши? Не кажется ли вам странным, что те, кто проповедует материализм, являются противниками всего этого?

— Кто вы такой, чтобы критиковать?— закричала она в гневе.— Вы такой же варвар, как дикари Балленкарча! Будь мы на Кайрил, там уже давно бы пресекли этот дикий бред!

— Чтобы он не повредил местному божеству, не так ли?— презрительно спросил Джо.

Оскорбленная, она не ответила и пошла вперед.

Улыбнувшись про себя, Джо последовал за ней...

В корабле открылся люк.

Ильфейн остановилась на пороге:

— Сын Дерева потерян. Видимо, уничтожен.— Она исподлобья посмотрела на Джо.— Теперь у меня нет причин лететь на Балленкарч. Я должна вернуться домой и сообщить в Коллегию товэрчей.

Джо уныло почесал подбородок. До сих пор он надеялся, что этот аспект проблемы ее не затронет. Наобум, не думая, что она все еще сердится на него, он предложил:

— Но ведь вы покинули с Манаоло Кайрил, чтобы бежать от жизни во Дворце. Товэрчи с помощью своих шпионов проверят каждую деталь смерти Манаоло...

Она испытующе, с незнакомым ему выражением, смотрела на него:

— Вы хотите, чтобы я летела с вами?

— Да.

— Зачем?

— Я боюсь,— сказал Джо с внезапным комком в горле,— что вы слишком сильно на меня повлияли. И особенно меня беспокоит ваша деформированная философия.

— Хороший ответ,— важно заявила Ильфейн.— Ладно, я лечу. Возможно, мне удастся склонить балленкарчцев боготворить Дерево Жизни...

Джо задержал дыхание, чтобы не рассмеяться и не рассердить ее еще раз.

Она обиженно посмотрела на него:

— Я вижу, что вы находите меня смешной?..

10

За столом контролера стоял Хабльят:

— Ага, возвращаетесь? А убийцы Манаоло сбежали с Сыном Дерева?

Ильфейн застыла на месте:

— Откуда вы знаете?

— Дорогая жрица, маленькие камешки, брошенные в воду, посылают большие круги к дальним берегам. Мне думается, я нахожусь гораздо ближе к подлинной сути происходящего, чем вы.

— Что вы имеете в виду?

Люк лязгнул, стюард вежливо произнес:

— Мы отлетаем через десять минут. Госпожа жрица, милорды, могу я попросить вас на время ускорения разойтись по каютам?

11

Джо очнулся от транса. Вспомнив последнее пробуждение, он быстро высунулся из гамака, осматри-

вая каюту. Но он был один, а дверь оказалась плотно закрыта — такой он оставил ее перед сном, а после чего проглотил таблетку и стал смотреть на гипнотизирующие символы на экране.

Он выпрыгнул из гамака, принял ванну, побрился и одел новый голубой костюм, купленный на Джинкли. Потом вышел в коридор на балкон. В салоне было темно. Очевидно, он проснулся слишком рано.

Джо остановился перед тринадцатой каютой и представил, как там, за дверью, лежит теплая и безвольная Ильфейн. Ее темные волосы распустились по подушке, а на лице даже во сне остался отпечаток сомнения и гордой неуступчивости...

Он приложил ладонь к двери — так и подмывало открыть ее. Лишь усилием воли он заставил себя убрать ладонь, повернулся и пошел вдоль балкона. И вдруг замер. На широкой скамье, в наблюдательной нише, кто-то сидел. Джо подошел ближе, всматриваясь в темноту. Хабльят...

Джо спустился по ступенькам.

Хабльят сделал приветственный жест:

— Садитесь, мой друг, и примите участие в моем предобеденном созерцании.

Джо сел в кресло.

— Вы рано проснулись, Хабльят...

— Напротив — никак не могу задремать. Я просидел шесть часов на этой скамье, и вы — первый, кого я вижу.

— А кого вы ждали?

Хабльят придал желтому лицу мудрое выражение.

— Я не ожидал кого-нибудь конкретно. Но несколько удачных вопросов и интервью на Джинкли дали мне понять, что люди не всегда таковы, какими выглядят. Я был удивлен, когда смог рассмотреть деятельность некоторых лиц в новом свете.

Джо со вздохом сказал:

— В конце концов, это не мое дело.

Хабльят погрозил ему толстым пальцем:

— Нет-нет, мой друг! Вы скромничаете. Вы притворяетесь. Не сомневаюсь, что к судьбе прелестной

Ильфейн вы уже не можете оставаться равнодушным.

— Оставим это.. Мне все равно, переправят друиды на Балленкарч свою растительность или нет. Но я не понимаю, почему в их усилиях вы принимаете столь живое участие.— Джо пытливо посмотрел на Хабльята.— Будь я друидом, я бы как следует задумался над этим.

— О, мой дорогой друг,— проблеял Хабльят,— вы мне делаете комплимент! Но я тружусь во мраке. Я иду наощупь. Есть тонкости, которых я еще не уловил. Вы удивитесь, если узнаете о втором лице коекого из наших дорогих спутников.

— Думаю, здесь найдется немало любопытного.

— Возьмите, к примеру, лысую старуху в черном. Ту, что сидит и глядит в пустоту, словно уже давно околела. Что вы о ней думаете?

— Старая ящерица, отталкивающая, но безвредная.

— Ей четыреста двенадцать лет. Ее муж, по моим сведениям, создал эликсир жизни, когда ей было четырнадцать. Она убила его и лишь двадцать лет назад утратила свежесть юности. А до той поры любовники ее исчислялись тысячами, и были они всех видов, размеров, полов, рас, цветов и кровей. Последние сто лет ее диета состояла исключительно из человеческой крови.

Джо откинулся в кресле, потер застывшее лицо...

— Продолжайте.

— Я узнал, что ранг и авторитет одного из моих соотечественников значительно выше, чем я полагал, так что я должен быть осторожнее. Я узнал, что у Принца Балленкарчского на борту есть свой агент.

— Продолжайте.

— И еще я узнал,— я, кажется, о такой возможности упоминал перед вылетом с Джинкли — что потеря цветочного горшка не самая тяжелая драма для друидов.

— Это как же?

Хабльят задумчиво глядел на балкон.

— Вам когда-нибудь приходило в голову,— мед-

ленно произнес он,— что друиды поступили несколько странно, назначив Манаоло миссионером такой степени важности?

— Я полагал, что здесь сыграл роль его ранг. По словам Ильфейн, он очень высок. Экклезиарх, на ступень ниже сеэрча.

— Но друиды не столь глупы и упрямы,— спокойно продолжал Хабльят.— Вот уже почти тысячелетие они ухитряются править пятью биллионами мужчин и женщин, не имея за спиной ничего, кроме огромного дерева. Они не кретины. Без сомнения, Коллегия товэрчей не питала иллюзий насчет Манаоло. Им отлично известно, что это чванливый эгоцентрист. Они решили, что из него получится отличная лошадка для прикрытия. Я же, недооценив их, подумал, что Манаоло сам нуждается в ширме. Для этого я выбрал вас. Но друиды предвидели трудности, которые могла встретить миссия, и предприняли некоторые шаги. Манаоло отправился с фальшивым саженцем, создав вокруг него атмосферу тайны. Настоящий Сын Дерева переправляется другим способом.

— И что это за способ?

Хабльят пожал плечами:

— Могу только догадываться. Возможно, жрица искусно прячет его у себя. Возможно, побег спрятан в багажном отделении — но в этом я сомневаюсь, ведь они знают о квалификации наших шпионов. Я думаю, саженец находится под охраной какого-нибудь представителя Кайрил... Возможно, на этом корабле. Возможно — на другом.

— А дальше?

— А дальше — я сижу здесь и смотрю, не придет ли кто-нибудь усугубить мои подозрения. А дальше — вы пришли первым.

— И какие же выводы вы сделали?

— Никаких. Пока никаких.

Появилась беловолосая стюардесса. Ее руки и ноги, обтянутые костюмом, казались очень тонкими и изящными. Неужели это костюм? Джо впервые разглядел его поближе...

— Джентльмены будут завтракать?

Хабльят кивнул:

— Я буду.

— Мне принесите каких-нибудь фруктов,— попросил Джо. Тут же он вспомнил открытие, сделанное на Джинкли.— Я не смею мечтать, что у вас есть кофе, но...

— Думаю, для вас найдется, лорд Смит,— ответила стюардесса и удалилась.

Джо повернулся к Хабльяту:

— На них почти нет одежды! Это же краска!

Хабльят, казалось, был удивлен:

— Разумеется. А разве вы не знали, что на биллендцах всегда больше краски, чем одежды?

— Нет. Я всегда принимал как само собой разумеющееся, что это одежда.

— Это серьезная ошибка,— наставительно сказал Хабльят.— На чужой планете, имея дело с существом, личностью или явлением, никогда ничего не принимайте как само собой разумеющееся. Когда я был молод, я посетил мир Ксэнчей на Киме и там совершил оплошность, обольстив местную девушку. Восхитительное создание с виноградной веточкой в волосах... Помнится, она уступила с готовностью, но без особого энтузиазма. И вот когда я был почти без сил, она решила прирезать меня длинным ножом. Я запротестовал, и дама была ошарашена. Впоследствии я выяснил, что у ксэнчей лишь замысливший самоубийство имеет право обладать девушкой, минуя брачные узы, и что там нет никого, кто колебался бы в выборе: убить себя самому или уйти в мир снов, умерев в экстазе.

— А мораль?

— Она ясна. Вещи не всегда таковы, какими выглядят.

Развалившись в кресле, Джо размышлял; Хабльят насвистывал фугу из четырех нот, аккомпанируя себе на шести пластинах, висевших у него на шее как ожерелье: при касании каждая из них вибрировала в определенном тоне.

«Очевидно, он что-то знает,— думал Джо.— Или подозревает. Или ему кажется, что он знает то, в чем я замешан. Хабльят как-то сказал, что у меня ограниченный интеллект. Возможно, он прав. Он сделал

уже достаточно намеков. Ильфейн? Нет, он говорил о Сыне Дерева. Какая грандиозная суматоха вокруг растения! Хабльят уверен, что Сын на борту,— это ясно. Ладно, у меня его нет. У него его тоже нет, иначе бы он не говорил так много. Ильфейн под вопросом. Силлиты? Жуткая старуха? Менги? Друиды-миссионеры?..»

Хабльят посмотрел на него в упор. Когда Джо вздрогнул, он улыбнулся:

— Теперь вы поняли?

— Кое-что — да,— сказал Джо.

12

Все пассажиры собрались в салоне, но атмосфера была уже другая. В любом путешествии невозможно обойтись без трений, но здесь личные приязни и неприязни, незаметные прежде на фоне Манаоло, вдруг разом вышли на передний план.

Ирру Каметви, два менга в штатском (как узнал Джо от Хабльята, это были поверенные политического комитета Красной Ветви) и юная вдова — все они уже целый час сидели за столом с разноцветными дощечками, старательно избегая глядеть на Хабльята. Два миссионера сгорбились над алтарем в темном углу салона, бормоча непостижимые заклинания. Силлит бродил по салону. Женщина в черном сидела неподвижно, как мертвец, лишь взгляд ее изредка передвигался на одну восьмую дюйма. Кроме того, примерно раз в течение часа она поднимала прозрачную руку и подносила ее к гладкой до стеклянного блеска голове.

Джо казалось, что он сопротивляется психическим потокам, словно океан — налетающим с разных сторон ветрам. Но главное — это не забыть, что его ждет миссия на Балленкарче.

«Странно,— думал Джо,— всего дни или часы остаются до прилета на Балленкарч, а поручение, которое я должен выполнить, словно потеряло внутреннее содержание. Большую часть эмоций, воли, чувств я вложил в Ильфейн. Вложил? Скорее, это было выжато, вырвано из меня...»

Джо думал о Кайрил, о Дереве, о Дворцах Божественного, сгрудившихся у подножия ствола планетных масштабов, о сутулых пилигримах с пустыми глазами, о том, как они заходят в дупло, бросив взгляд назад, на плоский серый ландшафт.

Он думал о воззрениях друидов, основанных на смерти. Хотя смерть — это не та штука, которой надо бояться на Кайрил. Смерть так же привычна, как, скажем, еда.

Насилие как обычный способ существования, насилие как выход из любого положения. Умеренность — слово, не имевшее значения для мужчин и женщин, не привыкших ограничивать прихоти, будь то излишество или бедность. Он вспомнил все, что знал о Менгере: маленький мир озер и островов с изрезанными берегами, мир людей, склонных к путаным интригам, к архитектурным причудам. Мир кривых мостов, петляющих над реками и каналами, над красивыми уютными аллеями. Мир, озаренный тусклым желтым светом старого маленького солнца. Его фабрики: аккуратные, рентабельные, на специально отведенных промышленных островах. И менги, люди столь же извилистые и хитроумные, как их витиеватые мосты. Один из них — Хабльят, душа которого оставалась для Джо загадкой. А еще среди менгов были пылкие приверженцы Красной Ветви — приверженцы средневековья, как сказали бы о них на Земле.

А Балленкарч? Что о нем известно, кроме того, что это варварский мир, во главе которого стоит Принц, вознамерившийся нахрапом воплотить в жизнь индустриальный комплекс. И где-то на этой планете, среди дикарей юга или варваров севера, должен находится Гарри Креес.

Гарри. Вскружил Маргарет голову и ушел, оставив за собой переполох эмоций, который не мог улечься, пока он не вернется. Два года назад, на Марсе, Джо отставал от него на какие-то часы. Но когда Джо прибыл на Марс, чтобы вернуть Гарри на Землю для выяснения отношений, Гарри уже улетел. Раздраженный отсрочкой, но одержимый своей целью, Джо полетел за ним.

На Тюбане он потерял след, потому что удар мотыги пьяного аборигена отправил Смита на три месяца в госпиталь. Затем месяцы судорожных поисков, неудач, разочарований, и наконец на поверхность всплыло название далекой планеты — Балленкарч. Затем месяцы, ушедшие на путь через Галактику, и теперь Балленкарч лежал по курсу и где-то на нем был Гарри Креес...

И Джо неожиданно решил:

«Черт с ним, с Гарри!»

Потому что Маргарет не владела более его воображением. Потому что теперь это место принадлежало беспринципной шалунье-жрице. Джо грезилось, как он и Ильфейн исследуют древние игровые площадки Земли: Париж, Вену, Сан-Франциско, Долину Кошмара, Черный Лес, Море Сахары...

И Джо спрашивал себя: придется ли это по вкусу Ильфейн? На Земле нет фанатиков-трудяг, чтобы их истязать, убивать или ласкать, как зверушек. Возможно, прав Хабльят: вещи не всегда таковы, какими выглядят. Очень может быть, что он просто создал себе мираж по удобному образцу. Возможно, он просто никогда не представлял себе такие масштабы, в которые помещается эгоизм друидов. Ну и ладно. Тогда это предстоит выяснить.

Хабльят не сводил с него ласкового взгляда.

— Будь я на вашем месте, мой юный друг,— я бы подождал. По крайней мере еще один день. Не думаю, что она уже успела как следует ощутить одиночество. Думаю, что если вы сейчас с мрачным видом появитесь перед ней, это может вызвать лишь неприязнь и она причислит вас к прочим своим врагам. Дайте ей денек отдохнуть, а потом пригласите на прогулку или в спортзал, где она ежедневно проводит по часу...

Джо опять сел на скамью и сказал:

— Хабльят, я не могу вас понять.

— Ах,— печально покачал головой Хабльят,— поверьте, я говорю искренне.

— Вначале, на Кайрил, вы спасли мне жизнь. Затем подставили под удар. Затем...

— Виной тому лишь досадная необходимость.

— Порой мне кажется, что вы симпатичны, дружелюбны...

— Ну конечно!

—...как сейчас, когда вы прочли мои мысли и дали мне отеческий совет. Но я никогда не знаю, что еще вы держите для меня в запасе. Я — словно гусь, предназначенный для Рождественского стола и не способный оценить щедрости хозяина. Вещи не всегда таковы, какими выглядят. Я не питаю иллюзий, что вы откроете мне, на какой убой меня послали...

Хабльят рассмеялся и смущенно помахал ладонью:

— На самом деле я не столь неискренен. Я никогда не стараюсь замаскироваться чем-нибудь, кроме честности. Мое отношение к вам самое искреннее, но соглашусь, что это отношение не остановит меня, если придется пожертвовать вами. И противоречия в этом нет. Личные симпатии и антипатии я отделяю от работы. Теперь вы обо мне знаете все.

— А как я узнаю, когда вы на работе, а когда нет?

Хабльят развел руками:

— На этот вопрос я и сам не в силах ответить.

Но Джо был не так уж неудовлетворен. Он поудобнее устроился на скамье, а Хабльят запахнул халат на толстом животе.

— Жизнь порой очень сложна,— заметил Хабльят.— Она неожиданна и очень многого требует от тебя.

— Хабльят, почему бы вам не отправиться со мной на Землю?

Хабльят улыбнулся:

— Обязательно воспользуюсь вашим предложением, если в Амниану Красная Ветвь одолеет Голубую Воду...

13

Четыре дня назад они покинули Джинкли, и еще трое суток осталось до прилета на Балленкарч. Опершись на перила верхней палубы, Джо прислушивался к медленным шагам Ильфейн. У нее было

бледное, озабоченное лицо и большие, чистые глаза. Она в ожидании приостановилась возле него, словно готовая продолжить путь.

— Хэлло,— бросил Джо и вновь стал смотреть на звезды. Что-то в лице Ильфейн подсказало ему, что она остановилась окончательно.

Она сказала:

— Как раз тогда, когда мне нужно с кем-нибудь поговорить, вы меня избегаете.

Джо проникновенно спросил:

— Ильфейн, вы любили когда-нибудь?

На ее лице отразилось недоумение.

— Я не понимаю...

Джо хмыкнул:

— Всего лишь земная абстракция. С кем вы живете на Кайрил?

— А-а-а... С тем, кто мне интересен. С тем, с кем хочется, кто дает мне почувствовать свое тело.

Джо опять повернулся к звездам.

— Суть несколько глубже...

Ее голос неожиданно стал тихим и серьезным:

— Я очень хорошо вас понимаю, Джо.

Он повернул голову. Ее алые, как вишни, губы, ее живое лицо... Темные глаза горели. Он поцеловал ее — словно измученный жаждой обрел источник.

— Ильфейн...

— Да?

— На Балленкарче... мы повернем и полетим назад, на Землю. Больше не будет ни интриг, ни тревог, ни смертей. На свете есть столько мест, которые я хочу показать тебе. Столько древних мест на древней Земле, сохранивших свою первозданную прелесть...

Она вздрогнула в его руках.

— Джо, у меня ведь свой мир. И есть ответственность перед ним.

Джо горячо произнес:

— На Земле ты поймешь, что все это — подлая мерзость. Это так же низко для друидов, как и для жалких рабов-лайти.

— Рабов? Они служат Дереву Жизни. Мы все так или иначе служим Дереву Жизни.

— Дереву Смерти!

Ильфейн тихо высвободилась.

— Джо, я не могу тебе этого объяснить. Мы связаны с Деревом. Мы его дети! Ты не понимаешь и не знаешь великой истины. Существует лишь одна Вселенная — Дерево! А лайти и друиды служат ему в бухте посреди языческого космоса. Когда-нибудь все переменится. Все люди станут служить Дереву! А мы возродимся из праха, мы будем служить и трудиться, и в конце концов станем листьями в ночном сиянии. Каждый на своем месте. Кайрил станет святым местом Галактики...

— Это растение,— возразил Джо,— огромное, но все же растение, в ваших умах занимает больше места, чем все человечество. На Земле подобную штуку мы бы срубили на дрова. Впрочем зачем? мы бы опоясали его спиральной лестницей и водили бы по ней экскурсии, а на верхушке продавали бы горячие сосиски. И содовую. Мы бы ему не позволили нас гипнотизировать.

Она его не слушала.

— Джо, ты можешь стать моим любовником. И мы будем жить на Кайрил, служить Дереву и убивать его врагов...— Она замерла на полуслове, удивленная выражением его лица.

— Это не годится. Мы слишком разные. Я вернусь на Землю. А ты останешься здесь. Найдешь себе другого любовника, чтобы он убивал для тебя врагов. И каждый из нас будет делать то, что ему больше по душе. Не спрашивая других.

Она отвернулась и, прислонившись к перилам, стала смотреть на звезды.

— Ты любил когда-нибудь другую женщину?— спросила она.

— Ничего серьезного,— солгал Джо.— А ты? У тебя были любовники?

— Ничего серьезного...

Джо мрачно посмотрел на нее. На ее лице не было и тени юмора. Он вздохнул. Земля -- это вам не Кайрил.

— Что ты думаешь делать, когда мы прилетим на Балленкарч?—поинтересовалась она.

— Не знаю, еще не думал. Но никаких дел ни

с менгами, ни с друидами у меня не будет, это уж точно! Деревья и империи меня интересуют меньше всего. У меня и своих дел достаточно...— он говорил, его голос становился все тише, и наконец Джо замолчал.

Он как бы со стороны увидел себя в погоне за Гарри Креесом. До сих пор, думая только о Маргарет: на Юпитере, на Плутоне, Альтаире, Веге, Гинизаре, Полярисе, Тюбане, даже совсем недавно, на Джемивьетте и Кайрил,— он не видел в своем путешествии ничего донкихотского, ничего смешного.

Сейчас образ Маргарет растворился в памяти. Но иногда он словно слышал ее звонкий смех. Внезапно он подумал, что в рассказе о его приключениях она найдет много забавного, неправдоподобного, такого, что может ее разочаровать...

Ильфейн с любопытством следила за его лицом. Он вернулся к действительности. Странно, насколько реальна эта жрица, в противоположность тем, о ком он думал все это время. Ильфейн действительно не нашла бы ничего смешного в том, что человек ради любви к ней отправился бы скитаться по Вселенной. Напротив — ее бы возмутило, если бы он отказался.

— А зачем ты летишь на Балленкарч?— бросила она в сторону Джо.

— Надеюсь повидать Гарри Креесса.

— А как ты его собираешься повидать на Балленкарче?

— Не знаю. Начну поиски на цивилизованном континенте.

— Среди балленкарчцев нет цивилизованных.

— Значит, на варварском континенте,— спокойно произнес Джо.— Насколько я знаю Гарри, он обязательно будет в гуще событий.

— А если он мертв?

— Тогда я поверну назад и со спокойной совестью отправлюсь домой...

«Гарри мертв?— переспросит Маргарет и возмущенно вскинет круглый подбородок.— В таком случае, ему не повезло. Возьми меня, мой рыцарь-возлюбленный, и умчи на своем белом космоботе...»

Он украдкой бросил взгляд на Ильфейн и впер-

вые обнаружил в ее руке кадило, источающее терпкий цветочный аромат. Ильфейн вызывала удивление и наводила на раздумья. К жизни и к чувствам она относилась серьезно. Конечно, Маргарет шла по жизни легче и смеялась легче, и не испытывала желания уничтожать врагов своей религии. Джо рассмеялся. Маргарет, наверное, даже слова такого не знает.

— Почему ты смеешься?— подозрительно спросила Ильфейн.

— Я думаю о старом друге...

14

Балленкарч! Планета свирепых серых бурь и яркого солнца. Мир фиолетовых равнин и каменных балюстрад, уходящих в небо. Мир пламенных рассветов, дремучих лесов, саванн с травой по лодыжку — с самой зеленой травой на свете! и медленных рек, текущих по низинам.

В южных широтах джунгли теснятся, умирают, превращаясь в перегной, наслаивающийся миля за милей, пока толща гнили не начинает губить растительность.

А по горным перевалам, по лесам, по равнинам кочуют туземцы, растекаясь половодьем ярко расцвеченных кибиток. Местные жители — крупные пышноволосые люди, в доспехах из стали и кожи, не жалеющие крови на дуэлях и вендеттах. Они живут в эпической атмосфере набегов, резни, сражений с двуногими животными джунглей. Их оружие — мечи, пики, небольшие баллисты, стреляющие камнями в кулак величиной. За тысячелетия, прошедшее после разрыва с Галактической цивилизацией, их язык стал неузнаваем, а пиктография вытеснила письменность...

«Бельзвурон» сел на зеленую равнину, залитую солнцем. В небе, над кораблем и сине-зелеными деревьями, нависла радуга.

Неподалеку находился неуклюжий павильон из бревен и рифленого металла, служивший, видимо,

складом и залом ожидания. Когда «Бельзвурон» окончательно затих, по траве, переваливаясь, подъехала маленькая повозка на восьми поскрипывающих колесах и остановилась возле корабля.

— Где город?— спросил Джо у Хабльята.

— Принц не позволяет садиться вблизи крупных поселений — опасается работорговцев. На Фруне и Перкине велик спрос на сильных телохранителей из балленкарчцев.

Порт был открыт всем ветрам, и в корабль проникал свежий воздух, пропитанный ароматом влажной травы.

В салоне стюард объявил:

— Желающие могут высадиться. Просим вас не удаляться от корабля, пока не будет организован транспорт в Вайл-Алан.

Джо поискал глазами Ильфейн. Она о чем-то горячо спорила с друидами-миссионерами, и те внимали с выражением тупого упрямства на лицах. Ильфейн взбесилась, отвернулась от них, побледнев, и пошла к выходу. Друиды направились следом, о чем-то вполголоса переговариваясь.

Ильфейн приблизилась к кучеру восьмиколесного экипажа:

— Я хочу добраться до Вайл-Алана.

Кучер равнодушно поглядел на нее.

Хабльят взял Ильфейн за локоть:

— Жрица, аэрокар позволит всем нам добраться гораздо быстрей, чем эта повозка.

Она высвободилась и быстро отошла в сторону. Хабльят приблизился к кучеру, который шепнул ему несколько слов. Лицо менга еле заметно изменилось: дернулся мускул, напряглись челюсти. Заметив, что Джо за ним наблюдает, он сразу же стал равнодушным и серьезным, как кучер.

— Как известия?— спросил ехидно Джо, когда Хабльят отошел от повозки.

— Очень плохие,— отозвался Хабльят.— В самом деле, очень плохие.

— Что так?

Хабльят помедлил, затем заговорил, причем в таком искреннем тоне, что Джо опешил.

— Мои противники на родине, в Латбоне, оказались значительно сильнее, чем я предполагал. В Вайл-Алан прибыл сам Магнерру Ипполито. Он добрался до Принца и, видимо, сообщил ему кое-какие неприятные детали о друидах. Мне сообщили, что планы кафедрального собора провалились, и Ванбрион, субтовэрч, находится под усиленной охраной.

Джо хмуро посмотрел на него:

— А вы разве не этого добивались? Уж друиды, я полагаю, не стали бы советовать Принцу сотрудничать с менгами.

Хабльят печально покачал головой:

— Мой друг, вас также легко ввести в заблуждение, как и моих воинственных соотечественников.

— Надеюсь все же, что не так легко.

Хабльят развел руками:

— Это же так очевидно!

— Сожалею.

— Друиды рассчитывают освоить Балленкарч. Мои соотечественники-оппоненты, зная об этом, рвутся противостоять их клыкам и зубам. Они не видят подтекста, не учитывают возможных случайностей. Они считают так: поскольку друиды что-то затеяли, нужно с ними противоборствовать в любом их начинании. И при этом способами, которые, по моему мнению, могут оказать Менгеру серьезный ущерб.

— Я догадываюсь, к чему вы клоните, но не понимаю, как это действует.

Хабльят глядел на него, явно забавляясь:

— Мой дорогой друг, человеческое благоговение вовсе не безгранично. Можно считать, что лайти на Кайрил возвели Дерево в абсолютный закон. Теперь представьте, что произойдет, если они узнают о существовании другого священного Дерева.

Джо улыбнулся:

— Их почтение к первому Дереву вдвое уменьшится.

— Разумеется. Я не в силах предугадать, насколько именно уменьшится почтение, но в любом случае это будет весьма ощутимо. Сомнение и ересь найдут поддатливые души, и друиды вдруг обнаружат, что лайти уже не столь безответны и безразлич-

ны. Сейчас они связали себя с Деревом. Оно — их собственность, причем собственность уникальная, единственная во Вселенной. И вдруг оказывается, что друиды на Балленкарче выращивают еще одно Дерево. Идут слухи, что это делается по политическим соображениям...— Хабльят многозначительно поднял брови.

— Но друиды,— сказал Джо,— контролируя эти новые отрасли промышленности, могут взять верх в кредитных поставках.

— Мой друг,— покачал головой Хабльят,— потенциально Менгер — слабейший из трех миров. И в этом все дело. Кайрил имеет людские резервы, Балленкарч — сельскохозяйственные продукты, минеральное сырье и агрессивное население с воинственными традициями. В любом случае в союзе двух миров Балленкарч превратится в мужа-каннибала, пожирающего собственную супругу. Возьмем друидов — эпикурейцев, развращенных властелинов пяти биллионов рабов. Представим, что они берут верх над Балленкарчем. Смешно? Через пятьдесят лет балленкарчцы в шею вытолкают товэрчей из их дворцов и спалят Дерево Жизни на победном костре. Рассмотрим альтернативный вариант: Балленкарч связан с Менгером. Последует тяжелый период. Выгоды не будет никому. А сейчас у друидов нет выбора: впряглись в ярмо — работайте. Балленкарч решил развивать промышленность,— следовательно, и друидам на Кайрил придется строить фабрики, вводить образование. Старое минует безвозвратно. Друиды могут потерять, а могут и не потерять бразды правления. Но Кайрил останется развитой промышленной единицей и послужит естественным рынком для продукции менгов. Без внешних рынков, какими могут быть Кайрил и Балленкарч, наша экономика ослабеет. Мы могли бы их завоевать, но можем и погореть на этом.

— Все это я понимаю,— медленно проговорил Джо,— но это ничего не дает. Так чего же вы добиваетесь?

— Балленкарч самообеспечивается. В то же время ни Кайрил, ни Менгер не могут существовать в

одиночестве. Но как видите, нынешний приток богатства друидов не удовлетворяет. Они хотят больше и надеются добиться этого, контролируя промышленность Балленкарча. Я хочу, чтобы этого не произошло. И я хочу, чтобы не возникло сотрудничества между Кайрил и Менгером, которое на данном этапе было бы противоестественным. Я мечтаю увидеть на Кайрил новый режим: правительство, предназначенное улучшить производительные и покупательные возможности лайти; правительство, предназначенное создать с Менгером гармоничный альянс.

— Плохо, что три мира не в силах сформировать единый союз.

— Эта идея весьма удачна,— Хабльят печально вздохнул,— но она рушится перед лицом трех обстоятельств. Первое — текущая политика друидов. Второе — большое влияние Красной Ветви на Менгере. И третье — намерения принца Балленкарчского. Избавьте нас от всего этого, и такой союз станет возможным. Я первым тогда подниму руку «за». А почему бы и нет?

Последнее Хабльят пробормотал как бы про себя, и на мгновение из-за желтой вежливой маски показалось лицо очень усталого человека.

— Что с вами теперь будет?

Хабльят скорбно поджал губы:

— Если мой авторитет погибнет, я, естественно, покончу с собой. Не глядите так недоверчиво. Это обычай менгов, традиционный способ выразить неодобрение. Я боюсь, что мне недолго осталось жить в этом мире.

— А почему бы вам не вернуться на Менгер и не пересмотреть политические позиции?

Хабльят покачал головой:

— А это уже не наш обычай. Можете улыбаться, но вы забываете, что существование общества сопряжено с четкими установками, которые должны соблюдаться.

— Сюда летит аэрокар. Будь я на вашем месте, то вместо того чтобы рассусоливать о самоубийстве, попытался бы переманить на свою сторону Принца. Похоже, он — ключевая фигура. Друиды и менги в

сравнении с ним отходят на второй план.

Хабльят опять покачал головой:

— Нет, только не Принц. Это сомнительная личность: помесь бандита, шута и мечтателя. Для него обновление Балленкарча не более чем игра...

15

Приземлился аэрокар. Это была небольшая брюхатая машина, которой вряд ли повредила бы покраска. Из нее вышли двое рослых мужчин в красных штанах до колен, просторных голубых жакетах и черных кепи. Они были олицетворением высокомерия, свойственного военной элите.

— Лорд Принц шлет приветствие,— сообщил один из них биллендскому офицеру.— Он считает, что среди пассажиров должны быть иностранные агенты, и поэтому те, кто сейчас высадится, будут представлены ему лично.

На этом разговор и кончился.

В машину поместились Ильфейн и Хабльят, миссионеры впихнули в нее переносной алтарь и залезли сами, за ними последовали менги, не сводящие с Хабльята свирепых взглядов, и наконец Джо. Силлиты и старуха в черном не покинули корабля. Видимо, они остались продолжать полет на Каллерган, Билленд или Сил.

Джо прошел вперед и опустился в кресло возле Ильфейн. Она повернула к нему лицо, на котором, казалось, внезапно умерла юность.

— Что вы от меня хотите?

— Ничего. Вы на меня сердитесь?

— Вы — шпион менгов.

Джо через силу рассмеялся:

— О! Это потому, что я общаюсь с Хабльятом?

— Зачем он вас послал? Что вы должны мне передать?

Вопрос уложил его на лопатки. Открывалась широкая перспектива для умозаключений. Неужели возможно, чтобы Хабльят воспользовался им для того, чтобы он передал его соображения Ильфейн, а следовательно, и друидам?

— Не знаю,— сказал он,— хотел Хабльят вам что-нибудь передать или нет. Но он мне рассказал, почему помогал привезти на планету ваше Дерево.

— Прежде всего,— едко заметила она,— у нас нет больше Дерева. Его украли на Джинкли.— Ее зрачки расширились, и она посмотрела на него с внезапным подозрением.— А причем здесь вы? Может быть, вы тоже...

— Вы твердо решили думать обо мне самое плохое,— вздохнул Джо.— Ну что ж... Не будь вы столь дьявольски прекрасны, я думал бы о вас в два раза хуже. Вы рассчитываете, что, явившись к Принцу с двумя мордастыми друидами, сумеете его обвести вокруг пальца как мальчишку. Что ж, может быть и так. Я очень хорошо знаю, что вы не остановитесь ни перед чем. Но сейчас я собираюсь выложить вам все, о чем мне говорил Хабльят. Можете делать с этой информацией все, что хотите.— Он посмотрел на нее, ожидая ответа. Но она отвернулась к окну.— Он считает так: если миссия удалась, то вы с вашими друидами со временем станете плясать под дудку этих чокнутых балленкарчцев. Если не преуспеете... что ж, лично для вас менги еще могут организовать какую-нибудь гадость, но рано или поздно вы обязательно выйдете вперед.

— Уходите,— сдавленным голосом произнесла она.— Каждое ваше слово причиняет мне боль. Уходите.

— Ильфейн! Оставьте вы эту кучу-малу из друидов, менгов и Дерева Жизни! Я заберу вас на Землю. Если покину эту планету живым...

Она повернулась к нему затылком.

Машина зажужжала, завибрировала и поднялась в воздух. Земля осталась внизу. На горизонте появились большие горы с вершинами, блистающими снегом и льдом. Позади оставались луга, покрытые необычайно зеленой травой. Они пересекли гряду. Машина судорожно дернулась, мелко затряслась и пошла на посадку в сторону моря.

На берегу этого моря находилось поселение, видимо, основанное недавно и потому недостроенное. Центр города представлял собой три крупных дома и

дюжину больших прямоугольных зданий. У зданий были стеклянные стены и крыши, покрытые блестящими плитками металла. В миле от города находился лесистый мыс, на котором и приземлилась машина.

Дверь открылась.

Один из балленкарчцев коротко сказал:

— Сюда.

Джо спустился вслед за Ильфейн и увидел впереди низкое, длинное здание со стеклянным фасадом, выходящим одновременно на море и на равнину. Балленкарчский капрал сделал повелительный жест в сторону здания и безоговорочным тоном произнес:

— В резиденцию.

Размышляя, что эти солдаты вряд ли способны сослужить хорошую службу доброй воле, Джо направился к зданию. С каждым шагом нервы натягивались все сильнее. Атмосферу вряд ли можно было назвать дружеской. Он заметил, что напряжение охватило каждого. Ильфейн продвигалась вперед на негнущихся ногах. На оскаленных зубах Ирру Каметви играл желтый глянец.

Джо также заметил, что Хабльят что-то настойчиво втолковывает друидам-миссионерам. Те неохотно его слушали. Хабльят повысил голос, и Джо расслышал слова:

— Какая разница? У вас появится хотя бы шанс. Какое вам дело до моих мотивов?

В конце концов друиды, видимо, уступили. Хабльят прошел вперед и громко заявил:

— Стойте! Подобная наглость не может более продолжаться!

Двое стражников в изумлении обернулись к нему. Лицо Хабльята было злым:

— Идите и приведите хозяина! Мы не намерены сносить оскорбления!

Балленкарчцы, сбитые с толку, растерянно хлопали глазами.

Ирру Каметви ощетинился:

— Чего вы боитесь, Хабльят? Вы хотите скомпрометировать нас в глазах Принца? Перестаньте болтать!

— Он должен запомнить, что у менгов есть чувство собственного достоинства,— ответил Хабльят.— До тех пор пока он удосуживается встречать нас подобным образом, мы не двинемся с места!

— Тогда оставайтесь!— презрительно рассмеялся Каметви.

Он завернулся в алый плащ и пошел в сторону резиденции. Балленкарчцы посовещались, и один из них отправился вместе с менгом.

Второй смерил Хабльята свирепым взглядом:

— Жди теперь, когда Принцу сообщат!

Когда уходившие завернули за угол, Хабльят лениво выпростал руку из-под мантии и разрядил трубку в сторону стражника. Глаза балленкарчца затянулись молочной пленкой, и он рухнул на землю.

— Всего лишь оглушен,— объяснил Хабльят Джо, который возмущенно повернулся к нему.— Быстрее!— приказал он друидам.

Задрав рясы, друиды побежали к ближайшему берегу Инеа. Один из них проковырял жезлом дырку в мягкой грязи, второй открыл алтарь и вытащил миниатюрное Дерево в горшке.

— Вы, двое!— услышал Джо сдавленный крик Ильфейн.

— Молчать!— рявкнул Хабльят.— Придержите язык, если не разучились соображать! Они архитовэрчи, оба!

— Манаоло — болван!..

В ямку опустили корешки. Утрамбовали землю вокруг. Потом друиды сложили алтарь, отряхнули руки и вновь превратились в монахов с постными рожами.

А Сын Дерева, купаясь в теплом желтом свете, уже стоял на земле Балленкарча. Если не приглядываться, его легко можно было спутать с молодым обычным ростком.

— А теперь,— безмятежным голосом произнес Хабльят,— можно и в резиденцию...

Ильфейн глядела на него, на друидов, и в глазах ее были унижение и гнев.

— Все это время вы смеялись надо мной!

— Нет-нет, жрица,— поднял руки Хабльят.—

Умоляю вас, успокойтесь! Вам понадобится вся ваша выдержка, когда мы предстанем перед Принцем. Поверьте, вы сослужили очень полезную службу!

Ильфейн резко повернулась, словно хотела уйти в сторону моря, но Джо удержал ее. Секунду она напряженно смотрела ему прямо в глаза, затем расслабилась:

— Хорошо, я иду.

На полпути они встретили шестерых солдат, посланных за ними. Никто из солдат не заметил неподвижно лежащего стражника.

На входе последовал обыск — быстрый, но столь подробный, что вызвал гневные протесты друидов и возмущенный визг Ильфейн. Изъятый арсенал выглядел внушительно. У друидов отобрали ручные конусы, а у Хаблята — трубку-станнер и кинжал с выкидным лезвием, у Джо — пистолет, а у Ильфейн — полированный пистолет-трубку, которую она прятала в рукаве.

Вернулся капрал и сообщил:

— Вам дозволено пройти в резиденцию. Смотрите, не нарушайте норм приличия!

Миновав вестибюль со стенами, разрисованными гротескными, почти демоническими фигурами животных, они вошли в большой зал. Потолки зала были из толстых тесаных бревен, а стены занавешены гобеленами. Вдоль стен рядами стояли кадки с красными и зелеными растениями, а на полу лежал мягкий древесноволокнистый ковер.

Против входа находился помост, огражденный по бокам перилами из ржаво-красного дерева, а на нем — сиденье, напоминающее трон, из того же дерева. В данный момент трон был пуст.

В комнате вдоль стен стояли двадцать или тридцать мужчин — рослых, загорелых, бородатых. Едва ли им привычна была крыша, находившаяся над головой. У одних были красные штаны до колен, блузы разных цветов; у других — короткие меховые пелерины из черного густого меха, наброшенные на плечи. Но у каждого на поясе висела короткая тяжелая сабля, и каждый недружелюбно рассматривал пришельцев.

В стороне от помоста кучкой стояли менги из Красной Ветви: Ирру Каметви в резком тоне разговаривал с женщиной; два функционера, полуотвернувшись, молча слушали.

В зал вошел церемониймейстер с длинным латунным горном и сыграл великолепную музыкальную фразу. Джо слегка улыбнулся. Как в театральной комедии: воины в ярких униформах, помпа, церемонность...

И вновь фанфары: тан-тара-тантиви! Резко, волнующе!

— Принц Вайл-Алан! Правитель-владетель всего Балленкарча!

Светловолосый мужчина быстро взошел на трон и уселся. У него было округлое худощавое лицо и веселые складки вокруг рта. Руки Принца все время находились в движении, и он сразу создал вокруг себя атмосферу жизнерадостности и безрассудства. Благоговение толпы вылилось в слитном: «Аааааах!»

Джо медленно, без удивления покачал головой:

— Черт меня побери!..

Гарри Креес быстро обвел глазами комнату. Взгляд скользнул по Джо, прошел мимо, задержался, вернулся назад. Минуту Принц изумленно смотрел на Джо.

— Джо Смит?! О небо! Как ты здесь очутился?!

Это был момент, ради которого Джо пролетел тысячу световых лет. Но теперь его мозг отказывался функционировать. Джо, запинаясь, проговорил слова, которые повторял два года, которые пронес через тоску, тяжелый труд, опасности; слова, которые были выражением навязчивой идеи:

— Я пришел, чтобы забрать тебя!

Он заставил себя сказать это. Заставил почти самовнушением. Но слова были сказаны, и на подвижном лице Гарри появилось восхищение.

— Забрать меня? Весь путь — только чтобы забрать меня?!

— Да...

— Забрать меня! Зачем?— Гарри откинулся назад, и его широкий рот растянулся в ухмылке.

— На Земле ты оставил неоконченным одно дело.

— Не знаю, не знаю... Тебе придется долго меня убеждать, чтобы заставить вернуться или просто сдвинуться с места.— Он повернулся к долговязому стражу, стоявшему с каменным лицом:— Этих людей обыскали на предмет оружия?

— Да, Принц.

Гарри вновь повернулся к Джо с гримасой шутливого извинения на лице:

— Во мне слишком многие заинтересованы. Я не могу не учитывать очевидного риска. Но ты сказал, что хочешь вернуться и вернуть меня на Землю. Зачем?

«ЗАЧЕМ?»

Джо задал себе этот вопрос. Зачем? Да потому, что Маргарет убедила себя, будто влюблена в Гарри, а Джо считал, что она влюблена в мечту. Джо думал раньше: «Если Маргарет побудет с Гарри месяц, а не два дня; если она день за днем посмотрит на его жизнь; если она поймет, что любовь — это не серия взлетов и падений, как на американских горках, а брак — не череда веселых проделок...»

Короче, если прелестная головка Маргарет освободится от всей этой чепухи, то в сердце ее найдется местечко и для Джо. Но так ли это? Все казалось простым: нужно было лишь слетать на Марс за Гарри. Но с Марса Гарри переправился на Юпитер, с Юпитера — на Плутон, отправную точку для прыжков. И здесь уже настойчивость начала превращаться в упрямство. С Плутона — дальше, дальше, дальше... Затем Кайрил, Джинкли и вот теперь — Балленкарч.

Джо покраснел, внезапно вспомнив об Ильфейн, стоявшей за спиной. Он почувствовал ее изучающий взгляд. Он открыл было рот, чтобы говорить, и закрыл его опять.

«ЗАЧЕМ?»

Все смотрели на него, смотрели со всех сторон зала. Глаза удивленные, холодные, заинтересованные, враждебные, испытующие... Безмятежные глаза Хабльята, изучающие — Ильфейн, насмешливые — Гарри Креева. И в помрачневшем мозгу Джо вспыхнула одна твердая мысль: он ощутил себя самым законченным ослом за всю историю Вселенной.

— Что-нибудь с Маргарет?— беспощадно спросил Гарри.— Это она тебя послала?

Джо представил себе Маргарет, сидящую у экрана и насмешливо следящую за Ильфейн. Капризная, упрямая, бестактная, эгоистичная и категоричная в суждениях. Но чистосердечная и славная... Маргарет или Ильфейн?

— Маргарет?— Джо засмеялся.— Нет, Маргарет ни при чем. Вообще-то я передумал. Держись-ка от Земли подальше.

Гарри слегка расслабился.

— Если это связано с Маргарет, то ты порядком запоздал.— Он почесал шею.— Черт побери, где же она? Маргарет? Где ты?

— Маргарет?— пробормотал Джо.

Она взошла на помост и остановилась рядом с Гарри.

— Хэлло, Джо,— она сказала это так, словно они расстались вчера после обеда.— Какой приятный сюрприз!

Она очень тихо рассмеялась. Джо тоже улыбнулся. Мрачно. Очень хорошо, он проглотит эту пилюлю.

Джо встретился с ней взглядом и сказал:

— Поздравляю...

И он вдруг понял, что Маргарет теперь на самом деле живет той жизнью, о которой мечтала. Жизнью волнующей, полной интриг и приключений. И ее, похоже, это устраивало...

Гарри говорил ему что-то. Джо вдруг услышал его громкий голос:

— Видишь ли, Джо, мы здесь делаем замечательное дело. И это замечательный мир. Здесь неисчерпаемые запасы высококачественной руды, леса, органики, большие людские ресурсы. Я создал в уме образ — Утопию! За мной стоит хорошая компания хороших парней, и мы работаем вместе. Они немного неотесаны, но видят этот мир моими глазами и потому предоставили мне шанс. Чтобы начать, мне, естественно, пришлось снести несколько голов, но зато теперь они знают, кто у них босс, и теперь все идет отлично.— Гарри бросил нежный взгляд на толпу балленкарчцев, из которых любой способен был уда-

вить его одной рукой.— Лет через двадцать ты глазам не поверишь, на что будет похожа эта планета! Говорю тебе, Джо, это восхитительный мир. А теперь, извини, я на несколько минут отвлекусь. Государственное дело.

Он уселся поудобнее в кресле, посмотрел на менгов, затем на друидов.

— Сейчас мы обо всем потолкуем, пока проблемы еще не выветрились из ваших голов. А, старый дружище Хабльят!— Гарри подмигнул Джо.— Дедушка Лис! Что случилось, Хабльят?

Хабльят шагнул вперед:

— Ваше сиятельство, я нахожусь в затруднительном положении. Не имея связи с правительством моей родины, я не могу быть уверен, насколько широко простирается моя компетенция.

— Разыщи Магнерру,— сказал Гарри стражнику и затем вернулся к Хабльяту:— Ипполито только что прибыл с Менгера и заявил, что уполномочен говорить от имени Ампиану-Женераль.

Ипполито вошел через арку в стене — крепкий черноглазый менг с квадратным лицом, лимонно-желтой кожей, яркими оранжевыми губами. На нем было алое платье, окантованное пурпурными и зелеными квадратами, и кубическая черная шляпа.

Ирру Каметви и прочие менги из его команды вытянулись, салютуя вскинутыми руками. Хабльят, с неподвижной улыбкой на пухлых губах, вежливо кивнул.

— Магнерру,— сказал Принц Гарри.— Хабльят хочет узнать, в каких рамках он может делать политику?

— Ни в каких,— скрипнул Магнерру.— Ни в каких. Хабльят и Голубая Вода в Ампиану дискредитированы, и Латбон заняла Красная Ветвь под свои заседания. Хабльят говорит только от своего имени и скоро утихнет.

Гарри кивнул и сразу добавил:

— Но все же будет мудро, пожалуй, услышать, что он нам скажет перед кончиной.

Лицо Хабльята оставалось ледяной маской.

— Милорд,— сказал он,— мои слова просты. Я

бы хотел выслушать, что скажут Магнерру и два архитовэрча, которые находятся среди нас. Милорд, смею вам представить высших представителей Кайрил: архитовэрчи Омерето Имплант и Гаменза. У них есть что сказать.

— Моя бедная резиденция полна знаменитостями,— усмехнулся Гарри.

Гаменза выступил вперед, провожаемый горящими глазами Магнерру:

— Принц Гарри, я понимаю, что создавшаяся атмосфера не подходит для политических дебатов. Когда бы Принц ни пожелал — раньше или позже,— я всегда изложу ему тенденции политики друидов в соответствии с моими взглядами на политическую и этическую ситуацию.

— Слизняк с луженой глоткой,— сказал Магнерру.— Слушайте, как они хотят вернуть рабство на Балленкарч. А потом посадите в корабль для перевозки и отошлите обратно, на их вонючий серый мир...

Гаменза окостенел. Его кожа, казалось, вот-вот пойдет трещинами. Резким медным голосом он сказал Гарри:

— Я к вашим услугам.

Гарри встал.

— Хорошо, удалимся на полчаса и обсудим ваши намерения.— Он поднял ладонь в сторону Магнерру:— Вам будет предоставлена та же привилегия, успокойтесь. Поговорите с Хабльятом о былых временах. Я знаю, что когда-то он занимал вашу позицию.

Архитовэрч Гаменза дождался, когда Гарри спрыгнул с помоста и вышел из зала, а затем пошел следом, пропустив вперед архитовэрча Омерето Имплант. Маргарет небрежно помахала Джо ладошкой: «Увидимся позже». Она ушла в другую дверь.

Найдя скамью в углу, Джо устало сел. Перед ним, словно позирующие модели, неподвижно стояли менги, Ильфейн — сама свежесть и утонченность; Хабльят, внезапно ставший понурым и беспомощным, балленкарчцы в кичливых нарядах. Непривычные к перебранкам и хитроумным изворотам, последние выглядели смущенно и встревоженно и о

чем-то тихо перешептывались друг с другом, хмуро озирая гостей.

Ильфейн повернула голову, обведя зал взглядом. Она увидела Джо, помедлила, затем подошла, села рядом и надменно произнесла:

— Вы издеваетесь надо мной!

— Мне это неизвестно.

— Вы нашли человека, которого искали. Почему же вы теперь ничего не делаете?

— Я передумал,— пожал плечами Джо.

— Потому что желтоволосая женщина — Маргарет — находится здесь?

— Отчасти.

— Вы мне никогда о ней не говорили.

— Не думал, что вам это интересно.

Ильфейн не сводила каменного взгляда с противоположной стены зала.

Джо заметил:

— А знаете, почему я передумал?

— Нет, не знаю,— она покачала головой.

— Из-за вас.

Ильфейн живо повернула к нему лицо с горящими глазами:

— Так вы оказались здесь из-за светловолосой?

— Каждый мужчина раз в жизни может оказаться круглым дураком. Минимум один раз...

Это ее не успокоило.

— А сейчас, я полагаю, если я пошлю вас искать кого-нибудь, вы уже не пойдете? Значит, она для вас значит больше, чем я?

— О, Господи!— застонал Джо.— Прежде всего, вы никогда не давали мне причин думать... О, дьявол!

— Я вам предлагала стать моим любовником.

Джо раздраженно посмотрел на нее.

— Мне бы хотелось...

Он вспомнил, что Кайрил — не Земля, а Ильфейн — не девушка из колледжа.

Ильфейн засмеялась:

— Я вас очень хорошо понимаю, Джо. На Земле вы привыкли считать мужчин главными, а женщин — вспомогательными существами. Но не забудьте, Джо,

вы еще кое в чем мне не признались. В том, что любите меня.

— Боюсь, что это так,— проворчал Джо.

— Попытайтесь.

Джо попытался и с радостью обнаружил, что, невзирая на тысячу световых лет и полную противоположность культур, девушка — это девушка, будь то друид или студентка.

Гарри и архи-друиды вернулись в зал. На белом лице друида неподвижно застыл целый набор чувств.

Гарри обратился к Магнерру:

— Может быть, теперь вы окажете любезность и обменяетесь со мной несколькими словами?

Еле сдерживая гнев, Магнерру встал и отряхнул платье. Затем вслед за Гарри прошел во внутренний кабинет. Видимо, интимные беседы были ему не по вкусу.

Хабльят сел рядом с Джо. Ильфейн неподвижно глядела в сторону. Хабльят был встревожен — желтые складки на подбородке бессильно свисали, веки опущены.

— Встряхнитесь, Хабльят,— сказал Джо,— вы еще не мертвы.

Хабльят покачал головой:

— Планы всей моей жизни разлетелись вдребезги...

Джо быстро взглянул на него. Было ли это уныние искренним, а вздохи — печальными на самом деле? Он осторожно спросил:

— Я еще не знаю вашей позитивной программы.

— Я — патриот,— пожал плечами Хабльят,— я хочу видеть родину процветающей и богатой. Я пропитан культурой своего мира — для меня нет причин желать жизни лучшей, и я хочу, чтобы эта культура простиралась дальше, поглощая культуры других миров, приспосабливая хорошее и подавляя плохое.

— Другими словами,— сказал Джо,— вы такой же ярый империалист, как и ваши военные приятели. Разве что методы у вас другие.

— Боюсь, что вы совершенно правы,— вздохнул Хабльят.— Более того, я боюсь, что эра военного империализма отошла далеко в прошлое и сейчас воз-

можен лишь культурный империализм. Одной планете не так-то просто победить и оккупировать другую. Она может ее опустошить, превратить в хлам, но отрицательные явления завоеваний непреодолимы. И еще я боюсь, что военные авантюры истощат Менгер, разрушат Балленкарч и откроют дорогу религиозному империализму друидов.

— А чем он хуже вашего культурного империализма?— вскинулась Ильфейн.

— Дорогая жрица,— сказал Хабльят,— мне никогда не найти аргументов, достаточных, чтобы убедить вас. Скажу лишь одно: при огромных потенциях друиды производят чрезвычайно мало, и это потому, что они сидят на шее нищенствующих масс. Поэтому я надеюсь, что ваша система никогда не распространится настолько, что я окажусь одним из лайти.

— Я тоже,— вставил Джо.

— Вы отвратительны, оба!— Ильфейн вскочила на ноги.

Сам себе удивляясь, Джо приподнялся, схватил ее и резко дернул на себя. Упав рядом с ним на скамейку, Ильфейн некоторое время вырывалась, но вскоре затихла.

— Первый урок земной культуры,— ласково сказал Джо.— Спорить о религии — признак дурного тона.

В комнату ввалился солдат — задыхающийся, с лицом, искаженным страхом:

— Ужас... в конце дороги... Где Принц? Скорей позовите Принца! Ужасное растение!

Хабльят вскочил, лицо его мгновенно ожило. Он бросился к двери. Через секунду Джо встал:

— Я тоже пойду.

Ильфейн последовала за ним без слов...

16

Джо был в смятении. Суетливая толпа мужчин окружала предмет, которому непросто было дать название. Нечто приземистое, корчащееся и вздрагивающее.

Хабльят, рядом с ним Джо, а за спиной Джо —

Ильфейн,— все они протиснулись в середину круга. Джо глядел во все глаза.

СЫН ДЕРЕВА!

Он рос, становился все запутаннее и сложнее. Он не был более похож на Дерево Жизни. Он адаптировался к новым условиям, вырабатывал новые функции — пластичность, быстрый рост, способность защищаться.

Он напоминал Джо гигантский одуванчик. На высоте двадцати футов над землей находился огромный пушистый шар, его поддерживала тонкая качающаяся ножка, окруженная опрокинутым конусом плоских зеленых лепестков. В основании каждого листа находился зеленый усик в черных пятнышках, закрученный спиралью. Усики эти обладали способностью с силой выбрасываться вперед, и на них уже висели тела нескольких мужчин.

— Это Дьявол!— пронзительно закричал Хабльят, хлопая по своей сумке. Но оружие у него отобрала стража возле резиденции.

Балленкарчский военачальник, бледный, с искаженным лицом, выхватил саблю и атаковал Сына. Пушистый шар слегка наклонился в его сторону, усики прижались, словно ножки насекомого. Затем они ударили — одновременно с разных сторон — и, пронзая плоть, подтянули военачальника к стволу. Он закричал, затем затих и обмяк. Усики налились кровью, стали пульсировать, и Сын немного вырос.

Четверо, затем еще шестеро балленкарчцев бросились вперед, стараясь действовать сообща. Усики били, хлестали, и вот уже десять белых тел неподвижно лежат на земле. Сын увеличивался, словно на него навели огромную лупу.

Раздался неуверенный голос Принца Гарри:

— Отойдите в сторону... Эй, вы, отойдите в сторону!

Он стоял и смотрел на растение. Тем временем пушистый шар расправился со следующей десяткой.

Сын нападал с хитростью полуразумного животного. Усики выстрелили, поймали дюжину кричащих людей, подтянули их поближе. А толпа обезумела, качнулась взад-вперед в противоборствующих

спазмах ярости и страха и наконец с ревом бросилась в рукопашную.

Сабли взлетали, рубили; сверху без устали бил раскачивающийся пушистый шар. Это было неслыханно: он видел, чувствовал, растительное сознание точно рассчитывало удары — ловкие, бесстрашные, безошибочные. Усики стреляли, уворачивались, пронзали, возвращались, чтобы ударить снова и снова. А Сын Дерева рос, разбухал, увеличивался.

Уцелевшие отпрянули, беспомощно разглядывая землю, усеянную трупами.

Гарри позвал одного из телохранителей.

— Принеси тепловое ружье.

Архитовэрчи бросились вперед, протестуя:

— Нет, нет! Это Священный Побег! Сын Дерева!!!

Гарри не обратил на них никакого внимания.

Гаменза в ужасе заломил руки:

— Отзовите солдат! Кормите его лишь преступниками и рабами! Через десять лет он станет огромным. Он станет величественным Деревом!

Гарри оттолкнул их, кивнул солдатам:

— Уберите этих маньяков!

Со стороны резиденции подкатил прожектор на колесах, остановился в шестидесяти футах от растения. Гарри кивнул. Широкий белый луч ударил в ствол Сына, высветив землю.

«Ааах!» — почти сладострастно выдохнула толпа.

Экзальтация почти тут же прекратилась. Сын пил энергию словно солнечный свет, расширялся, блаженствовал и рос. Пушистый белый шар приподнялся еще на десять футов.

— Направьте на верхушку,— озабоченно приказал Гарри.

Пучок энергии скользнул по стволу и ударил в верхушку. Та осветилась, вздрогнула и увернулась.

— Не нравится!— закричал Гарри.— Поливайте!

Архитовэрчи, едва удерживая крик, мычали, словно сами испытывали боль от ожогов:

— *НЕТ, НЕТ, НЕТ!!!*

Белый шар замер, посылая назад сгусток энергии. Прожектор взорвался, во все стороны полетели

руки, ноги и головы стоявших рядом...

И тут наступила полнейшая тишина.

А затем внезапный крик. Усики бросились на поиски пищи...

Джо оттолкнул Ильфейн назад, и усики пролетели в футе от нее.

— Но я жрица друидов!— произнесла она в тупом изумлении.— Дерево покровительствует друидам! Дерево забирает только мирян-пилигримов!

— Пилигримов?— Джо вспомнил пилигримов на Кайрил: усталых, пыльных, со стертыми ногами. Он вспомнил, как они задержались на пороге, бросая лишь один взгляд на серую равнину, на крону, прежде чем повернуться и войти в дупло. Молодые и старые, мужчины и женщины, каждый день, тысячами...

Джо поднял голову и поглядел на верхушку Сына. Гибкий ствол в центре стоял прямо, маленький шар наклонился и поворачивался, осматривая свои новые владения.

Гарри, белый как мел, подошел прихрамывая и остановился рядом:

— Джо, из всех существ, которые я видел на тридцати двух планетах, это меньше всего подходит для поклонения.

— На Кайрил я видел второе, взрослое. Гарри, оно пожирает граждан тысячами.

— Эти люди верят мне,— сказал Гарри.— Они меня считают чем-то вроде бога. Это в основном потому, что я сведущ в земном инженерном деле. Я должен прикончить это страшилище.

— И не хочешь выращивать его вместе с друидами?

Гарри усмехнулся:

— Что за ерунду ты мне советуешь, Джо? Я не собираюсь растить его ни с кем на свете! Чума на их головы! Я буду держать их у себя, пока не найду способа выкорчевать эту штуку. Меня, конечно, еще многое не устраивает, но уж само собой я не польщусь на что-нибудь вроде этой дряни. Кто, черт побери, протащил его сюда?

Джо молчал.

Ответила Ильфейн:

— Оно было доставлено сюда с Кайрил по приказу Дерева.

Гарри уставился на нее:

— О боже! Оно еще и разговаривать умеет?

Ильфейн замялась.

— Коллегия товэрчей по многим признакам прочла волю Дерева...

Джо почесал подбородок.

— Хмф,— промямлил Гарри.— Фантастическое оформление для симпатичной маленькой тирании. Но не в этом дело. Эту штуку надо убить.— И тут же добавил бормоча вполголоса:— И неплохо бы его мамашу заодно — на всякий случай!

Джо расслышал и оглянулся на Ильфейн, ожидая увидеть ярость на ее лице. Но она молчала, глядя на Сына.

— Похоже, оно поглощает энергию,— озабоченно бросил Гарри.— Тепло отпадает... Бомбу? Попробуем взорвать. Я пошлю в арсенал за взрывчаткой.

Гаменза вырвался и побежал к нему. Серая ряса на бегу хлопала по ногам.

— Ваша светлость, мы решительно протестуем против вашей агрессии в отношении Дерева Жизни!

— Сожалею,— сказал Гарри, сардонически улыбаясь.— Но для меня это — растение-убийца!

— Его присутствие — символ уз между Кайрил и Балленкарчем!— защищался Гаменза.

— Символ — мой кулак. Выбросьте из головы эту метафизическую чепуху, человек! Эта штука — убийца, и она мне нужна не более, чем любой убийца. Мне жаль вас, что вы завели такого монстра на своей планете, хоть я и не должен вас жалеть.— Он оглядел Гамензу с ног до головы.— Вы-то своим Деревом пользовались неплохо. Оно уже тысячу лет служит вам кормушкой. А здесь ничего не выйдет. Через десять минут от него останутся только щепки.

Гаменза повернулся на каблуках, отошел на двадцать футов и о чем-то тихо заговорил с Омерето Имплант.

Десять фунтов взрывчатки, упакованные вместе с детонатором, подбросили к стволу. Гарри поднял

ружье-излучатель, выстрелом из которого должен был вызвать взрыв.

Внезапно Джо пришла в голову мысль, осенившая его в последнюю минуту, и он бросился вперед.

— Подождите минуту! Подумайте: щепки разлетятся на акр как минимум. Что, если каждая щепка начнет расти?

Гарри опустил излучатель.

— Разумная мысль.

Джо вытянул руку в сторону сельских домов:

— Эти фермы выглядят ухоженными и современными...

— Последняя земная техника. Так что же?

— Ты же не хочешь, чтобы твои молодцы выбирали все сорняки руками?

— Нет конечно! У нас есть дюжина различных химикалий против сорняков. Гормоны...— Он запнулся, хлопнув Джо по плечу.— Химикалии! Растительные гормоны! Джо, я сделаю тебя министром сельского хозяйства!

— Прежде всего,— сказал Джо,— давай посмотрим, как они действуют на Дерево. Если это растение, оно должно спятить.

И Сын Дерева спятил...

Усики извивались, сворачивались, стреляли; пушистая белая голова посылала тучки энергии во всех направлениях. Лепестки вытянулись на двести футов в небо, затем рухнули на землю.

Подъехал второй прожектор. На этот раз Сын сопротивлялся еле-еле. Ствол обуглился, лепестки съежились, потемнели...

Через минуту Сын Дерева превратился в зловонно дымящийся обрубок...

17

Принц Гарри восседал на троне. Архитовэрчи Гаменза и Омерето Имплант стояли мертвенно-бледные, закутавшись в плащи. С другой стороны зала, выстроившись в строгом соответствии с субординацией, стояли менги: Магнерру Ипполито в красной мантии и гравированной кирасе, Ирру Каметви и два

функционера Красной Ветви.

Раздался чистый звонкий голос Гарри:

— Я мало о чем могу вам сообщить. Но сейчас существует неопределенность: каким путем пойдет Балленкарч — к Менгеру или к Кайрил. Так вот,— он шевельнулся в кресле, но руки на подлокотниках остались неподвижными,— к сведению как менгов, так и друидов, здесь нет ничего нерешенного. Раз и навсегда: мы собираемся строить прекрасный мир. И поскольку проблема Сына Дерева решена, я никому не окажу личного предпочтения. Я верю, друиды, что вы действовали с самыми лучшими намерениями. Вы — рабы веры, как и ваши лайти.

Второе. Поскольку мы отказались от политических обязательств и занялись делом,— мы трудимся. Мы изготовляем инструменты: молотки, лопаты, пилы, сварочные аппараты. Через год мы начнем производить электрическое оборудование. Через пять лет здесь, на берегу озера Алан, будет стоять космодром. Через десять лет наши грузы полетят на любую из звезд, которые вы видите на ночном небе. А может быть, и дальше. Так что, Магнерру, можете отправляться на Менгер и сообщить в Ампиану и Латбон обо всем, что я сейчас сказал. Что касается друидов, то я сомневаюсь, захотят ли они вы вернуться.

— Это почему же?— резко спросил Гаменза.

— Ко времени вашего возвращения на Кайриле может случиться переполох.

— Это, скажем, только предположения,— рот Хабльята растянулся в короткой улыбке.

На поверхности озера Алан пылали отблески заката. Джо сидел в кресле на личной веранде Гарри. Рядом, в просторном белом платье, сидела Ильфейн.

Гарри вскакивал, садился, говорил, жестикулировал, хвастал. Новые плавильные печи Палинса, сотни новых школ, силовые установки для новых сельскохозяйственных машин, ружья в армии.

— О, в них остался варварский стержень,— говорил Гарри.— Любят подраться, любят дикую жизнь, весенние фестивали, ночные огненные пляски. Они на этом выросли, и я не в силах их этого

лишить.— Он подмигнул Джо.— Самых горячих я послал против кланов на Вайл-Макромби — это на другом континенте. Убил сразу двух зайцев: в борьбе с людоедами Макромби они выпустят лишние воинственные пары и заодно завоюют континент. Кровавое дело, но необходимое для их же собственной души. К молодым у нас отношение другое. Их мы учим, что героем может стать скорее инженер, чем солдат. В свое время это скажется. Новое поколение успеет вырасти, пока их отцы очищают Матенду Кейп.

— Весьма остроумно,— согласился Джо.— Кстати, об остроумии,— куда девался Хабльят? Я его не вижу уже целый день.

Гарри плюхнулся в кресло:

— Хабльят ушел.

— Ушел? Куда?

— Официально — не знаю. Тем более что среди нас есть друид.

Ильфейн запротестовала:

— Я больше не друид. Я все это выкинула из головы. Я теперь...— Она повернулась к Джо:— Кто я теперь?

— Эмигрант,— сказал Джо. Космополит. Женщина без родины.— Он повернулся к Гарри:— Поменьше тайн. Это уже не может иметь значения.

— Нет, может! Не исключено...

— Тогда держи при себе,— пожал плечами Джо.

— Нет,— сказал Гарри,— тебе я скажу. Хабльят, как ты знаешь, в опале. Он вышель — Магнерру Ипполито вошел. Политика менгов многогранна, скрытна, но они же не все внимание уделяют престижу. Согласен, очень много, но не все. Магнерру Ипполито утратил свой престиж здесь, на Балленкарче. Если Хабльят сможет совершить что-нибудь замечательное, он снова окажется у дел. Ну, а наши интересы — чтобы у власти на Менгере оказалась Голубая Вода.

— Ну?

— Я отдал Хабльяту все противосорняковые гормоны, что у нас имелись. Это тонн пять. Он погрузил их в корабль, который я ему тоже предоставил, и от-

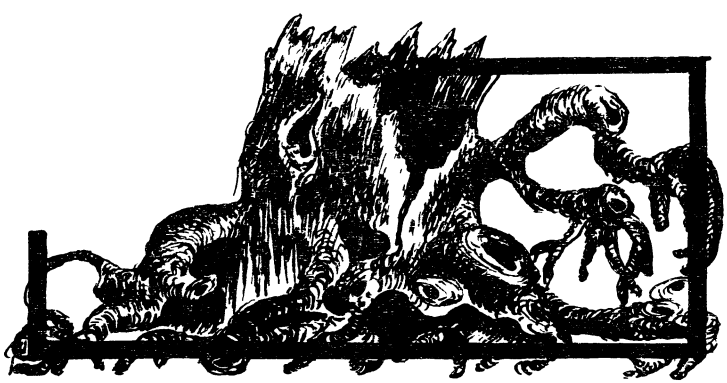
чалил.— Гарри шутливо развел руками.— Так что, куда он ушел, я не знаю...

Ильфейн перевела дыхание и, дрожа, отвернулась к озеру Алан. Озеро в лучах заката светилось розовым, золотым, лавандовым, бирюзовым...

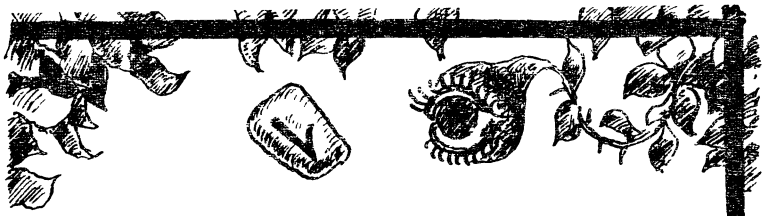
— Дерево...

Гарри встал.

— Пора обедать. Если он задумал именно это — уничтожить Дерево
гормонами, то я
могу быть
спокоен...



УМИРАЮЩАЯ ЗЕМЛЯ



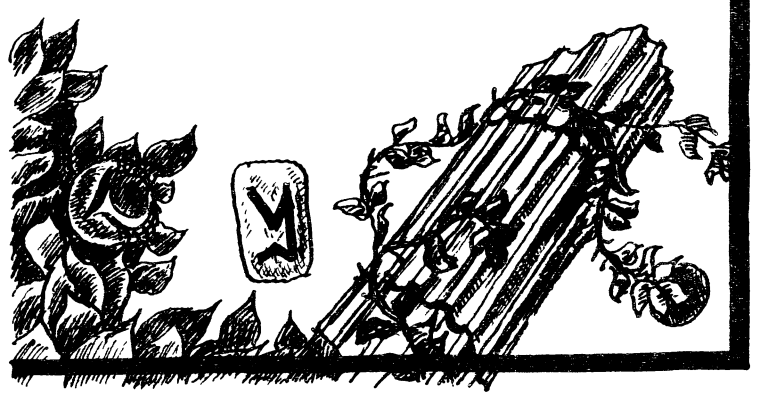
ТУРЖАН МИИРСКИЙ

Туржан сидел в своей мастерской, вытянув ноги и опираясь локтями на столик. Перед ним стояла клетка; Туржан с раздражением смотрел на нее. Существо в клетке отвечало ему взглядом, значение которого понять было невозможно.

Жалкое существо — с большой головой на маленьком тщедушном тельце, со слабыми слезящимися глазами и отвислым дряблым носом. Слюнявый рот расслабленно кривился, кожа блестела розоватым воском. Несмотря на свое явное несовершенство, это был наиболее удачный продукт чанов Туржана.

Туржан встал, отыскал чашку с кашицей. Длинной ложкой поднес кашицу ко рту существа. Но тварь не приняла пищу, и кашица потекла по ее рахитичной груди.

Туржан поставил чашку, медленно отошел от клетки и вернулся на прежнее место. Целую неделю тварь отказывается есть. Неужели под ее идиотской внешностью скрывается ясное понимание ситуа-



ции и воля к самоуничтожению? И тут Туржан увидел: бело-голубые глаза закрылись, большая голова существа повисла и ударилась о пол клетки. Наступила смерть.

Туржан вздохнул и вышел из комнаты, поднялся по извилистой каменной лестнице на крышу своего замка Миир, расположенного высоко над рекой Дерной. Солнце висело низко над землей; рубиновые лучи его, тяжелые и густые, как вино, искоса освещали узловатые стволы деревьев древнего леса и ложились на покрытую дерном лесную почву. На лес быстро опускалась мягкая теплая тьма, а Туржан все стоял, размышляя о смерти своего последнего создания.

Он вспомнил многих его предшественников: существо, целиком состоящее из глаз; бескостную тварь с пульсирующей поверхностью обнаженного мозга; прекрасное женское тело, внутренности которого тянулись в питательный раствор, как ищущие корни; существо, вывернутое наизнанку... Туржан мрачно вздохнул. Его методы приводят к неудачам; его синтезу не хватает фундаментальности — главной матрицы, собирающей компоненты в единое целое.

И вот, сидя так и глядя на темнеющую землю, он вспомнил ту давнюю ночь, когда рядом с ним был Сейдж.

— В прошедших веках,— говорил Сейдж, глядя на низкую звезду,— колдунам были известны тысячи заклинаний, и волшебники осуществляли при их помощи свою волю. Сегодня, когда Земля умирает, людям осталась лишь какая-нибудь сотня заклинаний, да и те дошли до нас благодаря древним книгам... Но есть некто, по имени Панделум, который помнит все заклинания, все чары, все магические формулы, все руны, все то древнее волшебство и чародейство, которое когда-либо разрывало и формировало пространство...— И он замолчал, погрузившись в свои мысли.

— А где он, этот Панделум?— немного погодя спросил Туржан.

— Колдун живет в Эмбелионе,— ответил Сейдж,— но никто не знает, где находится эта местность.

— Как же тогда найти Панделума?

Сейдж еле заметно улыбнулся.

— В случае необходимости можно воспользоваться специальным заклинанием.

Оба помолчали, затем Сейдж снова заговорил, глядя на лес:

— Панделума можно расспросить обо всем, и Панделум ответит — если спрашивающий отслужит ему определенную службу. Только легких заданий у этого колдуна не бывает.

И Сейдж показал Туржану заклинание, которое нашел в древней папке с документами и хранил до сих пор в тайне от всего мира.

Вспомнив этот разговор, Туржан спустился в свой кабинет: длинный сводчатый зал с каменным полом, покрытым толстым красно-коричневым ковром. Фолианты, заключавшие колдовство Туржана, лежали на длинном черной стали столе или в беспорядке были рассованы по полкам. Здесь были тома, собранные многими колдунами прошлого, неряшливые фолианты, оставленные Сейджем, переплетенные в кожу книги, содержащие сотню мощных заклинаний, большей частью настолько сложных, что Туржан мог держать одновременно в памяти не более четырех.

Туржан отыскал пыльную папку и, перелистывая страницы, нашел указанное Сейджем заклинание — Призыв Неистового Облака. Он смотрел на буквы: в них горела могучая сила, рвавшаяся со страниц, будто стремясь покинуть темное одиночество книги.

Туржан закрыл папку, снова отправляя заклинание в забвение. Он надел короткий синий плащ, подвесил к поясу меч и прикрепил к запястью амулет с рунами Лаккоделя. Потом выбрал заклинания, которые хотел захватить с собой. Он не знал, какие опасности могут его поджидать, поэтому остановил свое внимание на трех заговорах наиболее общего применения: Великолепном Призматическом Разбрызгивателе, Воровской Мантии Фандаала и Заговоре Медленного Часа.

Он взобрался на стену своего замка и постоял под

высокими звездами, вдыхая воздух древней Земли... Сколько поколений людей вдыхали этот воздух до него? Какие стоны боли пронизывали этот воздух, какие признания, смех, воинственные крики, вздохи...

Ночь подходила к концу. В лесу блуждал голубой огонек. Туржан смотрел на него несколько мгновений, потом распрямился и произнес Призыв Неистового Облака.

Тишина; затем шепот какого-то движения, переходящий в рев сильного ветра. Из ниоткуда выплыло белое облако и приплыло к столбу кипящего черного дыма. И из этого завихрения раздался глубокий низкий голос:

— Инструмент в твоей беспокойной власти; куда ты хочешь отправиться?

— Четыре направления, затем одно,— сказал Туржан.— Я должен живым быть доставлен в Эмбелион.

Облако завертелось, подхватило его и понесло, вращая, вверх и вдаль. Он летел в четырех направлениях, затем в одном, и наконец сильный удар выбросил Туржана из облака в далеком Эмбелионе.

Туржан встал, покачиваясь, слегка оглушенный. Постепенно пришел в себя и огляделся.

Он стоял на берегу прозрачного пруда. Под ногами росли синие цветы, а вдали виднелась роща сине-зеленых деревьев. Высоко в тумане шелестела их листва. На Земле ли находился Эмбелион? Деревья были похожи на земные, цветы знакомой формы, воздух такой же, как на Земле... Но чего-то важного не хватало. Возможно, дело в нечеткой линии горизонта или в воздухе, непостоянном и блестящем, как вода? Самым странным, однако, было покрытое рябью небо, в котором отражались тысячи разноцветных световых столбов, которые свивались в небе в необыкновенные кружева, в драгоценную сеть. Пока Туржан смотрел, над ним пронеслись лучи золотистого, топазового, фиолетового и ярко-зеленого цветов. Теперь он видел, что цветы и деревья лишь отражали краски неба, изменив свой цвет в оранжево-розовый и пурпурный. Потом цветы приобрели оттенок красной меди и через малиновый и темно-бордо-

вый цвета перешли к алому, а деревья стали цвета спокойного моря.

— Неизвестная Земля,— сказал самому себе Туржан.— Нахожусь ли я в прошлом или в будущем?— Он взглянул на горизонт, и ему показалось, что это черный занавес, уходящий высоко во тьму со всех четырех сторон.

Послышался топот копыт; Туржан обернулся и увидел большую черную лошадь, летящую по берегу пруда. На лошади сидела молодая женщина с распущенными черными волосами. На ней были свободные белые брюки до колен и развевающийся желтый плащ. Одной рукой она сжимала узду, другой размахивала мечом.

Туржан осторожно отступил, увидев, что рот женщины гневно сжат, а в глазах горит необыкновенная ярость. Женщина натянула поводья, подняв лошадь на дыбы, и набросилась на Туржана, пытаясь ударить его мечом.

Туржан отпрыгнул и извлек собственное оружие. Когда всадница снова напала, он отразил удар и коснулся лезвием ее руки. Показалась кровь. Она удивленно отпрянула, сняла с седла лук и наложила на тетиву стрелу. Туржан прыгнул вперед, увернулся от ее меча, схватил ее за талию и стащил на землю.

Женщина яростно сопротивлялась, и Туржан боролся с ней не самым благородным образом. Наконец он заломил ей руки за спину и прошипел, переводя дыхание:

— Тише, ведьма, или я потеряю терпение и ударю тебя.

— Поступай, как хочешь,— выдохнула женщина.— Жизнь и смерть — родные сестры.

— Почему ты напала на меня?— спросил Туржан.— Я ничем не оскорбил тебя.

— Ты зло, как и все в этом мире!— Гнев сжал ее горло.— Будь моя власть, я уничтожила бы эту вселенную, погрузила бы ее в полную тьму.

От удивления Туржан ослабил хватку, и пленница чуть не вырвалась. Но он схватил ее снова.

— Скажи, где я могу найти Панделума?

Девушка перестала вырываться, повернула голо-

ву и взглянула на Туржана.

— Обыщи весь Эмбелион. Я не стану тебе помогать!— с вызовом сказала она.

Будь она более дружелюбной, подумал Туржан, ее можно было бы счесть очень красивой.

— Где мне найти Панделума?— повторил Туржан.

Женщина молчала, в глазах ее горело безумие. Потом дрожащим голосом она ответила:

— Панделум живет у ручья, в нескольких шагах отсюда.

Туржан освободил ее, предусмотрительно отобрав меч и лук.

— Если я верну тебе оружие, ты пойдешь своей дорогой с миром?

Она некоторое время смотрела на него; потом, ни слова не говоря, села на лошадь и скрылась за деревьями.

Туржан с минуту смотрел, как она исчезает в разноцветных столбах света, потом пошел в указанном направлении. Вскоре он оказался перед длинным каменным домом, стоящим посреди парка. Когда он подошел, дверь открылась. Туржан застыл.

— Входи!— послышался голос.— Входи, Туржан Миирский!

Переступив порог, удивленный Туржан оказался в увешанной коврами комнате. Мебели в ней не было никакой, кроме небольшого дивана. Никто не вышел навстречу. В противоположной стене виднелась закрытая дверь, и Туржан направился было к ней.

— Стой, Туржан,— вновь послышался голос.— Никто не должен смотреть на Панделума. Таков закон.

Туржан, стоя посреди комнаты, обратился к невидимому хозяину:

— Вот мое дело, Панделум,— сказал он.— Уже давно я пытаюсь создать в своих чанах человека. Но каждый раз — неудача! Мне неизвестно средство, которое может создать из всех компонентов единое целое. Ты должен знать эту главную матрицу, и я пришел к тебе за указаниями.

— Охотно помогу тебе,— сказал Панделум.— Но у этого дела есть и другая сторона. Вселенная орга-

низована благодаря симметрии и равновесию; каждый аспект существования имеет свою противоположность. Следовательно, даже в самых обычных наших делах должно соблюдаться равновесие. Я согласен помочь тебе, но и ты, в свою очередь, должен оказать мне равноценную услугу. Когда выполнишь мое небольшое задание, я научу тебя, как изготовить человека.

— В чем же будет заключаться моя услуга?— спросил Туржан.

— В земле Асколайс, недалеко от твоего замка Миир, живет человек. На шее он носит амулет из резного голубого камня. Ты должен принести этот амулет мне.

Туржан ненадолго задумался.

— Хорошо. Сделаю, что смогу. А кто этот человек?

Панделум негромко ответил:

— Принц Кандайв Золотой.

— Э,— уныло протянул Туржан,— ты выбрал для меня не самую приятную задачу... Но я все же попытаюсь выполнить твою просьбу.

— Хорошо,— ответил Панделум.— Теперь я должен проинструктировать тебя. Кандайв носит амулет под рубашкой. Когда появляется враг, принц достает его и держит на виду — это могучее оружие. Ни в коем случае не смотри на него, ни прежде, ни после того, как возьмешь, иначе последствия будут для тебя самыми печальными.

— Понял,— сказал Туржан.— А теперь я хотел бы задать вопрос — конечно, если в качестве платы за ответ мне не придется возвращать на небо Луну или выпаривать из океана случайно пролитый туда эликсир.

Панделум громко рассмеялся.

— Спрашивай,— сказал он,— и я отвечу.

— Когда я приближался к твоему жилищу, какая-то женщина в безумной ярости пыталась меня убить. Я не допустил этого, и она ушла в гневе. Кто эта женщина, почему она такая?

— У меня тоже есть чаны,— голос Панделума стал довольным,— в которых я создаю различные

формы жизни. Эту девушку — Т'саис — создал я, но отвлекся и допустил в процессе синтеза ошибку. Она вышла из чана со странным извращением в мозгу: все, что мы считаем прекрасным, кажется ей отвратительным и уродливым, а то, что нам кажется уродливым, для нее настолько невыносимо, что ни ты, ни я не в состоянии это постичь. Для нее мир ужасен, а люди злобны и гнусны.

— Так вот каков ответ,— пробормотал Туржан.— Бедняга!

— А теперь,— сказал Панделум,— ты должен отправляться в Кайн; предзнаменования благоприятны... Открой эту дверь, войди и встань на руны, начертанные на полу.

Туржан выполнил указания. Следующая комната оказалась круглой, с высоким куполообразным потолком, через расположенные наверху окна просачивалось многоцветие эмбелионского неба. Когда он встал на рисунок рун, волшебник снова заговорил:

— Теперь закрой глаза, потому что я должен войти и коснуться тебя. Закрой плотно, не пытайся подглядывать!

Туржан закрыл глаза. Вскоре он услышал за спиной шаги.

— Вытяни руку,— послышался голос. Туржан послушался и почувствовал в своей руке какой-то твердый предмет.— Когда выполнишь поручение, нажми на этот кристалл, и сразу вернешься ко мне.— Холодная рука легла на его плечо.

— Через мгновение ты уснешь,— сказал Панделум.— И проснешься в Кайне.

Руку убрали. Вокруг Туржана все потускнело. Он ждал. Воздух вокруг него наполнился звуками: лязгом, звоном множества маленьких колокольчиков, музыкой, голосами. Туржан нахмурился, сжал губы: странная суматоха для дома Панделума.

Рядом послышался женский голос:

— Взгляни, Сантанил, это человек-сова: мы веселимся, а он жмурит глаза!

Мужчина рассмеялся, потом неожиданно умолк.

— Идем. Этот парень лишился близких, он, может быть, вне себя. Идем.

Туржан осторожно открыл глаза. Ночь в белостенном Кайне, праздничная ночь. Оранжевые фонари плыли в воздухе по воле ветра. С балконов свисали цветочные гирлянды и клетки со светлячками. Улицы были полны подвыпившими людьми в пестрых костюмах самых разнообразных фасонов. Тут были и мелантинский моряк, и воин Валдаранского Зеленого Легиона, и какой-то чудак, напяливший старинный шлем. На маленькой площадке украшенная цветами куртизанка с Каучикского побережья танцевала под музыку флейты танец Четырнадцати Шелковых Лап. В тени балкона юная варварка обнимала черного, как лесной дух, человека в кожаной куртке с перевязью. Они были веселы, эти люди умирающей Земли, лихорадочно веселы, потому что близилась бесконечная ночь, которая наступит, когда прощально мигнет и почернеет дряхлое красное солнце планеты.

Туржан смешался с толпой. В таверне он подкрепился печеньем с вином, потом направился во дворец Кандайва Золотого.

Дворец возвышался перед ним, все его окна и балконы были освещены — лорды города тоже пировали и веселились. «Если принц Кандайв полон вином и неосторожен,— подумал Туржан,— моя задача не будет слишком трудной. Но меня могут узнать: в Кайне многие меня знают». Поэтому он соткал из заклинания Воровскую Мантию Фандаала и исчез с глаз людей.

Через аркаду он проскользнул в большой салон, где лорды Кайна веселились так же безудержно, как и толпы на улицах. Туржан шел по радуге из шелка, велюра, сатина и с интересом смотрел по сторонам. На террасе толпа зрителей глазела, как в бассейне плещется пара ручных деодандов с кожей, как намасленный агат. Другие бросали дротики в распятое на стене тело молодой ведьмы с Кобальтовых гор. В альковах украшенные цветами девушки дарили любовь сопящим старикам, и повсюду лежали вялые тела одурманенных сонным порошком. Но принца Кандайва нигде не было. Туржан осмотрел дворец комнату за комнатой, пока наконец в последней не

увидел золотобородого принца, лежащего на кушетке с зеленоглазой девушкой-ребенком в маске и светло-зелеными волосами.

Интуиция или колдовство предупредили Кандайва, и, когда Туржан скользнул в комнату сквозь пурпурный занавес, Кандайв вскочил на ноги.

— Иди!— приказал он девушке.— Быстро из комнаты! Где-то поблизости беда, и я должен уничтожить ее магией!

Девушка торопливо выбежала. Кандайв поднес руку к шее и извлек амулет. Но Туржан заслонил рукой глаза.

Кандайв произнес мощное заклинание, прекращавшее в ограниченном пространстве действие любого волшебства. Мантия Туржана перестала действовать, и он стал видимым.

— Туржан Миирский воровски пробрался в мой дворец!— с недоброй усмешкой сказал Кандайв.

— Я принес тебе на своих губах смерть,— заговорил Туржан.— Повернись спиной, Кандайв, или я произнесу заклятие и проткну тебя своим мечом!

Кандайв сделал вид, что повинуется, но неожиданно произнес заклятие, окружившее его Всемогущей Сферой.

— Сейчас я вызову охрану, Туржан,— презрительно захохотал он,— и тебя бросят в бассейн к деодандам.

Кандайв не знал, что лента на запястье Туржана исписана могучими рунами, уничтожающими всякое колдовство. Все еще защищаясь от амулета рукой, Туржан прошел сквозь Сферу. Кандайв от неожиданности прикусил язык.

— Зови охрану,— спокойно сказал ему Туржан.— Она найдет здесь продырявленное тело.

— Твое тело, Туржан!— воскликнул Кандайв и произнес новое заклинание. И тут же со всех сторон в Туржана ударили огненные струи Великолепного Призматического Разбрызгивателя. Кандайв с волчьей усмешкой следил за этим яростным ливнем, но она быстро сменилась гримасой ужаса. На расстоянии дюйма от кожи Туржана стрелы огня превращались в тысячи дымных облачков.

— Повернись спиной, Кандайв,— приказал Туржан.— Твое волшебство бессильно против рун Лаккоделя.

Но Кандайв сделал шаг к скрытой в стене пружине.

— Стой!— воскликнул Туржан.— Еще один шаг, и мой Разбрызгиватель разорвет тебя на тысячи кусков!

Кандайв сразу остановился. В бессильном гневе он повернулся спиной к Туржану, тот протянул руку и сорвал с шеи принца амулет. Амулет, казалось, пополз по его руке, сквозь пальцы просвечивало что-то голубое. Мозг Туржана затуманился, на мгновение он услышал множество жадных голосов... Потом зрение его прояснилось. Он попятился от принца, засовывая амулет в сумку. Кандайв спросил:

— Могу я теперь обернуться?

— Когда хочешь,— ответил Туржан, закрывая сумку.

Кандайв, видя, что Туржан отвлекся, незаметно подошел к стене и положил руку на пружину.

— Туржан,— сказал он,— ты проиграл. Прежде чем ты произнесешь хотя бы звук, я открою люк в полу и ты упадешь в глубокий колодец. Спасут ли тебя тогда твои заклинания?

Туржан застыл, не отрывая взгляда от красно-золотого лица Кандайва. Потом глуповато опустил глаза.

— Ах, Кандайв,— в беспокойстве сказал он,— ты перехитрил меня. Если я верну амулет, ты меня отпустишь?

— Брось амулет к моим ногам,— с издевкой сказал Кандайв.— И сними с запястья руны Лаккоделя. Тогда я подумаю, проявить ли к тебе милосердие.

— Снять руны?— Туржан заставил себя говорить жалобно.

— Руны или жизнь!

Туржан сунул руку в сумку и схватил кристалл, который дал ему Панделум. Он вытащил кристалл и поднес его к рукояти своего меча.

— Нет, Кандайв,— сказал он.— Я раскрыл твою хитрость. Ты хочешь испугать меня и заставить

сдаться. Я отказываю тебе!

Кандайв пожал плечами.

— Тогда умри,— и нажал пружину. Пол разошелся, и Туржан исчез в пропасти. Но когда Кандайв сбежал вниз, чтобы посмотреть на тело Туржана, он ничего не нашел и остаток ночи провел в дурном расположении духа, мрачно размышляя над стаканом вина.

...Туржан вновь оказался в круглой комнате Панделума. На его плечи сквозь высокие окна падали многоцветные лучи с неба Эмбелиона — сапфирово-синий, желтый, кроваво-красный. В доме было тихо. Туржан сошел с изображения руны на полу, беспокойно посматривая на дверь: как бы Панделум, не знающий о его появлении, не вошел в комнату.

— Панделум!— позвал он.— Я вернулся!

Ответа не было. В доме по-прежнему глубокая тишина. Туржану захотелось оказаться на открытом воздухе, где не так сильно пахнет колдовством. Он посмотрел на двери: одна вела к выходу, другая — он не знал куда. Он положил руку на затвор двери справа, намереваясь выйти. Но остановился. А если он ошибется и увидит Панделума? Не лучше ли подождать здесь?

Тут он нашел решение. Стоя спиной к двери, он распахнул ее.

— Панделум!— позвал он.

Сзади послышался негромкий прерывистый звук, будто затрудненное дыхание. Неожиданно испугавшись, Туржан вернулся в круглую комнату и закрыл дверь.

Он решил набраться терпения и сел на пол.

Из соседней комнаты послышался голос:

— Туржан, ты здесь?

Туржан вскочил на ноги.

— Да, я вернулся с амулетом.

— Быстро зажмурься,— задыхаясь произнес голос,— повесь амулет себе на шею и войди.

Туржан, подгоняемый нетерпением, звучавшим в голосе, закрыл глаза и повесил амулет себе на грудь. Нащупав дверь, он распахнул ее.

На мгновение воцарилась полная тишина, затем —

ужасный вопль, дикий и злобный. Могучие крылья ударили во воздуху, послышался свист и скрежет металла. Среди дикого рева волна холодного воздуха ударила в лицо Туржану. Еще свист — и все затихло.

— Благодарю тебя,— послышался спокойный голос Панделума.— Редко мне приходилось испытывать такое напряжение, а без твоей помощи мне не удалось бы прогнать это адское создание.

Рука сняла амулет с шеи Туржана. Через несколько мгновений молчания снова прозвучал отдаленный голос Панделума:

— Можешь открыть глаза.

Туржан послушался. Он находился в магической лаборатории Панделума. Среди прочего оборудования там стояли и чаны, такие же, как и у него.

— Чтобы сохранить симметрию,— сказал Панделум.— я тоже сослужу тебе службу. Я не только научу тебя правильно работать с чанами, но и покажу многое другое.

Так Туржан стал учеником Панделума. Весь день и большую часть многоцветной эмбелионской ночи работал он под руководством невидимого Панделума. Он познал тайну возвращения молодости, множество древних заговоров и странное абстрактное учение, которое Панделум называл математикой.

— В этом инструменте,— говорил Панделум,— заключена вся Вселенная. Сам по себе он пассивен и не принадлежит к колдовству, но способен разъяснить любую проблему, любую фазу бытия, все тайны времени и пространства. Твои заговоры и руны основаны и закодированы в соответствии с великой мозаикой магии. Мы не можем осознать рисунок этой мозаики; наши знания дидактические, эмпирические и случайные. Великий маг Фандаал глубже других проник в этот рисунок и потому смог сформулировать множество заклинаний, которые носят теперь его имя. Я много веков потратил на то, чтобы расшифровать эту мозаику, но пока мне не удалось. Тот, кто расшифрует ее, постигнет и всю магию. Он станет магом, могущество которого непредставимо.

Туржан продолжал свои занятия и постиг много простейших уравнений.

— Я нахожу в них удивительную красоту,— сказал он Панделуму.— Математика не наука, это искусство! Уравнения распадаются на элементы, расположенные в точной симметрии, многосложной, но всегда кристально ясной.

Но большую часть времени Туржан проводил у чанов и под руководством Панделума достиг мастерства, которого искал. Чтобы разнообразить свой досуг, он создал девушку экзотической внешности, которую назвал Флориелла. В его память запали волосы девочки, которую он видел ночью у Кандайва, и он дал своему созданию светло-зеленые волосы. Кожа у нее была кремового цвета, а глаза большие и зеленые. Туржан испытал большую радость, когда она, влажная и совершенная, вышла из чана. Она быстро обучалась и скоро уже могла разговаривать с Туржаном. Характер у нее был мечтательный, она ни о чем не заботилась, а бродила по лугам или молча сидела у реки. Но Флориелла была приятной девушкой, и ее мягкие манеры забавляли Туржана.

Но однажды из леса выехала на лошади Т'саис со стальными глазами, срубая мечом головки цветов. Ей на глаза попалось невинное создание Туржана, и Т'саис, восклицая: «Зеленоглазая женщина, твоя внешность ужасает меня, смерть тебе!» — разрубила Флориеллу, словно это был цветок на обочине.

Туржан, услышав топот копыт, вышел из мастерской и был свидетелем этого убийства. Он побледнел от ярости, и заклинание мучительной пытки готово было сорваться с его губ. Но тут Т'саис увидела и прокляла его, и он понял, как она несчастна, какой сильный дух заставляет ее одновременно отрицать свою судьбу и держаться за жизнь. Разноречивые чувства боролись в его груди, но он позволил Т'саис уехать. Он похоронил Флориеллу на речном берегу и постарался в напряженной работе забыть о ней.

Через несколько дней он поднял голову от стола:

— Панделум, где ты?

— Что тебе нужно, Туржан?

— Ты упоминал, что когда создавал Т'саис, ошибка извратила ее мозг. Я хочу создать подобную ей, но со здравым разумом и духом.

— Как хочешь,— равнодушно ответил Панделум и сообщил Туржану параметры, необходимые для эксперимента.

И Туржан создал сестру Т'саис. Он день за днем следил, как возникает в чане то же стройное тело, те же гордые черты.

Когда настало время и в чане села девушка с глазами, горящими радостью жизни, у Туржана перехватило дыхание, и он поспешил помочь ей выйти.

Она стояла перед ним, влажная и нагая, двойник Т'саис. Но если лицо Т'саис было искажено ненавистью, на этом лице царили мир и покой; если глаза Т'саис горели злобой, эти сияли, как звезды воображения.

Туржан стоял, дивясь совершенству своего создания.

— Твое имя будет Т'саин,— сказал он,— и я уже знаю, что ты станешь частью моей жизни.

Он отказался от других занятий, чтобы учить Т'саин, и она постигалп все с поразительной быстротой.

— Скоро мы вернемся на Землю,— говорил он ей,— в мой дом у большой реки в зеленой стране Асколайс.

— А небо Земли тоже полно цветами?— спрашивала она.

— Нет,— отвечал он.— Небо Земли бездонно голубое, и по нему движется древнее красное солнце. Когда наступает ночь, загораются звезды; их рисунку я тебя научу. Эмбелион прекрасен, но Земля более обширна, и горизонты ее далеко уходят в загадочное. Как только захочет Панделум, мы вернемся на Землю.

Т'саин любила плавать в реке, и Туржан иногда приходил к ней поплескаться или мечтательно бросать камни в воду. Он предупредил ее о Т'саис, и девушка обещала быть поосторожней.

Но однажды, когда Туржан готовился к возвращению, она далеко ушла по лугу, замечая только игру лучей в небе, величавость высоких деревьев, цветы под ногами; она смотрела на мир с тем удивлением, которое свойственно только недавно появившимся из чанов. Она прошла несколько невысоких холмов и

через темный лес, в котором нашла холодный ручей. Она напилась из него, погуляла по берегу и вскоре увидела какое-то жилище.

Дверь была открыта, и Т'саин заглянула, чтобы узнать, кто здесь живет. Но дом был пуст, а единственной мебелью можно было назвать разве что травяной матрац, стол да полку с корзинкой орехов и несколькими предметами из дерева и олова.

Т'саин уже хотела уйти, но тут услышала зловещий топот копыт, приближавшийся как судьба. Перед ней остановилась черная лошадь. Т'саин попятилась, вспомнив предупреждение Туржана. Но Т'саис уже спешилась и шла к ней с мечом наготове. Она подняла его для удара, и тут взгляды их встретились. Т'саис в удивлении остановилась.

Такое зрелище способно возбудить любой мозг: прекрасные девушки, совершенно одинаковые, одетые в одинаковые белые брюки, с одинаковыми глазами и распущенными волосами, с одинаковыми стройными телами. Но на лице одной ненависть к каждому атому во Вселенной, а у другой на лице написана любовь в этому миру.

Т'саис обрела дар речи.

— Кто ты, ведьма? У тебя моя внешность, но ты — не я. Или на меня снизошло благословение безумия и затуманило зрелище этого мира?

Т'саин покачала головой.

— Я Т'саин. Ты моя сестра, Т'саис. Поэтому я должна любить тебя, а ты должна любить меня.

— Любить? Я ничего не люблю. Я убью тебя и тем самым сделаю мир лучше, в нем на одно зло станет меньше.— И она опять подняла свой меч.

— Нет!— с болью воскликнула Т'саин.— Почему ты хочешь погубить меня? Что я тебе сделала плохого?

— Ты делаешь плохо самим своим существованием, и ты оскорбила меня, насмехаясь над моей отвратительной внешностью.

Т'саин рассмеялась.

— Отвратительной? Нет. Туржан говорит, что я прекрасна. А значит, прекрасна и ты.

Лицо Т'саис застыло, как мраморное.

— Ты смеешься надо мной.

— Нет. Ты на самом деле прекрасна.

И Т'саис опустила свой меч. Лицо ее стало задумчивым.

— Красота? Что такое красота? Может, я слепа, может, враг исказил мое зрение? Скажи, как понять красоту?

— Не знаю,— ответила Т'саин.— Мне это кажется ясным. Разве игра цветов не небе не прекрасна?

Т'саис в изумлении подняла взгляд.

— Вот это резкое свечение? Все эти цвета вызывают во мне лишь отвращение.

— Посмотри, как прекрасны цветы, какие они хрупкие и очаровательные.

— Это паразиты, у них отвратительный запах.

Т'саин изумилась.

— Не знаю, как объяснить красоту. Ты, похоже, ни в чем не видишь радости. Разве тебе ничего не приносит удовлетворения?

— Только убийство и уничтожение. Только они прекрасны.

Т'саин нахмурилась. «Я бы назвала это злым взглядом на мир»,— подумала она.

— И ты в это веришь?

— Я убеждена в этом.

Т'саис задумалась.

— Откуда мне знать, как действовать? Я была уверена в своей правоте, а ты говоришь, что я приношу только зло.

Т'саин пожала плечами.

— Я мало жила, и у меня нет мудрости. Но я знаю, что все имеет право на жизнь. Туржан лучше объяснит это тебе.

— А кто такой Туржан?— спросила Т'саис.

— Он очень хороший человек,— ответила Т'саин,— и я люблю его. Скоро мы отправимся на Землю, где небо глубокого синего цвета.

— Земля... А если я отправлюсь с вами на Землю, найду ли я там красоту и любовь?

— Может быть. У тебя есть разум, чтобы понять красоту, и красота, чтобы привлечь любовь.

— Тогда я больше не буду убивать, как бы отвратительно мне ни было. Я попрошу Панделума от-

править меня на Землю.

Т'саин сделал шаг вперед, обняла сестру и поцеловала ее.

— Я всегда буду любить тебя,— просто сказала она.

Лицо Т'саис застыло. «Рви, режь, руби»,— говорил ее мозг, но в ее теле, в каждой ее частице, нарастал поток удовольствия. Она неумело улыбнулась.

— Ну... я тоже люблю тебя, сестра. Больше я не убиваю, и я найду и познаю на Земле красоту... или умру...

Т'саис села на лошадь и отправилась на Землю в поисках любви и красоты.

Т'саин стояла в дверях, глядя, как уезжает в многоцветье ее сестра. Сзади послышался крик, и появился Туржан.

— Т'саин! Эта бешеная ведьма обидела тебя?— Он не дождался ответа.— Довольно! Я убью ее заклинанием, чтобы она не могла больше никому причинить боль!

И он собрался уже произнести Заклинание Огня, но Т'саин рукой закрыла ему рот.

— Нет, Туржан, не нужно! Она обещала больше не убивать. Она уходит на Землю в поисках всего того, что не может найти в Эмбелионе.

Туржан и Т'саин смотрели, как Т'саис растворяется в многоцветье луга.

— Туржан,— сказала Т'саин.

— Что?

— Когда мы будем на Земле, ты найдешь мне черную лошадь, как у Т'саис?

— Найду,— улыбнулся Туржан, и они пошли к дому Панделума.

ВОЛШЕБНИК МАЗИРИАН

В глубокой задумчивости волшебник Мазириан брел по своему саду. Ветви деревьев, увешанные красивыми, но ядовитыми плодами склонялись над ним, цветы раболепно опускали головки при его приближении. Тусклые как агаты глаза мандрагор следили за его обутыми в черное ногами в дюйме над землей.

Таков был сад Мазириана — три террасы, полные странной и удивительной жизни. Некоторые растения непрерывно меняли расцветку; другие пульсировали, как морские анемоны: пурпурные, зеленые, лиловые, розовые, желтые. Здесь росли деревья с кроной, как парашюты из перьев, деревья с прозрачными стволами, увитыми красными и желтыми лианами, деревья с листвой, как металлическая фольга: каждый лист из другого металла — меди, серебра, синего тантала, бронзы, зеленого иридия. Цветы, подобно воздушным шарам, вздымались вверх над блестящими зелеными листьями; куст, покрытый тысячами цветов-флейт, и каждая флейта негромко играла музыку древней Земли — музыку, напоминавшую о рубиново-красном солнечном свете, о воде, сочащейся сквозь чернозем, о ленивых ветерках. А за рокваловой изгородью деревья дикого леса образовывали загадочную стену. В этот час затухания земной жизни ни один человек не мог похвастать, что знает все ее лесные долины, прогалины, просеки, поляны, все лощины и впадины, все уединенные ущелья, руины павильонов, все сады и парки в солнечных пятнах, овраги и холмы, многочисленные ручьи и ручейки, пруды, луга, чащи, заросли и скалистые выступы.

Мазириан шел по саду, лицо его хмурилось в задумчивости. Шел он медленно, руки сцепил за спиной. Существовало нечто, внушавшее ему удивление, сомнение и великое желание,— прекрасная женщина, живущая в лесу, с глазами, как золотые кристаллы. Она часто приходила к изгороди, всегда настороженная, верхом на черной лошади. Много раз пытался Мазириан захватить ее; лошадь всегда уносила ее от его разнообразных приманок, засад и заклинаний.

Болезненный крик заполнил сад. Мазириан, ускорив шаг, обнаружил крота, который жевал ствол гибрида растения с животным. Мазириан убил нарушителя, и крик сменился прерывистым дыханием. Мазириан погладил пушистые листья, и из красного рта растения раздался свист, выражавший радость.

Потом растение произнесло: «К-к-к-к-к-к-к».

Мазириан наклонился, поднес трупик зверька к красному рту. Послышался сосущий звук, и маленькое тело скользнуло в подземный желудочный пузырь. Растение булькнуло, отрыгнув. Мазириан с удовольствием смотрел на него.

Солнце низко висело в небе, такое тусклое и больное, что видны были звезды. Мазириан почувствовал, что на него смотрят. Это, должно быть, та женщина из леса: именно так она тревожила его и раньше. Он остановился, пытаясь определить, откуда исходит взгляд.

Колдун быстро выкрикнул заклятие обездвиживания. У его ног неподвижно застыло растение-животное, большой зеленый мотылек, прервав полет, заскользил к земле. Волшебник обернулся. Вот она, на краю леса, ближе чем когда-либо раньше. Она не шевельнулась при его приближении. Глаза Мазириана засверкали. Он приведет ее в свой дом и посадит в тюрьму из зеленого стекла. Он испытает ее мозг огнем, холодом, болью и радостью. Она будет подносить ему вино и делать восемнадцать соблазнительных движений при свете желтых ламп. Может быть, она шпионит за ним; если это так, Мазириан немедленно об этом узнает. Ни одного человека он еще не называл своим другом. Другом ему был только сад.

Вот колдун уже в двадцати шагах от женщины. И тут раздался топот копыт: она развернула свою вороную лошадь и ускакала в лес.

Волшебник в гневе сорвал плащ. У нее была защита — противозаклятие, охранная руна! К тому же она всегда появлялась, когда он не был готов к преследованию. Он всматривался в смутную лесную глубину, видел белое тело скользнувшее сквозь столб солнечного света, черную тень лошади — и все исчезло... Может, она ведьма? Приходила она по собственному желанию или, что более вероятно, ее послал неведомый враг? Если это так, кто же руководит ею? Принц Кандайв Золотой из Кайна, у которого Мазириан выманил тайну возвращения молодости? Или астролог Азван? А может, Туржан? Хотя Туржан вряд ли... Лицо Мазириана просветлело от приятных воспоминаний, и он отбросил эту мысль. Азвана он

по крайней мере может испытать. Волшебник направился в свою мастерскую, подошел к столу, на котором стоял хрустальный куб, окруженный красно-голубым ореолом. Из ящика извлек бронзовый гонг и серебряный молоток. Ударил по гонгу, и густой сочный звук поплыл по комнате. Он ударял снова и снова. В голубизне хрусталя проступило лицо Азвана, покрытое каплями пота от боли и ужаса.

— Не бей в гонг, Мазириан!— воскликнул Азван.— Пожалей мою жизнь, не бей!

Мазириан остановился, высоко держа руку с молотком.

— Ты шпионишь за мной, Азван? Ты послал женщину, чтоб украсть гонг?

— Не я, хозяин, не я! Я слишком боюсь тебя.

— Ты должен предоставить мне эту женщину, Азван, я настаиваю.

— Невозможно, хозяин: я не знаю, кто она.

Мазириан сделал движение, как будто хотел ударить. Азван испустил такой поток униженных просьб, что Мазириан с отвращением отбросил молоток и убрал гонг на место. Лицо Азвана медленно растаяло, и хрустальный куб снова опустел.

Мазириан погладил подбородок. Очевидно, он должен сам захватить девушку. Позже, когда на лес опустится темная ночь, он поищет в книгах заклинания, которые защитят его на полных опасностей лесных полянах. Это будут заклинания, полные яда и разрушительной силы такой мощности, что любое из них устрашит обычного человека или даже сведет его с ума. Мазириан, благодаря своему долгому опыту, мог хранить в памяти одновременно четыре самых сильных или шесть менее страшных заклинаний.

Он отложил свой плащ и направился к длинному чану, купавшемуся в свете зеленых ламп. В прозрачном растворе лежало тело человека, мертвенное в зеленом свете, но физически исключительно сильное и совершенное. Ясное, с холодными жесткими чертами лицо, золотистые волосы.

Мазириан смотрел на это существо, которое сам вырастил из единственной клетки. Его творению не

хватало только разума, и колдун не знал, как снабдить его разумом. Туржан Миирский владел этим знанием, но отказывался разделить с Мазирианом эту свою тайну.

Мазириан рассматривал существо в чане. Совершенное тело — разве в нем не должен жить организованный и гибкий ум? Он узнает это. Он привел в действие приспособление, выпускающее из чана жидкость, и вскоре тело уже лежало на воздухе. Мазириан сделал инъекцию в шейную артерию. Тело дернулось, глаза открылись, мигнули. Мазириан отвел прожектор.

Существо в чане слабо пошевелило руками и ногами, как будто не догадываясь об их назначении. Мазириан внимательно смотрел: возможно, он все же случайно правильно синтезировал мозг.

— Сядь!— приказал Мазириан.

Существо сосредоточило на нем свой взгляд, мышцы его рефлекторно напряглись, оно хрипло взревело, выпрыгнуло из чана и вцепилось Мазириану в горло. Несмотря на всю силу Мазириана, существо легко удерживало его и трясло, как куклу.

Невзирая на все свое колдовство, Мазириан был беспомощен. Гипнотическое заклинание он истратил, и теперь в его мозгу не было ничего другого. И в любом случае он не мог произнести ни звука: безумец крепко сжимал его горло.

Рука Мазириана упала на свинцовую бутыль, и он ударил существо по голове. Безмозглое создание упало на пол.

Мазириан, еще не совсем разочаровавшись, изучал тело у своих ног. Координация движений прекрасная. Он растворил в реторте белый порошок и, приподняв золотую голову, влил жидкость в расслабленный рот. Человек зашевелился, открыл глаза, приподнялся на локте. Безумное выражение покинуло его лицо, но Мазириан напрасно искал в нем следы разума. Глаза были пусты, как у ящерицы.

Волшебник раздраженно покачал головой. Он подошел к окну, и его профиль четко отразился в овальном стекле... Опять Туржан? Даже при самых страшных пытках Туржан не выдаст своей тайны.

Мазириан сухо скривил рот. Может, добавить к коридору в лабиринте еще один угол...

Солнце опустилось, и сад Мазириана потускнел. Распустились бледные ночные цветы, и серые мотыльки начали перелетать от цветка к цветку. Мазириан открыл люк в полу и спустился по каменным ступеням. Вниз, вниз, вниз... Наконец показался идущий под прямым углом коридор, освещенный вечными желтыми лампами. Слева располагались его грибницы, справа — крепкая дверь из дуба и железа, запертая на три замка. Каменные ступени уходили вниз, теряясь во тьме.

Мазириан открыл все три замка, широко распахнул дверь. Комната была пустой, если не считать каменного пьедестала, на котором стоял ящик со стеклянной крышкой. В ящике, по существу квадратном лабиринте, по беговой дорожке с четырьмя углами двигались два маленьких существа, одно — преследующее, другое — спасающееся. Хищник — маленький дракон с яростными красными глазами и клыкастой пастью. Он, покачиваясь, двигался по коридору на шести расплющенных лапах, размахивая хвостом. Другое существо было вполовину меньше дракона — крошечный человек с сильным телом, голый, с медной лентой на голове поверх длинных черных волос. Он двигался чуть быстрее преследователя, который продолжал безжалостную погоню, используя всю свою хитрость, повороты назад, засады за углом, на случай, если человек проявит неосторожность. Но сохранявший постоянную настороженность человек оставался вне досягаемости клыков. Этим человеком был Туржан, которого Мазириан предательски захватил несколько недель назад, уменьшил и заключил в эту тюрьму.

Мазириан с удовольствием смотрел, как рептилия метнулась к расслабившемуся на мгновение человеку; тот отпрыгнул, и когти скользнули на расстоянии миллиметра от его кожи. Мазириан подумал, что пора дать обоим пленникам отдохнуть и покормить их. Он опустил перегородку, разделившую коридор надвое и изолировавшую человека от зверя. Обоим дал мяса и по мисочке воды.Туржан без сил

опустился на пол.

— Ага,— сказал Мазириан,— ты устал. Хочешь отдохнуть?

Туржан молчал, закрыв глаза. Все утратило для него смысл. Единственной реальностью оставался серый коридор и бесконечное бегство. Через непостижимые интервалы приходила пища и несколько часов отдыха.

— Вспомни голубое небо,— сказал Мазириан,— ночные звезды, вспомни свой замок Миир на берегу Дерны; подумай о том, как приятно свободно бродить по лугу!

Лицо Туржана дернулось.

— Подумай, ведь ты мог бы растоптать этого дракона!

Туржан поднял голову.

— Я предпочел бы растоптать тебя, Мазириан!

Мазириан безмятежно продолжил:

— Объясни, как ты наделяешь создания своих чанов разумом. Говори, и будешь свободен.

Туржан рассмеялся. В смехе его звучало безумие.

— Сказать тебе? А что потом? Ты тут же сваришь меня в кипящем масле.

Тонкий рот Мазириана раздраженно скривился.

— Жалкий человек, я знаю, как заставить тебя заговорить. Даже если бы твой рот был набит, залеплен воском и запечатан, ты все равно стал бы говорить. Завтра я возьму из твоей руки нерв и вдоль всей его длины протяну жесткую ткань.

Маленький Туржан, вытянув ноги вдоль коридора, отпил воды и ничего не сказал.

— А сегодня вечером,— со злобой сказал Мазириан,— я добавлю в лабиринт еще один угол и превращу коридор в пятиугольник.

Туржан молчал, глядя через стеклянную перегородку на своего врага. Потом медленно отпил еще глоток воды. При пяти углах у него будет меньше возможностей увернуться от чудовища.

— Завтра,— сказал Мазириан,— тебе понадобится все твое притворство.— Тут ему в голову пришла еще одна мысль.— Но я избавлю тебя от этого, если ты поможешь мне решить одну проблему.

— В чем твое затруднение, Мазириан?

— Мое воображение преследует образ женщины, и я поймаю ее.— Глаза Мазириана затуманились.— Во второй половине дня она подъезжает к ограде моего сада на большой черной лошади — ты знаешь ее, Туржан?

— Нет, Мазириан,— Туржан еще отпил воды.

Мазириан продолжал:

— У нее достаточно колдовства, чтобы отвратить Второй Гипнотический Заговор Фелоджуна. А может, у нее есть какая-то защитная руна. Когда я приближаюсь, она убегает в лес.

— И что же?— спросил Туржан, отщипывая мясо, данное Мазирианом.

— Кто эта женщина?— спросил Мазириан, глядя поверх своего длинного носа на крошечного пленника.

— Откуда мне знать?

— Я должен захватить ее,— задумчиво сказал Мазириан.— Какие заклинания, какие чары могут помочь мне?

— Освободи меня, Мазириан, и, даю тебе слово Избранного Иерарха Марам-Ора, я доставлю тебе эту девушку.

— Как ты это сделаешь?— подозрительно спросил Мазириан.

— Буду преследовать ее по лесу со своими лучшими Живыми Башмаками и пригоршней заклятий.

— Тебе повезет не больше, чем мне,— возразил Мазириан.— Я освобожу тебя, когда узнаю все о твоем синтезе существ в чанах. Я сам буду преследовать женщину.

Туржан опустил голову, чтобы Мазириан не мог прочесть выражения его глаз.

— А как же я, Мазириан?— спросил пленник спустя какое-то время.

— Тобой я займусь, когда вернусь.

— А если ты не вернешься?

Мазириан погладил подбородок и улыбнулся, обнажив ровные белые зубы.

— Дракон уже давно пожрал бы тебя, если бы

не твой проклятый секрет.

Волшебник поднялся по лестнице. Полночь застала его в кабинете, он рылся в переплетенных в кожу фолиантах и в пыльных папках... Некогда магам было известно больше тысячи рун, заговоров, заклинаний и проклятий. Просторы Великого Мотолама: Асколайс, Айд Каучикский, Южный Олмери, земля Падающей Стены на востоке — кишели колдунами всех разновидностей. Их главой был Архинекромант Фандаал. Сотню заклятий Фандаал сформулировал лично, хотя ходили слухи, что когда он над ними работал, в уши ему нашептывали демоны. Понтецилла Благочестивый, правитель Великого Мотолама, подверг Фандаала пытке и после ужасной ночи мучений убил его, объявив колдовство вне закона. Колдуны Великого Мотолама разбежались, как жуки при свете, их наука рассеялась и была забыта; и теперь, в эти смутные времена, когда солнце состарилось, варварство охватило Асколайс и белый город Кайн наполовину уже лежал в развалинах, лишь немногим более ста заговоров сохранились в памяти людей. Из них Мазириан имел доступ к семидесяти трем и постепенно, при помощи различных уловок и торговли, пытался овладеть и остальными.

Мазириан сделал выбор и с большими усилиями поместил в свой мозг сразу пять заклятий: Вращатель Фандаала, Второй Гипнотический Заговор Феложуна, Великолепный Призматический Разбрызгиватель, Чары Неистощимого Питания и Заклятие Всемогущей Сферы. Завершив работу, Мазириан выпил вина и отправился спать.

На следующий день, когда солнце висело низко, Мазириан вышел на прогулку в сад. Ждать ему пришлось недолго. Не успел он освободить от земли корни лунной герани, как негромкий шум и топот подсказали ему, что объект его вожделений рядом.

Она прямо сидела в седле, молодая женщина с великолепной фигурой. Мазириан медленно наклонился, чтобы не спугнуть ее, сунул ноги в Живые Башмаки и закрепил их под коленями.

Он распрямился

— Эй, девушка,— крикнул он,— ты снова при-

шла. Почему ты приходишь сюда по вечерам? Тебе нравятся розы? Они ярко-красные, потому что в их лепестках живая кровь. Если ты сегодня не убежишь от меня, я подарю тебе одну.

Мазириан сорвал розу с задрожавшего куста и направился к девушке, борясь со своими Живыми Башмаками. Не успел он сделать и четырех шагов, как женщина сжала коленями бока лошади и поскакала в лес.

Мазириан полностью оживил свои Башмаки. Они сделали большой прыжок, затем другой, и охота началась.

Так Мазириан вошел в легендарный лес. Повсюду изгибались, поддерживая тяжелое лиственное одеяние, мшистые стволы. В просветах между ветвями лучи солнца бросали алые пятна на дерн. В тени росли цветы с длинными стеблями и хрупкие грибы; в эту эпоху увядания Земли природа стала мягкой и расслабленной.

Мазириан в своих Живых Башмаках с большой скоростью прыгал по лесу, но черная лошадь, бегущая без напряжения, держалась от него на порядочном расстоянии.

Несколько лиг проскакала женщина. Черные волосы летели за ней, как знамя. Она часто оглядывалась через плечо, и Мазириан видел, как во сне, ее лицо. Но вот она склонилась к спине лошади, та поскакала быстрее и скоро скрылась из виду. Мазириан продолжал погоню, ориентируясь по следу на влажной почве.

Жизнь начала уходить из Живых Башмаков: они слишком долго двигались на большой скорости. Огромные прыжки становились короче и тяжелее, но шаг лошади, видный по ее следу, тоже замедлялся. Вскоре Мазириан оказался на лугу и увидел щиплющую траву одинокую лошадь. Мазириан застыл. Перед ним открылся весь луг. Туда вел ясный след лошади, но человеческого следа, ведущего с луга, не было. Значит, женщина спешилась где-то позади колдуна, и он не знал, где именно. Волшебник направился к лошади, но та с ржанием ускакала в лес. Мазириан не пытался ее преследовать, он обнару-

жил, что его Башмаки вяло и расслабленно висят не ногах. Они умерли.

Он отпихнул их в сторону, проклял этот день и свою неудачу. Потрясая плащом, со злобным выражением лица, он двинулся назад по следу.

В этом районе леса часто встречались выступы черных и зеленых базальтовых скал, предвестники утесов на реке Дерне. На одной из таких скал Мазириан увидел маленького зеленокожего человечка верхом на стрекозе. Он был одет во что-то вроде полупрозрачного кафтана и вооружен копьем, вдвое длиннее его самого.

Мазириан остановился. Твк-человек флегматично смотрел на него.

— Не видел ли ты женщину моей расы, проходившую здесь, твк-человек?

— Я видел такую женщину,— ответил твк-человек после некоторого размышления.

— А где ее можно найти?

— А что я получу за информацию?

— Соль,— столько, сколько сможешь унести.

Твк-человек взмахнул своим копьем.

— Соль? Нет. Лайан-Странник дает вождям данданфлоров достаточно соли для всего племени.

Мазириан представил себе службу, за которую разбойник-трубадур платит солью. Твк-люди, быстро летящие на своих стрекозах, видели все, что происходит в лесу.

— Флакон масла из моих теланксисовых цветов.

— Хорошо,— ответил твк-человек.— Покажи мне флакон.

Мазириан показал.

— Она свернула со следа возле разбитого молнией дуба и направилась прямо в речную долину, кратчайшим путем к озеру.

Мазириан положил флакон возле скалы и направился к дубу. Твк-человек посмотрел ему вслед, затем спешился и прикрепил флакон под своей стрекозой, рядом с мотком шерсти, который дала ему женщина, чтобы он обманул волшебника.

Мазириан свернул у дуба и вскоре обнаружил на опавшей листве след. Длинная открытая прогалина

лежала перед ним, полого спускаясь к реке. По обе стороны возвышались деревья, и длинные солнечные лучи окрашивали одну сторону в кровь, оставляя другую в глубокой тени. Тень была так глубока, что Мазириан не заметил существо, сидевшее на упавшем дереве. Колдун почувствовал его присутствие, только когда тварь готова была прыгнуть ему на спину.

Мазириан резко повернулся лицом к существу. Это был деоданд, отдаленно похожий на человека, с сильной мускулистой фигурой, мертвенно-черной тусклой кожей и узкими раскосыми глазами.

— Ах, Мазириан, ты бродишь по лесу далеко от дома,— послышался негромкий голос черного существа.

Мазириан знал, что деоданд стремится пожрать его. Он всегда хочет мяса. Как же удалось девушке спастись? Ее след проходит прямо здесь.

— Я ищу, деоданд. Ответь на мой вопрос, и я дам тебе много мяса.

Глаза деоданда сверкнули, он осмотрел тело Мазириана.

— Ты можешь это сделать прямо сейчас, Мазириан. Или с тобой сегодня могучие заклинания?

— Да. Скажи, давно ли проходила здесь девушка? Шла она быстро или медленно, одна или со спутниками? Отвечай, и я дам тебе столько мяса, сколько ты захочешь.

Губы деоданда несмешливо скривились.

— Слепой волшебник! Она не покинула прогалину.— Он показал, и Мазириан повернулся в ту сторону. Но успел отпрыгнуть, когда деоданд бросился на него. Изо рта Мазириана полились звуки Заклятия Вращателя Фандаала. Деоданда сбило с ног и подбросило высоко в воздух, где тот повис, вертясь то выше, то ниже, то быстрее, то медленнее, то над вершинами деревьев, то над самой землей. Мазириан с легкой улыбкой следил за ним. Через какое-то время он опустил деоданда и приказал вращению замедлиться.

— Хочешь ли ты умереть сразу или медленно?— спросил Мазириан.— Помоги мне, и я сразу убью тебя. А иначе ты поднимешься очень высоко, туда, где

летают пелгрейны.

Деоданд задыхался от ярости и страха.

— Пусть темный Тиал выколет тебе глаза! Пусть Краан держит твой живой мозг в кислоте!— И он добавил такие проклятия, что Мазириан почувствовал необходимость в противочарах.

— Тогда вверх,— сказал Мазириан и взмахнул рукой. Черное тело взлетело высоко над вершинами деревьев и медленно завертелось на фоне красного солнца. Через мгновение пятнистое существо, похожее на летучую мышь, с клювастым рылом, пронеслось рядом и рвануло черную ногу, прежде чем кричащий деоданд смог отпихнуть его. Все новые и новые фигуры замелькали на фоне солнца.

— Опусти меня, Мазириан!— послышался слабый зов.— Я расскажу все, что знаю.

Мазириан опустил пленника к земле.

— Она прошла одна перед самым твоим появлением. Я напал на нее, но она отогнала меня пригоршней тайл-пыли. Она прошла по прогалине в сторону реки. Этот след ведет мимо логова Транга. Я думаю, она погибла. Транг будет высасывать ее, пока она не умрет.

Мазириан потер подбородок.

— Какие заклятия были с ней?

— Не знаю. Ей понадобятся сильные заклятия, чтобы спастись от Транга.

— У тебя есть еще что сказать?

— Ничего.

— Тогда можешь умереть.— И Мазириан проклял существо, заставив его вращаться все быстрее, пока оно не слилось в сплошное вертящееся пятно. Послышался приглушенный вопль, и тело деоданда разорвалось на части. Голова, как пуля, полетела вниз, руки, ноги, внутренности — во всех направлениях.

Мазириан пошел дальше. В конце прогалины след круто спускался по уступам темно-зеленого серпентина к реке Дерне. Солнце садилось, и тень заполняла долину. Мазириан дошел до реки и направился вниз по течению к далекому сверкающему Санру, Озеру Сновидений.

Тяжелый запах гнили висел в воздухе. Мазириан пошел осторожнее: поблизости находилось логово вампира-медведя Транга, и в воздухе пахло колдовством — сильным грубым колдовством, которое его собственные, более тонкие заклинания могли и не победить.

До него донесся звук голосов — хриплый рев Транга и женские вопли. Мазириан выглянул из-за скалы, чтобы понять, что там происходит.

Логово Транга располагалось в расщелине скалы. Грязная груда травы и шкур служила ему постелью. Он построил грубый загон, в котором находились три женщины, на телах каждой виднелось множество кровоподтеков, а на лицах — ужас. Транг похитил их из племени, живущего на завешанных шелком плотах на мелководье озера. Теперь они смотрели, как вампир пытается справиться еще с одной, только что захваченной женщиной. Грубое круглое человекоподобное лицо Транга было искажено, крепкими пальцами он сорвал с женщины куртку. Но она с удивительным проворством увертывалась от его огромных рук. Глаза Мазириана сузились. Магия, магия!..

Он смотрел, раздумывая, как бы уничтожить Транга, не причинив вреда женщине. Та увидела колдуна за плечом Трагна.

— Смотри!— выдохнула она.— Мазириан пришел, чтобы убить тебя!

Транг обернулся. Он увидел Мазириана и бросился к нему на всех четырех лапах, испуская дикий рев. Мазириан подумал, не бросил ли на него вурдалак какое-то заклятие, потому что мозг волшебника охватил странный паралич. А может, на него так подействовал вид огромной морды Транга, его мощных лап?

Мазириан стряхнул с себя заклятие, если оно было, и произнес собственное. Вся прогалина озарилась огненными стрелами, летящими в Транга со всех сторон. Это был Великолепный Призматический Разбрызгиватель — многоцветные рубящие лучи. Транг умер почти мгновенно, пурпурная кровь хлынула из бесчисленных ран, открывшихся там, где огненный дождь пронзил его тело.

Мазириан не обратил на это внимания. Девушки не было. Мазириан увидел, что она бежит вдоль реки к озеру, и пошел за ней, не слыша жалобных криков женщин, запертых в загоне.

Вскоре перед ним открылось озеро, дальний край которого едва виднелся на горизонте. Мазириан спустился на песчаный берег и долго стоял, глядя на темные воды Озера Сновидений. Была уже темная ночь, на небе горели звезды. Вода была холодной и неподвижной, лишенная приливов, как все воды на Земле после ухода с неба Луны.

Где же женщина? Вот она — светлая фигура в тени речного берега. Мазириан встал у воды, высокий и могучий. Легкий ветерок развевал его плащ.

— Эй, девушка,— позвал он.— Это я, Мазириан, я спас тебя от Транга. Подойди ближе, чтобы я мог поговорить с тобой.

— Я слышу тебя и на таком расстоянии, волшебник,— ответила она.— Чем ближе я подойду, тем дальше потом придется убегать.

— А зачем тебе бежать? Иди ко мне, и ты станешь хозяйкой многих тайн, обладательницей большой власти.

Она засмеялась.

— Если бы я хотела этого, Мазириан, разве стала бы избегать тебя так долго?

— Кто же ты, не желающая постичь тайны магии?

— Для тебя, Мазириан, я безымянна, чтобы ты не смог проклясть меня. А теперь я пойду туда, куда ты не сможешь последовать,— она подбежала к воде, медленно вошла в нее по пояс, нырнула и исчезла.

Мазириан в нерешительности подождал.

Неразумно тратить столько заклинаний и тем самым лишать себя сил. Что может находиться под поверхностью озера? Тут чувствовалась спокойная магия, и хотя колдун не враждовал с повелителем озера, другие существа могли воспротивиться его проникновению. Однако, когда голова девушки так и не появилась на поверхности, он произнес Заклинание Неистощимого Питания и вошел в холодную воду.

Он глубоко нырнул, встав на дне озера и не чувствуя под защитой чар никакого неудобства для легких, осмотрелся. Его окружало зеленоватое свечение. Вода была почти такая же прозрачная, как воздух. Придонные растения тянулись по течению, вместе с ними двигались озерные цветы, красные, синие и желтые. Вокруг вяло плавали большеглазые рыбы разнообразных форм.

Скальные ступени вели к подводной равнине, на которой росли высокие водоросли, их стройные стволы поддерживали узорную листву и пурпурные плоды. Водоросли терялись в туманной дымке. Потом колдун увидел женщину, белую водяную нимфу. Черные волосы струились за ее спиной, как темное облако. Она полуплыла, полубежала по песчаному дну, изредка оглядываясь через плечо. Мазириан устремился за ней, вспенивая воду плащом.

Возбужденный колдун догонял женщину. Он должен наказать непокорную за то, что она завела его так далеко... Стертые каменные ступени в его жилище вели из мастерской вниз, в комнаты, которые по мере спуска становились все обширнее. Мазириан нашел однажды в одной из комнат проржавевшую клетку. Неделя или две в темноте обуздают упрямство гордячки... А когда-то он уменьшил женщину, сделал ее размером с палец и посадил в стеклянную бутылку вместе с двумя большими мухами...

Сквозь зелень проступил разрушенный белый храм. В нем было множество колонн. Некоторые уже упали, другие продолжали поддерживать фронтон. Женщина вошла в большой портик. Может, она пытается сбить его со следа? Белое тело мелькнуло в дальнем конце нефа, сверкнуло над кафедрой и пропало в полукруглом алькове за ней.

Мазириан как мог быстро последовал за нею, полуплывя в мрачных сумерках. Он всматривался в темноту, где малые колонны поддерживали купол, из которого выпал ключевой камень. Неожиданный страх охватил его, увидев быстрое движение вверху, он вдруг все понял. Со всех сторон рушились колонны, лавина мраморных блоков падала на него. Колдун в панике отпрыгнул...

Волнение прекратилось, белая муть старой штукатурки расплылась. На фронтоне главного храма женщина стояла на коленях, всматриваясь вниз, чтобы убедиться, что она убила Мазириана.

Но она его не убила. Две колонны по чистой случайности упали по обе стороны от его тела, а легшая сверху плита защитила его от камнепада. Он повернул голову. Сквозь щель в дрожащем мраморе он увидел рассматривавшую его женщину. Значит, она хотела убить его? Его, Мазириана, прожившего больше лет, чем он сам может припомнить? Тем сильнее будет она ненавидеть и бояться его впоследствии. Он произнес Заклинание Всемогущей Сферы. Силовое поле окружило его тело, расталкивая все окружающее. Когда мраморные руины раздвинулись, колдун убрал сферу, встал на ноги и осмотрелся в поисках женщины. Та была уже почти не видна. В чаще длинных пурпурных водорослей она взбиралась по откосу на берег. Мазириан бросился в погоню.

Т'саин выползла на берег. Волшебник Мазириан по-прежнему шел за ней, его магия разрушила все ее планы. Девушка вспомнила его лицо и вздрогнула.

Усталость и отчаяние замедлили ее шаг. У нее было лишь два заклинания — Чары Неистощимого Питания и заклятие, придающее силу рукам, благодаря ему она удержала Транга и обрушила храм на Мазириана. Оба заклинания теперь истрачены; она беззащитна; но, с другой стороны, и у Мазириана могло больше ничего не остаться.

Может быть, он не знает о траве-вампире? Она побежала по склону и перескочила через полоску бледной, избитой ветром травы. Выбрался из озера и Мазириан — тощая фигура, хорошо заметная на фоне воды.

Девушка отступила, оставляя между собой и преследователем невинную полоску травы. А если и трава не поможет? Сердце ее дрогнуло при мысли о том, что ей придется тогда сделать.

Мазириан вошел в траву. Чахлые травинки превратились в мускулистые пальцы. Одни обвились вокруг ног колдуна, удерживая его мертвой хваткой,

а другие в это время пробирались под одежду, к коже.

И тогда Мазириан истратил свой последний заговор — заклятие обездвиживания. Трава-вампир расслабилась и вяло легла на землю. Т'саин в отчаянии следила за ним. Теперь волшебник был совсем рядом, плащ развевался за его спиной. Неужели у него нет слабостей? Разве его плоть не болит, разве его дыхание не становится прерывистым? Она повернулась и побежала по лугу к роще черных деревьев. Ей стало холодно в глубокой мрачной тени. Прежде чем вся роща проснется, она должна убежать как можно дальше.

Щелчок! Ее хлестнула плеть. Она продолжала бежать. Еще один удар и еще — она упала. Ее ударил тяжелый ремень, и еще один. Шатаясь, девушка поднялась, закрывая руками лицо. Плети свистели в воздухе, последний удар развернул ее. Она увидела Мазириана.

Он боролся. Когда на него обрушились удары, он хватал хлысты и попытался разорвать их. Но они были слишком гибкими и пружинистыми, вырывались из рук и обрушивали на человека все новые удары. Раздраженные его сопротивлением деревья сосредоточились на несчастном Мазириане, который боролся с необыкновенной яростью. Т'саин смогла уползти на край рощи и спастись.

Она посмотрела назад, поражаясь жизненной силе Мазириана. Тот шатался под градом ударов, его яростная упрямая фигура смутно виднелась в зарослях. Он ослаб, попытался бежать, упал. Удары сыпались ему на голову, плечи, на длинные ноги. Он попытался встать, но снова упал.

Т'саин устало закрыла глаза. Она чувствовала, как кровь сочится из ее исхлестанного тела. Но оставалось еще самое главное. Она встала и, покачиваясь, пошла прочь, еще долго слыша за спиной тупые звуки ударов.

Сад Мазириана прекрасен ночью. Широко раскрылись цветы-звезды, каждая совершенной формы, а над ними летали мотыльки. Фосфоресцирующие водяные лилии, как прекрасные лица, плыли по повер-

хности пруда, а куст, который Мазириан привез из далекого Олмери на юге, наполнял воздух сладким фруктовым ароматом.

Т'саин, усталая, тяжело дыша, ощупью пробиралась по саду. Некоторые цветы проснулись и с любопытством разглядывали ее. Гибрид животного и растения сонно защебетал, приняв ее за Мазириана. Слышалась слабая музыка белых цветов-флейт, они пели о древних ночах, когда в небе еще плыла белая луна, а временами года правили бури, тучи и громы.

Т'саин ни на что не обращала внимания. Она вошла в дом Мазириана, отыскала его мастерскую, где горел вечный желтый свет. Неожиданно в чане село золотоволосое создание Мазириана и посмотрело на нее прекрасными пустыми глазами.

Она отыскала в ящике ключи и открыла люк. Здесь ей пришлось подождать, пока не рассеется красный туман перед глазами. У нее начались галлюцинации — Мазириан, высокий и надменный, склоняется, убивая Транга; странно раскрашенные цветы озера; Мазириан, потерявший свое волшебство, борется с плетями деревьев... Из забытья ее вывело существо из чана, оно робко трогало ее волосы.

Девушка пришла в себя и полуспустилась, полуупала вниз по лестнице. Она открыла все три замка на двери и, последним усилием распахнув ее, взобралась на пьедестал, где стоял ящик с лабиринтом, в котором продолжали свою отчаянную гонку Туржан и дракон. Девушка разбила стекло, мягко взяла Туржана и поставила его на пол.

От прикосновения руны на ее запястье чары развеялись, и Туржан снова стал человеком. Ошеломленный, он смотрел на почти неузнаваемую Т'саин.

Она попыталась улыбнуться ему.

— Туржан... ты свободен...

— А где Мазириан?

— Он мертв,— девушка устало опустилась на каменный пол и затихла. Туржан осмотрел ее.

— Т'саин, мое дорогое создание,— прошептал он,— более благородная, чем я. Ты отдала свою единственную жизнь за мою свободу.

Он поднял ее тело.

— Я восстановлю тебя в чане. Ты станешь такой же прекрасной и здоровой, как прежде!..

И он понес ее по каменным ступеням вверх.

Т'САИС

Т'саис выехала из рощи и в нерешительности остановила лошадь. Она сидела, глядя на зеленый луг, уходивший к реке... Затем сжала колени, и лошадь двинулась дальше.

Она ехала в глубокой задумчивости. Небо над ней, покрытое облачной рябью, отбрасывало на землю глубокие тени. Лившийся сверху, отраженный и преобразованный свет заливал местность тысячами оттенков. На Т'саис вначале упал зеленый луч, затем ультрамариновый, топазовый, рубиново-красный. Окружающий ландшафт окрашивался соответственно.

Т'саис закрыла глаза, чтобы не видеть эти меняющиеся цвета. Они раздражали ее, не давали ясно видеть окружающее. Красный ослеплял, зеленый душил, синий и пурпурный намекали на недоступные ее разуму загадки. Как будто вся вселенная была создана специально, чтобы ошеломлять ее своим видом, вызывать в ней ярость... Бабочка с крыльями, расцвеченными как драгоценный ковер, пролетела мимо, и Т'саис захотелось ударить ее своим мечом. С огромным усилием девушка сдержалась: Т'саис была страстной натурой и не привыкла к самоограничению. Она взглянула на цветы под ногами лошади — бледные маргаритки, колокольчики, вьюнки и оранжевые золотые шары. Больше она не будет давить их, вырывать с корнем. Ей подсказали, что порок заключен не во вселенной, а в ней самой. Подавив враждебность к бабочке, цветам и меняющимся оттенкам света на небе, она поехала дальше по лугу.

Перед ней поднималась роща высоких деревьев, дальше виднелись заросли тростника и блестел ручей, тоже изменявший цвет своих струй в соответствии с цветом неба. Т'саис свернула и вдоль речного берега направилась к длинному низкому дому.

Она спешилась и медленно подошла к двери черного дымчатого дерева, на которой было изображено

сардонически улыбающееся лицо. Она потянула за язык, внутри зазвучал колокол.

Ответа не было.

— Панделум!— позвала она.

Вскоре послышался приглушенный ответ:

— Входи.

Девушка распахнула дверь и вошла в комнату с высоким потолком, увешанную коврами и лишенную мебели, если не считать небольшого дивана.

— Чего ты хочешь?— донесся из-за стены голос, густой, сочный и бесконечно печальный.

— Панделум, сегодня я узнала, что убийство — это зло, что мои глаза обманывают меня, и там, где я вижу только резкие краски и отвратительные очертания, на самом деле живет красота.

Некоторое время Панделум молчал; затем послышался его приглушенный голос, отвечавший на невысказанную мольбу о знании:

— По большей части это правда. Живые существа имеют право на жизнь. Это их единственное подлинно драгоценное достояние, и отнятие жизни есть злейшее преступление... Что касается остального, то вина не твоя. Красота есть всюду, все, кроме тебя могут видеть ее. Это весьма меня печалит, потому что тебя создал я. Я вырастил тебя из клетки; дал звучание струнам жизни в твоем теле и мозге. И несмотря на все мои старания, я допустил ошибку; когда ты вышла из чана, я обнаружил в твоем мозгу порок: вместо красоты ты видишь безобразие и вместо добра — зло. Подлинное безобразие, подлинное зло ты никогда не видела, потому что на Эмбелионе нет ничего злого и мерзкого... Если бы ты встретилась с таким, я опасался бы за твой разум.

— Не можешь ли ты изменить меня?— воскликнула Т'саис.— Ты волшебник. Неужели я и впредь должна жить слепой к радости?

Вздох донесся из-за стены:

— Я действительно волшебник, знаю все до сих пор созданные заговоры, знаю хитрости рун, заклинаний, волшебных изображений, экзорцизма, талисманов. Я Владыка Математики, лучший после Фандаала, ничего не могу сделать с твоим мозгом, не

уничтожив твой разум, личность, твою душу — потому что я не Бог. Бог может вызвать предмет к существованию, а я опираюсь только на магию, ее заговоры способны лишь изменять и переделывать пространство.

Надежда во взгляде Т'саис растаяла.

— Я хочу на Землю,— сказала она немного погодя.— Небо на Земле постоянного голубого цвета, и в нем царит красное солнце. Я устала от Эмбелиона, где нет никаких голосов, кроме твоего.

— Земля,— задумчиво сказал Панделум.— Тусклое место, древность которого превосходит всякое знание. Когда-то это был мир высоких облачных гор, ярких рек, а солнце его было белым сверкающим шаром. Века дождя и ветра избили и сгладили гранит, а солнце теперь слабое и красное. Тонули и вставали вновь континенты. Миллионы городов вздымали свои башни, потом распадались в пыль. Теперь на месте прежних людей живут несколько тысяч странных созданий. На Земле гнездится отцеженное временем зло... Земля умирает, она в сумерках...— Колдун замолчал.

Т'саис с сомнением ответила:

— Но я слышала, что Земля прекрасна, а я хочу постичь красоту, даже если ради этого придется умереть.

— Но как ты узнаешь красоту, увидев ее?

— Все люди знают красоту... Разве я не человек?

— Конечно, ты — человек.

— Тогда я найду красоту, а может быть, даже и...— Т'саис запнулась перед следующим словом, настолько чуждо оно было ее разуму, но в то же время полно беспокойных возможностей.

Панделум молчал. Наконец промолвил:

— Ты отправишься, куда хочешь. Я помогу тебе, чем смогу. Я дам тебе руны, которые спасут тебя от злой магии. Я дам жизнь твоему мечу; и я дам тебе такой совет: берегись мужчин, они грабят красоту, чтобы насытить свою похоть. Не допускай близости ни с кем... Я дам тебе мешочек драгоценностей, это большое богатство на Земле. С ними ты сможешь многого достичь. Но — опять-таки — никому их не

показывай, потому что для некоторых людей убийство дешевле медной монеты.

Наступило тяжелое молчание, и в воздухе перестало ощущаться присутствие Панделума.

— Панделум,— негромко позвала Т'саис. Ответа не было.

Спустя некоторое время Панделум вернулся: она вновь ощутила его присутствие.

— Через мгновение,— сказал он,— ты можешь войти в соседнюю комнату.

Т'саис по его разрешению вошла в комнату.

— На скамье слева,— послышался голос Панделума,— ты найдешь амулет и маленький мешочек с драгоценностями. Надень амулет на правое запястье: он обращает любое направленное на тебя заклинание против того, кто его произнес. Это очень мощная руна, береги ее.

Т'саис повиновалась, мешочек спрятала в сумку.

— Положи на скамью свой меч, встань на руну, что начертана на полу, и крепко зажмурь глаза. Я должен войти в комнату. Предупреждаю: не смотри на меня — последствия будут ужасны.

Т'саис сняла меч, встала на металлическую руну, закрыла глаза. Она услышала легкие шаги, звон металла, потом — высокий резкий крик.

— Теперь твой меч жив,— странно громко прозвучал голос Панделума, который теперь находился рядом.— Он будет убивать твоих врагов сознательно. Протяни руку и возьми его.

Т'саис вложила в ножны свой тонкий клинок, теплый и дрожащий.

— Где на Земле хочешь ты оказаться?— спросил Панделум.— В местности, населенной людьми, или в великой разрушенной пустыне?

— В Асколайсе,— ответила Т'саис.— Тот, кто говорил мне о красоте, произнес только это название.

— Как хочешь,— сказал Панделум.— А теперь слушай! Если захочешь вернуться в Эмбелион...

— Нет!— быстро ответила Т'саис.— Лучше умереть.

— Подумай хорошенько.

Т'саис промолчала.

— Сейчас я коснусь тебя. У тебя на мгновение закружится голова — а откроешь ты глаза уже на Земле. Сейчас там почти ночь, а во тьме скрываются ужасные существа. Поэтому побыстрее отыщи убежище.

Охваченная возбуждением, Т'саис почувствовала прикосновение Панделума, ощутила дрожь, легкое затмение сознания, быстрый полет... Незнакомая почва под ногами, воздух со странным запахом. Она открыла глаза.

Местность незнакомая и новая для нее. Темно-голубое небо, распухшее древнее солнце. Она стояла на лугу, окруженном высокими мрачными деревьями. Эти деревья не были похожи на спокойных гигантов Эмбелиона: нахмуренные, с густой листвой. Под ними лежали загадочные тени. Все окружающее — почва, деревья, скала, торчащая на лугу,— все было выработано временем, сглажено, смягчено. Свет солнца придавал каждому предмету на Земле — скалам, деревьям, неподвижной траве и цветам — отпечаток древности, старинных воспоминаний.

В ста шагах виднелись покрытые мхом руины давно обрушившегося замка. Его камни почернели от лишайников, дыма и возраста; сквозь них пробивалась трава — странная и дикая картина в косых лучах солнца.

Т'саис медленно приблизилась к развалинам. Некоторые стены еще стояли, хотя камень совсем выветрился, известь давно исчезла. Она удивленно обошла большую разрушенную статую, почти погрузившуюся в землю; на мгновение задержалась над письменами, высеченными на камне. Широко открытыми глазами смотрела она на то, что осталось от лица — жестокие глаза, насмешливый рот, отбитый нос. Т'саис содрогнулась. Здесь ей искать нечего; она повернулась, собираясь уходить.

Смех, высокий, радостный, послышался на поляне. Т'саис, помня предупреждение Панделума, ждала в укрытии. Какое-то движение среди деревьев; в солнечном свете показались мужчина и женщина; потом — весело насвистывающий молодой человек. В руке он держал меч, которым время от времени подталкивал первых. Т'саис разглядела, что эти двое связаны.

Трое остановились перед руинами, невдалеке от Т'саис, и она могла рассмотреть их. Связанный мужчина был с худым лицом, неровной рыжей бородой и мечущимся взглядом; в глазах его читалось отчаяние. Женщина полная, невысокого роста. Пленившим их был Лайан-Странник. Его каштановые волосы разбросаны по плечам, черты лица подвижны и приятны. Карие глаза изучали местность. На нем были красные кожаные башмаки с загнутыми вверх острыми носками, красно-зеленый костюм, такой же плащ и остроконечная шляпа с багровым пером.

Т'саис смотрела, не понимая что происходит. Все трое были ей одинаково отвратительны, казались грязными снаружи и изнутри. Лайан, может быть, чуть менее подл и низок — он все-таки проворнее и элегантнее.

Пленник негромко застонал, женщина заскулила.

Лайан весело взмахнул шляпой и исчез среди руин. Не далее чем в двадцати футах от Т'саис он скользнул за древнюю каменную плиту, вернулся с огнивом и трутом, разжег костер. Извлек из сумки кусок мяса, поджарил его на костре и с аппетитом съел, облизывая пальцы.

Не было сказано ни слова. Наконец Лайан встал, потянулся и взглянул на небо. Солнце уходило за темную стену деревьев, поляну уже заполнили синеватые тени.

— К делу!— воскликнул Лайан. Голос его звучал резко и ясно, как призыв флейты.

Он снова нырнул в свое укрытие под плитой и принес оттуда четыре крепких прута. Один из них он положил на бедра мужчины, второй поперек, через промежность, так что при небольшом усилии мог сжимать бедра и поясницу. Он испытал свое приспособление и рассмеялся, когда мужчина закричал от боли. Такое же приспособление он приладил и на женщине.

Т'саис смотрела в растерянности. Очевидно, молодой человек собирался причинить своим пленникам боль. Неужели таковы обычаи Земли? Но как она может их судить, она, не отличающая добро от зла?

— Лайан! Лайан!— воскликнул мужчина.— Пощади мою жену! Она ничего не знает! Пощади ее и забери все, чем я владею! Я буду служить тебе всю жизнь!

— Хо!— рассмеялся Лайан, и перо на его шляпе задрожало.— Спасибо, спасибо за предложение, но Лайану не нужны ни ваш хворост, ни ваша репа. Лайан любит шелк и золото, блеск кинжалов и стоны любви, издаваемые девушками. Поэтому благодарю тебя — но я ищу брата твоей жены, и когда твоя жена закричит и завизжит, ты расскажешь мне, где он скрывается.

Т'саис начинала понимать смысл сцены. Двое пленников скрывали сведения, нужные молодому человеку; поэтому тот будет причинять им боль, пока они не расскажут все, что ему нужно. Хитро придумано, вряд ли она до такого додумалась бы.

— А теперь,— продолжал Лайан,— я должен вас заверить, что ложь плохо совмещается с правдой. Видите ли, когда человека подвергают пытке, он слишком занят, чтобы что-то выдумывать, поэтому и говорит правду.— Он выхватил из огня головешку, закрепил ее между связанными лодыжками мужчины и прыгнул к женщине, чтобы начать пытку.

— Я ничего не знаю, Лайан!— завопил мужчина.— Я ничего не знаю, ничего...

Лайан разочарованно отошел. Женщина потеряла сознание. Лайан снял с мужчины головешку и раздраженно швырнул ее обратно в костер.

— Что за напасть!— сказал он, но вскоре хорошее настроение вернулось к нему.— А, ладно, у нас много времени.— И погладил свой заостренный подбородок.— Может быть, ты и говоришь правду,— рассуждал он вслух.— Может быть, сведения даст твоя добрая жена?— он привел женщину в себя несколькими пощечинами. Пленница тупо смотрела на него, лицо ее было искажено и почернело от сажи.

— Будьте внимательны!— сказал Лайан.— Я начинаю вторую серию вопросов. Я рассуждаю, думаю, теоретизирую. Я думаю: если муж не знает, куда бежал тот, кого я ищу, может, знает жена?

Женщина приоткрыла рот.

— Он мой брат... пожалуйста...

— Ага! Итак, ты знаешь!— торжествующе воскликнул Лайан и прошелся взад-вперед возле костра.— Ты знаешь! Мы возобновляем испытание. Теперь будь внимательна. При помощи этого приспособления я превращу ноги твоего мужа в желе, а его позвоночник будет торчать сквозь живот — если ты не заговоришь, конечно!

И он начал.

— Ничего не говори...— выдохнул мужчина и потерял сознание от боли.

Женщина проклинала, вопила, умоляла. И наконец не выдержала.

— Я скажу, я все скажу!— закричала она.— Диллар уехал в Эфред!

Лайан ослабил свои усилия.

— Эфред. Так. Значит, он в стране Падающей Стены.— Он поджал губы.— Возможно, это правда. Но я не верю. Ты должна сказать это еще раз, под действием извлекателя правды.— Он взял из костра пылающее полено, прижал к лодыжкам женщины — и снова занялся мужчиной. Женщина молчала.

— Говори, женщина!— тяжело дыша, рявкнул Лайан.— Я весь вспотел от работы.— Она молчала. Глаза ее, широко раскрытые, стеклянно смотрели в небо.

— Она умерла!— закричал муж.— Умерла! Моя жена умерла! Лайан, ты дьявол, ты сама подлость! Проклинаю тебя! Тиалом! Крааном!— голос его дрожал в истерике.

Т'саис была обеспокоена. Женщина умерла. Разве убийство на злое дело? Так сказал Панделум. Если женщина хорошая, как говорит этот бородатый человек, значит, Лайан — зло. Конечно, все существа из плоти изначально грязны. Но все же отнимать жизнь у живого — большое зло.

Не чувствуя страха, она вышла из укрытия и подошла к костру. Лайан поднял голову и вскочил. Но увидел всего лишь незнакомую девушку поразительной красоты и принялся весело напевать и приплясывать.

— Добро пожаловать! Добро пожаловать!— Он с

отвращением взглянул на лежащие на земле тела.— Как неприятно. Не будем обращать на них внимания.— Он одернул плащ, нежно поглядывая на Т'саис блестящими карими глазами, и с видом напыщенного петуха направился к ней.

— Ты прекрасна, моя дорогая... а я... я настоящий мужчина — ты увидишь.

Т'саис положила руку на рукоять меча, и тот сам по себе выскочил из ножен. Лайан отшатнулся, встревоженный видом лезвия и блеском глаз девушки.

— Что это значит? Ну, ну,— раздраженно сказал он.— Убери свою сталь. Она слишком остра. Я добрый человек, но не выношу угроз.

Т'саис стояла над распростертыми телами. Мужчина лихорадочно ощупывал ее взглядом. Женщина продолжала мертво смотреть в темное небо.

Лайан прыгнул вперед, пытаясь схватить девушку, пока та отвлеклась. Меч сам собой метнулся вперед, пронзив в полете проворное тело.

Лайан-Странник опустился на колени, кашляя кровью. Т'саис вытащила меч, вытерла о его зеленый плащ и с трудом убрала в ножны. Мечу хотелось пронзать, убивать.

Лайан лежал без сознания. Т'саис, испытывая тошноту, отвернулась. Послышался слабый голос:

— Развяжи меня...

Т'саис подумала, потом разрезала путы. Мужчина захромал к своей жене, погладил ее, развязал веревки, позвал ее. Ответа не было. Он выпрямился и в безумии завыл в ночь. Взяв тело на руки, он побежал в темноту, хромая, падая, выкрикивая проклятия.

Т'саис вздрогнула, перевела взгляд с лежавшего Лайана на темный лес. Медленно, много раз оглядываясь, она покинула руины. Истекающее кровью тело Лайана осталось возле угасающего костра.

Блеск костра затерялся в темноте. Т'саис ощупью пробиралась между деревьями. В Эмбелионе никогда не бывает ночи, только светящиеся сумерки. Т'саис продолжала идти по лесу, подавленная и не подозревающая о существах, которых может встретить,— деодандах, пелгрейнах, рыщущих эрбах и де-

монах, гидрах, которые выпрыгивают из почвы и впиваются в жертву.

Т'саис, невредимая, продолжала идти и вскоре вышла на опушку леса. Местность поднималась, деревья становились тоньше, и Т'саис наконец оказалась на безграничном темном пространстве. Это была пустошь Модавна Мур — древний тракт, на котором отпечатались следы множества ног и пролитой крови. Во время знаменитой бойни Голикан-Завоеватель согнал сюда население двух больших городов: Г'Васана и Баутику, сжал людей в круг в три мили шириной и постепенно со всех сторон теснил все больше, своей дьявольской кавалерией испугал людей, заставляя их со всех сторон стремиться к центру, пока не получилось огромное колеблющееся возвышение в полтысячи футов вышиной, пирамида кричащей плоти. Говорят, Голикан десять минут наслаждался зрелищем этого памятника, потом повернулся и направился в Лайденур, землю, из которой явился.

Призраки древнего населения давно растворились и побледнели, и Модавна Мур казался менее зловещим, чем лес. Как уродливые кляксы, повсюду были разбросаны кусты. Линия скалистых утесов резко вырисовывалась на горизонте на фоне вечерней зари. Т'саис шла вперед, радуясь открытому небу над головой. Через несколько минут она набрела на древнюю дорогу из каменных плит, растрескавшихся и разбитых, ограниченных канавой, в которой росли светящиеся цветы в форме звезд. С болот подул ветер и освежил ее разгоряченное лицо. Она осторожно двигалась по дороге. Никакого убежища не было видно, а ветер становился все холоднее.

Топот бегущих ног, несколько неясных фигур — и Т'саис забилась в чьих-то крепких руках. Она пыталась выхватить меч, но руки ее были зажаты.

Кто-то высек огонь, зажег факел, чтобы осмотреть добычу. Т'саис увидела трех бородатых, покрытых шрамами разбойников с болот. На них были серые от болотной грязи одежды.

— Да ведь это девушка!— насмешливо воскликнул один из них.

— Сейчас поищу у нее серебро,— сказал другой,

и его руки бесстыдно зашарили по телу Т'саис. Он нащупал мешочек с драгоценностями и поднес их на ладони к огню.— Смотрите! Королевское богатство!

— Или колдовское!— возразил третий. В неожиданном страхе разбойники ослабили хватку. Но девушка по-прежнему не могла дотянуться до меча.

— Кто ты, женщина в ночи?— спросил один из них с некоторым уважением.— Ты ведьма? Не зря ведь у тебя такие драгоценности, и ты одна ночью идешь по Модавна Муру.

У Т'саис не было ни хитрости, ни опыта, чтобы красиво солгать.

— Я не ведьма! Отпустите меня, вонючие животные!

— Не ведьма? Тогда что же ты за женщина? Откуда ты?

— Я — Т'саис из Эмбелиона!— гневно воскликнула она.— Меня создал Панделум, и я ищу на Земле любви и красоты. Уберите руки, мне нужно идти дальше!

Первый бродяга захохотал:

— Хо-хо! Ищешь любви и красоты? Ну, кое-что ты уже нашла, девушка. Конечно, мы не красавцы: Тагман покрыт коростой, у Лазарда не хватает зубов и ушей, но у нас скопилось много неистраченной любви, верно, парни? Мы дадим тебе столько любви, сколько захочешь! Эй, парни!

И они потащили кричащую Т'саис по болоту к каменной хижине.

Когда вошли, один разжег огонь, остальные двое тем временем отобрали У Т'саис меч и швырнули его в угол. Большим железным ключом заперли дверь и освободили Т'саис. Она прыгнула к своему оружию, но грубый толчок отправил ее на грязный пол.

— Успокойся, кошка!— выдохнул Тагман.— Ты будешь довольна.— И они возобновили свои насмешки:— Конечно, мы не красавцы, но дадим тебе столько любви, сколько захочешь.

Т'саис скорчилась в углу.

— Я не знаю, что такое любовь,— сказала она.— Но вашей не хочу!

— Как можно?— насмехались они.— Неужели

ты девственница?..— Т'саис с горящими глазами слушала, как они расписывают свое грязное представление о любви.

Т'саис выскочила из своего угла в ярости, пинаясь, кусаясь, колотя кулаками болотных людей, и когда ее, полумертвую, избитую, в синяках и царапинах, снова швырнули в угол, мужчины вытащили большую фляжку с медом, чтобы подкрепиться перед удовольствием.

Потом они бросили жребий, кому первому доставить удовольствие девушке. Но тут же началась ссора: проигравшие утверждали, что выигравший мошенничал. Раздались гневные выкрики, и под взглядами Т'саис, находившейся в таком ужасе, какого не выдержать обыкновенному мозгу, бродяги начали драться, как лоси в период гона. Т'саис подползла к своему мечу и как только дотронулась до него, тот прыгнул в воздух, как птица, и бросился в бой, таща за собой Т'саис. Трое хрипло закричали, сверкнула сталь — вперед, назад, быстрее глаза. Крики, стоны — и на земляном полу уже лежат три трупа с разинутыми ртами. Т'саис отыскала ключ, открыла дверь и без памяти выбежала в ночь.

Она бежала по темному болоту, не замечая дороги, упала в канаву, выползла на холодную грязную обочину и опустилась на колени... И это Земля! Она вспомнила Эмбелион, где самыми злыми созданиями были цветы и бабочки. Какую они вызывали в ней ненависть!

Эмбелион утрачен, отвергнут. И Т'саис заплакала.

Ее насторожило шуршание в вереске. Испуганная, она подняла голову, прислушалась. Что за новая напасть? Снова зловещие звуки, осторожные шаги. Она в ужасе всматривалась во тьму.

Из темноты появилась осторожно крадущаяся вдоль канавы темная фигура,. При свете светляков она увидела вышедшего из леса деоданда,, безволосое человекоподобное существо с угольно-черной кожей и прекрасным лицом, которое портили два клыка, длинных и острых, которые торчали над нижней губой. Деоданд был одет в кожаные доспехи, и его раскосые глаза голодно устремились на Т'саис. С диким

воплем он прыгнул на девушку.

Т'саис вырвалась, упала, вскочила на ноги. Она метнулась к болоту, не обращая внимания на царапины и ушибы. Деоданд, яростно вопя, не отставал.

Они неслись по болоту, по лугу, по лесистым холмам, по кустарникам и через ручьи. Девушка бежала, широко раскрыв глаза и почти ничего не видя вокруг, преследователь жалобно постанывал.

Впереди показался свет в чьем-то окне. Т'саис с рыданиями взбежала на крыльцо. Дверь милосердно подалась. Т'саис упала внутрь, захлопнув дверь и задвинув засов. Деоданд всем своим весом ударился в дверь.

Дверь оказалась крепкой, окна — узкими и забранными решетками. Она в безопасности. Т'саис опустилась на колени — дыхание разрывало ей горло — и потеряла сознание...

Хозяин дома встал из своего глубокого кресла у огня, высокий широкоплечий мужчина, движущийся с необычной медлительностью. Судить о его возрасте было трудно, так как лицо и голову скрывал черный капюшон. В разрезах капюшона виднелись спокойные голубые глаза.

Человек постоял над Т'саис, которая как кукла лежала на красном кирпичном полу. Наклонился, поднял ее и перенес на широкую удобную скамью у огня. Снял с нее сандалии, возбужденно дрожащий меч, грязный плащ. Принес мазь и смазал царапины и кровоподтеки на ее теле. Потом завернул в мягкое фланелевое одеяло, подсунул под голову подушку и, убедившись, что ей удобно лежать, снова сел у огня.

Все это сквозь забранные решетками окна видел деоданд. Он постучал в дверь.

— Кто там?— спросил человек в черном капюшоне поворачиваясь.

— Мне нужна та, что вошла. Я жажду ее плоти,— произнес деоданд мягким голосом.

Человек в капюшоне резко ответил:

— Уходи или я сожгу тебя заклинанием. Уходи и никогда не возвращайся!

— Ухожу,— ответил деоданд, который очень боялся магии, и растворился в ночи.

А человек отвернулся от окна и стал смотреть в огонь.

Т'саис почувствовала во рту теплую ароматную жидкость и открыла глаза. Рядом с ней на коленях стоял высокий человек в черном капюшоне. Одной рукой он поддерживал ее плечи и голову, другой — подносил серебряную ложку ко рту.

Т'саис отпрянула.

— Тише,— сказал человек.— Тебе нечего бояться.

В окна били солнечные лучи, в доме было тепло. Стены покрыты панелями из золотистого дерева, вдоль потолка деревянная резьба, раскрашенная красным, синим и коричневым. Человек принес еще похлебки, достал из ящика хлеб и поставил перед ней. После недолгого колебания Т'саис поела.

Неожиданно на нее нахлынули воспоминания; она задрожала и испуганно оглянулась. Человек заметил ее напряженное лицо. Он наклонился и положил руку ей на голову. Т'саис лежала спокойно, как загипнотизированная.

— Ты здесь в безопасности,— сказал человек.— Ничего не бойся.

Сонливость навалилась на Т'саис. Веки ее отяжелели. Она уснула.

Когда она проснулась, дом был пуст. Темно-вишневые солнечные лучи проникали в окна. Девушка потянулась и, заложив руки за голову, лежала размышляя. Человек в черном капюшоне, кто он? Злой ли он? Все на Земле недоступно ее разуму, но незнакомец не сделал ей ничего плохого... Она увидела на полу свою одежду. Встала со скамьи и оделась. Подошла к двери и отворила ее. Начинаясь от порога тянулась к далекому горизонту болотистая равнина. Слева выдавался скалистый утес красного камня, покрытый темными тенями. Справа чернел край леса.

Прекрасно ли это? Т'саис задумалась. Ее пораженный мозг воспринимал только унылость в линии болот, в резких изломах утеса и монотонности леса — ужас.

«И это красота?» — недоумено сощурилась она. Услышав шаги, девушка вздрогнула, напряглась,

ожидая чего угодно. Но это был человек в черном капюшоне, и Т'саис прислонилась к дверной раме.

Он остановился около нее.

— Есть хочешь?

Она на мгновение задумалась.

— Да.

— Сейчас поедим.

Он вошел в дом, разжег огонь и поджарил мясо. Т'саис стояла в растерянности. До сих пор она всегда сама готовила себе пищу.

Вскоре вкусно запахло и они сели за стол.

— Расскажи мне о себе,— немного погодя сказал незнакомец. И Т'саис, которая так и осталась простодушной, поведала ему свою историю в следующих словах:

— Я Т'саис. Я пришла на Землю из Эмбелиона, где меня создал волшебник Панделум.

— Эмбелион? А где это? И кто такой Панделум?

— Где Эмбелион?— удивленно повторила она.— Не знаю. Это место, которое не на Земле. Не очень большое, и свет с неба многоцветный. В Эмбелионе живет Панделум. Он величайший из живущих волшебников — так он сам мне говорил.

— Ага,— сказал человек.— Возможно, я понимаю...

— Панделум создал меня,— продолжала Т'саис,— но при сотворении допустил ошибку.— Т'саис посмотрела в огонь.— Я вижу мир только как место отчаяния и ужаса, все звуки кажутся мне резкими, все живые существа — в разной степени отвратительными и внутренне грязными. В начале своей жизни я думала только о том, чтобы уничтожать, разрушать, топтать. Я не знала ничего, кроме ненависти. Потом я встретила сестру-близнеца, которая во всем подобна мне, но лишена моего порока. Она рассказала мне о любви, красоте и счастье.

Серьезные голубые глаза незнакомца изучали ее.

— И ты нашла то, что искала?

— Пока,— рассеянно ответила Т'саис,— я встретила только такое зло, которое не встречала даже в кошмарах.— Неторопливо она рассказала ему о своих приключениях.

— Бедняжка,— сказал он, продолжая рассматривать ее.

— Я думаю, мне нужно убить себя,— продолжала Т'саис все тем же рассеянным тоном,— то, что я ищу, навсегда потеряно.— И человек, наблюдая, увидел, как солнечные лучи превратили ее кожу в медь, заметил ее распущенные черные волосы, большие задумчивые глаза.

— Нет!— резко сказал он. Т'саис удивленно посмотрела на него.— Ведь жизнь принадлежит только живущему, и он может сам распоряжаться ею.— Неужели ты ничего не нашла на Земле,— спросил он,— что тебе тяжело было бы оставить?

Т'саис сморщила лоб.

— Не могу ничего припомнить — кроме этого мирного дома.

Человек рассмеялся.

— Пусть он будет твоим, пока ты этого хочешь, а я постараюсь показать тебе, что в мире есть и хорошее, хотя, по правде говоря,— голос его изменился,— сам я в этом не уверен.

— Скажи мне, как тебя зовут? И почему ты носишь этот капюшон?

— Как меня зовут? Этарр,— слегка охрипшим голосом ответил он.— Достаточно этого имени. А маску я ношу из-за самой злобной женщины Асколайса, да что Асколайса — Олмери, Каучика, всего мира. Она сделала мое лицо таким, что я сам не переношу его вида.

Он успокоился и усмехнулся.

— Сердиться нет смысла.

— Она жива, эта женщина?

— Да, жива и, несомненно, все еще приносит зло каждому встречному.— Он сидел, глядя в огонь.— Когда-то я об этом ничего не знал. Она была молода, прекрасна, украшена тысячью ароматов и шаловливой игривостью. Я жил на берегу океана — белой вилле среди тополей. Над заливом Тенеброза выступает в океан мыс Печальных Воспоминаний, и когда солнце окрашивает небо в красный цвет, а горы в черный, мыс, кажется, спит на воде, как древний земной бог... Всю свою жизнь я провел здесь и был до-

волен, как только можно быть довольным в эти дни, когда Земля описывает последние витки вокруг умирающего Солнца.

Однажды утром я оторвался от своих звездных карт и увидел идущую через портал Джававнну. Она была красива и стройна, как ты. Волосы — удивительного рыжего цвета, и пряди их падали ей на плечи. Она была прекрасна в своем белом платье, чиста и невинна.

Я полюбил ее, и она говорила, что любит меня. И дала мне полоску черного металла, чтобы я носил ее. В своей слепоте я надел полоску на запястье, на зная, что на ней злая руна. Прошли недели величайшей радости. И вскоре я узнал темные побуждения Джаванны, которые не могла подавить никакая любовь. Однажды ночью я застал ее в обьятиях черного демона, и это зрелище чуть не свело меня с ума.

Я стоял в дверях ошеломленный. Она меня не заметила, и я медленно ушел. Утром она прибежала на террасу, смеющаяся и счастливая, как ребенок. «Уходи,— сказал я ей.— Ты безгранично зла.» Она произнесла заклинание, и руна на моей руке поработила меня. Мозг оставался моим, но тело с той минуты принадлежало только ей и должно было ей повиноваться.

Она заставляла меня рассказывать все, что я видел, насмехалась и наслаждалась. Она подвергла меня грязным унижениям, созвала сотни мерзких существ из Калу, Фаувуна, Джелдреда, чтобы издеваться надо мной и осквернять мое тело. Заставила меня смотреть, как она сама играет с этими существами, а когда я указал на самое отвратительное существо, она при помощи магии дала мне его лицо, и это лицо стало моим.

— Может ли такая женщина существовать?— удивилась Т'саис.

— Сам удивляюсь.— Серьезные голубые глаза внимательно изучали ее.— ...Однажды ночью, когда демоны таскали меня по утесам за холмами, острый край камня случайно разрезал полоску с руной на моей руке. Я освободился, произнес заклинание, которое отправило этих существ далеко в небо, вернулся

на виллу и встретил рыжеволосую Джаванну в большом зале, и глаза у нее были холодными и невинными. Я извлек нож, чтобы ударить ее в горло, но она сказала мне: «Подожди! Если ты убьешь меня, ты вечно будешь носить демонское обличье, потому что только я знаю, как его с тебя снять». И она беспечно убежала, а я, неспособный переносить вид этого места, ушел жить на болота. Теперь я всюду ищу ее, чтобы вернуть себе свое лицо.

— А где она сейчас?— спросила Т'саис, чьи беды казались ничтожными рядом с несчастьем Этарра.

— Я знаю, где она будет завтра ночью — ночью Черного Шабаша. С самого детства Земли эта ночь посвящена злым силам.

— И ты отправишься на Шабаш?

— Не как участник — хотя, по правде говоря,— печально сказал Этарр,— без капюшона я сошел бы за одно из страшилищ и на меня там никто не обратил бы внимания.

Т'саис задрожала и прижалась к стене. Этарр увидел это и вздохнул.

Т'саис пришла в голову другая мысль.

— После всего, что испытал, ты все еще можешь находить в этом мире прекрасное?

— Конечно,— ответил Этарр.— Посмотри, как широко и привольно расстилаются эти болота, как прекрасен их цвет. Посмотри, как великолепно возвышаются утесы — хребет нашего мира. А ты,— он посмотрел ей в лицо,— ты прекраснее всего в этом мире.

— Прекраснее Джаванны?— спросила Т'саис и удивленно посмотрела на засмеявшегося Этарра.

— Прекраснее Джаванны,— заверил он.

А Т'саис продолжала размышлять.

— Ты хочешь отомстить Джаванне?

— Нет,— ответил Этарр, глядя на болота.— Что такое месть? Меня она не интересует. Скоро, когда солнце погаснет, люди уйдут в вечную ночь и умрут, а Земля понесет свои руины, горы, стершиеся до корней, в бесконечную тьму. К чему месть?

Скоро они вышли из дома и пошли по болотам. Этарр старался показать ей красоту — медленную ре-

ку Скаум, текущую среди зеленых тростников, облака, греющиеся на тусклом солнце над утесами, птицу, парящую на широких крыльях, широкие туманные просторы Модавна Мура. Т'саис напряглась, стараясь увидеть в этом красоту; ей это по-прежнему не удавалось. Но она научилась сдерживать дикий гнев, который вызывал в ней окружающий мир, ее желание убивать уменьшилось, а лицо стало менее напряженным.

Так бродили они, погруженные в свои мысли, наблюдали печальное великолепие заката видели, как на небе расцветают безмолвные белые звезды.

— Разве звезды не прекрасны?— шептал Этарр из-под своего черного капюшона.

А Т'саис, находившая в солнечном закате только тоску, а в звездах — лишь бессмысленный узор маленьких искорок, ничего не могла ему ответить.

— Двух более несчастных людей нет на свете,— вздохнула она.

Этарр ничего не ответил. Они шли молча. Неожиданно он схватил ее за руку и потянул в заросли утесника. Три большие птицы, хлопая крыльями, пронеслись по небу.

— Пелгрейны!

Твари пролетели над самой головой — химеры с крыльями, скрипящими, как ржавые оконные петли. Т'саис мельком увидела жесткое кожистое тело, большой клюв в форме топора, жестокие глаза на сморщенной морде. Она прижалась к Этарру. Пелгрейны скрылись в лесу.

Этарр хрипло рассмеялся.

— Тебя испугал вид пелгрейнов. Но моя внешность заставила бы самих пелгрейнов бежать.

На следующее утро он повел ее в лес, и она нашла деревья, напомнившие ей Эмбелион. Она рано вернулись домой, и Этарр занялся своими книгами.

— Я не волшебник,— с сожалением сказал он ей.— Я знаю лишь несколько простейших заклинаний. Но иногда я использую магию, и сегодня ночью она поможет мне спастись от опасности.

— Сегодня ночью?— рассеянно переспросила Т'саис.

— Сегодня ночь Черного Шабаша, и я должен отыскать Джаванну.

— Я пойду с тобой,— сказала Т'саис.— Хочу увидеть Черный Шабаш и Джаванну.

Этарр уверял, что вид и звуки шабаша ужаснут ее и приведут в смятение ее мозг. Но Т'саис настаивала, и в конце концов Этарр согласился взять ее с собой.

Через заросли вереска и скальные выступы отыскивал Этарр путь во тьме, и стройная тень Т'саис следовала за ним. Крутой откос лежал у них на пути. Через черную щель они вышли на длинную каменную лестницу, вырубленную в скалах в незапамятные времена; по этой лестнице они поднялись на верх утеса: Модавна Мур лежал внизу черным океаном.

Этар жестом призвал Т'саис к тишине. Они бесшумно пробрались между двумя скалами, рассматривая собравшихся внизу.

Они стояли над амфитеатром, освещенным двумя большими кострами. В центре возвышался каменный помост. У костров вокруг помоста раскачивались два десятка фигур, одетых в серые монашеские рясы. Лица их скрывали капюшоны.

Т'саис стало холодно. Она взглянула на Этарра.

— Даже в этом есть красота,— прошептал он.— Дикая и причудливая, но способная околдовать мозг.— Т'саис со смутным пониманием снова посмотрела вниз.

Все больше и больше одетых в рясы фигур раскачивалось у костров; Т'саис не видела, откуда они появляются. Очевидно, праздник только что начался, и участники его располагались, готовясь к таинству. Они скакали, перемешивались, сплетались и расплетались. Вскоре послышалось приглушенное пение.

Раскачивание и жестикуляция становились все более яростными, фигуры в рясах тесно сгрудились у помоста. И вдруг одна из них выпрыгнула на помост и скинула рясу — ведьма средних лет с приземистым нагим телом и широким лицом. Глаза ее сверкали, от возбуждения крупные черты лица непрерывно двигались. Рот открыт, язык свешивается, жесткие

черные волосы, подобные кусту утесника, ниспадают по обе стороны головы, когда она трясет ею. В свете костров ведьма танцевала похотливый танец, лукаво поглядывая на собравшихся. Пение прыгающих взметнулось диким хором, над головами появились темные фигуры и уверенно заскользили вниз.

Все в толпе начали сбрасывать рясы, и обнажилось множество мужчин и женщин, старых и молодых: огненно-рыжие ведьмы с Кобальтовых гор, лесные колдуньи Асколайса, седобородые волшебники из Заброшенных земель, сопровождаемые маленькими дьяволицами-суккубами. Одетый в великолепные шелка принц Датул Омает из Кансапара — Города Павших Колонн с берега Мелантинского залива. Чешуйчатое существо с глазами на стебельках — человекоящер из пустынь Южного Олмери. И никогда не расстающиеся девушки — сапониды, почти исчезнувшая раса из тундр севера. Стройные темноглазые некрофаги из земли Падающей Стены. Ведьма с мечтательным взором и голубыми волосами — она живет на мысе Печальных Воспоминаний и ночами ждет на берегу тех, кто выходит из моря.

Обнаженная ведьма с отвисшими грудями танцевала, а собравшиеся, все более возбуждаясь, вздымали руки, изгибались, жестами изображали все зло и все извращения, какие только могли себе вообразить.

Бесновались все, кроме одной спокойной фигуры, по-прежнему одетой в рясу и с удивительной грацией медленно двигавшейся через вакханалию. Вот она вышла на помост, ряса соскользнула с нее, и Т'саис увидела Джаванну в полупрозрачном облегающем платье, собранном в талии, свежую и целомудренную, как соленые морские брызги. Сверкающие рыжие волосы водопадом спускались на плечи, их завитки парили над грудями. Большие серые глаза ведьмы были скромны, земляничный рот полураскрыт. Она молча смотрела на толпу. Все кричали, теснились друг к другу, и Джаванна с обдуманной дразнящей неторопливостью начала пляску. Она поднимала и опускала руки, извивалась всем телом... Джаванна танцевала с безудержной страстью. Сверху

опустилась туманная тень, прекрасное и зловещее создание соединилось с Джаванной в фантастическом объятии. Толпа кричала, прыгала, каталась, сплеталась и расплеталась.

Со скалы смотрела Т'саис, мозг ее напряженно работал. Но — странный парадокс — зрелище и звуки очаровали ее, проникли в глубину души, сквозь порок ее мозга, тронув тайные струны, спящие в каждом человеке. Этарр смотрел на нее, его глаза горели голубым огнем, а она смотрела на него, раздираемая противоречивыми чувствами. Он мигнул и отвернулся; Т'саис снова засмотрелась на оргию внизу — наркотический сон, дикий разгул плоти при свете костров. Шабаш окружала дымная аура, свитая из многочисленных пороков. Демоны слетали вниз, как птицы, и присоединялись к общему безумию. Т'саис видела их отвратительные лица, и ее мозг пылал она почувствовала, что вот-вот закричит и умрет,— злобные глаза, разбухшие щеки, дергающиеся тела, черные лица с крючковатыми носами, дерганье, прыганье, ползание порождений демонских земель. У одного нос был как трижды сложенный белый червь, рот — разлагающаяся язва, муравьиные челюсти и черный уродливый лоб; существо вызывало тошноту и ужас. Этарр указал на него Т'саис.

— Вот это,— сказал он приглушенным голосом,— двойник того лица, что под моим капюшоном.

И Т'саис, глядя на черный покров Этарра, отшатнулась.

Он горько рассмеялся... Через мгновение Т'саис коснулась его руки.

— Этарр...

Он повернулся к ней.

— Да.

— Мой мозг болен. Я ненавижу все вокруг, не могу контролировать свои страхи. Но все, кроме мозга,— кровь, тело, душа — это все во мне любит тебя, даже такого, каков ты под маской.

Этарр смотрел на нее с неистовым напряжением.

— Как можешь ты любить то, что ненавидишь?

— Я ненавижу тебя той же ненавистью, что и весь мир. Я люблю тебя, и эти чувства не вызывают

во мне противоречия.

Этарр отвернулся.

— Мы странная пара.

Суматоха, стонущее соитие плоти и псевдоплоти затихли. Но помосте появился рослый человек в высокой конической черной шапке. Он, запрокинув голову, начал выкрикивать в небо заклятия, чертя в воздухе руны. И высоко над ним начала формироваться гигантская призрачная фигура, громадная, выше самых больших деревьев. Постепенно она становилась все отчетливее, зеленые волны тумана сходились и расходились, и вскоре ее очертания стали ясно видны — колеблющаяся фигура женщины, прекрасной, стройной и величественной. Фигура стала устойчивее, засветилась неземным зеленоватым свечением. У нее были золотистые волосы, убранные в старинную прическу, одежда тоже была из глубокой древности.

Волшебник, вызвавший ее, возбужденно завопил, стал выкрикивать ядовитые насмешки, разносившиеся над утесами.

— Она живая!— прошептала Т'саис.— Она движется. Кто это?

— Этодея, богиня милосердия, из того времени, когда солнце было еще желтым.

Волшебник вскинул руки, и огненная пурпурная стрела пронеслась по небу и ударила в туманную зеленоватую фигуру. Спокойное лицо исказилось от боли. Наблюдающие за представлением демоны, ведьмы и некрофаги радостно завопили. Колдун на помосте снова поднял руки, и пурпурные огненные стрелы обрушились на плененную богиню. Ужасно было слышать вопли и крики у костров.

Вдруг послышался прозрачный ясный звук охотничьего рога, прорезавший бешеную сумятицу. Веселье мгновенно стихло.

Звук, музыкальный, четкий, повторился вновь. Он был совершенно чужд происходящему. И вот на утесы, как прибой, налетела группа людей, одетых в зеленое и движущихся с фанатической решимостью.

— Валдаран!— закричал волшебник на помосте, а зеленая фигура Этодеи заколебалась и исчезла.

Паника охватила амфитеатр. Послышались хриплые крики, тела смешивались, демоны облаком неясных теней взмывали вверх. Несколько колдунов, сохранивших самообладание, бросали в наступавших горсти пламени, заклятия уничтожения и неподвижности, но наступивших окружила мощная противомагия и они невредимыми ворвались в амфитеатр. Их мечи вздымались и падали, рубили, кололи, резали без удержу и милосердия.

— Зеленый легион Валдарана Справедливого,— прошептал Этарр.— Посмотри, вот и он сам.— И он указал на черную фигуру на вершине одного из утесов, с жестоким удовлетворением следящую за происходящим.

Демоны не спаслись. Когда они начали подниматься в ночное небо, на них из темноты набросились большие птицы, выпущенные людьми в зеленом. Птицы несли трубы, из которых извергалось ослепительное пламя, и демоны, которых оно касалось, издавая ужасные крики, падали на землю и взрывались облаками черной пыли.

Несколько колдунов спаслись среди утесов, они спрятались в тени. Т'саис и Этарр слышали под собой их тяжелое дыхание. Наверх отчаянно карабкалась та, кого искал Этарр,— Джаванна. Ее рыжие волосы вились по ветру. Этарр прыгнул, схватил ее и сжал сильными руками.

— Пошли,— бросил он Т'саис и, таща извивающуюся Джаванну, заторопился сквозь мрак.

Наконец они оказались внизу, на болотах. Шум битвы стих в отдалении. Этарр поставил женщину на ноги и отнял ладонь от ее рта. Ведьма впервые увидела того, кто ее поймал. Лицо ее стало спокойнее, на нем появилась легкая улыбка. Джаванна пригладила свои длинные рыжие волосы, разбросав локоны по плечам и неотрывно глядя на Этарра. Подошла Т'саис. Джаванна бросила на нее оценивающий взгляд и рассмеялась.

— Итак, Этарр, ты не сохранил мне верность: у тебя новая любовница.

— Тебе нет дела до нее,— ответил Этарр.

— Отошли девку,— сказала Джаванна,— и я

снова полюблю тебя. Помнишь, как мы впервые поцеловались под тополями, на террасе твоей виллы?

Этарр коротко, резко рассмеялся.

— Мне нужно от тебя только одно — мое лицо.

А Джаванна насмехалась:

— Твое лицо? А чем тебе не нравится то, которое на тебе? Оно тебе больше подходит; в любом случае твое прежнее лицо погибло.

— Погибло? Как это?

— Тот, у которого оно было, сгорел сегодня в огне Зеленого легиона.

Этарр оглянулся на утесы.

— Так что теперь твое лицо превратилось в пыль, в черный пепел,— продолжала Джаванна.

Этарр в слепом гневе ударил ее по прекрасному бесстыдному лицу. Джаванна быстро шагнула назад.

— Осторожнее, Этарр, или я использую против тебя магию, и твое тело будет соответствовать лицу.

Этарр взял себя в руки и отступил, глаза его горели.

— У меня тоже есть магия, но даже без ее помощи, одним кулаком, я заставлю тебя замолчать при первых же звуках твоего заклятия.

— Посмотрим,— воскликнула Джаванна, отбегая.— Мое заклятие удивительно короткое.— Этарр прыгнул, а она произнесла заклятие. И Этарр на середине прыжка остановился, руки его безжизненно повисли, он стал безвольным существом, всю его волю отобрала магия.

Но Джаванна стояла точно в такой же позе, ее серые глаза тупо смотрели вперед. Только Т'саис оставалась свободной: на ней была руна Панделума, обращавшая магию против того, кто применил ее.

Удивленная девушка стояла в темной ночи, а рядом с ней стояли, как во сне, две фигуры. Т'саис подбежала к Этарру, потянула за руку. Тот тупо смотрел на нее.

— Этарр! Что с тобой?

— Ведьма произнесла заклятие, лишившее меня воли. Без приказа я не могу ни двигаться, ни говорить.

— Что же мне делать? Как спасти тебя?— спро-

сила встревоженная девушка. И хотя Этарр лишился воли, мыслить он не разучился. Но он мог дать ей только информацию, ничего больше.

— Ты должна приказать мне действовать так, чтобы победить ведьму.

— Но как я узнаю, что делать?

— Спрашивай меня, и я отвечу.

— Но разве не лучше приказать тебе действовать так, будто ты свободен?

— Да.

— Тогда так и поступай: действуй, как стал бы действовать в таких обстоятельствах Этарр.

Так во тьме ночи было уничтожено заклятие Джаванны. Этарр пришел в себя и действовал как нормальный человек. Он приблизился к неподвижной Джаванне.

— Ты боишься меня, ведьма?

— Да,— ответила Джаванна,— теперь я боюсь тебя.

— Правда, что лицо, которое ты украла у меня, превратилось в пепел?

— Твое лицо стало пеплом вместе со взорвавшимся демоном.

Голубые глаза смотрели на нее сквозь прорези в капюшоне.

— Как мне вернуть его?

— Нужна сильная магия, нужно проникнуть далеко в прошлое; твое лицо теперь в далеком прошлом. Нужна магия сильнее моей, сильнее той, которой обладают волшебники и демоны нынешней Земли. Я знаю только двоих, которые на это способны. Первого зовут Панделум, он живет в многоцветном мире...

— Эмбелион,— прошептала Т'саис.

—...но заклинание, переносящее в этот мир, забыто. Однако есть и другой, не волшебник. Он не знает магии. Чтобы вернуть себе лицо, ты должен отыскать одного из них,— Джаванна замолкла, ответив на вопрос Этарра.

— А кто этот второй?— спросил Этарр.

— Я не знаю, как его зовут. Далеко в прошлом, за пределами нашей памяти, так гласит легенда, ра-

са справедливых людей жила к востоку от Мауренронских гор, за землей Падающей Стены, у берегов большого моря. Они построили город со шпилями и низкими стеклянными куполами и жили там в спокойствии. У них не было бога, и вскоре они ощутили необходимость хоть в ком-нибудь, кому можно было бы поклоняться. Они построили роскошный храм из золота, стекла и гранита, обширный, как река Скаум, там, где она течет по долине Резных Надгробий, и такой же длинный, и выше деревьев севера. И весь народ этих честных людей собрался в храме и стал молиться, и воля этих людей, как гласит легенда, создала бога. У него были их качества — это был бог совершенной справедливости.

Прошли века. Город исчез, его шпили и башни превратились в груды обломков, на род рассеялся. Но бог остался, навсегда привязанный к месту, где ему поклонялись. Сила этого бога превосходит любую магию. Каждому, кто обращается к нему, бог дарует справедливость. И — пусть боится зло — бог не проявляет ни капли милосердия. Поэтому мало кто решается предстать перед этим богом.

— Мы отправимся к этому богу,— с мрачным удовлетворением сказал Этарр.— Отправимся втроем, и втроем будем просить у него справедливости.

Они вернулись по болотам в дом Этарра, и тот поискал в книгах заклинания, чтобы перенестись в древний город. Тщетно: в его распоряжении такой магии не оказалось. Он обратился к Джаванне:

— Ты знаешь магию, которая перенесет нас к этому древнему богу?

— Да.

— Что это за магия?

— Я призову крылатых существ с Железных гор, и они отнесут нас.

Этарр пристально взглянул в лицо Джаванны.

— А какую награду они требуют?

— Они убивают тех, кого переносят.

— Ага, ведьма,— воскликнул Этарр,— даже лишенная воли, вынужденная правдиво отвечать не вопросы, ты пытаешься повредить нам.— Он возвышался над прекрасным рыжеволосым злом.— Как

нам невредимыми добраться до этого бога?

— Нужно заклясть этих крылатых существ.

— Вызывай их,— приказал Этарр,— и наложи на них заклятье, свяжи их всей властью, которую дает тебе магия.

Джаванна призвала тварей; те опустились, хлопая большими кожистыми крыльями. Ведьма наложила на них заклятье безопасности, и они завыли и затопали в разочаровании.

Все трое сели верхом, и чудища быстро понесли их по небу, в котором уже чувствовалось дыхание утра.

На восток, все время на восток. Наступил рассвет, медленно взошло тусклое красное солнце. Внизу проплыл темный Мауренронский хребет; позади осталась туманная земля Падающей Стены. К югу раскинулись пустыни Олмери и дно древнего моря, заросшее джунглями; к северу — дикие леса.

Они летели весь день — над пустынными пространствами, над сухими утесами, миновали еще один большой горный хребет и к заходу солнца медленно опустились в местности, похожей на парк.

Перед ними сверкало море. Крылатые существа опустились на широком песчаном пляже, и Джаванна связала их заклятьем неподвижности до их возвращения.

Ни на берегу, ни в парке не видно было даже следа древнего города. Лишь в полумиле от берега из воды выступало несколько разбитых колонн.

— Море наступает,— пробормотал Этарр.— Город затоплен.

Он вошел в воду. Море оказалось мелким и спокойным. Т'саис и Джаванна последовали за ним. Войдя в воду по пояс, окруженные подступающими сумерками, они дошли до разбитых колонн древнего храма.

Чье-то присутствие ощущалось в этом месте, бесстрастное, сверхъестественное, обладающее безграничной волей и властью.

Этарр встал в центре старого храма.

— Бог прошлого!— воскликнул он.— Я не знаю, как к тебе обратиться, иначе я назвал бы тебя по имени. Мы трое пришли к тебе из далекой земли в по-

исках справедливости. Если ты слышишь нас и воздашь нам по справедливости, то дай знак!

Низкий звучный голос раскатился в воздухе:

— Слышу и каждому воздам по справедливости!

И все увидели золотую шестирукую фигуру с круглым спокойным лицом, неподвижно восседающую в нефе огромного храма.

— Меня обманом лишили лица,— сказал Этарр.— Если ты считаешь меня достойным, верни мое лицо.

Бог протянул свои шесть рук.

— Я осмотрел твой мозг. Справедливость восстановлена. Можешь снять капюшон.— Этарр медленно снял маску. Провел рукой по лицу. Лицо было его собственным.

Т'саис ошеломленно смотрела на него.

— Этарр!— воскликнула она.— Мой мозг изменился! Я вижу — я вижу мир таким, какой он есть. Прекрасным!

— Каждому заслуженное, справедливость восстановлена,— произнес звучный голос.

Они услышали стон. Повернулись и взглянули на Джаванну. Куда делись ее прекрасное лицо, земляничный рот, чистая кожа?

Нос ее превратился в сложенного втрое извивающегося червя, рот — в разлагающуюся язву. Муравьиные челюсти отвисли, лоб почернел и сморщился. Единственное, что осталось от прежней Джаванны,— ее длинные рыжие волосы.

— Каждый приходящий получает по справедливости,— сказал голос, и видение храма поблекло. Трое стояли по пояс в холодной воде, и море играло, а сломанные колонны высоко вздымались в небо.

Они медленно вернулись к крылатым существам.

Этарр обернулся к Джаванне.

— Уходи,— приказал он.— Лети в свое логово. Когда завтра солнце сядет, ты освободишься от заклятия. Но больше никогда не беспокой нас: магия предупредит меня, и я тебя уничтожу.

Джаванна молча оседлала существо и взмыла в ночное небо.

Этарр повернулся к Т'саис и взял ее за руку. Он смотрел в ее глаза, в которых светилась такая радость, что она казались горящими. Он наклонился и поцеловал ее в лоб. Потом рука об руку они направились к своим крылатым существам и полетели назад, в Асколайс.

ЛАЙАН-СТРАННИК

Лайан-Странник легкой скользящей походкой шел густым лесом, тенистыми полянами. Он насвистывал, напевал — явно находился в отличном настроении. Вокруг пальца он вертел браслет из обработанной бронзы, украшенный какими-то угловатыми древними буквами.

По счастливой случайности нашел он эту вещь, зацепившуюся за корень древнего тиса. Подобрав браслет, он увидел надпись на его внутренней стороне — грубые мощные символы, несомненно, какая-то могучая древняя руна... Лучше отнести браслет к волшебнику и испытать на колдовство.

Лайан сморщился — дала о себе знать не совсем зажившая рана в боку. К этому есть препятствия. Иногда кажется, что все живые существа сговорились раздражать его. Только сегодня утром тот торговец пряностями — какой шум он поднял умирая! Забрызгал кровью красные, с загнутыми носками, туфли Лайана! «И все-таки,— подумал Лайан,— каждая неприятность приносит и компенсацию». Копая могилу, он нашел этот браслет.

Настроение Лайана снова улучшилось, он весело запел и пошел вприпрыжку. Красное перо на его зеленой шляпе раскачивалось и, казалось, подмигивало... И все же — Лайан на мгновение остановился — он ничуть не приблизился к разгадке тайны магии, если браслет обладал ею.

Эксперимент — вот нужное слово!

Он остановился на опушке, освещенной рубиновыми солнечными лучами, осмотрел кольцо, провел по буквам надписи ногтем. Внимательно всмотрелся. Какая-то пленка, мерцание. Он держал находку на расстоянии вытянутой руки. «Пожалуй для браслета —

великовато. По-видимому, диадема». Он снял шляпу, надел на голову кольцо, закатил глаза... Странно. Обруч соскользнул ему на уши. Сполз на глаза. Тьма. Лайан лихорадочно стащил его с головы. Бронзовый обруч диаметром с руку. Странно.

Он попробовал снова. Обруч скользнул по голове, по плечам. Голова оказалась в темном необычном пространстве. Глядя вниз, он увидел, что обычный свет прекращался там, куда сполз обруч.

Медленно вниз... Теперь кольцо окружало его лодыжки. В неожиданном страхе Лайан освободился от кольца и появился, мигая, в бордово-красном свете леса.

Он заметил в листе сине-голубое и зелено-белое сверкание. Твк-человек верхом на стрекозе, свет отражается в крыльях насекомого.

Лайан резко позвал.

— Эй, ты!

Твк-человек опустил свою верховую стрекозу на ветку.

— Что тебе нужно, Лайан?

— Смотри и запоминай, что увидишь.— Лайан надел на голову обруч, опустил до ног, снова поднял. Посмотрел на твк-человека, который жевал травинку.— Что ты видел?

— Я видел, как Лайан исчез из виду, остались только его красные туфли. Все остальное растаяло в воздухе.

— Ха!— воскликнул Лайан.— Подумать только! Ты видел что-нибудь подобное?

Твк-человек беззаботно спросил:

— У тебя есть соль? Мне нужна соль.

— А какие новости ты мне принес?

— Три эрба убили Флореджина-Снотворца и взорвали все его шары. Воздух над его домом долго был многоцветным от летящих обрывков.

— Грамм.

— Принц Кандайв Золотой построил баржу из резного дерева и теперь плывет по реке Скаум на Регату.

— Два грамма.

— Золотая ведьма, по имени Лит, поселилась на

лугу Тамбер. Они тихая и очень красивая.

— Три грамма.

— Хватит,— сказал твк-человек и наклонился, глядя, как Лайан взвешивает соль на крохотных весах. Он уложил соль в маленькие корзины и подвесил их по обе стороны ребристой груди насекомого, затем поднял стрекозу в воздух и исчез в листве деревьев.

Лайан снова надел бронзовый обруч но на этот раз переступил через него и вышел в окружившую его тьму. Что за удивительное открытие! Отверстие, вход в которое можно спрятать в самом укрытии! Опустил кольцо вниз, поднял его над плечами, снял и оказался опять в лесу с маленьким бронзовым браслетом в руке.

«Хо! А теперь на луг Тамбер взглянуть на золотую ведьму!»

Дом ее — простой шалаш из тростника, купол с двумя круглыми окнами и низкой дверью. Он увидел Лит в пруду, где она стояла по колено в воде и ловила лягушек себе на ужин. Белая юбка высоко подвернута; девушка была неподвижна, и темная вода кругами расходилась от ее стройных ног.

Она была прекраснее, чем Лайан мог себе представить, как будто один из лопнувших шаров Флореджина взорвался здесь над водой. Светло-кремовая кожа, тронутая золотом; волосы — еще более чистое, влажное золото. Глаза похожи на глаза самого Лайана — большие, золотые, широко расставленные и слегка раскосые.

Лайан остановился на берегу. Ведьма испуганно вздрогнула, ее рот полуоткрылся.

— Смотри, золотая ведьма, здесь Лайан. Он пришел на Тамбер, чтобы приветствовать тебя; он предлагает тебе свою дружбу, свою любовь...

Лит наклонилась, зачерпнула пригоршню грязи и бросила ему в лицо.

Выкрикивая яростные проклятия, Лайан вытер глаза, но дверь ее дома уже была закрыта.

Лайан подошел к двери и постучал кулаком.

— Открой и покажи свое ведьмино лицо, иначе я сожгу твой дом.

Дверь открылась, девушка выглянула с улыбкой.

— Что еще?

Лайан вошел в дом и бросился к ней, но двадцать острых лезвий взметнулись в воздухе, двадцать острых стрел уперлись в его грудь. Он остановился, с поднятыми бровями, с дергающимся ртом.

— Назад, сталь,— сказала Лит, и лезвия исчезли.— Я легко могла бы отобрать у тебя жизнь. Если бы захотела.

Лайан нахмурился и как бы в раздумье потер подбородок.

— Понимаешь,— сказал он серьезно,— ты безрассудна. Лайана боятся те, кого боится сам страх, и любят те, кого любит любовь. А ты,— он осмотрел ее золотое тело,— ты спела, как сладкий фрукт. Ты нетерпелива, ты сверкаешь и дрожишь от любви. Ты нравишься Лайану, и он даст тебе много тепла.

— Нет, нет,— с легкой улыбкой ответила Лит.— Ты слишком торопишься.

Лайан удивленно взглянул на нее.

— Неужели?

— Я Лит,— сказала она.— Ты видишь, какова я. Я волную, я бурлю, я тревожу. Но я смогу полюбить только того, кто окажет мне услугу. Он должен быть храбрым, быстрым и хитроумным.

— Так это обо мне,— сказал Лайан и пожевал губу.— Послушай, давай...

Она попятилась.

— Нет, нет! Ты забыл. Ты не послужил мне, не заслужил мою любовь!

— Вздор!— бушевал Лайан.— Посмотри на меня. Заметь мою совершенную грацию, красоту моей фигуры и лица, мои большие глаза, золотые, как и у тебя, мою замечательную красоту и силу... Это ты должна мне служить. Так оно и будет.— Он опустился на низкий диван.— Женщина, дай мне вина.

Она покачала головой.

— В моем маленьком шалаше меня нельзя заставить. Может быть, снаружи, на лугу Тамбер — но не здесь, среди двадцати этих стальных лезвий, отвечающих на мой призыв. Здесь ты должен повиноваться мне... Поэтому выбирай. Либо вставай и уходи, чтобы никогда не возвращаться, либо согласись

выполнить одно мое маленькое поручение. Тогда получишь меня и весь мой пыл.

Лайан сидел прямо и неподвижно. Странное существо эта золотая ведьма. Но заслуживает некоторых усилий, и он заставит ее заплатить за дерзость.

— Хорошо,— сказал он вежливо.— Чего ты хочешь? Драгоценностей? Я удушу тебя жемчугами, ослеплю бриллиантами. У меня есть два изумруда размером с твой кулак, это зеленые океаны, взгляд тонет в них и остается внутри навсегда, блуждая меж вертикальных зеленых призм...

— Нет, не драгоценности...

— Значит, враг. Так просто. Лайан убьет ради тебя хоть десять человек. Два шага вперед, удар, и все.— Он сделал выпад.— И душа, стеная, летит вверх, как пузырек в кувшине меда.

— Нет. Мне не нужны убийства.

Он, нахмурившись, снова сел.

— Что же тогда?

Ведьма отошла к задней стене и потянула уголок занавески. Та отодвинулась, открыв золотой ковер, на котором была изображена ограниченная двумя крутыми горами широкая долина, по которой мимо тихой деревни в рощу протекала спокойная река. Река золотая, золотые горы, золотые деревья — золото разнообразных оттенков, богатое, вычурное — производило впечатление многоцветного ландшафта. Но ковер был грубо разрезан пополам.

Лайан был очарован.

— Великолепно, великолепно...

Лит сказала:

— Здесь изображена волшебная долина Аривенты. Вторая половина ковра у меня украдена, и ее возвращение — та услуга, о которой я тебя прошу.

— Где же вторая половина?— спросил Лайан.— И кто этот презренный вор?

Теперь она внимательно смотрела на него.

— Ты когда-нибудь слышал о Чане? О Чане Неминуемом?

Лайан задумался.

— Нет.

— Он и украл половину моего ковра. Повесил в

мраморном зале, который находится среди руин севернее Кайна.

— Ха!— пробормотал Лайан.

— Зал расположен возле Дворца Шепотов и обозначен наклонной колонной с черным медальоном с изображением феникса и двуглавой ящерицы.

— Иду,— сказал Лайан. Он встал.— Один день до Кайна, один на то, чтобы украсть, еще один на возвращение. Три дня.

Лит проводила его до двери.

— Берегись Чана Неминуемого,— прошептала она.

И Лайан, насвистывая, отправился в путь. Красное перо развевалось на его шляпе. Лит смотрела вслед, потом повернулась и приблизилась к ковру.

— Золотая Аривента,— прошептала она,— мое сердце плачет и болит от стремления к тебе.

Река Дерна стремительнее и уже, чем Скаум, ее родной брат на юге. И там, где Скаум течет по широкой долине, пурпурной от цветов, усеянной белыми и серыми пятнами разрушенных замков, Дерна пробивает узкий каньон, над которым нависают лесистые утесы.

Древняя каменная дорога когда-то проходила по берегу Дерны, но теперь ее поверхность была усеяна большими трещинами, так что Лайан, направлявшийся в Кайн, вынужден был часто идти в обход через заросли колючих кустарников и трубчатой травы, шелестевшей на ветру.

Красное солнце, двигающееся по небу неторопливо, как старик ковыляющий к смертному одру, висело низко над горизонтом, когда Лайан, взобравшись на Рубец Порфириона, взглянул сверху на белостенный Кайн и голубой залив Санреаль за ним.

Прямо под ним находилась торговая площадь, путаница лавок, где продавались фрукты, куски бледного мяса, моллюски с илистых берегов, тусклые флаконы вина. Спокойные жители Кайна двигались среди лавок, покупая продукты и унося их в свои каменные жилища.

За торговой площадью, как сломанные зубы,

возвышались ряды обрушившихся колонн — подпорки арены, которую двести лет назад построил над землей безумный король Шин, еще дальше — в роще лавровых деревьев — виднелся блестящий купол дворца, откуда Кандайв Золотой правил Кайном и той частью Асколайса, которая видна с Рубца Порфириона.

Дерна, теперь уже не поток чистой воды, растекалась в паутину каналов и подземных труб и в конце концов сквозь гниющие гавани просачивалась в залив Санреаль.

«Постель на ночь,— подумал Лайан,— а утром — за дело».

Он прыжками спустился по зигзагообразным ступеням и оказался на торговой площади. Сейчас он был серьезным и сосредоточенным. Лайан-Странник хорошо известен в Кайне, и многие здесь хотели бы причинить ему вред.

Он осторожно прошел в тени Паннонской стены по узкой мощеной улице, между старыми деревянными домами, густо-коричневыми в свете заходящего солнца, и ступил на маленькую площадь, на которую выходил высокий каменный фасад «Гостиницы Волшебников».

Хозяин гостиницы, маленький, толстый человечек с печальными глазами, с маленьким толстым носом, похожим по форме на его тело, выгребал угли из очага. Он выпрямился и заторопился за прилавок своей маленькой прихожей.

Лайан сказал:

— Хорошо проветренная комната и ужин: грибы, вино, устрицы.

Хозяин поклонился:

— Слушаюсь, сэр... а чем вы будете платить?

Лайан швырнул ему кожаный мешочек, отобранный сегодня утром у торговца пряностями. Почувствовав аромат, хозяин от удовольствия зажмурился:

— Почки с кустов списа, привезенные из далекой земли,— сказал Лайан.

— Великолепно, великолепно... Ваша комната, сэр, и ваш ужин — немедленно.

Пока Лайан ел, появились остальные постояльцы гостиницы. Они сели с вином у огня, и начался общий разговор, который в основном касался магии прошлого и когда-то живших великих волшебников.

—...Великий Фандаал знал забытую теперь науку,— сказал старик с выкрашенными оранжевой краской волосами.— Он привязывал к ногам ласточек белые и черные струны и посылал их в разные стороны. И там, где они свивали свою магическую ткань, вырастали большие деревья, усеянные цветами, фруктами, орехами или пузырями с редкими напитками. Говорят, так он создал Великий Лес на берегах озера Санры.

— Ха,— сказал угрюмый человек в коричневой с черным одежде,— такое и я могу.— Он извлек несколько струн, согнул их, связал, произнес негромкое слово, и струны превратились в языки красного и желтого пламени, которое плясало, сворачивалось, металось взад и вперед по столу, пока мрачный человек не погасил его жестом.

— А я могу вот что,— сказал человек в черном капюшоне с серебряными кругами. Он достал маленький поднос, положил на стол и бросил на него горсть пепла из очага. Потом достал свисток и извлек из него ясный звук. Над подносом взлетели сверкающие мотыльки, блестя красным, синим, голубым, желтым. Они взлетели на фут и взорвались яркими цветами — каждый образовал звезду. Взрывы сопровождались звуками — самыми ясными, чистыми звуками в мире. Мотыльков стало меньше, волшебник выдул другую ноту, и взвились в сверкании мотыльки. Еще раз — и еще один рой мотыльков. Наконец он убрал свисток, вытер поднос, убрал его под плащ и снова замолк.

В состязание вступили другие колдуны, и воздух над столом заполнился видениями, задрожал от заклинаний. Один показал десять цветков невыразимой красоты; другой образовал на лбу хозяина рот, который к большому неудовольствию маленького толстяка, начал поносить толпу, да еще его же голосом. Еще один показал черную бутылку, в которой гримасничал чертенок; еще один — шар из чистого

хрусталя, который по команде волшебника катался взад и вперед; владелец утверждал, что это — серьга знаменитого мастера Санкаферрина.

Лайан внимательно следил за всем этим, сожалея, что мир полон жестокосердных людей, но волшебник с хрустальным шаром остался равнодушным, и даже когда Лайан вытащил двенадцать пакетов с редкими пряностями, отказался расстаться со своей игрушкой.

Лайан упрашивал:

— Я хочу только доставить удовольствие ведьме Лит.

— Доставь ей удовольствие пряностями.

Лайан негодующе сказал:

— У нее только одно желание — кусок ковра, который я должен выкрасть у Чана Неминуемого.

И переводил взгляд от одного к другому гостю, внезапно умолкшим.

— Что это за неожиданная трезвость? Эй, хозяин, еще вина!

Владелец серьги сказал:

— Даже если бы пол по колено был покрыт вином, лучшим красным вином Танвилката, свинцовая печать этого имени все равно висела бы в воздухе.

— Ха!— рассмеялся Лайан.— Пусть только это вино коснется твоих губ, и пары его все сотрут из памяти.

— Взгляните на его глаза,— послышался шепот.— Они большие и золотые.

— И хорошо видят к тому же,— говорил Лайан.— А эти ноги — быстро бегают... летят, как звездный свет по волнам. А эти руки — быстро ударяют сталью. И моя магия даст мне убежище вне пределов всякого знания.— Он глотнул вина из кувшина.— Смотрите. Вот магия древности.— Он надел на голову бронзовый обруч, прошел сквозь него, внес его в темноту. Когда ему показалось, что прошло достаточно времени, он вышел из кольца.

Огонь горел, хозяин суетился за стойкой. Вино Лайана стояло на столе. Но не было ни следа волшебников.

Лайан удивленно осмотрелся.

— А где же мои друзья-волшебники?

Хозяин повернул голову.

— Разошлись по своим комнатам. Имя, которое ты произнес, тяжелым грузом легло на их души.

Лайан допил свое вино в хмуром молчании.

На следующее утро он покинул гостиницу и окольным путем направился в Старый Город — дикую серую мешанину обрушившихся столбов, выветренных блоков песчаника, упавших фронтонов с высеченными надписями, террас, заросших ржавым мхом.

Ящерицы, змеи, насекомые ползали по руинам; больше ничего живого не было видно.

Пробираясь среди развалин, он чуть не споткнулся о труп — тело юноши, который смотрел в небо пустыми глазницами.

Лайан ощутил чье-то присутствие. Он отпрыгнул, наполовину обнажив рапиру. На него смотрел согбенный старик. Он заговорил слабым дрожащим голосом:

— Что тебе нужно в Старом Городе?

Лайан убрал рапиру.

— Я ищу Дворец Шепотов. Может, покажешь?

Старик издал хриплый горловой звук.

— Еще один? Еще? Когда это кончится?..— Он указал на труп.— Этот пришел вчера. Он тоже искал Дворец Шепотов. Хотел обокрасть Чана Неминуемого. Видишь, каков он теперь?— Старик повернулся.— Идем со мной.— И исчез за грудой обломков.

Лайан последовал за ним.

Старик стоял возле другого трупа с пустыми окровавленными глазницами.

— Этот пришел четыре дня назад. Он встретился с Чаном Неминуемым... А вот здесь, за аркой — великий воин в доспехах из перегородчатой эмали. И здесь... И здесь...— Он показывал, показывал.— И здесь, и здесь, как раздавленные мухи.

Он устремил на Лайана взгляд своих водянистых голубых глаз.

— Вернись, молодой человек, вернись, иначе твое тело в зеленом плаще сгниет здесь на камнях.

Лайан вытащил рапиру и взмахнул ею.

— Я Лайан-Странник. Пусть лучше боятся те, кто меня оскорбит. Где Дворец Шепотов?

Старик стоял, как обветрившаяся статуя, и Лайан ушел.

«А что если старик — подручный Чана,— спросил себя Лайан,— и как раз сейчас идет к нему с предупреждением?.. Лучше принять меры предосторожности». Он прыгнул на высокий обломок колонны, и, пригнувшись, побежал назад, туда, где оставил старика.

Вот и старик, что-то бормочет, опираясь на палку. Лайан бросил кусок гранита размером со свою голову. Удар, вскрик — и Лайан отправился своей дорогой.

Он прошел мимо разбитого обелиска и оказался во Дворце Шепотов. Прямо против него был длинный широкий зал, обозначенный наклонной колонной, на которой выделялся черный медальон со знаком феникса и двуглавой ящерицы.

Лайан укрылся в тени стены и стоял, высматривая, как волк, малейшее движение.

Все вокруг было неподвижно. Солнечный свет придавал руинам пугающее великолепие. Во все стороны, насколько хватало глаз, тянулись битые камни. Пустыня, усеянная развалинами, откуда шел дух человека, и камни стали принадлежностью природы.

Солнце двигалось по темно-синему небу. Лайан покинул свой наблюдательный пункт и обошел зал. Он никого не встретил.

Обошел здание с тыла и прижал ухо к камню. Все мертво, ни малейшего шевеления. Щель в стене. Лайан заглянул внутрь. В конце зала висит золотой ковер. Зал совершенно пуст.

Лайан огляделся по сторонам. Ничего не видно. Он продолжал обходить зал.

Подошел еще к одному пролому. Заглянул внутрь. Висит золотой ковер. И больше ничего, ни звука, ни движения.

Лайан продолжал обход зала, заглядывая в приделы. Мертво, как пыль.

Теперь ему стала видна вся комната. Пустая, об-

наженная, если не считать ковра.

Он вошел, ступая широкими мягкими шагами. Остановился посередине. Со всех сторон, кроме задней стены, лился свет. Не менее дюжины отверстий, через которые можно убежать, и — ни звука, кроме биения его собственного сердца.

Он сделал два шага вперед. Теперь ковер находился почти рядом.

Он ступил вперед и быстро сорвал ковер со стены.

За ним стоял Чан Неминуемый.

Лайан закричал. Он неуклюже повернулся, словно ноги его были из свинца, и отказывались повиноваться ему.

Чан соскочил со стены и приблизился. На его плечах висела черная накидка, к которой были пришиты многочисленные глазные яблоки.

Лайан побежал со всех ног. Он прыгал, парил. Его башмаки едва касались земли. Из зала, через площадь, в неразбериху разбитых статуй и упавших колонн. А за ним, как собака, бежал Чан.

Лайан пробежал вдоль большой стены и прыгнул в разбитый фонтан. За ним — Чан.

Лайан устремился в узкий проход, взобрался на груду мусора, на крышу, оттуда во двор. За ним — Чан.

Лайан пронесся по широкой улице, на которой росло несколько чахлых старых кипарисов, слыша за собой Чана. Он вбежал под арку, вытащил свой бронзовый обруч, надел его на голову, опустил к ногам, переступил через него. Убежище. Он один в темном волшебном пространстве, исчезнув ото всех земных взглядов, от всего земного знания. Молчание, мертвое пространство...

Он почувствовал близкое дыхание, выдох. Рядом послышалось:

— Я Чан Неминуемый.

Лит сидела под лампой на своей кровати и плела коврик из лягушечьих шкур. Дверь закрыта, окна забраны ставнями. Снаружи в темноте лежал луг Тамбер.

Царапанье в дверь, скрип испытываемого на

прочность замка. Лит застыла, глядя на дверь.

Из-за двери раздался голос:

— Сегодня, Лит, для тебя две длинных ярких нити. Две, потому что глаза были такие большие, такие золотые...

Лит сидела неподвижно. Она ждала час; потом, прижалась к двери, прислушалась. Никого. Поблизости заквакала лягушка.

Она раскрыла дверь, нашла нити и снова заперлась. Подбежала к золотому ковру и приладила на место спутанный моток.

Она смотрела на золотую долину, больная от стремления в Аривенту, слезы скрывали от нее мирную реку, тихий золотой лес.

— Ковер все шире... Однажды он будет закончен, и я вернусь домой...

ЮЛАН ДОР

Принц Кандайв Золотой серьезно сказал своему племяннику Юлану Дору:

— Договоримся, что все новые знания станут нашим общим достоянием.

Юлан Дор, стройный молодой человек, с бледной кожей, черными волосами, глазами и бровями, печально улыбнулся.

— Но ведь это я поплыву в забытые воды, я буду отбиваться веслом от морских демонов...

Кандайв откинулся в кресле и коснулся носа набалдашником трости из речного нефрита.

— А я сделаю это путешествие возможным. Более того, я сам искусный колдун; новые знания лишь увеличат мое искусство. А ты, даже не начинающий, узнаешь такое, что поместит тебя среди волшебников Асколайса. Это много выше твоего нынешнего незначительного положения. Если посмотреть с этой точки зрения, я приобретаю мелочь, ты — очень многое.

Юлан Дор скорчил гримасу.

— Верно, хотя я не согласен с твоей оценкой. Я знаю Заклятие Холода Фандаала, я признанный фехтовальщик, мое положение среди восьми делафазиан...

— Тьфу!— насмешливо произнес Кандайв.— Дурные манеры мелких людишек, впустую тратящих свои жизни. Жеманные убийства, извращенный разврат, а в это время истекают последние часы Земли, и никто из вас ни на милю не удаляется от Кайна.

Юлан Дор сдержал язык, вспомнив, что принц Кандайв Золотой так же не чурается вина, постели и стола; и что самое дальнее его путешествие из крытого куполом дворца — к резной барже на реке Скаум.

Кандайв, умиротворенный молчанием Юлана Дора, достал ящичек слоновой кости.

— Ну, так вот. Если мы договорились, я сообщу тебе необходимые сведения.

Юлан Дор кивнул.

— Договорились.

Кандайв сказал:

— Направишься к забытому городу Ампридатвиру.— Он искоса наблюдал за Юланом Дором, сохранявшим равнодушное выражение.

— Я никогда не видел его,— продолжал Кандайв.— Поррина Девятый называет его последним из олекнитских городов, расположенных на острове в Северном Мелантине.— Он раскрыл шкатулку.— Этот рассказ я нашел в груде старых свитков — свидетельство поэта, бежавшего из Ампридатвира после смерти Рогола Домедонфорса, их последнего великого правителя, волшебника, обладавшего огромной властью, который сорок три раза упоминается в Энциклопедии...

Кандайв вытащил потертый пергаментный свиток и, раскрыв его, прочитал:

— «Ампридатвир гибнет. Мой народ забыл учение силы и дисциплины и погрузился в суеверия и схоластику. Идут бесконечные споры: бог Паншу представляет верховный разум, а Газдал — предел разврата, или наоборот: Газдал — добродетельное божество, а Паншу — само зло.

Этот вопрос решается при помощи огня и стали. Я оставляю Ампридатвир упадку и отправляюсь в спокойную долину Мел-Палусас, где и проведу последние дни своей жизни.

Я еще застал старый Ампридатвир; я помню его

башни, сверкающие по ночам удивительным блеском, испускающие лучи, которые затмевали само солнце. Тогда Ампридатвир был прекрасен — и сердце мое болит, когда я думаю об этом древнем городе. Семирский виноград вился тысячами гирлянд, голубая вода текла в трех выложенных камнем каналах. Металлические машины мчались по улицам, металлические экипажи заполняли воздух густо, как пчелы возле улья,— чудо из чудес, мы заставили плененный огонь преодолевать могучее тяготение Земли... Но избыток меда пресыщает язык; избыток вина разрушает мозг; избыток легкости лишает человека сил. Свет, тепло, вода, пища были доступны всем и добывались минимумом усилий. И вот жители Ампридатвира, освобожденные от утомительного труда, предались фантазиям, извращениям и оккультизму.

Сколько я себя помню, городом правил Рогол Домедонфорс. Он знал все древние предания, все тайны огня и света, тяготения и антитяготения, он постиг суперфизику, метатазм, колопсис. Несмотря на глубину своих знаний, как правитель он был непрактичен и не замечал упадка духа в Ампридатвире. Слабость и вялость, которую замечал, он приписывал отсутствию образования. В последние годы своей жизни он работал над созданием огромной машины, которая должна была вообще освободить человека от работы и тем самым дать ему возможность заниматься только размышлениями и науками.

И вот, в то время как Рогол Домедонфорс занимался этой работой, город охватила религиозная истерия.

Соперничающие секты Паншу и Газдала существовали давно, но в их споре участвовали только жрецы. И вдруг эти культы распространились повсеместно; население разделилось на поклонников этих двух божеств. Жрецы, давние ревнивые соперники, восхитились своей новой властью и призвали своих последователей к фанатичному рвению. Начались трения, разгорелись споры, поднялись мятежи, насилие. И в один из этих злых дней камень, пущенный чьей-то рукой, ударил Рогола Домедонфорса в висок,

и тот упал с балкона.

Раненый, искалеченный, но сопротивляющийся смерти, Рогол Домедонфорс успел завершить свое детище и успокоился на смертном одре. Он отдал один-единственный приказ своей машине, и когда на следующее утро Ампридатвир проснулся, жители его обнаружили, что нет ни энергии, ни света, пищевые фабрики не работают, каналы опустели.

В ужасе они бросились в Роголу Домедонфорсу, который сказал перед смертью:

— Я долго не замечал вашего падения; теперь я вас презираю — вы принесли мне смерть.

— Но город умирает! Народ гибнет!— воскликнули они.

— Вы должны спасаться сами,— сказал им Рогол Домедонфорс.— Вы отвергли древнюю мудрость, были слишком ленивы, чтобы учиться, вы искали удовлетворения в религии, вместо того чтобы мужественно противостоять реальности. Я решил подвергнуть вас жестокому испытанию, которое, я надеюсь, будет для вас целительным.

Он призвал соперничающих жрецов Паншу и Газдала и протянул каждому по дощечке из прозрачного металла.

— По одной эти дощечки бесполезны; если их сложить вместе, можно прочесть заключенное в них послание. Тот, кто его прочтет, получит доступ к древним знаниям и будет владеть силами, которые я собирался использовать сам. Теперь идите.

Жрецы, взглянув друг на друга, ушли, созвали своих приверженцев, и началась большая война.

Тело Рогола Домедонфорса так и не было найдено; некоторые утверждают, что его скелет все еще лежит в подземных коридорах под городом. Дощечки находятся в соперничающих храмах. По ночам начались убийства, а днем голодные умирали на улицах. Многие бежали на континент, а теперь и я следую за ними, оставляя Ампридатвир, последний дом моего народа. Я построю деревянную хижину на склоне горы Лью и проживу оставшиеся мне дни в долине Мел-Палусас».

Кандайв свернул свиток и положил его обратно

в шкатулку.

— Твоя задача,— сказал он Юлану Дору,— отправиться в Ампридатвир и отыскать магию Рогола Домедонфорса.

Юлан Дор задумчиво ответил:

— Это было давно... Тысячи лет назад.

— Верно,— согласился Кандайв.— Но с тех пор историки не упоминали имени Рогола Домедонфорса, и я считаю, что его мудрость все еще хранится под древним Ампридатвиром.

Три недели Юлан Дор плыл по спокойному океану.

Солнце вставало на горизонте, багровое, как кровь, и плыло по небу; вода была неподвижной, если не считать небольшой ряби от ветерка и пенного следа за кормой.

Солнце садилось, бросало последний печальный взгляд на мир; наступали сумерки и ночь. Древние звезды усеивали небо, и след за кормой корабля Юлана Дора был мертвенно-бледным. Он смотрел на поверхность океана и чувствовал себя очень одиноко.

Три недели плыл на северо-запад по Мелантиновому заливу Юлан Дор, пока однажды утром не увидел справа темные очертания берега, а слева остров, терявшийся в дымке.

Недалеко от его корабля медленно плыла неуклюжая баржа под квадратным парусом из плетеного тростника.

Юлан Дор пригляделся и различил на палубе двух мужчин в грубых зеленых комбинезонах; они ловили рыбу. У них были овсяно-желтые волосы и голубые глаза, а на лицах ошеломленное выражение.

Юлан Дор опустил свой парус и перекинул трап на баржу. Ни один из рыбаков не заговорил с ним.

Юлан Дор сказал:

— Похоже, вид человека вам незнаком.

Старший начал заунывный распев — Юлан Дор понял, что это заклинание против демонов и злых духов, и рассмеялся.

— Почему ты меня поносишь? Я такой же человек, как и ты.

Младший сказал на береговом диалекте:

— Мы считаем, что ты демон. Во-первых, в нашем народе нет черноволосых и черноглазых. Во-вторых, учение Паншу отрицает существование в нашем мире других людей. Поэтому ты не можешь быть человеком, ты демон.

Старший, прикрывшись рукой, сказал младшему:

— Попридержи язык; не говори ни слова. Он проклянет твой голос...

— Вы ошибаетесь, уверяю вас,— вежливо ответил Юлан Дор.— Вы сами когда-нибудь видели демонов?

— Нет, кроме гаунов, никого!

— Я похож на гауна?

— Совсем непохож,— признал старший.

Его младший товарищ указал на темно-красный плащ и зеленые брюки Юлана Дора:

— Он, очевидно, разбойник; смотри, какого цвета его одежда.

— Нет, я не разбойник и не демон. Я всего лишь человек...

— Кроме зеленых, людей нет — так говорит Паншу.

Юлан Дор рассмеялся.

— Земля на самом деле велика и полна развалин, но на ней еще много людей... Скажите, найду ли я на этом острове город Ампридатвир?

Младший кивнул.

— И вы там живете?

Снова младший подтвердил.

Несколько растерянно Юлан Дор сказал:

— Я считал, что Ампридатвир — покинутые руины, забытые, пустынные.

Младший подозрительно спросил:

— А что ты ищешь а Ампридатвире?

Юлан Дор подумал: «Надо упомянуть дощечки и посмотреть на их реакцию. Можно узнать, как к ним относятся»,— и сказал:

— Я плыву уже три недели, чтобы найти Ампридатвир и изучить две легендарные дощечки.

— Ага!— сказал старший.— Дощечки! Он все-таки разбойник! Я теперь это понимаю. Посмотри на

его зеленые брюки. Разбойник за зеленых...

Юлан Дор, ожидавший враждебного отношения, был удивлен тем, что выражение лиц обоих стало более приятным, как будто они наконец решили беспокоивший их вопрос. Хорошо, подумал он, если они так считают, пусть так и будет.

Младший хотел полной ясности.

— Мы правы, темный человек? Ты носишь красное как разбойник за зеленых?

Юлан Дор осторожно ответил:

— Мои планы еще окончательно не сложились.

— Но ты носишь красное! Это цвет разбойников!

Странный образ мыслей, подумал Юлан Дор. Как будто скала преградила путь их мысли, и ее течение разбивалось в брызги. Он сказал:

— Там, откуда я пришел, люди носят любые цвета, какие захотят.

Старший серьезно сказал:

— Но ты выбрал зеленый, значит, ты разбойник за зеленых.

Юлан Дор пожал плечами чувствуя, что их умственный блок непреодолим.

— Как хочешь... А кто еще здесь есть?

— Никого, других нет,— ответил старший.— мы зеленые из Ампридатвира.

— Но тогда... кого же грабят ваши разбойники?

Младший беспокойно задвигался и потянул леску.

— Они грабят разрушенный храм демона Газдала в поисках утраченной дощечки Рогола Домедонфорса.

— В таком случае,— сказал Юлан Дор,— я сойду за разбойника.

— Разбойника за зеленых?— старик искоса взглянул на него.

— Довольно, довольно,— сказал другой.— Солнце миновало зенит. Нам пора домой.

— Да, да,— поддержал с неожиданной энергией старший.— Солнце садится.

Младший взглянул на Юлана Дора.

— Если ты собираешься на разбой, тебе лучше идти с нами.

Корабль Юлана Дора прикрепили к барже, он опустил свой парус, и оба судна направились к берегу.

Прекрасно пересекать солнечные послеполуденные воды, а когда они обогнули восточный мыс, показался Ампридатвир.

Линия низких зданий выходила на гавань, а за ним возвышались башни; Юлан Дор даже не думал, что такие могут существовать: металлические шпили возносились в небо в центральной части острова, блестя в заходящем солнце. Такие города были легендой прошлого, сновидениями из того времени, когда Земля была молода.

Юлан Дор задумчиво посмотрел на баржу, на грубые зеленые одежды рыбаков. Они крестьяне? Не станет ли он предметом насмешек, прибыв таким образом в великолепный город? Он беспокойно повернулся к острову, закусив губу. Если верить Кандайву, Ампридатвир должен быть полон обрушившихся колонн и мусора, как Старый Город за Кайном...

Солнце уже уходило за горизонт, и Юлан Дор увидел обрушившиеся башни, разбитые дома: все-таки Кандайв прав, город заброшен. Странно, но развалины придавали Ампридатвиру благородство, величие забытого памятника.

Ветер стих, лодки продвигались совсем медленно. Рыбаки беспокоились, пытаясь уловить парусом слабые порывы, закрепляя опоры. Но еще до того, как они оказались за волноломом, на город опустились пурпурные сумерки, и башни превратились в огромные черные монолиты.

Почти в полной темноте они привязали лодки к столбам среди других барж; одни из них были зеленые, другие серые.

Юлан Дор спрыгнул на берег.

— Подожди,— сказал младший рыбак, глядя на его красный плащ.— Неразумно одеваться так, даже ночью.— Он порылся в рундуке и вытащил зеленый плащ, рваный, грязный и пахнущий рыбой.— Надень и спрячь под капюшон свои черные волосы...

Юлан Дор повиновался, скрыв гримасу отвращения. Он спросил:

— Где я могу поужинать и переночевать? В Ам-

придатвире есть гостиницы?

Младший рыбак без энтузиазма ответил:

— Можешь провести ночь в моем жилище.

Рыбаки, подняв на плечи дневной улов, сошли на берег и с беспокойством оглядели груды обломков.

— Вы чего-то боитесь,— заметил Юлан Дор.

— Да,— согласился младший,— по ночам здесь бродят гауны.

— А кто это такие?

— Демоны.

— Существует много разновидностей демонов,— легко сказал Юлан Дор.— А эти какие?

— Они похожи на страшных людей. У них большие длинные руки, которые хватают и рвут...

— Хо!— сказал Юлан Дор, положив руку на рукоять меча.— А почему вы позволяете им здесь бродить?

— Мы не можем навредить им. Они сильны и свирепы, но, к счастью, не очень проворны.. Если повезет и будешь осторожен...

Юлан Дор теперь осматривал развалины так же настороженно, как и рыбаки. Эти люди знают местные опасности; он будет слушаться их совета, пока сам не разберется в обстановке.

Они миновали первые груды развалин, вошли в каньон, с обеих сторон ограниченный высокими стенами домов.

«Город лежит под покровом смерти»,— думал Юлан Дор. Где миллионы жителей древнего Ампридатвира? Мертвая пыль, их плоть и кровь смешались с водой океана, с прахом всех остальных мужчин и женщин, когда-то живших на Земле.

Юлан Дор и двое рыбаков двигались по узкой улице — крошечные фигурки, идущие по городу из сновидений. Принц Кандайв Золотой говорил правду: Ампридатвир — сама древность. Окна пусты и черны, бетон раскрошился, балконы причудливо перекосились, террасы покрыты пылью. Улицы заполнял мусор — куски разбитых колонн, ржавый и погнутый металл.

Но Ампридатвир по-прежнему жил странной жизнью, жил там, где строители использовали не

знающие износа материалы и вечную энергию. По обе стороны улицы, как потоки воды, двигались темные блестящие полоски — медленнее по краям, быстрее в центре.

Рыбаки привычно ступили на первую полоску, и Юлан Дор неохотно проследовал за ними до самой быстрой центральной полосы.

— Я вижу, дороги в Ампридатвире текут, как реки,— сказал он.

— Это не магия,— коротко сказал младший рыбак.— Так всегда было в Ампридатвире.

Через регулярные интервалы на улице стояли каменные павильоны примерно десяти футов высотой, которые, казалось, скрывали лестницы, уходящие под землю.

— Что там внизу?— спросил Юлан Дор.

Рыбаки пожали плечами.

— Двери плотно закрыты. Ни один человек не проходил через них. Легенды говорят, что там последнее творение Рогола Домедонфорса.

Юлан Дор перестал расспрашивать, заметив растущее беспокойство рыбаков. Заразившись их опасениями, он держал руку на рукояти меча.

— Никто не живет в этой части Ампридатвира,— хриплым шепотом сказал старший рыбак.— Она древнее, чем можно себе вообразить, и населена духами.

Башни расступились, и улица выплеснулась на центральную площадь. Скользящая полоска остановилась, как ручей, впадающий в пруд. Здесь Юлан Дор впервые увидел искусственный свет — яркий шар свисал с изогнутой опоры. В его свете Юлан Дор увидел молодого человека в сером, торопливо идущего по площади... Вдруг рыбаки испуганно охнули, присели. К ним прыгнуло бледное, как труп, существо. Руки его, узловатые и длинные, свисали до колен; грязная шерсть покрывала ноги. С заостренного белого черепа смотрели большие глаза; два клыка нависали над вялогубым ртом. Существо прыгнуло на несчастного в серой одежде и схватило его; затем, повернувшись, бросило на Юлана Дора и рыбаков торжествующий злобный взгляд. И тут Юлан Дор уви-

дел, что жертвой была женщина...

Он выхватил меч.

— Нет, нет!— прошептал старший рыбак.— Гаун уйдет!

— Но он схватил женщину! Мы можем спасти ее!

— Гаун никого не схватил!— старик сжал его плечо.

— Ты что, ослеп?— воскликнул Юлан Дор.

— В Ампридатвире нет никого, кроме зеленых,— сказал младший.— Оставайся с нами.

Юлан Дор колебался. Значит, женщина в сером — призрак? Но почему же рыбаки так и не скажут?

Гаун с пренебрежительной легкостью двинулся в сторону темной арки, ведущей в боковой переулок.

Юлан Дор побежал через белую площадь древнего Ампридатвира.

Чудовище повернуло к нему голову и протянуло узловатую руку длиной в рост человека, кончавшуюся пальцами, покрытыми былой шерстью. Юлан Дор нанес страшный удар мечом — рука гауна повисла на полоске кожи.

Прыгнув в сторону, чтобы избежать брызг крови, Юлан Дор увернулся от второй руки. Еще один сильный удар — и вторая рука повисла. Он подскочил ближе и погрузил свое лезвие в глаз чудовища, ударил его по черепу.

Существо умерло, корчась в предсмертных муках.

Юлан Дор, борясь с тошнотой, посмотрел вниз, на женщину с широко раскрытыми глазами. Та неуверенно поднималась на ноги. Он протянул руку, чтобы помочь, и заметил, что она стройна и молода, со светлыми волосами до плеч. «У нее приятное, хорошенькое личико,— подумал Юлан Дор.— Простодушное, ясноглазое, невинное».

Она, казалось, не видит его, стоит полуотвернувшись, кутаясь в свой серый плащ. Юлан Дор начал опасаться, что шок повредил ее рассудок. Он придвинулся ближе и всмотрелся в ее лицо.

— Что с тобой? Зверь тебя ранил?

На лице ее появилось удивленное выражение, почти такое, будто Юлан Дор — еще один гаун.

Взгляд скользнул по его зеленому плащу, быстро перешел на лицо, черные волосы.

— Кто... кто ты?— прошептала она.

— Чужестранец,— ответил Юлан Дор, очень удивленный обычаями Ампридатвира. Он поискал взглядом: рыбаков не было видно.

— Чужестранец?— переспросила девушка.— Но Трактат Газдала учит нас, что гайны уничтожили всех людей на Земле, кроме серых в Ампридатвире.

— Газдал так же ошибается, как и Паншу,— заметил Юлан Дор.— На Земле живет множество людей.

— Приходится верить,— сказала девушка.— Ты говоришь, ты существуешь — это ясно.

Юлан Дор заметил, что она старается не смотреть на его зеленый плащ. Плащ вонял рыбой; без дальнейших колебаний Юлан Дор снял его и отбросил в сторону.

Она увидела его красную одежду.

— Разбойник...

— Нет, нет, нет!— воскликнул Юлан Дор.— По правде говоря, меня уже утомили эти разговоры о цветах. Я Юлан Дор из Кайна, племянник принца Кандайва Золотого, и мне нужно отыскать дощечки Рогола Домедонфорса.

Девушка улыбнулась.

— Этим и занимаются разбойники, поэтому они одеваются в красное, и руки всех людей обращаются против них, потому что когда они в красном, никто не знает, за серых они или...

— Или что?

Девушка смутилась, как будто это не приходило ей в голову.

— Или за этих призраков... демонов... В Ампридатвире случаются странные вещи.

— Несомненно,— согласился Юлан Дор. Он осматривал площадь.— Если хочешь, я провожу тебя до твоего дома; может, там найдется угол, где я смог бы переночевать.

Она ответила:

— Я обязана тебе жизнью и поэтому помогу. Но я не смею вести тебя в свой дом.— Взгляд ее сколь-

знул сверху вниз по Юлану Дору, дошел до зеленых брюк и тут же взлетел к его лицу.— Там будет смятение и бесконечные объяснения...

Юлан Дор спросил:

— Значит, у тебя есть сожитель?

Она быстро взглянула на него — странное кокетство, странный флирт в тени древнего Ампридатвира: девушка в грубом сером плаще, голова слегка наклонена в сторону, желтые волосы падают на плечи — и Юлан Дор, элегантный, с орлиным профилем, полностью контролирующий свое лицо и сознание.

— Нет,— ответила она.— До сих пор не было.— Легкий шум встревожил ее; она повернулась, испуганно взглянув на площадь.

— Тут могут быть еще гауны. Я отведу тебя в безопасное место, а завтра мы поговорим...

Через арочный вход она привела его в одну из башен, на верхний этаж.

— Здесь ты в безопасности. Утром, если подождешь, я принесу тебе еды...

— Подожду.

Ее взгляд со странным выражением вновь устремился к его красному плащу, едва коснулся зеленых брюк.

— И я принесу тебе плащ...— И ушла.

Юлан Дор видел, как она спустилась по лестнице, вышла из башни, исчезла.

Он сел на пол, покрытый мягким эластичным материалом, теплым на ощупь... «Странный город,— подумал Юлан Дор.— Странные люди, действующие по непонятным побуждениям. Может, они на самом деле призраки?»

Он много раз просыпался этой ночью и окончательно очнулся, когда под арку начал проникать слабый розовый свет.

Встал, потер глаза, после недолгого колебания спустился на первый этаж башни и вышел на улицу. Ребенок в сером комбинезоне увидел его красный плащ, перевел взгляд на зеленые брюки, в ужасе закричал и побежал через площадь.

Юлан Дор с проклятием вернулся в тень. С враждебным отношением местных жителей он бы спра-

вился. Но этот беспричинный страх делал его беспомощным.

У входа появилась уже знакомая ему девушка. Она всматривалась в тень; лицо — напряженное, обеспокоенное. Юлан Дор вышел, и она улыбнулась ему.

— Я принесла тебе завтрак,— сказала она,— и приличную одежду.

Она положила перед ним хлеб и копченую рыбу, из глиняного кувшина налила в чашку травяной чай.

За едой они наблюдали друг за другом. В ее поведении чувствовалось напряжение. Похоже, что она не считала себя вполне в безопасности.

— Как тебя зовут?— спросила она.

— Я Юлан Дор. А ты?

— Элаи.

— Элаи... и все?

— А зачем мне больше? Разве этого недостаточно?

— Достаточно.

Она сидела перед ним, скрестив ноги.

— Расскажи мне о земле, из которой ты пришел.

Юлан Дор ответил:

— Асколайс теперь большей частью зарос лесом, куда мало кто отваживается ходить. Я живу в Кайне, очень старом городе, таком же старом, как и Ампридатвир. Но у нас нет таких башен и движущихся дорог. Мы живем в древних мраморных дворцах, даже самые бедные ремесленники. Некоторые прекрасные дворцы разрушаются, потому что в них уже некому жить.

— А каков ваш цвет?— спросила она напряженным голосом.

Юлан Дор нетерпеливо ответил:

— Вздор. Мы носим любые цвета. Никто об этом не думает... Почему тебя вообще беспокоят цвета? Например, почему ты носишь серое, а не зеленое?

Она отвернулась от него, беспокойно сжав кулаки.

— Зеленое? Это цвет демона Паншу. Никто в Ампридатвире не носит зеленое.

— Некоторые, несомненно, носят зеленое,— возразил Юлан Дор.— Вчера я встретил двух рыбаков.

Они были одеты в зеленую одежду.

Она покачала головой, печально улыбнулась.

— Ты ошибаешься.

Юлан Дор замолчал. Спустя какое-то время он сказал:

— Утром меня увидел ребенок и с криком убежал.

— Из-за твоего красного плаща,— ответила Элаи.— Когда мужчина хочет добиться почестей, он надевает красный плащ и отправляется по городу в древний заброшенный храм Паншу в поисках утраченной половины дощечки Рогола Домедонфорса. Легенды говорят, что когда серые найдут эту утраченную дощечку, они снова станут могучим народом.

— Если храм покинут,— сухо спросил Юлан Дор,— почему до сих пор никто не принес дощечку?

Она пожала плечами.

— Мы верим, что его охраняют призраки.. Во всяком случае иногда приходят люди в красном, которые пытаются ограбить храм Газдала. Таких убивают. Человек в красном — всеобщий враг, и все начинают воевать против него.

Юлан Дор встал и завернулся в серый плащ, который принесла ему девушка.

— Что ты собираешься делать?— спросила она, быстро вставая.

— Хочу взглянуть на таблички Рогола Домедонфорса и в храме Газдала, и в храме Паншу.

Она покачала головой.

— Это невозможно. Вход в храм Газдала запрещен всем, кроме почтенных жрецов, а храм Паншу охраняется призраками.

Юлан Дор улыбнулся.

— Если покажешь мне, где размещаются эти храмы...

Она сказала:

— Я пойду с тобой. Но не снимай плащ, иначе для нас обоих это кончится плохо.

Они вышли на солнечный свет. Площадь была усеяна медленно передвигающимися группами мужчин и женщин. Одни из них были одеты в зеленое, другие — в серое. Юлан Дор заметил, что эти группы никогда не пересекались. Зеленые останавливались у

маленьких, окрашенных зеленой краской лотков, покупали рыбу, кожу, фрукты, мясо, посуду, корзины. Серые покупали то же самое в лавочках серого цвета. Он увидел две группы детей, одни в зеленом, другие в сером; они играли в десяти футах друг от друга, но не обменивались даже взглядом. Тряпичный мяч откатился от группы серых детей к группе зеленых. Мальчик в сером подбежал, поднял мяч из-под ног мальчика в зеленом, и ни тот ни другой не заметили друг друга.

— Странно,— пробормотал Юлан Дор.— Очень странно.

— Что странно?— спросила Элаи.— Не вижу ничего странного...

— Посмотри на этот столб. Видишь рядом с ним мужчину в зеленом плаще.

Она удивленно посмотрела на него.

— Там нет никакого мужчины.

— Там стоит мужчина.

Она засмеялась.

— Ты шутишь... или ты можешь видеть призраков?

Признавая поражение, Юлан Дор покачал головой.

— Вы все жертвы какой-то мощной магии.

Она повела его к одной из движущихся дорог. Когда их несло по городу, он заметил корпус из блестящего металла в форме лодки, на четырех колесах, накрытый полупрозрачным верхом.

— Что это?

— Волшебная машина. Когда нажмешь нужный рычаг, древнее колдовство несет ее с большой скоростью. Смелые молодые люди ездят в них по улицам... Посмотри туда.— Она указала на другой корпус, лежащий в бассейне сухого фонтана.— Еще одно древнее чудо — экипаж, способный летать по воздуху. Их много разбросано по всему городу — на башнях, на высоких террасах, а некоторые, как этот, упали на улицы.

— И никто в них не летает?— с любопытством спросил Юлан Дор.

— Все боятся.

Юлан Дор подумал, что хорошо было бы завладеть таким чудом, и сошел с движущейся дороги.

— Куда ты?— беспокойно спросила Элаи, следуя за ним.

— Хочу осмотреть одну из воздушных машин.

— Осторожнее! Говорят, они опасны...

Юлан Дор осмотрел прозрачный верх, мягкое сиденье, множество рычажков с надписями, сделанными незнакомыми буквами, и большой шар с насечкой на металлическом стержне.

Он сказал девушке:

— Очевидно, это приборы, руководящие механизмом... Как в такую машину входят?

Она неуверенно ответила:

— Кажется, эта кнопка открывает крышку.

Она нажала кнопку, колпак скользнул назад, выпустив застоявшийся воздух.

— Сейчас я буду экспериментировать,— сказал Юлан Дор. Он засунул руку внутрь и повернул один рычажок. Ничего не произошло.

— Осторожнее, Юлан Дор,— выдохнула девушка.— Берегись магии!

Юлан Дор нажал кнопку. Машина задрожала. Он повернул другой рычажок. Лодка издала воющий звук, дернулась. Ее верх двинулся на место. Юлан Дор выдернул руку. Верх опустился на место, зажав полу его плаща. Лодка снова дернулась и неожиданно сдвинулась с места, потащив за собой и Юлана Дора.

Элаи закричала, ухватив его за лодыжки. С проклятиями Юлан Дор, выскользнув из плаща, смотрел, как воздушная лодка резко повернулась, ударилась о стенку башни и со звоном упала на камень мостовой.

— В следующий раз...— начал Юлан Дор.

Он почувствовал странное напряжение в воздухе. Обернулся. Элаи смотрела на него, зажав рукой рот, будто сдерживала крик.

Он осмотрелся. Люди, и серые, и зеленые, исчезли с улицы. Их окружала пустота.

— Элаи,— спросил Юлан Дор,— почему ты так на меня смотришь?

— Красное при свете дня... и цвет Паншу на твоих ногах... Это наша смерть, наша смерть!

— Ни в коем случае,— бодро ответил Юлан Дор.— Пока со мной мой меч...

Камень, прилетевший, будто ниоткуда, ударился в землю у его ног. Он посмотрел направо, налево в поисках нападавших, ноздри его раздулись от гнева. Но напрасно. Двери и окна домов были пусты.

Другой камень, размером с кулак, ударил его в спину. Он повернулся и увидел только обветшавшие фасады древнего Ампридатвира, пустые улицы, блестящие движущиеся полоски.

Камень, просвистев в шести дюймах от головы Элаи, ударил его в бедро.

Юлан Дор признал свое поражение. Нельзя отражать камни мечом.

— Нам лучше уйти...— И увернулся от большого камня, который разбил бы ему череп.

— Назад, на полоски,— сказала девушка тусклым, безжизненным голосом.— Попробуем укрыться на другой стороне площади.— Камень ударил ее в щеку. Элаи, вскрикнув от боли, опустилась на колени.

Юлан Дор зарычал, как зверь, в поисках жертвы. Но вокруг не видно было ни души, хотя камни продолжали падать.

Он наклонился, поднял Элаи и побежал на быструю центральную полоску.

Каменный дождь вскоре прекратился. Девушка открыла глаза, моргнула и снова закрыла их.

— Все кружится,— прошептала она.— Я сошла с ума. Я почти решилась...

Юлану Дору показалось, что он узнает башню, в которой провел ночь. Он сошел с полоски и приблизился к входу. Он ошибся: прозрачная дверь преградила ему путь. Пока он стоял в нерешительности, дверь прямо перед ним растаяла, образовав проход. Юлан Дор удивленно хмыкнул. «Еще одно древнее волшебство...»

Волшебство оказалось безвредным. Проход за ним сжался, соединился и снова стал прозрачной перегородкой.

Внутри был зал, пустой и холодный, хотя стены

его украшали разноцветные металлы и великолепная эмаль. Одну стену занимало панно — мужчины и женщины в воздушных одеждах ухаживают за цветами в ярком солнечном саду.

«Прекрасно,— подумал Юлан Дор.— Но это не место для отражения нападения». По обе стороны зала открывались гулкие пустые коридоры, впереди — небольшая комнатка с блестящим полом, который, казалось, излучает свет. Он вошел туда — и поднялся в воздух, поплыл легче пушинки. Элаи у него на руках ничего не весила. Он невольно испустил хриплый крик и безуспешно попытался опуститься на пол.

Он плыл в воздухе, как лист, гонимый ветром. Юлан Дор приготовился к болезненному падению, когда волшебство кончится. Но этажи пролетали мимо. «Удивительное колдовство,— мрачно подумал Юлан Дор,— лишить человека опоры. Оно прекратится, и мы упадем с такой высоты. Не спастись».

— Протяни руку,— слабым голосом произнесла Элаи,— возьмись за поручни.

Он ухватился за перила, полет замедлился, и, не веря своей безопасности, Юлан Дор вышел на этаж. Перед ним открылось несколько помещений. Груды обломков и пыли — все, что осталось от мебели.

Он опустил Элаи на мягкий пол; девушка поднесла руку к лицу и слабо улыбнулась.

— Больно.

Юлан Дор смотрел на нее со странным ощущением бессилия.

Элаи сказала:

— Не знаю, куда теперь идти. У меня больше нет дома. Мы умрем с голоду, потому что никто не даст нам пищи.

Юлан Дор горько рассмеялся.

— Пока в зеленых лавках не видят человека в сером, у нас никогда не будет недостатка в пище... Но есть более важные вещи — дощечки Рогола Домедонфорса. Похоже, они недоступны.

Она серьезно ответила:

— Тебя убьют. Человек в красном должен сражаться со всеми — ты видел это сегодня. Даже если ты и доберешься до храма Паншу, там множество

ловушек, отравленные стрелы и призраки на страже.

— Призраки? Ерунда. Это люди точно такие же, как и вы, серые. Только они одеты в зеленую одежду... Я слышал о таких вещах, о мозговых блоках...

Она оскорбленно сказала:

— Ни один серый плащ их не видит. Может, у тебя галлюцинации.

— Может быть,— сухо согласился Юлан Дор. Некоторое время они сидели в тишине старой башни. Потом Юлан Дор, хлопнув себя по коленям, нахмурился. Бездеятельность — предвестник поражения.— Подумаем, как пробраться в храм Паншу.

— Тебя убьют,— просто повторила она.

Юлан Дор, настроение которого улучшилось, ответил:

— Нужно смотреть на мир оптимистичнее... Где найти другую воздушную лодку?

— Ты сошел с ума.

Юлан Дор встал.

— Где ее искать?

Она покачала головой.

— Ты решил умереть и волен выбрать себе смерть.— Она тоже встала.— Мы поднимемся в колодце без веса на самый верхний этаж башни.

Без всяких колебаний ступила она в пустоту, и Юлан Дор неохотно последовал за ней. Они поплыли в головокружительную высоту. На самом верхнем этаже остановились, вышли на террасу, открытую ветрам. Они стояли будто на вершине горы, и улицы Ампридатвира превратились в тонкие серые ниточки внизу. Гавань казалась бассейном, а море в серой дымке уходило за горизонт.

Три воздушные лодки стояли на террасе; они ярко блестели, стекло их было прозрачно, а эмалевые покрытия сияли, словно лодки только что опустились.

Подойдя к ближайшей, Юлан Дор нажал кнопку, убиравшую верх, и прозрачный купол с негромким лязгом скользнул назад.

Внутренность оказалась такой же, как и у первой лодки,— длинное мягкое сиденье, шар, укрепленный на стержне, множество переключателей. Ткань сиденья затрещала, когда Юлан Дор потрогал

ее, воздух внутри кабины был затхлым. Он вошел в лодку, и Элаи последовала за ним.

— Я пойду с тобой: гибель в падении быстрее голодной смерти и менее болезненна...

— Надеюсь, мы не упадем и не умрем с голоду,— ответил Юлан Дор. Он осторожно касался переключателей, готовый при малейшей опасности вернуть их в прежнее положение.

Купол над их головами закрылся, реле, ожидавшие тысячи лет, ожили, эксцентрики зашевелились, рукояти заняли нужное положение. Воздушная лодка дернулась и поднялась в темно-синее небо. Юлан Дор схватил шар, разобрался, как поворачивать лодку, как поднимать и опускать ее нос. Его охватила чистейшая радость полета в воздухе. Все оказалось легче, чем можно было себе представить. Легче, чем идти пешком. Он по очереди проверил все ручки и переключатели, узнал, как повисать в воздухе, как опускаться, тормозить. Нашел ручку управления скоростью, передвинул ее, и за стенами лодки засвистел ветер. Они улетели далеко в море, и остров превратился в синюю туманную полоску на горизонте. Ниже, выше, над самыми верхушками волн и сквозь багровые клочья облаков.

Элаи сидела, неподвижная, расслабленная, возбужденная, и пела. Теперь она казалась ближе к Юлану Дору, чем к Ампридатвиру; прервалась какая-то тонкая нить.

— Давай полетим дальше,— сказала она.— Все дальше и дальше, по всему миру, над лесами...

Юлан Дор искоса взглянул на нее. Она прекрасна — чище, красивее, сильнее женщин, которых он знал в Кайне. Он с сожалением ответил:

— Тогда-то мы уж точно умрем с голоду — никто из нас не выживет в дикой местности. И мне нужно отыскать дощечки...

Она вздохнула.

— Хорошо. Нас убьют, но какая разница? Вся Земля умирает...

Наступил вечер, и они вернулись к Ампридатвиру.

— Вон там,— махнула рукой Элаи,— храм Газ-

дала, а здесь — храм Паншу.

Юлан Дор завис в лодке над храмом Паншу.

— А где вход?

— За аркой. Там множество опасностей.

— Но мы ведь полетим,— напомнил ей Юлан Дор.

Он опустил лодку до десяти футов над поверхностью и скользнул под арку.

Держа курс на слабый свет впереди, Юлан Дор провел лодку по темному проходу, потом еще через одну арку, и они оказались в нефе храма.

Возвышение, на котором хранилась дощечка, напоминало крепость, огражденную стенами. Первое препятствие — широкий ров, заполненный стеклянистой водой. Затем канава с жидкостью цвета серы, а за ней на открытой площадке — пятеро стражников. Юлан Дор, укрываясь в тени под потолком, незаметно провел лодку и завис над самым возвышением.

— Приготовься,— сказал он и опустил лодку. Блестящая дощечка оказалась в пределах досягаемости. Он убрал прозрачный колпак, Элаи протянула руку и схватила дощечку. Пятеро стражников, испустив гневный рев, бросились вперед.

— Назад!— закричал Юлан Дор, мечом отразив брошенное копье. Элаи села с дощечкой в руках. Юлан Дор захлопнул верх. Стражники прыгнули на лодку, пытаясь схватиться за ее гладкий металл, колотя по нему кулаками. Корабль поднялся в воздух, один за другим стражники с криками падали на пол.

Лодка пролетела под аркой, по длинному проходу, через выход и в темное небо. Позади слышались крики, трубил тревожно рог.

Юлан Дор осмотрел добычу — овальную полоску прозрачного материала с какими-то черточками.

— Мы выиграли!— восторженно воскликнула Элаи.— Ты повелитель Ампридатвира!

— Ровно наполовину!— усмехнулся Юлан Дор.— Вторая дощечка в храме Газдала.

— Но... Это безумие. Ты ведь уже...

— Добывать только одну дощечку — бессмысленно. Две — или ни одной.

Возражения девушки стихли только когда они повисли перед входом в храм Газдала.

Когда лодка входила под арку, она задела нить, которая уронила с покатого настила груду камней. Некоторые из камней ударились о корпус лодки и отскочили. Юлан Дор выругался. Теперь охранники будут настороже.

Он двигался под самым потолком, прячась во тьме. Вскоре появились два стражника с факелами — пришли проверить, чем вызван шум. Они прошли под лодкой, и Юлан Дор заторопился вперед, через арку в неф. Как и в храме Паншу, дощечка блестела посреди крепости.

Стражники были настороже, они нервно посматривали в сторону входа.

— Теперь смелее!— сказал Юлан Дор и провел лодку вдоль стен, над ямами, рвом с кипящей жидкостью, посадил рядом с возвышением, откинул верх и, выскочив, схватил дощечку под крики бегущих с копьями стражников. Передний метнул копье; Юлан Дор отразил его и бросил дощечку в лодку.

Но враги уже были рядом; его проткнут, если он попытается забраться в лодку. Он, прыгнув вперед, отбил копье. В обратном движении разрубил плечо одному из стражников, схватил за древко копье третьего и подтащил его в пределы досягаемости своего меча. Юлан Дор прыгнул в лодку, стражник — за ним. Юлан Дор встретил его острием меча. Хлынула кровь, и стражник упал. Юлан Дор щелкнул переключателем; лодка высоко поднялась и направилась к выходу.

Вскоре тревожный рог храма Газдала добавил свой голос к панике, охватившей весь город.

Лодка медленно двигалась по небу.

— Смотри!— сказала Элаи, схватив его за руку. На улицах при свете факелов толпились мужчины и женщины — серые и зеленые, поднятые тревожным ревом рогов.

Элаи закричала:

— Юлан Дор! Я вижу! Вижу! Там люди в зеленом! Оказывается, они существуют... Неужели они были всегда...

Впервые в жизни серые и зеленые смотрели друг на друга. Лица их дергались в испуге. В свете факелов Юлан Дор видел, как они с отвращением отшатываются друг от друга, слышал беспорядочные крики:

— Демон!.. Демон!.. Серый призрак!.. Злой зеленый демон!..

Тысячи одержимых глядели друг на друга, кричали в ненависти и страхе. «Они все сошли с ума,— подумал Юлан Дор,— у всех поврежден мозг...»

Как по какому-то сигналу, началась схватка. От криков ненависти кровь Юлана Дора леденела. Элаи с плачем отвернулась. Ужасное происходило внизу — с мужчинами, женщинами, детьми: неважно, кто был жертвой, если он в одежде другого цвета.

На дальнем краю толпы послышался громкий, ревущий звук — появилось несколько волочащих ноги гаунов. Они, возвышаясь над серыми и зелеными, хватали, рвали, и безумная ненависть уступила место страху. Зеленые и серые разделились и побежали по домам, а улицы остались во власти гаунов.

Юлан Дор оторвал взгляд от толпы и схватился за голову.

— И это все я наделал?.. Это все из-за меня?..

— Рано или поздно это должно было случиться,— сказала Элаи.— Если только Земля не умерла бы раньше...

Юлан Дор поднял дощечки.

— Вот то, что я искал,— дощечки Рогола Домедонфорса. Они привели меня за тысячи лиг через Мелантин. Теперь они у меня в руках, эти бесполезные куски стекла...

Лодка поднялась высоко в небо, а Ампридатвир превратился в груду бледных кристаллов в звездном свете. Юлан Дор сложил дощечки. Черточки на них слились, стали буквами, и прочел то, что было написано древним волшебником:

«Неверные дети, Рогол Домедонфорс умирает и остается навечно в Ампридатвире, который любил и которому служил.

Когда разум и добрая воля восстановят порядок в городе или когда кровь и сталь научат сдерживать

жестокость и страсти, погубив всех, кроме самых сильных,— тогда будут прочитаны эти таблички.

И тому, кто их читает, я говорю: отправляйся в башню Судьбы с желтым куполом, поднимись на верхний этаж, покажи красное левому глазу Рогола Домедонфорса, желтое правому глазу, затем синее обоим глазам; сделай это, говорю я, и раздели власть с Роголом Домедонфорсом».

Юлан Дор спросил:

— Где башня Судьбы?

Элаи покачала головой.

— Есть башня Родейла, Красная башня, башня Кричащих Призраков, башня Птиц, башня Гаунов — но я не знаю башни Судьбы.

— Но у какой башни желтый купол?

— Не знаю.

— Утром поищем.

— Утром,— повторила она, сонно прислонившись к нему.

Когда встало старое красное солнце, они полетели над городом и увидели, что жители Ампридатвира все еще заняты убийствами.

Схватки были не такими яростными, как накануне. Это были сознательные убийства. Группы мужчин прятались в засадах или врывались в дома, истребляя женщин и детей.

Юлан Дор пробормотал:

— Скоро в Ампридатвире не останется никого, к кому смог бы Рогол Домедонфорс применить свою власть.— Он повернулся к Элаи.— У тебя нет отца или матери, за судьбу которых ты боишься?

Она покачала головой.

— Всю жизнь я жила с тупым тираном-дядей.

Юлан Дор повернулся. Он увидел желтый купол. Вот она, башня Судьбы.

— Туда,— сказал он, поворачивая нос лодки.

Приземлившись на одном из верхних этажей, они прошли по пыльным коридорам, прыгнули в антигравитационный лифт и поднялись на самый верх. Здесь была маленькая комната, украшенная яркими фресками с изображением двора древнего Ампридат-

вира. Мужчины и женщины в разноцветных шелковых одеяниях беседовали и пировали, а на центральной фреске — преклонялись перед правителем с тяжелым взглядом блестящих глаз и белой бородой. Он был одет в пурпурно-черную одежду и сидел на резном стуле.

— Рогол Домедонфорс!— прошептала Элаи, и оба они затаили дыхание. Они чувствовали, как их дыхание шевелит неподвижный воздух, а нарисованные глаза заглядывают им глубоко в мозг...

Юлан Дор задумчиво сказал:

— Красное левому глазу, желтое правому, затем синее обоим. Ну что ж... вот синие черепицы, а на мне красный плащ.

Они нашли синие и желтые плитки, и Юлан Дор отрезал от своего плаща полоску.

Красное к левому глазу, желтое к правому. Затем синее к обоим. Щелчок, скрежет, гудение, как от сотни пчел.

Стена открылась, обнажив лестничный пролет. Юлан Дор вошел, чувствуя за собой дыхание Элаи, поднялся по ступеням.

Они оказались непосредственно под куполом в потоках дневного света. В центре на возвышении стоял сверкающий черный цилиндр, похожий на стеклянный.

Гудение перешло в резкий вой. Цилиндр задрожал, осел, стал полупрозрачным. В центре его стала видна бесформенная белая масса — мозг?

Цилиндр ожил.

Он отрастил псевдоподии, которые повисли в воздухе. Юлан Дор и Элаи смотрели, застыв, прижавшись друг к другу. Одно черное щупальце вырастило на конце глаз, другое образовало рот. Глаз внимательно осмотрел их.

Рот весело произнес:

— Приветствую, приветствую вас через время. Наконец-то вы пришли разбудить старого Рогола Домедонфорса от его снов. Я спал долго и крепко... Кажется мне, слишком долго. Сколько же я спал? Двадцать лет? Пятьдесят? Сейчас посмотрим.

Глаз повернулся к трубке на стене, на четверть

заполненной серым порошком..

Голос удивленно воскликнул:

— Энергия почти вся рассеялась! Сколько же я спал? Период полураспада 1200 лет — значит, больше пяти тысяч лет!— Глаз снова повернулся в Юлану Дору и Элаи.— Кто же вы? Где мои враждующие подданные, приверженцы Паншу и Газдала? Перебили друг друга давным-давно?

— Нет,— со слабой улыбкой ответил Юлан Дор.— Они все еще сражаются на улицах.

Щупальце вытянулось к окну и посмотрело сверху на город. Желеобразный мозг задрожал, засветился оранжевым светом. Снова послышался голос, теперь в нем звучала резкая хрипота. По коже Юлана Дора поползли мурашки, он почувствовал, как Элаи лихорадочно сжала его руку.

— Пять тысяч лет!— воскликнул голос.— Пять тысяч лет, а эти несчастные все еще враждуют! Время не научило их мудрости? Тогда следует использовать более сильные средства. Рогол Домедонфорс научит их мудрости. Смотрите!

Снизу послышался гром, сотни мощных ударов. Юлан Дор и Элаи заторопились к окну и посмотрели вниз. Потрясающее зрелище увидели они на улицах.

Десятифутовые павильоны, ведущие в подземелья города, распахнулись. Из каждого выползло по большому щупальцу из черного прозрачного желе, похожего на вещество движущихся дорог.

Щупальца поднялись в воздух и выпустили сотни отростков, которые начали преследовать бегущих в панике жителей Ампридатвира. Они хватали людей, срывали с них одежду, серую и зеленую, проносили по воздуху и швыряли на центральную площадь. В холодном утреннем воздухе население Ампридатвира предстало совершенно обнаженным, нельзя было отличить серых от зеленых.

— У Рогола Домедонфорса теперь большие сильные руки,— воскликнул громовой голос,— крепкие, как сталь, вездесущие как воздух.

Голос доносился отовсюду и ниоткуда.

— Я Рогол Домедонфорс, последний правитель Ампридатвира. До какого же состояния вы пали!

Жители лачуг, пожиратели грязи! Смотрите — я мгновенно восстановлю все разрушенное за пять тысяч лет!

Щупальца отрастили тысячи дополнительных приспособлений — жесткие роговые резаки, жерла, изрыгавшие голубое пламя, огромные черпаки, и на каждом из них вырос на стебельке глаз. Они метались по городу, и везде, где что-то обрушилось или виднелись другие следы времени, щупальца копали, резали, жгли, плавили, доставляли новые материалы. После них оставались новые сверкающие поверхности.

Многорукие щупальца собирали обломки веков; нагруженные, они проносились высоко в воздухе чудовищной катапультой, выбрасывавшей мусор далеко в море. И везде, где была серая или зеленая краска, щупальца заменяли их новыми яркими цветами.

По улицам катилась многоликая волна, устремлялась в каждую башню, в каждый дом, на каждую площадь и в каждый парк — уничтожая, разбирая, строя, чиня, восстанавливая. Рогол Домедонфорс схватил Ампридатвир и завладел им, как дерево хватает корнями землю.

И через несколько мгновений прежние развалины заменил новый Ампридатвир, сверкающий, блестящий город, гордый, неустрашимый, бросающий вызов красному солнцу.

Юлан Дор и Элаи, ошеломленные, чуть не теряющие сознание, следили за обновлением. Неужели все это возможно? Неужели можно уничтожить город и в мгновение ока построить на его месте новый?

Руки из черного желе метнулись по холмам острова, нырнули в пещеры, в которых лежали сонные переваривающие пищу гауны, схватили их, вытащили на воздух и подвесили над съежившимся Ампридатвиром — сотню гаунов на ста щупальцах, словно ужасные плоды страшного дерева.

— Смотрите!— прогремел голос хвастливо и дико.— Вот кого вы боялись! Смотрите, как обойдется с ними Рогол Домедонфорс!

Щупальца мелькнули, и дергающиеся, извивающиеся гауны пролетели над городом и упали в море.

— Он сумасшедший,— прошептал Юлан Дор Элаи,— долгий сон повредил его мозг.

— Смотрите на новый Ампридатвир!— гремел могучий голос.— Вы видите его в первый и последний раз. Теперь вы умрете! Вы оказались недостойны прошлого — недостойны поклоняться новому богу Роголу Домедонфорсу. Эти двое, рядом со мной, будут основателями новой расы...

Юлан Дор смотрел встревоженно. Что? Им предстоит остаться одним в пустом Ампридатвире под контролем безумного сверхсущества?

— Нет!

Одним движением он выхватил меч и, погрузив его в цилиндр с желе, пронзил мозг, рассек его стальным лезвием.

Ужаснейший звук, никогда прежде не слышанный на Земле, потряс воздух. Мужчины и женщины сходили с ума на площадях.

Щупальца Рогола Домедонфорса по всему городу забились в лихорадочной агонии, как дергает лапками раненое насекомое. Великолепные башни рушились, крики жителей прорезали грохот катастрофы.

Юлан Дор и Элаи побежали на террасу, где оставили воздушную лодку. За ними слышался хриплый шепот:

— Я... еще... не мертв. Если... все мои мечты... разбиты, то я... убью... и вас двоих...

Они прыгнули в лодку. Юлан Дор поднял ее в воздух. Невероятным усилием одно из щупалец, прекратив хаотические движения, метнулось, чтобы перехватить их. Юлан Дор увернулся, бросил лодку в небо. Щупальце устремилось за ними.

Юлан Дор до передела отвел рычаг скорости, ветер запел и засвистел вокруг машины. А вслед за ней летела дрожащая рука умирающего бога, стараясь раздавить мошку, причинившую ему такую боль.

— Быстрее! Быстрее!— молил Юлан Дор машину.

— Выше,— прошептала девушка,— выше — быстрее...

Юлан Дор поднял нос лодки круто вверх, но черное щупальце следовало за ней — черная дуга, подножие которой — в далеком уже Ампридатвире.

Но тут Рогол Домедонфорс умер. Щупальце превратилось в облако дыма и медленно рассеялось над морем.

Юлан Дор продолжал лететь на полной скорости, пока остров не превратился в дымку и не исчез в море. Только тут он замедлил скорость, перевел дыхание и позволил себе расслабиться.

Элаи неожиданно упала ему на плечо и истерически разрыдалась.

— Тише, девочка, тише,— успокаивал ее Юлан Дор.— Мы спасены; мы навсегда покидаем этот проклятый город.

Она успокоилась и скоро спросила:

— Куда же мы теперь полетим?

Юлан Дор расчетливо и с некоторым сомнением осмотрел летающую машину.

— Кандайв не получит никакой магии. Но у меня будет что рассказать ему. Может быть, он останется доволен... И, конечно, он захочет летающую лодку. Но мы еще посмотрим, еще посмотрим...

Девушка прошептала:

— А нельзя ли нам просто лететь на восток? Все лететь, лететь и лететь, пока не найдем место, где встает солнце, и хороший луг, и фруктовые деревья возле него?..

Юлан Дор посмотрел на юг и подумал о Кайне с его тихими ночами и окрашенными в цвет вина днями, о просторном дворце, в котором он живет, о лежанке, с которой он будет смотреть на воды залива Санреаль, на старые оливковые деревья, на суматоху праздничных дней...

И сказал:

— Элаи, тебе понравится Кайн!

ГВИЛ ИЗ СФЕРЫ

Рождение маленького Гвила, очень непохожего на своих родителей и других жителей селения, было причиной постоянной досады для его отца. Внешне совершенно нормального ребенка все время мучила странная жажда необычного. Говорили, что его кто-то заколдовал еще во чреве матери. Часто при самом

незначительном волнении мальчик как-то странно хохотал, и это очень развлекало окружающих. Когда Гвилу исполнилось четыре года, он начал задавать странные вопросы:

— Почему у квадрата больше сторон, чем у треугольника?

— Почему мы ходим в темноте и не спотыкаемся постоянно?

— Растут ли в океане цветы?

— Почему, когда ночью идет дождь, звезды не шипят?

На все это отец сердито отвечал:

— Таковы законы философии, и квадраты с треугольниками им подчиняются!— Или:— Мы находим путь на ощупь.— Или:— Я над этим не задумывался. Что там на дне, известно только Хранителю!— Или:— Не знаю, ведь звезды выше даже самых высоких облаков!

Когда Гвил подрос, он стал очень вспыльчивым, быстро раздражался, но, многого не понимая, продолжал задавать свои вопросы:

— Почему человек умирает, когда его убивают?

— Куда исчезает красота?

— Сколько будут жить на земле люди?

— Что находится выше неба?

Отец сердился, но пытался ответить и на это.

— Смерть — следствие жизни,— говорил он.— Жизнь человека походит на воздушный шар. Шар летит, а жизнь течет, похожая на цветной причудливый сон.

— Красота часто коварна, она обманывает зрение. Но когда нет любви, глаза смотрят и не видят красоты.

— Некоторые люди считают, что они приходят на этот свет, чтобы есть, а потом умереть; другие живут в своих делах.

— Только Хранитель может ответить на все вопросы.

Гвил размышлял, пытаясь постичь многое, пока не понял тайный смысл явлений. Шла молва, что при родах ему повредили голову и сейчас он пытается восстановить свой рассудок.

Гвил часто бродил по травянистым холмам Сферы. Ему хотелось ближе узнать то, что его окружает.

Отцу окончательно надоели его расспросы, он больше не хотел их слушать, отговариваясь тем, что рассказал все, что знал.

Гвил к этому времени повзрослел и всматривался в жизнь широко распахнутыми глазами. Но в уголках его рта, казалось, притаился какой-то страх.

Видя, что отец сердится, юноша попросил:

— Разреши задать еще один вопрос — последний!

— Задавай,— ответил отец,— но только один, не больше.

— Ты часто ссылаешься на Хранителя. Кто он? Где я смогу его найти, чтобы удовлетворить свое любопытство?

Отец посмотрел на сына, как на сумасшедшего, и спокойно сказал:

— Хранитель стережет Музей Человека, который находится в древней земле Падающей Стены. Правда, я не совсем уверен, что Хранитель и Музей Человека все еще существуют. Многие считают, что Хранитель знает все на свете, он, несомненно, колдун и может дать ответы на вопросы о жизни и смерти.

— Я найду Хранителя и Музей, чтобы тоже научиться понимать суть всех явлений,— сказал Гвил.

Отец тихо проговорил:

— Я подарю тебе моего любимого белого коня; мой волшебный плащ, чтобы укрываться от злых сил; мой светящийся кинжал, чтобы освещать путь, и главное — мое благословение, которое будет хранить тебя в нелегком пути.

На языке Гвила вертелось много новых вопросов, главный из которых: «откуда у отца волшебные вещи?», но... Он только поблагодарил его за чудесные вещи и благословение.

Гвил оседлал коня, наточил кинжал, последний раз посмотрел на свой старый дом в Сфере и отправился на север, горя страстным желанием познать мир.

На старой барже он плыл по реке Скаум, мечтая о богатстве Хранителя, как вдруг из реки за бортом

баржи вынырнул зловещий черный человек с сучковатой дубинкой. Юноша начал отбиваться и не без труда столкнул его обратно в воду.

Впереди возник гористый северный берег. Показались темные пирамидальные тополя и какие-то белые колонны. Баржа причалила к берегу. Гвил увидел селение с кривыми улочками. На одной из улочек он встретил одноглазого весельчака, который повел его к прорицателю. Одинокое жилище колдуна было исписано каббалистическими знаками. Сам прорицатель оказался худым стариком с бронзовой кожей, красноватыми глазами и длинной седой бородой.

— Могу ли я тебя кое о чем спросить?— отважно начал Гвил.

— Я отвечаю на некоторые вопросы,— ответил тот,— двадцатикратно я буду отвечать трехстишиями на твоем языке; десять раз я отвечу наклоном головы; расскажу пять притч, которые как хочешь, так и понимай; а один раз я заговорю с тобой на незнакомом языке.

— Во-первых, я хочу знать, много ли ты знаешь?

— Я знаю все,— гордо заявил прорицатель,— секреты красного и черного, тайны добра и зла, чары великого Мотылька, язык рыб и птиц.

— Где ж ты всему этому научился?

Старик усмехнулся:

— Когда из дальних странствий я вернулся в свое жилище, то решил углубиться в себя, хотя понимал, что таким образом постичь мир невозможно.

— Зачем тебе держать все, что ты знаешь, про себя?— рискнул спросить Гвил.— Почему ты скрываешься в черных стенах и ведешь такое существование?

Прорицатель рассвирипел, но сказал:

— Продолжай! Я уже потратил впустую пятьдесят гран мудрости — у тебя никогда не было в кошельке столько меди. Если тебе нужны какие-то особенные знания,— весело хихикнул он,— то ищи Хранителя.— С этими словами он скрылся в хижине.

Гвил нашел пристанище на ночь, а утром отправился дальше на север. По ночам он защищал себя

и коня волшебным плащом. Плащ верно укрывал их от злых сил, острых когтей, согревал в холодные ночи. Под ним они спокойно отдыхали, не боясь ни злых духов, ни зловещей темноты.

Гвил упорно ехал вперед.

Багровое солнце грело все слабее, дни и ночи становились все холоднее.

Но вот на горизонте показались скалы. Лес стал ниже и реже. Среди деревьев преобладали даобады с массивными стволами и тяжелыми сучьями. Их стволы, блестящие, будто отполированные, были красновато-коричневого цвета. Темные листья, окутывающие дерево, делали крону похожей на огромный шар.

На одной из лесных полян Гвил увидел девушку из торфяных лачуг. Из жилищ вышли странные кричащие люди и окружили Гвила, с любопытством разглядывая его.

Гвила они заинтересовали не меньше, но он молчал, пока к нему не подошел предводитель — здоровенный косматый мужик в меховой шапке и плаще. От мужика так противно пахло, что Гвил отодвинулся.

— Куда направляешься?— спросил атаман.

— Мне нужно попасть в Музей Человека,— ответил Гвил,— не укажешь ли дорогу?

Атаман кивнул на север, где виднелись горы.

— Осконское ущелье — наиболее короткий и удобный путь, хотя там нет никаких дорог. Когда выедешь из ущелья, то попадешь в неизвестную страну. Впрочем... туда все равно невозможно добраться.

Эта новость не смутила Гвила.

— Откуда ты знаешь, что дорога через Осконское ущелье ведет к Музею?

Атаман пожал плечами.

— Так говаривали наши предки.

Гвил резко повернулся к коню, который стал беспокойно всхрапывать. Ему бросилась в глаза изгородь, за которой копошились несколько человек, очень неуклюжих, восьми-десяти футов ростом. Их тела были обнажены, грязные желтые волосы спутаны, водянистые голубые глаза странно блестели, а восковые лица были грубы и тупы. Гвил увидел, как один из них начал жадно и шумно лакать какое-то

мутное пойло.

Юноша поинтересовался:

— Что это за люди?

Атамана удивила наивность Гвила.

— Это же наши оусты,— и он жестом указал на коня Гвила,— никогда не видел такого странного оуста, как у тебя. Наши более покорны и менее злы. И при этом у них очень вкусное мясо.— Подойдя ближе к коню Гвила, атаман стал внимательно разглядывать седло и попону, расшитую красными и желтыми цветами.— Какое великолепное покрывало. Мне бы хотелось подарить такое моим оустам.

Гвил вежливо объяснил, почему он вынужден отказать, на что атаман обидчиво пожал плечами.

Загудел рожок.

— Хочешь есть? Еда готова,— оглянувшись, предложил атаман Гвилу.

Бросив взгляд на загон для оустов, Гвил ответил:

— Я не голоден. Мне надо спешить. Благодарю, но вынужден отказаться.

Он вскочил на коня и отправился в путь. Проезжая под огромным даобадом, Гвил бросил последний взгляд на поселение. Возле лачуг царило необычайное оживление.

Вспомнив, как жадно атаман рассматривал седло и попону, Гвил решил, что дальше медлить опасно. Он заторопился и, подгоняя коня, скоро добрался до опушки леса.

Начиналась саванна. Под копытами коня хрустела сухая трава. Гвил оглядел равнину. Солнце, старое и багровое, как перезревший гранат, садилось на юго-западе, тусклый свет его слабо освещал долину. Видневшиеся в дымке горы выглядели как-то неестественно.

Гвил снова посмотрел на солнце. Еще час, и наступит темная ночь. Он оглянулся назад, почувствовав смутную тревогу, и увидел четырех оустов, тащивших на плечах людей. Человекокони быстро приближались к нему. Неожиданно хлынул дождь, и конь во всю прыть понесся к Осконскому ущелью. Оусты с седоками остались далеко позади.

Когда солнце село, впереди показался еще один

лес, более мрачный.

Вот они уже в лесу, над ними склонились его темные деревья. Гвила то и дело задевали узловатые сучья.

Надо было во что бы то ни стало избежать встречи с оустами и их седоками. Гвил три раза менял направление. Наконец остановившись, он прислушался. Слез с коня, поставил его в лощинку под деревьями и замаскировал ветками. Вскоре четверо на оустах проехали мимо. Они были раздражены. Звуки их шагов медленно таяли, пока совсем не затихли.

Конь зашевелился и зашуршал листьями. Воздух был насыщен влагой. Гвила начало знобить.

Темнота густела. Юноша решил, что лучше поскорей убраться подальше от проклятой деревни. Скорее прочь...

Он вывел коня и стал прислушиваться. Издалека доносились хриплые крики. Гвил повернул в противоположную сторону и предоставил коню полную свободу в выборе дороги.

Сучковатые ветки сплетались над Гвилом, еле пропускали гаснущий багряный свет. В воздухе неприятно пахло плесенью. Конь ступал очень осторожно, а седок, напрягаясь всем телом, чутко вслушивался в тишину. Глаза Гвила уже плохо различали предметы, но он ощущал всей кожей, что где-то совсем рядом притаилась смерть.

Обливаясь холодным потом, боясь лишний раз пошевельнуться, Гвил все же соскользнул со скакуна, достал волшебный плащ, укрылся сам и закрыл коня. Юноше было страшно. Кругом таилась опасность.

Тусклый красный свет утра сочился сквозь ветви. Гвил вылез из-под плаща. Позавтракал сухими фруктами, накормил коня овсом из торбы. И они продолжили свой путь к горам.

Лес кончился, и перед ними открылась горная страна. Гвил рассматривал скальный кряж. Алел восток. Темно-зеленая гряда тянулась с запада — от Мелантина на восток — к земле Падающей Стены.

Где же Осконское ущелье? Юноша тщетно всматривался вдаль.

По-прежнему моросил дождь. Склоны были покаты, утесы щерились, как гнилые зубы. Гвил повернул коня и поехал вверх по склону.

Ночь он провел в седле. Древний путь через Осконское ущелье привел его в северную тундру. Они с конем мерзли под холодным свинцовым небом, мокли под дождем.

Приподнявшись в седле, Гвил начал рассматривать место, где они сейчас находились. Вдалеке высились утесы. Монотонность пейзажа лишь изредка разнообразили сухие кусты.

Гвил погнал коня. В ушах свистел ветер. Горы вдали походили на неведомых исполинских животных. Конь остановился у края широкой долины. Стало тихо. Гвил огляделся. Внизу лежал темный заброшенный город. Туман стлался над его улицами. В отблесках вечерней зари слабо вырисовывались крыши домов.

Конь зафыркал и начал спускаться по каменистому откосу.

— Странный город,— произнес Гвил, который за время своего путешествия привык разговаривать с конем,— ничего не видно, никого не слышно, не пахнет дымом... Кажется, это покинутые жителями древние развалины...

Он подумал, стоит ли рассматривать улицы. Иногда казалось, что руины населены духами. Но улицы могут вывести его в тундру.

Гвил спустился вниз, въехал в город. Копыта коня звонко цокали по булыжникам. Здания были каменные и известняковые. Неразрушенные дома встречались очень редко. Немногие оставшиеся целыми двери стучали, болтаясь на петлях. В стенах темнели большие дыры, но сам камень мало пострадал от времени. Перед негостеприимными домами росли цветы. Гвил отметил, что за ними никто не ухаживает.

Внезапно юноша почувствовал запах дыма.

— Э-эй!— крикнул он.

Но никто не выглянул из дверей, окна не зажглись. Гвил медленно поехал дальше. Улица повернула к большому дому, в окнах которого горел свет.

Это было высокое здание с четырьмя окнами без стекол, над которыми сохранилась бронзовая филигрань. Каждое окно украшал маленький балкончик. Сияла мраморная балюстрада перед террасой, портал равнодушно взирал на окружающее. Слышалась тихая музыка.

Но Гвила заинтересовало нечто иное. Он соскочил с коня и поклонился девушке, которая задумчиво сидела в конце балюстрады. Несмотря на холод, на ней было только бледно-желтое платьице, а на плечах легкая косынка. Личико печально и задумчиво.

Когда Гвил поздоровался, девушка кивнула ему и, улыбнувшись, поправила упавшие на глаза волосы.

— Скверная ночка для путешествий!

— Да, но не очень приятная и для мечтаний при луне,— откликнулся Гвил.

Она снова улыбнулась:

— Мне не холодно. Я сижу и думаю... И слушаю музыку.

— Что это за место?— поинтересовался Гвил, оглядывая улицу, но больше любуясь девушкой.— Кроме тебя здесь еще кто-нибудь есть?

— Это Карчезл. Он покинут людьми десять веков назад. Только мы со старым дядюшкой нашли здесь пристанище, скрываясь от сапонидов из тундры.

Гвил подумал, что девушка очаровательна.

— Тебе холодно?— спросила она.— У нас тебе будет хорошо. О, я так рада тебе!— И она встала.

— Спасибо, но сначала надо позаботиться о коне.

— Его можно поставить вон в том сарае.

Гвил посмотрел, куда она указала, и увидел маленький домик с открытой дверью. Он расседлал коня и поставил его отдыхать.

После Гвил стал прислушиваться к музыке, на которую до этого почти не обращал внимания. Плавные, таинственные звуки висели в воздухе.

— Очень странно,— пробормотал он, поглаживая коня.— Дядя играет, девушка одна ночью... Впрочем, что-то я стал чересчур подозрительным. Девушка чудная, и нет никакой опасности. Если они просто беженцы и любят музыку... К тому же они

гостеприимны.— И, достав из седельной сумки свою флейту, Гвил вернулся к девушке.

— Как тебя зовут?— спросила она.— А то я не знаю, как тебя представить дяде.

— Я Гвил из Сферы, которая находится за рекой Скаум в Асколайсе. А твое имя?

Она засмеялась, открывая входную дверь. Мягкий желтый свет упал на булыжную мостовую.

— У меня нет имени. Зачем оно, ведь, кроме нас с дядей, здесь никого нет.

Гвил удивился, все было очень загадочно, но постарался скрыть свое удивление. Может, она считает его колдуном и боится порчи?

Когда они вошли в дом, звуки флейты стали громче.

— Я буду называть тебя Амис, если можно,— сказал Гвил.— Так называется южный цветок, золотистый и прелестный, похожий на тебя.

Она кивнула:

— Пожалуйста, если хочешь.

Они вошли в комнату, украшенную гобеленами, большую и теплую. У одной из стен ярко горел камин, невдалеке от него стоял накрытый стол. В кресле сидел старик, взлохмаченный и неопрятный. Его спутанные седые волосы падали в беспорядке на спину, всклокоченная грязно-желтая борода выглядела не лучше. На ногах старика были потрескавшиеся сандалии. Как ни странно, он продолжал играть на флейте, не замечая вошедших. Гвилу показалось, что девушка движется в такт музыке.

— Дядюшка Людовик!— весело крикнула она.— Я привела гостя, сэра Гвила из Сферы.

Гвил остановил взгляд на старике и поразился. Его глаза, несмотря на возраст, лихорадочно и молодо блестели и очень умно смотрели. Гвилу даже показалось, что они как-то странно смеются, и это немного обескуражило его. Но морщины на лице старика говорили о перенесенных страданиях.

— Дядя — великий музыкант, в этот час он всегда занимается музыкой. Он придерживается такого режима уже много лет...

Гвил вежливо поклонился.

Амис направилась к столу.

— Угощайся, Гвил, я налью тебе вина. А потом, может, поиграешь нам на флейте.

— С радостью. Я неплохо музицирую,— откликнулся юноша и увидел, что лицо старика просветлело, а уголки рта задрожали.

Гвил ел, Амис подливала ему вина. Наконец комната поплыла у него перед глазами.

Дядя Людовик продолжал играть свою мелодию, нежную и журчащую, которая убаюкивала юношу. Сквозь дрему еще видел, как Амис танцует.

«Странно,— подумал Гвил,— эти люди живут в одиночестве, но они добры и прекрасно образованны».

Гвил очнулся, закончил есть и встал из-за стола. Людовик все еще что-то наигрывал, мелодия походила на пение птиц на восходе солнца. Амис танцевала, подвигаясь все ближе к Гвилу. Он чувствовал тонкий аромат духов и совсем близко видел ее золотые волосы. Ее лицо дышало счастьем.

Людовик почему-то смотрел на нее сердито, не говоря ни слова.

— Ну а сейчас, может, поиграешь ты? Ты такой молодой и сильный,— сказала Амис увидев, что Гвил открыл глаза.— Я знаю, что ты не откажешься сыграть для дяди, он будет очень доволен и скоро уйдет спать, а мы посидим и поговорим.

— С удовольствием! Я поиграю,— проговорил Гвил, с трудом шевеля онемевшими губами.— Это все из-за вашего вина... Пусть моя музыка расскажет вам о Сфере.

Случайно взглянув на старика, Гвил был удивлен странным выражением его лица. Замечательно, что человек так любит музыку.

— Ну же, играй!— попросила Амис, подталкивая его к Людовику и флейте.

— Я лучше подожду, пока дядя закончит. Боюсь оказаться невежливым,— возразил Гвил.

— Нет, чем быстрее ты покажешь, что хочешь играть, тем скорее он закончит. Просто возьми флейту. Он плохо слышит,— сказала девушка.

— Ну что ж,— согласился Гвил,— но я лучше

возьму свою флейту.

В чем дело? Гвил увидел, что с девушкой и стариком произошло что-то странное.

Глаза Амис сверкнули, а дядя обрадовался, но на его лице застыло выражение какой-то безнадежной покорности.

Гвил отвернулся, смутившись.

— Тебе не хочется играть?— На мгновение наступила тишина. Амис в этот момент была особенно привлекательна.— Но я уверяю, что своей игрой ты обрадуешь дядю. Ему кажется, что игра другого на его инструменте будет чрезвычайно красива.

Людовик кивнул, и его глаза опять как-то странно сверкнули.

У него был действительно чудесный инструмент, сделанный из светлого металла и инкрустированный золотом.

Дядя жадно держался за него.

— Возьми флейту,— сказала Амис,— он плохо соображает.

Людовик отрицательно затряс головой, и Гвил с участием посмотрел на него, на его запачканную бороду, трясущуюся голову.

— Я сыграю на своей флейте, мне не хочется огорчать дядю. Слушайте!— И Гвил поднес флейту к губам.— Это мелодия Кайна, называется «Песня у моря».

Он заиграл. Музыка была прекрасна.

Людовик следил за ним, зевая. Амис слушала, полузакрыв глаза и покачивая в такт рукой.

— Тебе понравилось?— спросил Гвил, закончив играть.

— Очень! Можешь ты эту мелодию сыграть на дядиной флейте? У его флейты звуки более легкие и мягкие.

— Нет,— заупрямился Гвил.— Я играю только на своем инструменте.— И он снова стал играть. Это был танец радости — быстрый, вихревой.

Людовик играл то же, но классически точно. Амис самозабвенно танцевала свой собственный танец.

Гвил заиграл бешеную тарантеллу.

Амис кружилась все быстрее и быстрее, ее руки плавно взлетали, волосы красиво рассыпались по плечам.

Звуки флейты Людовика то взмывали вверх, то падали вниз, серебристые звуки, сплетаясь с мелодией Гвила, украшали друг друга.

Людовик зажмурил глаза и больше не видел танцующей девушки.

Неожиданно он изменил темп на чересчур быстрый. Гвил поддержал его своей флейтой. Они выводили невообразимые рулады, высокие, быстрые и ясные.

Глаза старика были закрыты, пот струился по лицу. Его флейта восторженно вторила, заставляя содрогаться воздух.

Амис танцевала. Она была очень красива в своей неистовой пляске.

Эта музыка могла поднять даже мертвого. Играя, Гвил вдруг заметил, что у Амис начался припадок, на губах выступила пена. Дядя прихрамывая подошел к ней, и случилось что-то ужасное и непонятное. Старик начал играть Песню Смерти.

Гвил из Сферы повернулся и выбежал из комнаты с расширенными от ужаса глазами.

Людовик, ничего не замечая, продолжал свою жуткую игру. Каждая нота его песни будто острым ножом резала девушку.

Холодный воздух отрезвил Гвила. Шел дождь со снегом. Юноша вбежал в сарай, белый конь повернул к нему голову.

Набросив седло, он взнуздал коня и поскакал прочь из этого старого города. Булыжник звенел под копытами. Прочь от Песни Смерти! Конь мчался галопом. Немного погодя Гвил оглянулся. И был изумлен и обескуражен. Позади расстилалась ровная каменистая равнина. Но где же город? На его месте видны были только руины... Кругом царила мертвая тишина, прерываемая шорохом осыпающихся камней. Гвил отвернулся взгляд и поехал своей дорогой. На север.

Утесы, к которым вела тропа, были сложены из серого гранита, сплошь покрытого алым и черным

лишайником и голубой плесенью.

Копыта коня звонко цокали по камням. Этот звук убаюкивал Гвила — он очень устал после бессонной, сумасшедшей ночи. Дрема уносила его в неведомую страну, и Гвил старался стряхнуть с себя оцепенение. Но усталость восторжествовала, и он свалился с седла. Встрепенувшись, Гвил решил отдохнуть.

Утес поднимался высоко в небо. Солнце было в зените. Тропа петляла. Вверху голубело небо. Гвил размышлял. Кругом не было ни души. Чтобы добраться до подножия горы, ему надо пересечь сотни миль прерии. Надо быть начеку.

Он ехал по земле, заросшей травой и цветами. Впереди появилась пустынная возвышенность с группой темных деревьев. У ее подножия блестело озеро, на другой стороне которого виднелись серо-белые руины, плохо различимые в тумане.

Не Музей ли это Человека?

Дул холодный ветер. Все больше смеркалось. Прерия окутывалась тьмой.

Гвил остановил коня, решив переночевать. Потерять тропу во мраке грозило массой неприятностей.

Вдруг раздался какой-то очень печальный звук. Гвил замер, всматриваясь в небо.

Вздох? Стон? Плач?

Звук приблизился, теперь он очень походил на шелест одежд.

Гвил съежился в седле. Из темноты выступил кто-то в белых одеждах, глаза его темнели подобно пустым глазницам черепа.

Существо издало печальный вопль и исчезло... Гвил услышал только шум ветра. От испуга он упал на землю, а вскочив, укутал себя и коня волшебным плащом. Очутившись в темноте и тепле, Гвил согрелся и заснул.

Как прошла ночь, Гвил и не заметил. Проснувшись, он сразу отправился в путь. Тропа вела его узкой лентой по белому песку, между кустами серого дрока.

Она кончилась возле поросшей деревьями возвышенности. Гвилу хотелось увидеть сквозь листву

крыши и дымок над ними. Он огляделся: справа и слева были поля, заливные луга и яблоневые сады. Должны же быть люди! Тут он увидел ограду из камней и черных бревен. На камнях были высечены четыре перчатки, указывающие на центральную колонну. На бревенчатых перилах были вырезаны спирали. За оградой зияла воронка, выкопанная или, может быть, выжженная каким-то ужасным орудием.

Гвил присмотрелся и вдруг увидел трех человек, спешащих к нему.

Конь забеспокоился. Незнакомцы приблизились, оценивающе оглядели Гвила и взяли под уздцы его коня. Это были высокие, прекрасно сложенные люди, одетые в плотно облегающие костюмы из черной кожи, их шапки походили на мятые каштаны, поля закрывали уши. У всех — продолговатые лица, кожа цвета слоновой кости, золотистые глаза и блестящие черные волосы.

Главный из них выступил вперед. Его лицо было непроницаемо.

— Привет тебе, чужеземец!

— Здравствуйте,— осторожно сказал Гвил,— вы из Сапониса?

— Да, наш народ живет в Сапонисе.— Предводитель с любопытством оглядел Гвила.— Судя по твоему виду, ты с юга?

— Я Гвил из Сферы, что на реке Скаум в Асколайсе.

— Долог же был твой путь!— заметил сапонид.— Опасное путешествие. У тебя, должно быть, накопилась уйма впечатлений.

— Путь кажется короче, когда ясно видишь цель,— ответил Гвил.

Сапонид вежливо предположил:

— Ты пересек Фер Аквилу?

— Конечно, проходил через какие-то камни.— Гвил посмотрел на молчавших людей.— Только вчера я был в ущелье, где встретил привидение, но, думаю, оно мной не заинтересовалось.

Его слова вызвали неожиданно бурную реакцию у сапонидов. Лица у всех троих вытянулись, губы сжались. Предводитель попытался разрядить обста-

новку, но тоже посмотрел на небо с плохо скрываемым страхом.

— Привидение? В белых одеждах? Растаяло в воздухе?

— Ну да. Вы о нем слышали?

Снова наступила тишина.

— Пожалуй, да,— проговорил сапонид.— А ты продолжай, продолжай!

— Немного уже осталось. Я укрылся и уснул. А утром спустился на равнину.

— Больше тебя никто не беспокоил? Не видел ли ты Кибальо Ходячего Змея, который спускается с неба, предвещая беду?

— Никого я больше не видел: ни змей, ни других гадов; меня защищало благословение отца.

— Очень интересно...

— Но,— прервал Гвил,— раз я здесь, не скажете ли вы мне, что это у вас за привидение и что ему надо?

— Этого я не знаю,— осторожно ответил сапонид.— О привидении лучше помалкивать, чтобы не навлечь на себя беду.

— Хорошо,— сказал Гвил,— вы больше ничего не скажете...— и умолк.

Он решил, что до того, как попасть в Музей Человека, неплохо бы понаблюдать за сапонидами и, если надо, помочь им.

— Ну так что?— поинтересовался сапонид.

Гвил посмотрел на пустырь за оградой из бревен и камней.

— Кто все это выжег?

Сапонид кинул взгляд туда же и пожал плечами.

— Это очень древнее место. Смерть поселилась там, злой дух, который все уничтожает. Впрочем, хватит об этом. Ты, наверное, хотел бы отдохнуть. Мы тебя проводим.

Они двинулись по тропинке в город. Гвил, ни слова не говоря, поехал за ними. Приблизившись к холму, заросшему деревьями и кустами, тропа перешла в широкую дорогу. Справа раскинулось озеро, на берегах которого рос багряный камыш. За его зарослями был виден причал из черных брусьев, рядом

на воде покачивались лодки. Причал был построен в виде серпа и высоко поднимался над водой.

Поднялись в город. Богато украшенные резьбой трехэтажные бревенчатые дома золотисто-коричневого цвета казались построенными на века. Гвил с любопытством разглядывал резные узоры: спирали, цветы, листья, ящериц и всякую всячину. Наличники окон также были украшены орнаментом: листьями, животными, звездами.

Было ясно, что эти дома принадлежат богатым людям. Узкая улочка поднималась все выше и выше. Дома утопали в пышной листве деревьев. Сапониды шли впереди, тихо переговариваясь. Они выглядели элегантно, чего Гвил никак не ожидал увидеть на севере.

Внезапно все остановились. Главный обернулся и сказал:

— Подожди меня здесь, я должен предупредить Воеводу, чтобы тот приготовился к встрече.

Гвилу и в голову не пришло, что это подвох. Он кивнул головой. Сапонид ушел, а Гвил задумался. Он думал о гостеприимном городе, высоко поднявшемся над холодной равниной.

Подошла стайка девушек и стала рассматривать юношу, пересмеиваясь. На них были красивые полосатые шерстяные платья. Они нравились Гвилу, гибкие, стройные и очень кокетливые.

Вернулся сапонид:

— Ну что ж, сэр Гвил, пойдем дальше?

Но у Гвила возникло какое-то странное предчувствие, и он сказал:

— Благодаря отцовскому благословению я проделал этот путь, и я готов отправиться по любой дороге, которая приведет меня к цели.

Сапонид сделал вид, что не понял.

— Конечно, ты отправишься, куда хочешь. Но разреши проводить тебя к Воеводе, которому очень хочется увидеть путешественника с юга.

Гвил поклонился, и они пошли дальше, а через сотню шагов очутились на плантации, где росли кусты с маленькими листиками в виде сердечек. Листья были красные, зеленые, черные.

Сапонид повернулся к Гвилу:

— Я должен предупредить тебя, чужеземец. Это одно из наших священных мест, и обычай требует строго наказывать любого, кто наступит на эти листья.

— Я учту. Постараюсь не нарушать ваших законов.

Они очутились в густых зарослях. Откуда-то с ужасными криками выпрыгнули страшилища с горящими глазами. Конь Гвила шарахнулся в сторону и наступил на священные листья.

Откуда ни возьмись налетели сапониды, схватили коня под уздцы и стащили Гвила с седла.

— Стойте!— закричал он.— Что все это значит? Объясните мне!

Но его проводник укоризненно покачал головой:

— Ведь я только что объяснил тебе все!

— Но чудовища напугали коня!— пытался возражать Гвил.— Я не вижу в этом особого греха. Оставьте нас в покое, и мы отправимся дальше.

— Боюсь, что за осквернение священного места тебя ждет наказание. Протесты не помогут. Впереди суровое испытание. Существа, которых вы напугали,— безвредные домашние животные. Ты сам ехал верхом на животном, которое дернулось, хотя ты его и удерживал. Даже если ты извинишься, все равно будешь виноват в преступной неосторожности.

Твои действия непредсказуемы, и нам придется заново освятить осквернённую землю. Ты говоришь о случайности и сейчас, когда не сидишь на своем скакуне, а ведешь его под уздцы.

Итак, сэр Гвил, я вынужден признать твою вину и охарактеризовать ее как дерзость и неуважение.

Я, как сенешаль и сержант-распорядитель Литэна, вынужден арестовать любого правонарушителя. Пока не исправишься, мы подержим тебя в тюрьме.

— Вы что, издеваетесь?— взорвался Гвил.— Так жестоко обращаться с путником!..

— Ничего не могу поделать,— ответил сенешаль.— Мы гуманны: наши обычаи завещаны предками. Мы чтим прошлое больше, чем настоящее. Таковы наши законы!

Гвил внезапно успокоился.

—И какое наказание ждет меня?

Сенешаль заявил:

— Выучить наизусть три заповеди арестанта. Мне кажется, что это немного. Но за тобой будут следить!

Гвила поместили в темный, но хорошо проветриваемый подвал. Каменный пол был сухим, на потолке и стенах не было видно насекомых. Гвил остался в одиночестве и чувствовал себя очень неуютно. Светящийся кинжал у него отобрали.

Мысль юноши лихорадочно работала. Он лежал на камышовой подстилке, обдумывая ситуацию, и незаметно уснул.

Прошел еще один день. Пленнику исправно приносили еду и питье. Наконец его посетил сенешаль.

— Ты родился под счастливой звездой,— сказал сапонид.— Мы не нашли в твоем проступке злого умысла, а только невнимательность. Наказание могло быть очень суровым. Приказ предписывает три вида кары: первая — отрезать на ногах пальцы и вшить перец в кожу на шее; вторая — три часа бить преступника, а потом предать анафеме за осквернение святыни; третья — спустить виновного на дно озера в свинцовых башмаках и заставить найти утерянную Книгу Келлса.— Сенешаль благодушно смотрел на Гвила.

— Что же будет со мной?— сухо осведомился тот.

Сапонид пошевелил кончиками пальцев.

— Есть указ Воеводы. Ты должен поклясться, что никогда больше не будешь осквернять наши святыни и нарушать обычаи.

— Клянусь,— сказал Гвил и замолчал.

— И еще,— продолжал сенешаль с легкой усмешкой,— ты должен узнать, почему наши девушки никак не могут определить первую красавицу.

— Ужасно трудно,— пробормотал пленник,— не слишком ли велико наказание?

Сапонид принял глубокомысленный вид:

— Многие пытались решить этот вопрос... Каждый горожанин предлагает выбрать девушку из своей семьи: дочь, сестру, племянницу. Но вопрос должен

решить незаинтересованный человек. Тебя же никто не сможет обвинить в предвзятости, и ты вполне можешь нам помочь в выборе первой красавицы.

Гвил поверил в искренность сапонида, но его удивило, почему именно он должен выбирать красавицу.

— Что же будет, когда я все исполню?— поинтересовался Гвил.

Но сенешаль уже вышел, оставив дверь открытой.

Гвил, проведший в темнице несколько дней, был огорчен, что его костюм оставляет желать лучшего после стольких приключений. Он умылся, причесался, с грустью подумал, что выглядит достаточно неприглядно. Они с сенешалем поднялись на вершину холма. Обернувшись к спутнику, Гвил сказал:

— Вы сбещали показать дорогу.

Сапонид пожал плечами:

— Верно, но пока тебя освободили лишь временно, и ты должен нам помочь в выборе девушки. Всему свое время.

С холма Гвил увидел, что по озеру плывут три полукруглых лодки, нос и корма которых опущены в воду. Юношу это заинтересовало.

— Почему у вас лодки такой странной формы?

Сенешаль удивленно посмотрел на него:

— Разве у вас на юге не растут такие стручки?

— Ничего подобного я раньше не видел.

— Такие плоды растут на лозах-великанах, они имеют форму ятагана. Когда стручки созревают, мы их срезаем, очищаем, делая внутренний разрез, соединяем концы и сдавливаем, пока стручок не раскроется. Потом вставляем внутрь распорки, сушим, полируем, украшаем стручок резьбой, покрываем лаком — и корпус лодки готов.

Площадка, на которую они поднялись, была окружена высокими домами из черного дерева. Это было место, где проводятся собрания и праздники горожан.

Сами жители города, столпившиеся здесь, казались подавленными каким-то горем и безразлично взирали на происходящее.

Сотня девушек печально стояла в центре. Гвилу это зрелище казалось забавным.

Девушки были пестро одеты, их волосы, казалось, были умышленно растрепаны, а лица выглядели грязными и мрачными.

Гвил повернулся к своему проводнику:

— Этим девушкам, похоже, совсем не нравится стоять здесь?

Сенешаль криво усмехнулся:

— Скромность не позволяет им выделяться. Она всегда была характерной чертой сапонидок.

Но в душу Гвила прокралось сомнение.

— Что это за процедура? Я многого у вас не понимаю, и мне не хочется никого обидеть.

Сенешаль невозмутимо заявил:

— Здесь не может быть никаких обид. Мы обычно проводим конкурс как можно быстрее и проще. Ты пройдешь перед строем и укажешь ту, которая тебе больше понравится.

Гвил наконец понял, что от него требуется, и почувствовал себя дураком: идиотское наказание за нарушение нелепой традиции. Он решил побыстрее справиться с эти делом и направился к девушкам. Те смотрели на него с ненавистью и беспокойством. Его задача была не из простых, многие из девушек были миловидны, несмотря на выпачканные лица и гримасы.

— Встаньте в ряд,— попросил он,— так мне будет легче выбирать.

Насупившись, девушки подчинились.

Гвил начал осмотр. Сначала он решил отсеять сгорбленных, чахлых, толстых, с оспинами на лицах. Группа сократилась на четверть. Затем он сказал как можно мягче:

— Никогда не видел столько очаровательных девушек сразу. Любая из вас может победить. Мне выпала трудная задача. Я должен быть объективен, и, не сомневайтесь, я постараюсь выбрать самую прелестную из вас.

Пройдя еще раз вдоль шеренги, он попросил уйти нескольких девушек, которые ему чем-то не понравились.

Потом оглядел оставшихся и остался доволен — все были красивы. Из них он попросил еще кое-кого выйти. Перед ним были самые привлекательные.

Они зло смотрели на Гвила, когда тот, шагая вдоль поредевшей шеренги, заставлял ту или иную поворачиваться.

Но вот выбор сделан. Девушки заметили это; напряжение и беспокойство их возросли.

Гвил в последний раз прошел перед ними. Нет, он не ошибся в выборе. Все девушки были очень миловидны, с лучистыми глазами, лицами, похожими на цветы, гибкие, как тростник, с шелковистыми волосами. Несмотря на все ухищрения, они не смогли обезобразить себя.

Та, которую выбрал Гвил, была более спокойна, чем другие, и очаровательна. У нее было маленькое личико, огромные задумчивые глаза и прекрасные черные волосы с трогательной челкой. Ее нежная кожа цвета слоновой кости была прозрачна. Стан гибок и грациозен. «Настоящая королева красоты»,— подумал Гвил и взял ее за руку.

Глаза девушки расширились от ужаса.

Гвил потянул ее, упирающуюся, вперед, к Воеводе, сидевшему в кресле.

— Я выбрал эту, так как нахожу ее самой красивой.

Над площадкой повисла мертвая тишина.

Из груди сенешаля вырвался хриплый печальный стон.

Он, покачиваясь, вышел вперед с поникшей головой и дрожа всем телом.

— Гвил из Сферы, ты отомстил за мою хитрость. Это — моя любимая дочь Шири. Теперь она должна умереть...

Гвил с недоумением смотрел то на сенешаля, то на Шири.

Девушка была безучастна и глядела куда-то вдаль.

Гвил, заикаясь, проговорил:

— Ничего не понимаю! Я выбрал твою дочь как самую очаровательную девушку.

— Ты выбрал справедливо, Гвил из Сферы,— с

горечью сказал сенешаль.

— Ну тогда скажи, что я еще должен сделать, чтобы вы меня отпустили?— спросил Гвил.

Ему ответила:

— В трех милях на север лежат развалины, которые мы называем Музеем Человека...— голос сенешаля прервался.

— Ну, ну, я слушаю!— торопил Гвил.

— Ты должен проводить мою дочь в Музей. На воротах увидишь медный гонг, стукнешь и скажешь: «Мы из Сапониса».

Гвил нахмурился:

— Кто это «мы»?

— Это будет искуплением твоей вины,— прогремел сенешаль.

Гвил огляделся. Он стоял в центре площади, окруженный мрачными сапонидами.

— Когда я должен отправиться?— сухо спросил юноша.

Сенешаль жестко ответил.

— Сейчас Шири переоденется в желтое платье. Через час вернется, и вы отправитесь в Музей Человека.

— А дальше?

— Что будет потом, добро или зло, я не ведаю. До вас туда ходили тринадцать тысяч человек, и никто не вернулся.

Спускаясь с вершины холма по тропе, усыпанной листьями, рассерженный Гвил чувствовал дрожь во всем теле.

Нарушение этих дурацких обычаев повлекло за собой жертвоприношение.

Сенешаль подтолкнул его:

— Вперед!

— Жертвоприношение... Гвил содрогнулся от ужаса. Его колотило, ему хотелось то смеяться, то плакать. Страх сжимал сердце, ведь ему придется идти в Музей Человека не одному.

Позади остались высокие деревья и украшенные резьбой дома.

Наконец все спустились в тундру.

Внизу стояли восемь женщин в белых хламидах, с церемониальными коронами из соломы на головах. Они окружали желтую шелковую палатку.

Сенешаль подозвал Гвила к матроне, руководившей ритуалом. Та откинула полог палатки. Оттуда медленно вышла Шири. В ее темных глазах был ужас. Казалось, что материя, как обручами, стягивает ее тело. У платья был высокий воротник, подпирающий подбородок. Руки красавицы были обнажены, на спину спускался капюшон. Девушка походила на маленького пойманного зверька. Она смотрела на отца и Гвила, как на чужих.

Матрона мягко обняла ее за талию и подтолкнула вперед.

Шири робко сделала несколько шагов. Сенешаль подвел Гвила. Мальчик и девочка поднесли к ним чаши. Девушка равнодушно взяла свою; Гвил — свою, подозрительно рассматривая ее.

— Что это за зелье?

— Напиток,— ответил сапонид.— Выпей, дорога покажется короче, страх покинет тебя, и ты смелее перейдешь болото у Музея.

— Нет уж,— заявил Гвил,— я не стану пить, моя голова должна быть ясной при встрече с Хранителем. Я не хочу выглядеть глупо, не хочу качаться и спотыкаться!— И он вернул чашу мальчику.

Шири все еще смотрела на свое зелье. Гвил посоветовал:

— Не пей тоже, и мы доберемся до Музея, не утратив достоинства.

Нерешительно она протянула девочке свою чашу.

Сенешаль помрачнел, но промолчал.

Старик, одетый в черное, вынес атласную подушечку, на которой лежал кнут с резной ручкой.

Взяв кнут, сенешаль легонько ударил Гвила и Шири по спине.

— А сейчас уходите из Сапониса! У вас больше нет дома. Ищите помощь в Музее Человека. Я приказываю не оборачиваться. Забудьте прошлое, не думайте о будущем в Северных Садах. Сейчас вы освободились от всего плохого, что связывало вас с Сапонисом и сапонидами. Я прошу вас — уходите! Уходите!

Шири закусила губу, слезы текли по ее щекам, но она не издала не звука. С высоко поднятой головой она пошла в тундру. Гвил последовал за ней.

Они не оглядывались, лишь прислушивались к звукам за спиной. И вот вышли на пустынную равнину. Безграничная мрачная тундра заполняла все пространства и тянулась к горизонту, серовато-коричневая, но живая. На горизонте белели руины Музея Человека. Двое шли туда молча, по едва заметной тропе.

Гвил попытался заговорить:

— Почему мы молчим?

— Говори,— ответила ему Шири.

— Почему мы должны выполнить эту непонятную церемонию?

— Так было всегда. Разве этого недостаточно?

— Для тебя — может быть,— проворчал Гвил.— Но мне она ни к чему. Меня сжигает страстное желание все узнать, все прочувствовать. Всем овладеть в совершенстве — моя мечта.

Шири взглянула на него с изумлением:

— Все у вас на юге так любознательны?

— Нет, не все,— ответил Гвил,— не многие тянутся к знаниям. Большинство просто ищет еду, чтобы жить. Но я не такой.

— Зачем нужно что-то искать и исследовать? Земля охлаждается, человечество доживает последние годы. Так стоит ли отказываться от музыки, пиров, от любви?

— Конечно,— промолвил Гвил.— Полное согласие и любовь царят у вас в Сапонисе! Молва окрестила меня ненормальным, якобы злой дух поселился во мне. Может быть, но я одержим знаниями.

Шири сочувственно посмотрела на него:

— Скажи, может, я смогу облегчить твою тоску.

Гвил посмотрел на ее милое личико, чудесные волосы и огромные глаза, похожие на сапфиры.

— Я счастлив, что встретил тебя, и буду рад твоей помощи.

— Говори, говори,— повторила Шири,— Музей Человека уже близок.

— Почему нас прогнали с молчаливого согласия

всех горожан?

— Прямой причиной было то привидение, которое ты встретил на дороге. Когда оно появляется, мы в Сапонисе знаем, что к Музею Человека надо отправить самых красивых юношу и девушку. Откуда взялся этот обычай, я не знаю. Так будет продолжаться, пока светит солнце, а потом Землю окутает мгла; дождь, снег и ветер обрушатся на Сапонис.

— Но какова наша роль? Кто нас встретит? Что нас ожидает?

— Больше я ничего не знаю.

Гвил задумчиво предположил:

— Вероятность приятной встречи мала. Ты сомневаешься в доброте сапонидов и вообще всех существ, живущих на Земле; но я случайный путник, и мне по душе красивая молодежь твоего города.

Шири улыбнулась:

— Ты не исключение.

Гвил мрачно заметил:

— Мне трудно судить, ведь я для вас посторонний человек.

— Это так,— согласилась девушка.

Гвил посмотрел вперед:

— Давай не пойдем к Музею Человека, чтобы не испытывать судьбу! Уйдем в горы, а потом на юг, в Асколайс! Мне, вероятно, никогда не утолить своей жажды познания мира.

Девушка покачала головой:

— Ты считаешь, что можно перехитрить судьбу? Глаза сотен воинов следят за нами и будут следить, пока мы не войдем в Музей. Если мы этого не сделаем, с нас сдерут кожу и запрут в ящик со скорпионами. Таково традиционное наказание.

Гвил содрогнулся.

— Ну что ж... Мне всегда хотелось попасть в Музей Человека. Для этого я и отправился в путь из Сферы. Я найду Хранителя и удовлетворю свою страсть к познанию.

— С тобой отцовское благословение,— сказала Шири.— И твое заветное желание может исполниться.

Гвил не нашелся, что сказать, и дальше они шли молча.

Вдруг он остановился:

— Шири! Как ты думаешь, они не разлучат нас?

— Не знаю...

— Шири!

— Да?

— Мы встретились под счастливой звездой...

Девушка молчала. Они шли. Гвил смотрел вперед, на приближающийся Музей Человека. Внезапно Шири схватила его за руку.

— Гвил, я боюсь.

Он опустил голову, рассматривая землю.

— Посмотри, что это в лишайниках? Кажется, тропинка...

Шири засомневалась.

— Здесь прошло много ног,— Гвил едва сдерживал радость.— Было бы замечательно, если бы нам повезло! Мы должны быть очень осторожны. Ни на шаг не отходи от меня. Твоя красота будет хорошей защитой, и, может быть, мы останемся живы.

Шири печально ответила:

— Давай не будем обманываться, Гвил.

Они пошли дальше. Тропа стала четче, и его радость возросла. И чем ближе они подходили к Музею, тем шире становилась тропа.

И вот развалины Музея предстали перед ними. Если сокровищница здесь, то должен же быть какой-нибудь знак. Под ногами скрипел белый известняк, крошащийся, поросший сорняками.

По краям строения высились полуразрушенные монолиты разной высоты. Когда-то они поддерживали огромную крышу, которой больше не было, и стены тосковали о далеком прошлом.

Площадка, на которой они остановились, была ограничена разрушенными колоннами, она продувалась всеми ветрами, освещенная холодным красным солнцем. С мраморных развалин выдувалась пыль веков.

Те, кто строил Музей, тоже давно превратились в пыль и забыты.

— Подумать только,— тихо проговорил Гвил,— сколько мудрости хранят эти развалины! Но неужели Хранитель не сберег ее, и мудрость всех времен сме-

шалась с землей?

Шири понимающе кивнула.

— Я все думаю,— продолжал Гвил,— что же будет дальше? Что нас ждет?

— Гвил,— прошептала девушка,— я очень боюсь. Наверное, они нас разлучат, будут пытать и убьют. Меня всю трясет, когда я об этом думаю...

Во рту Гвила стало горячо и сухо. Оглянувшись, он сказал:

— Пока я жив и мои руки сильны, нам ничего не угрожает.

Шири тяжело вздохнула:

— Гвил, Гвил, зачем ты выбрал меня?

— А потому, что ты похожа на бабочку,— ответил он,— и опьяняешь, как сладкий нектар. Ты мне очень нравишься, и я не думал, что все закончится так печально.

Дрожащим голосом Шири еле слышно проговорила:

— Я должна быть смелой, ведь если бы выбор пал на другую девушку, ей бы грозила беда... А вот и дверь.

Вход вел в ближайший монолит, дверь была из черного металла.

Они подошли к ней, и Гвил легонько постучал в маленький гонг.

Петли заскрипели, дверь открылась, и на них пахнуло холодом подземелья. В черном проеме невозможно было ничего различить.

— Кто здесь?— крикнул Гвил.

Тихий, дрожащий, как бы плачущий голос отозвался:

— Идите вперед. Вас ждут.

Гвил напряженно вглядывался в темноту, пытаясь хоть что-нибудь разглядеть.

— Дайте свет, нам ничего не видно.

Еле слышно прошелестело в ответ:

— Свет не нужен. Ваш путь согласован с мастером.

— Ну уж нет,— заявил Гвил,— мы хотим видеть лицо нашего хозяина. Ведь мы пришли по его приглашению, значит, мы его гости, и нам нужен свет, чтобы

войти в подземелье. Мы пришли за знаниями — значит, мы почетные гости.

— Ах, знания, знания...— прошелестело в воздухе.— Что станется с вами, если вы слишком много будете знать о разных странных вещах? О, вы утонете в потоке знаний.

Гвил прервал этот стонущий глас:

— Ты не Хранитель? Сотни миль я прошел, чтобы поговорить с ним и расспросить его кое о чем.

— Нет, я даже не хочу слышать это имя, он очень коварен.

— Кто же ты?

— Я никто и ничто. Я нечто абстрактное, тайна страха, испарения ужасов, голос умерших.

— Ты говоришь как человек.

— А почему бы и нет? Мой голос может раздаваться и в самых светлых, и в самых темных закоулках человеческой души.

— Ты не сделаешь нам ничего плохого?— тихо спросил Гвил.

— Нет, нет, вы должны войти в темноту и отдохнуть.

— Мы войдем, если будет свет.

— В Музее Человека света не бывает.

— В таком случае,— заявил Гвил, вынув свой светящийся кинжал,— я изменю процедуру встречи. Здесь будет яркий свет!

Разлился яркий свет, дух издал зловещий вопль и, став мерцающей лентой, растворился. В воздухе витало лишь несколько светящихся пылинок.

Шири, боясь шевельнуться, стояла, как загипнотизированная.

— Зачем ты так?— спросила она, тяжело дыша.

— Право, я сам не знаю,— ответил Гвил.— Я не хочу унижаться ни перед кем. Я верю в свою судьбу и не боюсь.

Он стал поворачивать кинжал, и при его свете они рассмотрели дверь, вырезанную в скале. Впереди была темнота.

Ступив за порог, Гвил стал на колени и прислушался.

Кругом было тихо. Шири стояла позади Гвила,

широко раскрыв испуганные глаза. Гвил, взглянув на нее, почувствовал, как у него сжалось сердце от жалости: маленькое, нежное, беззащитное существо стояло за ним.

Опустив кинжал, он увидел лестницу, ведущую вниз, во тьму.

Свет играл их тенями.

— Ты боишься?— прошептала Шири.

Гвил повернулся к ней:

— Мы пришли в Музей Человека, и нельзя допустить, чтобы мешала всякая нечисть. Ты представляешь свой народ, я — свой... Надо быть готовым к встрече с врагом. Если мы решили назло всему пойти вперед, мы будем двигаться обдуманно. Я предлагаю идти смело вниз по лестнице, может, там мы найдем Хранителя.

— Но зачем его искать?

— Привидение что-то уж чересчур настроено против него.

— Ну что ж, пойдем,— решилась Шири.— Я готова.

— Мы идем навстречу приключениям!— торжественно сказал Гвил.— Не нужно бояться, и привидения будут исчезать с нашего пути, а с ними — и ужас подземелья. Вперед!

Они стали спускаться. Лестница извивалась, то расширяясь, то сужаясь. Молодые люди, осторожно ступая, медленно следовали по ней. Их черные тени причудливо изгибались на стенах.

Спуск закончился. Гвил и Шири очутились в помещении, похожем на верхнее. Перед ними была еще одна дверь, на стенах висели латунные тарелки с непонятными письменами.

Гвил толкнул дверь, в лицо ударил поток холодного воздуха. Вскоре сквозняк ослабел и наконец исяк. Тогда Гвил распахнул дверь шире.

— Эй, послушайте!

Откуда-то издалека доносился прерывистый треск. Звук был такой, что у Гвила встали дыбом волосы. Он сжал потной рукой ладошку Шири. Тускло мерцал кинжал. Гвил и Шири вошли в проем. Все тот же неприятный звук эхом отдавался в большом

зале, в котором они теперь стояли. Гвил осветил дверь. Та была из какого-то упругого черного материала. Стены — из полированного камня.

Осветив дальнюю стену, молодые люди увидели громоздкий ящик с медными выступами, а рядом — поднос с битым стеклом, на подносе была выгравирована замысловатая эмблема.

Потом они разглядели и другие такие же ящики, тяжелые и мрачные, стоявшие на одинаковом расстоянии друг от друга.

Пробираясь дальше, путники заметили, что неприятный звук начал отдаляться. Они шли гуськом, в темноте, на ощупь.

Стена закруглялась, за поворотом была дверь.

Гвил заколебался. Пойти в этом направлении — значило приблизиться к месту, откуда шел треск. В затруднении он обратился к Шири, но та только пожала плечами:

— Не все ли равно, куда идти? Раньше или позже, но привидения нападут на нас.

— Нет, пока у меня есть светящийся кинжал, они не посмеют расправиться с нами,— возразил Гвил.— Мы найдем Хранителя, может быть, он находится именно за этой дверью.

Он нажал плечом на дверь, та легко отворилась. Заглянув в нее, Гвил вскрикнул от удивления: в глаз ему хлынул золотистый свет. Юноша шире открыл дверь, Шири крепко вцепилась в его руку.

— Это Музей!— восхищенно воскликнул Гвил.— Кажется, здесь нам ничто не угрожает... Тот, кто живет среди такой красоты — должен быть добрым...

Свет лился из невидимого источника и, казалось, был соткан из мельчайших частиц, которые добавляли юноше и девушке силы.

На полу лежал огромный ковер, переливающийся всеми цветами радуги. Стены, отделанные драгоценными сортами дерева, были украшены резьбой и покрыты эмалью. На них висели гобелены, с вытканными сценками из быта давно ушедших цивилизаций.

Все это радовало и вселяло надежду.

Еще молодые люди обратили внимание на зеле-

ные мерцающие диски, по которым пробегали красные и черные точки — и оживали прекрасные цветы, рождались сверкающие созвездия.

Здесь были собраны самые поразительные сокровища, когда-либо созданные человечеством.

Дверь бесшумно закрылась за ними. Каждой клеточкой своего существа Гвил и Шири чувствовали, как перед ними проходит вся история Земли.

— Хранитель где-то близко,— прошептал Гвил.— Надо попытаться осторожно пройти в галерею.

Напротив них было две двери, в одной торчал ключ. Гвил тихо постучал, но ответа не дождался.

— Слишком таинственно. Может, не стоит рисковать?— Шири крепко держалась за его руку.

Но они все же вошли в галерею.

— Какое величие в этих сокровищах, оставленных предками,— прошептал Гвил.— Какие мастера исчезли во тьме веков! Какую чудесную память о себе оставили они... Сейчас ничего подобного уже не делают.

Шири смотрела на него, как на чудо. Ее глаза были прекрасны, и в душе Гвила рождалась любовь. Девушка почувствовала, что он дрожит, и шепнула:

— Гвил, я твоя и всегда буду с тобой...

Галерея завернула за угол. И опять в темноте возник тот противный звук. Казалось, он идет из дугообразного дверного проема.

Гвил решительно зашагал к этой двери, Шири последовала за ним. Они заглянули в комнату.

Огромных размеров голова смотрела на них от стены. Подбородок ее лежал на полу, волосы были небрежно закинуты назад.

Гвил отшатнулся. После увиденной красоты его поразило это гротескное уродство. Лицо было грубым и безобразным. Кожа отливала каким-то металлическим блеском, глаза зло сверкали из-под зеленоватых складчатых век.

Гвил обернулся к Шири:

— Не кажется ли тебе, что здесь, в Музее, слишком много необычного?

Глаза Шири были полны ужаса. Холодный пот струился по лицу. Дрожащими руками она схватила Гвила за плечо и потащила к выходу.

— Гвил!— кричала она.— Пойдем скорее отсюда!— Ее голос дрожал.— Скорее пойдем!

Юноша удивился:

— Что ты кричишь?

— Здесь так страшно!

— Но это же большая картина, написанная человеком с больным воображением.

— Она живая!

— Да нет же.

— Живая,— пролепетала Шири чуть слышно.— Сначала она посмотрела на меня, потом на тебя и зашевелилась. Тогда я потащила тебя.

Гвил нежно взял девушку за руку и недоверчиво заглянул за дверь.

— Ой...— выдохнул он.

Лицо изменилось, его оцепенение исчезло. Глаза смотрели на Гвила осмысленно. Губы кривились, изо рта вырывалось шипение. Вдруг рот раскрылся, явив огромный серый язык, на котором копошились щупальца, покрытые слизью. Один из таких мерзких отростков выстрелил и жадно схватил Гвила за ногу.

Гвил отпрыгнул, щупальце отпустило его. У Гвила от страха заболел живот, он выбежал в галерею. Щупальце потянулось к Шири, застывшей в углу.

Глаза чудовищной головы блестели, вялый язык раздувался, выпуская все новые и новые побеги.

Шири попыталась убежать, но споткнулась, глаза ее закатились, на губах выступила пена.

Ужасно закричав, Гвил выбежал вперед и рубанул кинжалом по щупальцу, но, звякнув, кинжал отскочил, как от металла. Гвил зубами вцепился в склизкую плоть и притянул щупальце к своему колену.

По лицу монстра пробежала дрожь, щупальца свернулись. Гвил схватил Шири, и они выбежали вон, оглядываясь через плечо, полные ужаса и отвращения. Рот головы закрылся, на лице появилась гримаса разочарования.

Потом Гвил увидел, что из ноздри вырвался

столб белого дыма, завихряясь он превратился в длинную фигуру в белой мантии.

У существа было вытянутое лицо с пустыми глазницами. Морщась от света и хныча, привидение, извиваясь, потекло в галерею, медленно и нерешительно.

Гвил остолбенел. Его мозг лихорадочно работал, пытаясь понять, чего еще можно ожидать. Может, стукнуть привидение кинжалом, и оно рассеется?

— Держи! Держи! Держи!— раздался обиженный голос.— Держи! Держи! Держи! Мои чары и заклинания... недобрый день для Торсингала... Но твой дух вылетит из тела.. Так говорю я! Иди, пока разрешаю... не злоупотребляй моим терпением. Таков приказ Ликурга из Торсингала. Убирайся!

Привидение заколебалось и... остановилось в нерешительности, устремив пустые глазницы на старика, который, хромая, вышел в галерею.

Еще мгновение, и привидение шмыгнуло обратно в ноздрю храпящего чудища. Голова зашлепала губами, зевнула, выпустив изо рта пламя, которое накрыло старика. Из жезла, закрепленного над дверью, метнулся искрящийся диск и разрезал языки пламени — оно исчезло в пасти монстра, но ему на смену вытекло что-то черное, превратилось в вихрь и поглотило искры.

Наступила мертвая тишина.

Первым нарушил ее старик:

— О, исчадие ада, ты хотело навредить мне, но мой верный жезл разрушил твое колдовство. Скоро ты превратишься в ничто. Почему бы тебе не убраться в Джелдред?

Огромный рот чудовища открылся, похожий на серую пещеру, глаза гневно засверкали. Голова истошно закричала. Такого жуткого вопля Гвил никогда не слышал. Из жезла с огромной скоростью вылетела серебряная стрела и ударила монстра. Раздался взрыв, лицо исказилось от боли, нос растекся бесформенной серой массой. Голова извивалась, как морская звезда, все больше увеличиваясь.

Старик произнес:

— Вы видели, как был повержен мой враг. И не

помешали старому Керлину исполнить свой долг. Вы чистосердечны, но равнодушны к добру и злу. Впрочем, хватит, жезл!

Голова вздохнула, ее веки поползли вверх. Керлин — Хранитель — пронзительно расхохотался и повернулся к молодым людям, которые стояли в дверном проеме, прижавшись друг к другу.

— Что это значит? Почему вы стоите? Ведь часы учебы закончились.— Старик погрозил пальцем.— Музей не место для бездельников. Идите домой в Торсингал, в следующий раз будете проворнее и не станете нарушать установленный порядок...— Он замолчал, бросив гневный взгляд через плечо.— День закончился скверно; Ночной Хранитель Ключа опаздывает... Конечно, я подожду этого лентяя, но сообщу Ликургу... Пожалуй, пойду к себе, отдохну, здесь не место старику. Не задерживайте меня, уходите!— И, жестом показав Гвилу и Шири на дверь, он пошел сам.

Гвил обратился к уходившему:

— Мой господин, мне очень нужно поговорить с вами!

Старик остановился и посмотрел на юношу.

— Ну что еще? Разве день не кончен? Вы нарушаете порядок, а этого никак нельзя допустить. Приходите ко мне завтра, и я выслушаю вас. А сейчас уходите.

Гвил опешил.

— Господин Хранитель,— легонько прикоснулась к нему Шири,— мы рады бы вас не беспокоить, но нам некуда идти.

Керлин равнодушно посмотрел на нее:

— Некуда идти? Что за чушь? Идите домой или в пубесцентарий, или в темпль, или в гостиницу. Ведь Музей не таверна.

— Мой господин!— отчаянно крикнул Гвил.— Выслушайте меня. Мы здесь по воле случая.

— В чем дело?

— Чье-то зло околдовало нас. Вам не кажется?

— Все может быть,— задумчиво проронил Хранитель.

— Нет Торсингала! Здесь вокруг нет жилья, про-

сто пустое место. Ваш город давно исчез!

Хранитель ласково улыбнулся:

— Очень жаль... Печальный случай. Беда с этой молодежью. Все куда-то торопятся,— и укоризненно покачал головой.— Ах, да. Мне ясно, что нужно сделать. Вы должны хорошенько отдохнуть. Простая гуманность вынуждает помочь людям. В любом случае Ночной Хранитель Ключа не развеет моей скуки.— Старик кивнул.— Пойдемте! Не заставляйте меня ждать.

Гвил и Шири нерешительно пошли за ним.

Керлин открыл одну из дверей и вошел, ворча под нос что-то неразборчивое. Молодые люди — следом.

На стенах комнаты были какие-то золоченые шишки. В центре помещения стояло зачехленное кресло, а в стороне — высокий сундук с резными кольцами.

— Вот — кресло Знаний,— пояснил Керлин.— Оно регулирует Образец Ясности, настраивается само. Я смог бы исправить ваши чувства, но из гуманистических соображений не стану этого делать.

— Господин Хранитель, кресло Знаний может подействовать и на меня?— встревоженно спросил Гвил.

— В твоей голове все перепутано, и контакт будет чрезвычайно затруднен. Ученые, изучающие нервную систему человека, с помощью кресла могут судить о способностях наблюдаемого. Ведь для того чтобы исправить, надо сначала хорошенько понять.

— Если я сяду в кресло,— спросил Гвил,— что вы будете делать?

— Включу контакт. Это тебя ошеломит. Через тридцать секунд загорится лампочка, которая оповестит об окончании всздействия. Проделав обратные манипуляции, я восстановлю твои силы.

Гвил переглянулся с Шири:

— Ты что-нибудь понимаешь?

— Да, Гвил,— прошептала девушка.

— Хорошо, покажите, как мне сесть,— обратился Гвил к Хранителю.

— Сядь и расслабься. Я прикрою козырьком твои

глаза, чтобы не отвлекалось внимание.

Наклонившись над креслом, Гвил стал рассматривать прибор.

— Ничего не понимаю...

Хранитель от нетерпения подпрыгнул:

— Для этого нужен особый дар,— и сел в кресло сам.

— Как пользоваться козырьком?

— В этом-то все и дело,— Керлин закрыл лицо пластинкой, расслабился и вздохнул.

Шири огромными глазами смотрела на Гвила.

— Он умер?

— Кажется, нет.

Их глаза не отрывались от обмякшего тела. Шли секунды.

Издалека послышался звон и торжествующие крики. Гвил бросился к двери. В галерею втекали и вбегали привидения. За ними Гвил увидел и огромную голову. Ее глаза сверкали. На нелепом подобии ушей болтались красные сережки.

Стена треснула и развалилась. Огромное щупальце схватило Шири за руку. Девушка закричала от ужаса. Гвил побледнел и задрожал, хлопнув дверью по ближайшему привидению. То просочилось в дверь, медленно, клочками тумана.

«Только Керлин может управлять волшебным жезлом,— сердце готово было выпрыгнуть,— только он...»

Гвил бросился к спящему Хранителю: «Проснись, пожалуйста, проснись!» — умолял он мысленно старого волшебника.

Керлин открыл глаза. Он смотрел на Гвила. Сзади толпились привидения. Бесформенные белые фигуры колебались, пустые глазницы горели угрозой.

Керлин продолжал сидеть. Одно из привидений дрогнуло. Руки, похожие на крылья, держали какие-то грязные комья. Призрак швырнул свою ношу на пол, комья взорвались, превратились в черный порошок. Облако пыли заволокло комнату, на глазах порождая мириады гудящих насекомых, которые, в свою очередь, формировали в воздухе тела мерзких существ с обезьяньими головами.

Хранитель зашевелился.

— Жезл...— прохрипел он и протянул руку.

Привидение ухватилось за жезл. Но из жезла брызнул красный свет. Привидение отшатнулось от роя частиц, превратившихся в алых скорпионов. Началась свирепая битва.

Отовсюду неслись крики и визг. Часть обезьяноголовых существ сразу же погибла, остальные убежали.

Другое привидение потянулось к жезлу. Но из того вновь вырвался красный свет, и привидение исчезло.

— Керлин!— закричал Гвил.— Демон в галерее!

Хранитель не мешкая кинулся к двери.

— Жезл!— кричал он.— Выполняй приказ!

Демон за дверью пробурчал:

— Нет, старик еще силен, мне не удастся с ним справиться. Придется убраться.— И, заслонив на мгновение дверной проем своей мерзкой мордой, разозленный, он отправился восвояси.

— Жезл!— повторил Керлин.— Будь внимателен!

Жезл выскользнул из его рук.

Керлин обратился к молодой паре:

— О многом бы мне хотелось поведать вам, но пришел мой час, я умираю. Скоро Музей осиротеет. Пока не поздно, я должен еще кое-что сказать...— Хранитель с трудом подошел к двери и защелкнул замок.

Гвил и Шири, пытаясь понять, о чем он говорит, тихо стояли у стены.

— Подойдите,— нетерпеливо позвал их Керлин.— Силы покидают меня.

Гвил и Шири подошли. Все, что интересовало Гвила раньше, отошло, стало казаться неинтересным.

Керлин оглядел их с легкой усмешкой.

— Перестаньте бояться и торопитесь. Мне осталось совсем мало времени, сердце бьется все слабее, не дышится.

Старик с трудом поднял руку и поманил молодых людей за собой вглубь комнаты. Там Керлин упал в кресло. Поглядывая на дверь, Гвил и Шири сели на пол у его ног.

Керлин усмехнулся:

— Не бойтесь белых фантомов! Они заперты в галерее под охраной жезла. Только когда меня не станет, жезл перестанет действовать. Вы должны знать, что энергию моего мозга поддерживает могущество Музея, который вечен. Я лишь сижу и управляю.

— Но кто же такой Демон? Как он проникает сквозь стены?

От вопроса Гвила Керлин помрачнел.

— Это — Блидак, Правитель злых сил Джелдреда. Он проделал дыру в наш мир, сидит и ждет моей смерти. Когда я не смогу сдерживать его с помощью моего жезла, он вырвется на волю и принесет много вреда людям.

— Почему же нельзя прогнать его и залатать проделанную им дыру?

Хранитель только покачал головой.

— Я не могу контролировать могущество дикой стихии в мире злых духов, суть этого мира мне неизвестна. Демон окружен оболочкой его мира, и в ней он в безопасности. Но погодите, хватит о Блидаке, расскажите мне о себе. Зачем вы здесь? И что нового в Торсингале?

Гвил, запинаясь, проговорил:

— Торсингал исчез. Вокруг музея лишь тундра, да чуть поодаль — старый город Сапонис. Я пришел с юга, чтобы поговорить с вами и поучиться у вас. Шири из Сапониса, она жертва древнего обычая, который требует посылать самых красивых девушек в Музей Человека на растерзание Блидаку.

— Нет,— вздохнул Керлин.— Это я вызывал из города молодежь, чтобы Блидак не скучал...

Шири недоуменно пожала плечами:

— Но зачем? Зачем ему люди?

Керлин мрачно буркнул:

— Молодость — игрушка для него. Он забавлялся, удовлетворяя свои чудовищные инстинкты, отвлекаясь от стычек со мной, отодвигая этим мою смерть. Он посылает привидения, чтобы требовать молодых и красивых людей.

— Вот, значит, что ожидало меня...— прошептала Шири.

— Я не понимаю,— сказал Гвил.— У меня не укладывается в голове. Все это так несуразно. Блидак — ничто, но походит на человека. Он и его привидения, крылатые, с горящими глазницами, выплеснутся на Землю, и наступят ее последние дни?

— Зло и мерзость окутают человечество, жестокость и содом, скотские похоти, немыслимые извращения будут разрастаться подобно злокачественной опухоли. Блидак покажет, на что он способен. Вы увидите, как он превратит все, что еще осталось на планете, в прах, испытывая от этого громадное удовлетворение. Но хватит о Блидаке. Мне тяжело, я умираю!— И Керлин откинулся на спинку кресла.— Все плывет перед глазами. Трудно дышать. Моим костям нужен отдых. Я жил наукой, своей фанатичной преданностью ей и не замечал, как бежит время. Пролетели годы, столетия и эпохи — они летели, как искры. Но, похоже, даже вечность не бывает достаточно долгой...

Шири, побледнев, оттолкнулась от старика:

— Что же случится, когда вас не будет? Что тогда? Блидак...

— Разве в Музее Человека нет сведений, как расправиться с Демоном?— прервал ее на полуслове Гвил.

— Блидака нужно уничтожить,— сказал Керлин,— тогда и мне станет легче умирать, я буду спокоен за судьбу Музея.— Он облизнул губы.— В древних рукописях написано, что надо разрушить вещество Демона, его природу,— и он посмотрел на Гвила.

— Но как?— спросил юноша.— Блидак никогда не допустит этого.

— Нужно ловить подходящий момент. Вам пригодятся кое-какие инструменты...

— Привидения — часть субстанции Блидака?

— Конечно.

— Можно ли их использовать в своих целях?

— Я думаю, что это можно сделать с помощью света. Надо попытаться.— Керлин приподнял голову.— Жезл! Впусти одно из привидений!

Спустя секунду послышалось царапанье в дверь и тихое повизгивание.

— Открой,— попросил всхлипывающий и дрожащий голос.— Открой и выпусти юных существ к Блидаку. Они помогут развеять его тоску.

Керлин с трудом поднялся.

Голос из-за двери продолжал:

— Я пленник сверкающих бриллиантов.

— Сейчас откроем,— сказал Гвил,— уничтожив привидение, сможем расправиться и с Блидаком.

— Попробуйте,— согласился Керлин.

— Почему нет света?— спросила Шири.— Лучи могут развеять привидение.

— Но этого мало, Блидак не столь уязвим и может спастись в своей дьявольской дыре.

Керлин задумался и немного погодя показал на дверь:

— Мы выйдем и попытаемся расчленить привидение на части, чтобы узнать, что оно из себя представляет. Гвил из Сферы, ты должен помочь мне, я очень слаб.

Старик оперся на руку Гвила. Шири шла за ними. Они вышли в галерею. Там рыдало привидение, заключенное в световую пентаграмму.

Не обращая внимания на прозрачные слезы, Керлин приблизился к призраку. Он и его спутники были окружены светом, отпугивающим привидения.

— Откройте ворота!— хрипло приказал Хранитель.— Ворота в Хранилище Знаний.

Шири, шагнув вперед, толкнула дверь и проскользнула за нее. Она вглядывалась в темноту огромного зала, пятно света из галереи уменьшилось и наконец исчезло.

— Кричите, зовите Люмена,— попросил Керлин.

— Люмен!— закричал Гвил.— Люмен, сюда!

В огромном зале словно рассвело, стало видно, как колышутся пилястры. Это изумило молодых людей.

На равных расстояниях друг от друга здесь стояли знакомые черные сундуки с медными шишечками. И над каждым из них висело по пять рядов таких же сундуков. Они покачивались в воздухе, ни к чему не прикрепленные.

— Что это?— удивленно спросил Гвил.

— Мой бедный мозг хранит только сотую часть

тех знаний, что заключены здесь,— отозвался Керлин.— Вот величайшее хранилище знаний ушедшего человечества. Здесь собраны все факты истории, легенды и сказания миллионов городов с начала их существования до гибели, здесь записаны этапы развития человечества. Годами я работал в этом зале, но смог лишь поверхностно охватить панораму различных отраслей знаний.

— Нет ли здесь указаний, как уничтожить Блидака?— спросила Шири.

— Конечно, есть, мы должны их только разыскать, вычленить из общей массы. Будем искать по разделам: «Страна Демонов», «Умерщвление зла», «Толкование и уничтожение зла», «История Гранвилумдов» (в ней могут быть разъяснения, как прогнать Демона), «История Гипероднетса», «Лечение галлюцинаций» и «Сотворение привидений». Просмотрим Творческий дневник новостей с разделом о нашествии демонов, припомним процедурные советы времен Риска. Все это и еще кое-что.

— Этого нам не постичь за целую жизнь!— воскликнула девушка.

— Но у нас нет каталога Знаний, значит — предельно сложно отыскать что-то конкретное.— Керлин задумался, а потом воскликнул:— Вперед! Вперед к познанию сути!

Трое прошли в глубину хранилища, словно тараканы в лабиринте, оставив за собой световую пентаграмму с воющим привидением внутри.

Наконец вошли в комнату, где воздух был напоен странным запахом. И снова Керлин велел Гвилу позвать Люмена. Не дождавшись ответа, они свернули в паутину коридоров. Гвил не задавал вопросов, хотя от любопытства у него даже болела голова.

— Посмотрите,— кивнул он в темноту.

К ним плыло с измученным видом привидение в белых одеждах. Лицо привидения становилось все яснее, участки «кожи» под пустыми глазницами приобретали шероховатость и неровность. Лицо покрывалось нарывами и распухало от света.

— Смотрите!— кричала Шири.— Оно колышется и словно бы распадается на нити.

Гвил резко повернулся к Керлину. Тот поднял палец, велев молчать, и подвел всех к странного вида машине.

— Постойте-ка. Мне пришла хорошая мысль использовать ротор крайней скорости для наматывания познавательных нитей. Посмотрите: вот я подхожу к привидению, выдергиваю нитку и прикрепляю. Нить наматывается на катушку ротора, и мы начинаем вращать ручку...

Шири засомневалась:

— А привидение не обратит внимание на ваши манипуляции?

— Ничего не заметит,— успокоил Хранитель.— Оно сейчас слишком занято собой. Я сейчас выпущу его из пентаграммы.

Привидение выбралось наружу, дрожа от смертоносного света.

— Иди!— крикнул Керлин.— Уходи отсюда!

Привидение попятилось.

Керлин сказал Гвилу:

— Ступай следом и посмотри, что будет, когда Блидак вдохнет привидение в себя.

Гвил тихонько пошел за привидением, он видел, как оно исчезло в темной ноздре Демона. Потом вернулся в хранилище. Керлин ждал его у ротора.

— Привидение соединилось с Блидаком.

— Сейчас,— отозвался старик,— мы заставим ротор крутиться. Бобина закрутится, а мы посмотрим.

Ротор быстро вращался, бобина длиной с руку Гвила стала сматывать нити призрачной плоти привидения. Первая нитка была синяя, потом пошли нити светлее, а в конце нить стала цвета молока и слоновой кости.

Ротор вертелся с огромной скоростью. Нити, невидимые Блидаку, накручивались на бобину.

Ротор крутился. Бобины толстели, напоминая теперь толстые шелковистые цилиндры. Хранитель остановил ротор, Гвил вставил новую бобину, и сматывание Блидака продолжалось.

Три бобины, четыре, пять... Гвил издали наблюдал за чудищем. Гигантская голова была неподвиж-

на, ее рот открыт, в волнении она издавала резкий треск.

Восьмая бобина: Блидак открыл глаза и в замешательстве начал вращать ими, обшаривая взглядом комнату.

Двенадцатая бобина: на его щеке появилось бесцветное пятно, Блидак задрожал.

Двадцатая бобина: бесцветное пятно разрослось во все лицо, губы обвисли. Монстр раздраженно шипел.

Тридцатая бобина: голова Блидака стала разлагаться, запахла, приобретя цвет вороненой стали.

Пятидесятая бобина: голова опала, лоб съежился, покрылся морщинами, глаза потухли.

Шестидесятая бобина: Блидака больше не было.

Исчез Блидак, исчезла дыра в Джелдред — страну демонов.

Шестьдесят первая бобина лежала на полу тонкая и чистая. Она так и не понадобилась.

Керлин прислонился к стене.

— Все кончено. Можно умереть. Я хорошо охранял Музей. Мы победили Блидака. Теперь пришло наше время. Музей Человека остается на вас.

— Зачем его охранять? Все равно скоро наступит конец,— сказала Шири.— Земля угасает, как и вы... Для чего теперь нужна наука?

— Сейчас она нужна нам даже больше, чем прежде,— задыхаясь, проговорил Керлин.— Посмотрите: в небе светят звезды. Они прекрасны. Реки текут в благословенные края. Но лишь наука придает смысл всей этой красоте. А я ухожу, умираю...

— Подожди,— закричал Гвил.— Умоляю тебя.

— Чего ждать?— прошептал Хранитель стынущим голосом.— Я ухожу с миром, не зови меня обратно.

— Что нужно достать из развалин?

— Ключ индекса моей жизни...— и Керлин умер.

Гвил и Шири поднялись наверх и стояли у входа на древних каменных плитах.

Была ночь.

Под ногами слабо поблескивал мрамор. Разрушенные колонны тянулись к звездам.

Из тундры сквозь ветви деревьев пробивался желтый свет из Сапониса. Высоко в небе сверкали звезды.

Гвил обратился к Шири:

— Там Сапонис — твой дом. Ты хочешь вернуться к отцу?

Девушка отрицательно покачала головой:

— Мы вместе прошли трудный путь, а в Сапонисе меня никто не ждет.

Гвил оглянулся на развалины, потом поднял голову.

— Мир наш. Он зовет нас. Что ждет впереди?

Они вместе смотрели на звезды.

Что их ждет?..

СОДЕРЖАНИЕ

Последний замок 9
Дома Исзма 89
Сын дерева 197
Умирающая земля 307

Литературно-художественное издание

ДЖЕК ВЕНС
ПОСЛЕДНИЙ ЗАМОК
Последний замок. Дома Исзма.
Сын дерева. Умирающая земля: Романы.

Редактор *А. Г. Бобита*,
Художественный редактор *В. Г. Еременко*
Корректоры *Д. М. Поливанова, И. Л. Морева*

Подписано в печать с оригинал-макета 5.04.93. Формат 84x108/32. Бумага офсетная. Гарнитура Школьная. Печать высокая. Усл. печ. л. 24,4. Тираж 50 000. Заказ
Подготовка оригинал-макета МП «Информатика и техника». 310002, г. Харьков, ул. Маршала Бажанова, 28, к. 102.
Издательство «Гермес». 344092, г. Ростов-на-Дону, ул. Комарова, 11.
Отпечатано в ИПК «Царицын». 400066, г. Волгоград, Привокзальная площадь.